

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ISSN 0038-5050

1990

• НАУКА •

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Омский государственный университет и Омское областное отделение Всероссийского фонда культуры объявляет сбор средств на сооружение памятников выдающимся ученым-этнографам и путешественникам России, жизнь и деятельность которых была связана с городом Омском. В 1992 г. в Омске намечено открыть памятник к 150-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842—1894), русского исследователя Сибири и публициста; в 1993 г. — памятник к 150-летию со дня рождения Михаила Васильевича Певцова (1843—1902), знаменитого русского исследователя Центральной Азии; в 1995 г. — памятники к 160-летию со дня рождения Чокана Валиханова (1835—1865), казахского просветителя, отечественного исследователя истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана и Западного Китая и Григория Николаевича Потанина (1835—1920), русского исследователя Центральной Азии и Сибири, общественного деятеля России.

Добровольные взносы на создание этих памятников могут быть перечислены предприятиями, организациями, учреждениями и отдельными гражданами на счет Омского отделения Советского фонда культуры № 000702302 в Омское областное управление жилсоцбанка или переслать по адресу: 64409 г. Омск, ул. Гагарина, д. 22, Омскому фонду культуры.

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

Сентябрь — Октябрь

1990

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

О новой Конституции СССР (Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко; В. А. Тишков;
К. В. Чистов; М. Н. Губогло, Э. В. Тадевосян) 3

С. А. Арутюнов (Москва). Об этнокультурном воспроизводстве в республиках 20
Ю. Ю. Карпов (Ленинград). К проблеме ингушской автономии 29

Статьи

А. А. Сусоколов, В. В. Степанов (Москва). Малочисленный этнос: вопросы на-
циональной и социальной политики (на примере вепсов) 34
С. А. Козлов (Грозный). Пополнение вольных казачьих сообществ на Северном Кавказе
в XVI—XVII вв. 47
Т. Туен (Тромсё, Норвегия). Культурная и этническая непрерывность коренных народов
Севера: некоторые атропологические подходы 56
А. Э. Имхоф (Берлин). Планирование жизни на весь срок. Последствия увеличения
продолжительности и определенности жизненного пути за последние 300 лет 65

Дискуссии и обсуждения

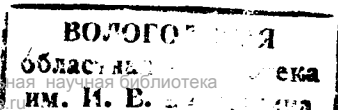
К. У. Гейли (Бостон). Диалектика пола в процессе формирования государства 84

Из истории науки

Н. В. Зеленова-Чешихина (Москва). Иван Константинович Зеленов — исследова-
тель культуры и быта народностей Прикамья и Приуралья 98
Г. В. Цулая (Москва). Леонид Иванович Лавров — исследователь народов Кавказа. 107

Сообщения

Н. А. Гурошева (Киев). Традиционные девичьи и женские головные уборы украинок и их
роль в свадебной обрядности (середина XIX — начало XX в.) 114
Ю. А. Асоян (Улан-Удэ). Реликты ранних представлений о природе в традиционной куль-
туре бурят 126
А. В. Гринев (Барнаул). Личные имена индейцев тлинкитов 132

Научная жизнь

З. П. Соколова (Москва). Съезд малочисленных народов Севера (взгляд этнографа).	142
Р. Меркене, Я. Моркунене (Вильнюс). Конференция, посвященная вопросам исследования культуры литовцев	146
А. Н. Давыдов (Архангельск), П. Саариниеми (Вардё, Норвегия). Научная конференция в Норвегии, посвященная 200-летию города Вардё	148
В. Р. Арсеньев (Ленинград). Международный симпозиум «Сбор, хранение, реставрация и экспонирование предметов традиционного африканского искусства»	151
А. Г. Осипов (Москва). «Этничность, народ и каста» (индийско-советский семинар). Коротко об экспедициях	153

Критика и библиография

Общая этнография

Т. А. Бернштам (Ленинград). Этнографическое изучение знаковых средств культуры.	155
Е. В. Головки (Ленинград). Р. Г. Ляпунова. Алеуты. Очерки этнической истории	158

Народы СССР

И. С. Гусева (Минск). А. И. Микулич. Геногеография сельского населения Белоруссии.	160
Н. В. Мгеладзе (Тбилиси). Т. Dragadze. Rural Families in Soviet Georgia (A Case in Ratcha Province)	162
Н. И. Каплан (Москва). Н. В. Кочешков. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР	164

Юлиан Владимирович Бромлей	167
Алексей Иванович Робакидзе	170

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
 В. П. Алексеев — акад. АН СССР; С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
 Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
 Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, А. Н. Кожановский (зам. главн. редактора),
 Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц,
 Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов,
 В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
 телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

© 1990 г.

О НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР

Мы продолжаем публикацию прикладных аналитических материалов, которые представляют собой практические предложения ряда сотрудников Института этнографии относительно содержания статей новой Конституции СССР, так или иначе затрагивающих тему национальных отношений в нашей стране. Национальный вопрос, оказавшийся чрезвычайно сложным и многообразным в своих проявлениях, стремительно вошел в число наиболее важных аспектов нашего бытия, и стало очевидно, что от отношения к нему, от умения решить непрерывно порождаемые им конкретные проблемы зависит судьба не только отдельных граждан, но и всего общества, судьба нашего государства как в настоящем, так и в обозримом будущем. Естественно, что национальная проблематика ныне весьма популярна и широко обсуждается. В этих условиях точка зрения специалистов, профессионально изучающих этнические общности, приобретает особое значение.

Читатель убедится, однако, что о единой позиции в данном случае говорить не приходится. В публикуемых рекомендациях отразились различия — подчас очень глубокие и принципиальные — в понимании этнонациональной ситуации, в представлениях о том, какие меры следует предпринять для ее трансформации и каков должен быть результат, какие проблемы являются первоочередными, каковы причины кризисов и конфликтов в национальной сфере и т. д. Сам предмет разговора таков, что позиция каждого из его участников определяется не только его «техническим», чисто исследовательским подходом, но и общеполитическими и даже идеологическими ориентациями. В данном случае, однако, это не только неизбежное, но и необходимое условие плодотворного обсуждения.

© 1990 г.

Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко

1. Общие положения. Кризис советского общества, порожденный серьезными идеологическими, политическими и социально-экономическими деформациями, нанес тяжелый ущерб этническому развитию народов СССР, состоянию межэтнических отношений. Это в свою очередь усиливает кризис, затрудняет прогрессивные преобразования в обществе, порождает центробежные, деструктивные тенденции, угрожающие целостности и даже существованию СССР как суверенного государства. В период сталинизма и позднее допускались прямые нарушения прав народов, от чего особенно страдали этнические меньшинства союзных республик. Наконец, сама национально-государственная система СССР не только не гарантировала равноправие народов, но и в значительной степени препятствовала его обеспечению.

Устранение указанных недостатков возможно не иначе как через радикальную перестройку общества, прежде всего его экономических и политических структур. Не менее радикальной реформы требует также вся система регулирования этнических процессов и межэтнических отношений. Платформа «Национальная политика партии в современных условиях», принятая сентябрьским

1989 г. Пленумом ЦК КПСС, может рассматриваться как первый шаг в этом направлении. Необходимо, однако, углубить и скорректировать многие ее положения, правильно расставить акценты, а в конечном счете сформулировать научно выверенную политическую концепцию, основывающуюся на понимании роли, места и закономерностей развития этнического (национального) в системе явлений общественной жизни.

Этносы — это специфические общности людей, отличающиеся по своим функциям, происхождению и законам развития от других социальных общностей: государственных, территориальных (региональных, локальных), социально-экономических, социально-культурных, политико-идеологических и т. д. Главная социальная функция этноса — объединение людей на основе осознаваемой ими исторической преемственности собственной духовной общности и отличия ее от других аналогичных общностей. Ее внешнее выражение — особенная (этническая) культура, включая, как правило, язык^{*}.

Индивид является одновременно членом нескольких социальных общностей (от семьи до государства и мирового сообщества в целом). Поэтому обычно этнос сопряжен с социально-экономическими и политическими структурами, но лишь постольку, поскольку его члены в процессе жизнедеятельности вступают *между собой* (так же, как и с членами других этносов) в соответствующие общественные отношения. Эти структуры не образуют этнос, а взаимодействуют с этнической структурой общества.

Государство, и как политическая надстройка общества, и как территориально-политическое образование, не является обязательным условием этнического развития, подобно тому как существование общества, его экономическая или духовная жизнь не обусловлены государством. Реализация принципа национальной (этнической) государственности, т. е. государственности данного этноса и для данного этноса, неизбежно ведет к неравноправию народов и граждан, изоляции народов друг от друга и от достижений мировой культуры, искусственному ограничению экономических связей, осложняет межэтнические отношения территориальными претензиями и трениями на почве экономических интересов, искажает характер всех видов общественных отношений, самих этнических процессов в силу вмешательства в ход этих процессов публичной власти.

Для СССР характерны все неизбежные недостатки искусственного взаимоналожения общественных структур в результате их огосударствления. Национально-территориальный принцип внутреннего государственного устройства страны нашел выражение в иерархической системе этнических статусов^{*}, которая по существу предполагает неравноправие народов и ограничение возможностей для развития этнических меньшинств, составляет потенциальную основу межэтнических конфликтов. Совмещение такого национально-государственного устройства с территориальной структурой организации экономики еще больше увеличивает разрыв в неравенстве народов, отрицательно влияет и на развитие самой экономики, оказывающейся в административном подчинении государственных ведомств соответствующих национально-территориальных образований.

При сохранении этой системы и в условиях наблюдаемого ныне лавинообразного роста национализма и сепаратизма станет неизбежностью возвращение к тоталитарному режиму, способному, как это было прежде, обеспечить государственную целостность СССР и относительную безопасность граждан от трагических последствий межэтнических конфликтов. Такой поворот будет означать отказ от перестройки советского общества, закроет ему путь к социальному прогрессу^{**}.

II. Цели политики государства. Государство (в лице его законодательных и исполнительных органов всех уровней) не должно ставить перед собой задачу

^{*} Мировая практика показывает, что этносы могут существовать и развиваться и в том случае если они не имеют каких-либо культурных и даже языковых особенностей.

^{**} Союзная республика, автономная республика, автономная область, автономный округ. Более половины народов СССР вообще не имеют каких-либо форм самоуправления.

придать процессам этнического развития какую-либо определенную направленность, стимулировать те или иные тенденции.

Задача государства — в создании благоприятных возможностей для свободного от административного вмешательства развития всех народов, этнических групп и этнических общин при обеспечении национального равноправия и прав граждан. В более широком плане государство на современном этапе развития советского общества призвано обеспечить высвобождение созидательного потенциала естественных механизмов общественных процессов, наилучшим образом использовать объективные интеграционные тенденции на благо общества.

III. Принципы политики. 1. Эффективное и справедливое регулирование в сфере этнического развития и межэтнических отношений возможно только в демократически организованном гражданском обществе путем осуществления его принципов; в качестве формы организации гражданского общества выступает правовое государство. Общедемократическим принципам гражданских прав и равенства граждан перед законом следует отдать приоритет перед всеми прочими социальными (классовыми, этническими) ценностями, что в действительности будет означать ликвидацию иерархии таких ценностей. При этом исчезнет или значительно упростится проблема соотношения прав и интересов личности, этнических групп, общества. Выдвижение же этнических интересов в качестве приоритетных сделает невозможными демократизацию и общества в целом и межэтнических отношений в частности. ●

Правовое государство отрицает принцип этнической (национальной) государственности как противоречащий международным правовым актам, которые осуждают неравноправие народов, дискриминацию по любым признакам, в том числе по расовому и этническому, по происхождению или месту жительства¹. Для правового государства «человек является основным субъектом процесса развития и должен быть активным участником и бенефициарием права на развитие»².

2. Построение гражданского общества предусматривает его относительное отделение от государства не только в сфере публичной власти (через различные формы народовластия), но и в экономике (включая формы собственности), культуре, этническом развитии.

Главная роль в этнокультурном развитии СССР должна принадлежать им самим — через самостоятельную инициативу и самоорганизацию (культурное самоопределение) этнических общин и этнических групп при необходимости поддержке со стороны государства.

Экономика должна строиться на принципах регулируемого государством в интересах и под контролем общества рынка. Государство не может ограничивать осуществляемые в рамках закона экономические связи и деловую инициативу товаропроизводителей, являющихся наряду с потребителями действительными и единственными субъектами экономических отношений.

Государство не следует строить по этническому признаку, т. е. административно-территориальные образования не должны обладать статусом национально-административных территорий.

3. СССР представляет собой федерацию самоуправляющихся территорий, в основе которой лежат принципы разделенного суверенитета между субъектами федерации и федеральным государством и верховностью последнего в пределах его компетенции, определяемых Конституцией СССР. К числу прерогатив и обязанностей федерального (союзного) государства относится обеспечение прав и равноправия граждан и этнических групп на всей его территории.

4. Политика государства должна быть реалистичной, соответствовать потребностям текущего момента и в то же время ориентироваться на перспективу. Радикальная перестройка системы регулирования межэтнических отношений предполагает поэтапность и учет конкретных политических, экономических, социальных и морально-психологических условий жизни общества.

5. Политика государства может быть эффективной только при опоре на науч-

ный и конкретный политический анализ ситуации в стране, разрабатываемые решения» на прогнозирование и моделирование последствий этих решений.

IV. Ближайшие задачи заключаются в стабилизации ситуации в стране, осложнившейся в результате соединения общих проблем перестройки общества с национальными (этническими) проблемами; в проведении первоочередных реформ и подготовке к более радикальным преобразованиям.

А. В области прав человека и этнических прав.

1. Привести Конституцию СССР в соответствие с международными актами, касающимися прав человека и народов.

2. Разработать и ввести в Конституцию СССР законодательные нормы, касающиеся этнических прав. Особое внимание уделить квалификации права на этническое самоопределение.

3. Этносам, этническим группам и этническим общинам предоставить общепризнанное законом (но не актами исполнительной власти) право создавать культурные ассоциации, клубы, центры, фонды и тому подобные объединения, а также собственную издательскую базу, выпускать периодические и другие издания.

Возможно, в бюджетах местных властей, расходуемых на культурное развитие, следует предусмотреть дотации на поддержание национально-культурных объединений.

4. Полностью восстановить в правах депортированные народы на основании Декларации, принятой Верховным Советом СССР, вплоть до восстановления при желании этих народов утраченных ими в прошлом национально-территориальных образований. Их реабилитация не должна сопровождаться ущемлением прав других граждан и народов.

5. Включить в Конституцию СССР право граждан на свободу передвижения и выбора места жительства, отменив при этом прописку.

6. Отменить записи о национальной принадлежности граждан в личных документах, а также в служебных и иных документах, касающихся личности граждан.

7. В законодательстве СССР о языках предусмотреть: конституирование государственного языка СССР; свободный выбор языков обучения и изучения в школе без исключения для государственных языков СССР, союзных и автономных республик; определение категорий государственных служащих, для которых знание соответствующих языков народов СССР является условием для занятия должностей или продвижения по службе; ответственность по закону государственных служащих за дискриминацию граждан по признаку этнической принадлежности, включая языковой признак.

Б. В области государственного и административно-территориального устройства СССР.

1. Сознвая несовершенство национально-территориальной структуры СССР и порочность самого национально-территориального принципа государственного устройства, необходимо тем не менее заморозить эту структуру на ближайшие годы, не допускать пересмотра границ союзных республик и автономий. Исключения могут составлять лишь некоторые случаи, отмеченные ниже.

Признавая «Конвенцию о коренных и ведущих племенной образ жизни народах независимых стран» (принята МОТ 24 июня 1989 г.), целесообразно реорганизовать автономные образования малых народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, предоставив этим народам особый статус и особые этнические права.

Допустимо, при желании соответствующих групп населения, создание национально-территориальных образований низших уровней (область, округ, район, сельский Совет) *.

* Первоначально для тех этносов, которые не имеют иных форм самоуправления, а в дальнейшем для всех этнических групп, проживающих за пределами своих союзных республик или автономий. В свете общей концепции, отрицающей целесообразность существования каких-либо этноправовых статусов, это предложение выглядит непоследовательным. Оно, однако, рассчитано лишь

Целесообразно рассмотреть вопрос о переносе столицы РСФСР в другой город и о предоставлении Москве (как столице СССР) и Московской области статуса федерального округа, входящего непосредственно в состав СССР.

2. Включить в законодательство о местном самоуправлении положения о самоуправлении в области культуры, народного образования и средств массовой информации с целью удовлетворения этнических потребностей населения независимо от наличия или отсутствия у данной территории какого-либо национально-административного статуса.

3. Значительно расширить права автономии всех уровней, определив пределы их подчинения вышестоящим органам государственной власти.

4. Нецелесообразно переходить к принципу *постоянной договорной основы* организации федеративных связей, поскольку этот принцип противоречит природе федеративного государства, каковым является СССР*.

Неправомерной является также идея о допустимости разнообразия типов федеративных отношений внутри государства, так как это приведет к неравноправию субъектов федерации, а возможно, и к ее ослаблению в результате частичного перехода к конфедеративным началам**.

5. Определить порядок применения ст. 72 Конституции СССР о праве свободного выхода союзных республик из его состава, имея в виду учет интересов и прав союзных республик, СССР в целом и населения, проживающего на данной территории***.

6. Учитывая, что Совет Национальностей Верховного Совета СССР не выполняет своих прямых функций, так как является главным образом органом представительства союзных республик, а не народов****, изменить порядок его формирования или ограничиться однопалатным парламентом.

В. В целях повышения компетентности политики и эффективности принимаемых законов: 1. Организовать систему постоянной научной экспертизы подготавливаемых законопроектов на всех стадиях разработки и обсуждения.

2. Ввести в практику работы Верховного Совета СССР, его комитетов и комиссий открытые слушания по законопроектам с участием специалистов.

3. Создать при Верховном Совете информационно-консультационный центр по вопросам национальной политики.

4. Создать систему консультации государственных органов научными учреждениями на договорной основе, включая регулирование правовых и финансовых вопросов сотрудничества.

Г. В области экономики. 1. Разработать и приступить к внедрению программы перевода экономики на территориальный принцип организации в соответствии с исторически сложившимися, естественными и целесообразными экономическими связями, взяв за основу самостоятельность и вневедомственность товаропроизводителей.

2. Осуществляя децентрализацию государственной собственности, устранить неравноправие союзных республик, автономий, краев и областей в использовании их природных и иных ресурсов.

3. Пересмотреть принятые законы, ослабляющие целостность экономической и финансовой систем СССР и ставящие товаропроизводителей в прямую зависимость от государственных органов союзных республик.

Д. Меры по предотвращению и урегулированию межэтнических конфликтов.

1. Использовать имеющееся законодательство, а при необходимости и усюна промежуточный период, в течение которого будет происходить переход от этнотерриториального к чисто коммунальному самоуправлению (см. следующий пункт).

Путем договора создавались некоторые существующие федеративные государства, но все они функционируют исключительно на основе Конституции.

Ссылки на национальные особенности в данном случае несостоятельны, поскольку не существует никакой национальной (этнической) специфики государственного устройства.

*** Полное осуществление принципа добровольности членства в СССР требует изучения вопроса о праве Союза ССР исключить из своего состава те союзные республики, которые систематически игнорируют общесоюзные законы.

**** Сегодня в нем представлены лишь 53 из 130 народов СССР.

вершинствовать его для пресечения общественно опасных проявлений национализма и расизма, включая: привлечение к ответственности по закону за националистическую и расистскую пропаганду, роспуск националистических, расистских, профашистских организаций, закрытие печатных органов, систематически ведущих националистическую и расистскую пропаганду.

2. Четко регламентировать применение силы и действия правоохранительных органов, войск МВД и Советской Армии в условиях чрезвычайного положения. Преобразовать внутренние войска в профессиональный кадровый корпус.

3. Законодательно определить возможность и условия вывода автономии из состава союзных республик с переподчинением, их непосредственно Союзу ССР.

V. Перспективные задачи. 1. Этнические границы в значительной степени утрачивают свое значение в системе административно-территориальных образований, а границы последних — в развитии этносов и этнических групп. Это, однако, приведет не к исчезновению этносов, сложившихся этнокультурных и историко-культурных регионов, а к их освобождению от каких-либо государственно-политических статусов. Административно-этнические статусы сохраняют только общины малых народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока.

2. СССР преобразуется в федерацию преимущественно политико-территориальных (а не национально-территориальных) образований. Число субъектов федерации увеличивается за счет крупных автономий, краев, областей или объединенных областей крупных союзных республик.

Возможны и другие комбинации существующих ныне территорий: объединение двух или более союзных или автономных республик, объединение союзной или автономной республики с соседними территориями и т. д.

3. Происходит перемещение значительной части прав от вышестоящих органов власти к нижестоящим (район и ниже). Это будет гарантировать действительное самоуправление народа, равноправие и самоопределение всех этнических и полиэтнических групп населения и общин, широкие возможности для свободного культурного развития. Таким образом, складывается система коммунального самоуправления граждан.

4. Отменяется право выхода каких-либо территорий из состава СССР.

5. Реализуется программа реформирования экономической системы (см. IV. Г.).

В результате СССР останется единым и сильным государством с апробированным мировой практикой федеративным устройством, причем федеративный принцип во многом распространится и на низшие уровни публичной власти. Народное хозяйство будет функционировать на базе экономических регионов и районов со своими координационными (сугубо хозяйственными) органами и кредитно-финансовыми учреждениями.

VI. Чрезвычайный вариант. Развитие политической ситуации в стране может поставить общество перед альтернативой: 1) сохранение СССР в его нынешних границах при ослаблении его внутренних политических и экономических связей, а возможно, и при изменении общественного строя в некоторых союзных республиках; 2) сохранение и упрочение внутреннего единства СССР при падении или исключении из него соответствующих республик.

В этом случае оправдан выбор такого варианта, который будет соответствовать главным задачам перестройки общества, т. е. его демократизации и повышению эффективности экономики. С одной стороны, следует признать целесообразным отделение от тоталитарного государства тех его частей, которые стремятся к демократическому общественному устройству, а с другой стороны — целесообразно сохранять в составе демократического государства такие его части, которые препятствуют демократизации.

* Отражает личную точку зрения С. В. Чешко.

Не исключено также, что потребуются всеобщий референдум для подтверждения федеративных принципов государственного устройства СССР. В таком случае возможна немедленная реализация перспективной программы с последствиями (или без них) по второму варианту, отраженному в настоящем разделе. Превращение же СССР в конфедерацию, т. е. в союз государств, будет означать распад и исчезновение государства, созданного в 1922 г.

Приложение

VII. Понятия и определения *

1. *Именованье этнических общностей.* В науке остается спорным вопрос о значении и возможности употребления терминов «нация», «народность», «коренные народы» и «некоренные народы». Их использование в сферах жизни, политики и массовой пропаганды порождает неясности и споры, а нередко и определенную психологическую напряженность в отношениях между народами. Для целей государственной политики целесообразнее ограничиться следующими понятиями.

Этнос — этнические общности людей независимо от их происхождения, численности, характера расселения и положения в обществе.

Народ — в этническом значении, как синоним этноса.

Этническая (национальная) группа: а) совокупность представителей любого данного этноса, проживающих на данной территории; б) часть этноса, пространственно отделенная от него.

Национальность: а) национальная (этническая) принадлежность, т. е. принадлежность индивида к тому или иному этносу; б) совокупность людей, принадлежащих к тому или иному этносу, т. е. применительно к современности — практически синоним этноса.

Народы СССР — все народы (включая этнические группы во втором значении этого термина), проживающие на его территории, независимо от их происхождения или наличия государственности за его пределами.

2. *Положение этноса в обществе.* *Этническое* (национальное) *меньшинство* — этническая группа, в пределах данной территории уступающая по численности преобладающей этнической группе.

Этническое (национальное) *развитие* — воспроизводство тех специфических сторон общественного бытия, которые образуют этносы и отличают их друг от друга (культура, язык, особое самосознание), а также изменение этих сторон на базе собственных традиций этносов и иноэтнических заимствований.

Этнические потребности — потребности в обеспечении тех условий, при которых возможно этническое развитие.

Этнические интересы — осознаваемые и выражаемые людьми этнические потребности. Их следует отличать как от других видов общественных интересов (экономических, социальных, политических), так и от этнических «сверхинтересов», направленных не на обеспечение этнического развития, а на достижение каких-либо преимуществ для одних этносов по отношению к другим.

Межэтнические (межнациональные, национальные) *отношения* — отношения между этносами на групповом и личностном уровнях. Субъекты межэтнических отношений — этносы и этнические группы, но не государственные или административно-территориальные образования.

Этнические права: а) совокупность групповых прав людей, связанных с возможностью удовлетворения этнических потребностей; б) совокупность прав индивида отождествлять себя с избранной этнической группой и удовлетворять в ней свои культурные потребности.

Этническое (национальное) *самоопределение* — область этнических прав, включающая: а) право этнической группы свободно определять пути и средства своего культурного (включая языковое) развития; б) право этнической группы создавать на занимаемой ею территории органы самоуправления и определять формы самоуправления как в рамках данного государства, так и вне их. Мировая практика показывает, что реализация этого права сопряжена с большими трудностями, нестабильностью политической ситуации во внутригосударственных и межгосударственных отношениях, может вызывать острые межэтнические конфликты.

¹ См., например: Устав ООН; Всеобщая декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1976 г.; Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 20 ноября 1963 г.; Итоговый документ Венской встречи 1986 г. и др.

² Декларация о праве на развитие // ООН. Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на 41-й сессии. Доп. № 53 (A/41/53), Нью-Йорк, 1987. Ст. 2.

© 1990 г.

В. А. Тишков

Кризис советского общества особенно остро проявился в сфере межэтнических отношений. Он показал, что в рамках существующей Конституции СССР невозможно обеспечить их гармонизацию и стабильность. В последнее время неоднократно предпринимались попытки выработать соответствующую программу реформ, что отразилось в рекомендациях различных научных учреждений, в платформах, принятых сентябрьским 1989 г. и февральским 1990 г. Пленумами ЦК КПСС. Наметилась определенная тенденция к пересмотру прежних взглядов на характер и существо национальных процессов в СССР, однако формирование «нового мышления» в этой сфере общественной жизни и политики явно запаздывает. Это отражается и на законопроектах и на некоторых уже принятых Верховными Советами СССР и союзных республик законах.

На наш взгляд, этнология тоже может внести посильный вклад в общее дело, опираясь на свой богатый опыт изучения жизни народов СССР. При этом мы отдаем себе отчет в том, что сильная политизация сферы межэтнических отношений и связанных с нею вопросов государственного устройства СССР, как и сложность собственно теоретических проблем, исключают достижение единого мнения между учеными не только в частных, но и в принципиально важных аспектах реорганизации советского многонационального общества. Поэтому ожидать и требовать от науки некой абсолютной истины в этой области было бы крайне опрометчиво. Законодателям следует быть готовыми к необходимости оценивать конкурирующие, возможно, взаимоисключающие проекты реформ, искать разумные компромиссы, оставаясь в то же время на избранных ими принципиальных позициях, которые могут быть определены только на базе мирового опыта, ведущих тенденций общественного развития, права, морали, стремления к социальному прогрессу. Вместе с тем ученые должны корректировать свои рекомендации в соответствии с конкретной ситуацией в обществе, готовность его к восприятию и реализации тех или иных реформ.

Практика показывает, что привычные формы взаимоотношений науки и государственных органов (предоставление рекомендательных записок, консультации и т. п.) недостаточны для выработки компетентных и эффективных политических решений. При такой системе практическим работникам бывает очень трудно разобраться в существе научных рекомендаций, отдать предпочтение тем или иным вариантам. Зачастую преимущество получают те научные учреждения или группы ученых, которые пользуются большим «официальным» весом.

По-видимому, целесообразно ввести в практику работы палат и комиссий Верховного Совета СССР открытые слушания по законопроектам с участием специалистов. Институт этнографии АН СССР, Межведомственный научный совет по национальным процессам и Центр по изучению национальных отношений АН СССР готовы принять в такой работе самое активное участие.

Все имеющееся в науке разнообразие точек зрения на пути реформирования государственного устройства СССР в контексте межэтнических отношений может быть в самом общем плане сведено к нескольким основным положениям.

В определении типа государственного устройства СССР противостоят следующие точки зрения.

1. СССР — единое федеративное государство; его структурообразующим началом является сам принцип единого государства. При этом имеется в виду, что существование СССР обусловлено некими факторами исторического, экономического, социального и политического характера, а не объединением союзных республик как самоцелью. Иными словами, первичными (хотя и не единственно значимыми) признаются федеративное государство и соответствующие его целям общественные ценности, а не субъекты федерации и их политический суверенитет.

Такое государственное устройство основывается на принципе разделенного суверенитета между субъектами федерации и федеральным государством при верховенстве последнего. Договорная основа существования федерации сводится к акту ее образования и не допускает постоянного подтверждения или разрыва договорных отношений наподобие межгосударственных.

Описанный тип федерации значительно преобладает в зарубежных странах и больше всего соответствует смыслу принципа федерализма. Наиболее последовательными «федералистами» долгое время и в значительной мере до сих пор выступает большинство наших юристов и правоведов.

2. Государственное устройство СССР определяется принципом суверенитета союзных республик как самостоятельных государств.

Этот подход допускает различные варианты государственного устройства: федерация с элементами конфедерализма, конфедерация, комбинация федеративных и конфедеративных структур в зависимости от особенностей и позиции тех или иных союзных республик. При любом из них СССР понимается скорее как союз государств, нежели как единое государство.

Признается, что такое образование должно функционировать на основе постоянно действующего, регулирующего внутренние связи договора или системы договоров.

3. Реформирование СССР должно выражаться в его унитаризации. Эта точка зрения в наши дни имеет очень мало приверженцев, но основывается она на вполне корректном положении о том, что форма государственного устройства не определяет политический строй общества, т. е. и унитарное государство, и федеративное государство могут быть в равной степени демократическими или недемократическими. Указывается также на то, что большинство зарубежных стран развитой буржуазной демократии представляют собой унитарные государства при зачастую многоэтничном составе населения (Великобритания, Испания, США и др.).

В моделировании демократического общества СССР существуют два принципиальных подхода.

1. Демократическое гражданское общество определяется характером экономических, социальных и политических отношений между гражданами (и общест-

При этом обычно имеется в виду официальное наименование СССР. Между тем в Конституции 1924 г. СССР определяется именно как (союзное) государство. Таким образом, речь может идти или о внутренней реорганизации СССР как государства, или о ликвидации его и построении Союза государств в конфедеративной или какой-либо иной форме. Само же название государственного образования может и не отражать характера его внутренних связей. Так, Швейцария официально именуется конфедерацией, но реально представляет собой федерацию.

Ошибочно также высказывающееся иногда утверждение, что союзное государство является промежуточной формой между федерацией и конфедерацией. В действительности союзное государство и федерация — это практически одно и то же.

вом в целом) и государством. Его построение осуществляется в результате разгосударствления всех сфер общественной жизни и выделения прав человека со всеми другими видами социальных ценностей.

2. Признается приоритетность прав человека и цель — демократизация общества. В то же время формой демократического общества считается национальная государственность, т. е. обладание (или право обладания) каждым народом-этнотом собственной государственностью в той или иной форме, а на первый план выдвигаются «священные права» нации как наиболее зрелого типа этнической общности.

Аналогичные разногласия имеются в вопросе о национально-государственном принципе построения СССР:

1. Поскольку принцип национальной государственности ставит народы неравноправное положение, провоцирует межэтнические конфликты и способствует центробежным тенденциям, от него следует отказаться, перестроив федерацию на чисто территориальной основе подобно большинству (за исключением только СССР и СФРЮ) федеративных государств мира. При этом субъекты федерации, как и автономии, утратят статус национальных государств, но сохранят все права самоопределившихся и самоуправляемых гражданских сообществ, включая право на сепарацию, т. е. полное отделение.

2. Принцип национальной государственности должен быть сохранен, поскольку он отвечает потребностям национального развития народов СССР и выражает принцип национального самоопределения. Необходимы, однако, изменения, цель которых смягчить каким-либо образом неравенство статусов союзных республик и автономий, обеспечить реализацию права на создание своей государственности всем народам СССР.

Сторонники именно этого принципа настаивают на конфедерализации СССР, хотя последнюю допускают и некоторые ученые, выступающие за деэтнизацию государственного устройства.

Соответственно различаются взгляды и на способы обеспечения прав народов и возможностей для их национально-культурного развития.

1. Предоставление всем народам тех или иных политических статусов (национальное государство, автономия) не решит проблемы и просто нереально. Главные средства достижения цели — безусловное обеспечение гражданских прав и широкое местное самоуправление, в том числе в сферах школьного образования, культуры, информации, которыми в равной мере должны пользоваться все группы населения, как однопациональные, так и многонациональные.

2. Сохранение существующей системы национально-политических статусов при распространении ее на другие народы необходимо для обеспечения прав народов.

Полное уравнивание в статусах всех народов (т. е. практически создание 13 союзных республик) предлагается сравнительно редко. Чаще всего имеет в виду иерархическая, как и ныне, система статусов при некотором или довольно значительном увеличении числа союзных республик. На деле это означает сохранение неравенства прав народов, что иногда оправдывается тем, что все народы не могут быть равны, а «статусные» народы союзных республик действительно могут претендовать на известные правовые преимущества в силу исторической связи с занимаемой ими территорией.

Дискуссии ведутся и вокруг понятия права на национальное самоопределение.

1. Это право признается нерушимым и главным в организации многонационального общества и регулировании межнациональных отношений. В качестве

* При этом смешиваются равноправие и равенство условий жизни. Первое представляет обязательным, а второе — невозможным.

аргументов в его пользу приводится ленинский лозунг о праве наций на самоопределение и наличие на этот счет международных правовых актов. Но при этом сознательно или неосознанно игнорируется то обстоятельство, что во всем мире понятие «нация» отождествляется с понятием «согражданство», а в международных документах о праве на самоопределение слово «нация» отсутствует, ибо реально самоопределяется народ той или иной территории, и его состав этнически обычно неоднороден.

2. Существует проблема соотношения прав человека, права национальностей на самоопределение и принципа суверенитета государства, целостности его территории. В отечественном, как и в международном праве, эта проблема не имеет четкого и однозначного толкования, хотя в некоторых международных правовых актах содержатся ссылки на приоритетность прав человека.

Кроме того, реализация права на самоопределение может приводить к ущемлению интересов (в том числе того же права на самоопределение) этнических меньшинств.

Поэтому следует определить содержание понятия «самоопределение» с учетом всех сопутствующих аспектов. В принципе же право на национальное самоопределение неизбежно будет утрачивать свое политическое содержание, ограничиваясь в ряде случаев сферой культуры. Субъектам политических прав должны считаться население, общество и его территориальные части, т. е. в конечном счете граждане, а не этнос.

Оппозиции, подобные приведенным выше, неизменно проявляются при рассмотрении и других вопросов. В целом можно говорить о существовании двух концептуальных систем, которые, правда, в разработках ученых и в политических программах нередко пересекаются, что нарушает логическую последовательность этих разработок и снижает их практическую применимость.

Одна из этих концепций в своих главных положениях традиционна для отечественной науки, идеологии, правовой и политической практики. Она исходит из идеи национальной государственности и рассматривает все остальные вопросы сквозь призму этой идеи. На этой же идее основывается существующее государственное устройство СССР со всеми вытекающими из него преимуществами и недостатками для развития общества и отношений между народами СССР. Сколько-нибудь радикальные реформы на основе этого принципа невозможны, за исключением одного — превращения СССР в конфедерацию с перспективой отделения от него некоторых союзных республик. Не следует ожидать и необратимой стабилизации межэтнических отношений.

Вторая концепция заключается в «отделении» национального (этнического) как особой и самостоятельной сферы общественной жизни от государственности (а также от экономики). Она предусматривает действительно радикальные реформы, которые, если достигнут своей цели, выведут СССР на апробированный многими зарубежными странами путь развития. Однако эти реформы также могут резко обострить ситуацию в стране в силу доминирования в массовом сознании «национально-государственных» стереотипов и противодействия националистических сил. Поэтому сторонники данной концепции предлагают реализовывать ее поэтапно, используя возможности и первой концепции, т. е. путем сочетания принципов территориального и национально-территориального самоуправления. В частности, согласно одному из вариантов, на первом этапе предлагается осуществить следующие меры: 1) полное восстановление в правах депортированных народов, включая возвращение этим народам исконных территорий; 2) в национально-государственной структуре СССР оставить только два звена — союзные республики и автономные республики — сблизив их по правовому положению; 3) предоставить особый статус и особые права малым народам Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока и др., облегчить возможности создания национально-культурных ассоциаций любыми группами населения.

Представляется достаточно очевидным, что законодотворчество должно основываться на какой-то генеральной концепции понимания перспектив ее реализа-

ции, а не только лишь на сиюминутных потребностях и импульсивных реакциях законодателей на возникающие в обществе проблемы. Пока что деятельность высших законодательных органов СССР, судя по уже принятым законам и подготовленным законопроектам, касающимся государственного устройства СССР и регулирования межэтнических отношений, идет скорее по второму пути, чем по первому. Видимо, на данном этапе следует ограничиться лишь самыми насущными законодательными актами, цель которых обеспечить четкую правовую основу существующих внутригосударственных связей, защиту прав граждан и народов, равноправие, одновременно создав необходимые условия для обобщающей концептуализации планируемых радикальных реформ. Поэтому, в частности, представляется поспешным принятие закона «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР». Во-первых, он может оказаться вообще излишним, если в законе о местном самоуправлении будет оговорен весь комплекс вопросов культурного развития и национально-культурного самоопределения, которые могут и должны решаться на местном уровне, на основе волеизъявления самого населения. Во-вторых, уже сейчас он больше используется в качестве дополнительного аргумента в свою пользу не «меньшинствами», на которых и был рассчитан, а также частью граждан республик, которые по этому закону составляют «коренную нацию», и для которых республиканская государственность является «своей» (а значит другие живут под юрисдикцией «не своей» государственности?).

Ясно, что такие некачественные законы только разъединяют людей еще больше и сеют семена новых конфликтов в будущем, даже если СССР перестанет быть единым государством.

© 1990 г.

К. В. Чистов

Формула самоопределения нации, права каждой нации на самоопределение подвергается сейчас многостороннему анализу. Обычно говорится о том, что самоопределение предполагает суверенитет национально-культурный, экономический, политический (и/или государственный). Речь идет о природе суверенитета, его возможных и оптимальных границах и т. д. Не отвергая важности этих весьма актуальных проблем, я хотел бы обратить внимание на другой их аспект. Я уверен в том, что в новой Конституции СССР должно быть четко обозначено не только право нации (народа) на самоопределение, но обязательно и право на самоопределение этнических групп, и право каждого человека (гражданина) на национальное самоопределение.

Под этнической группой я в этом случае имею в виду как группы, имеющие свой «материнский» этнос за рубежами нашей страны (например, болгары и гагаузы в Молдавии, венгры, словаки и поляки на Украине, финны, немцы, и др. в составе Российской Федерации и т. п.), так и некоторые другие случаи. Я не ставлю здесь задачу перечислить все этнические группы, проживающие в Советском Союзе, а просто называю некоторые в качестве примера. Любая этнограф в состоянии этот список продолжить.

Под другими случаями я имею в виду не большие народы, которым по тем или иным причинам и в тех или иных обстоятельствах отказывают в праве называться самостоятельными, а называют локальными группами (обычно родственного но другого народа. Примеров таких тоже много. Один из наиболее ярких — памирские народы в составе Таджикистана. Не буду сейчас рассматривать этот вопрос подробнее — сошлюсь на дискуссию, недавно состоявшуюся на страницах журнала «Советская этнография» (1989, № 5). Можно привести и другие не

менее известные и актуальные примеры. Являются ли турки-месхетинцы, пережившие недавно подлинную трагедию, турками или отуреченными грузинами? Несомненно, это интересная этнографическая проблема и, вероятно, она может решаться по-разному. Но дело не в исторических разысканиях, а в современном самоопределении (самосознании) месхетинцев. Если они считают себя турками, мы обязаны их признать таковыми, какие бы по нашему разумению факторы на протяжении истории ни влияли на формирование современного самосознания этой группы.

Может показаться, что это схоластический и формальный подход. Не все ли равно, как называться? Но это не так. Признавая ту или иную группу самостоятельным народом (или самостоятельной этнической группой), мы признаем тем самым, его право на свой язык, культуру (школы, хотя бы начальные, печать, радиовещание и др.), на создание национально-культурных землячеств, в конечном счете, на выбор той или иной формы самоуправления (хотя бы национальный район или сельсовет), именно поэтому право каждой этнической группы, т. е. группы, имеющей общее самосознание, считать себя отдельным народом или локальной группой какого-либо народа должно быть не только признано, но и законодательно закреплено.

И второй вопрос — о праве каждой личности на национальное самоопределение. Это второй вопрос не менее, если не более, важен, так как в нашей недавней истории имела место насильственная и противозаконная практика принудительного определения национальности. Примеров и этих достаточно. Особенно часто это практиковалось при выдаче паспортов детям из национально-смешанных семей. В каких-то случаях по милицейскому произволу считалось, что ребенок должен «получить» национальность матери (Российская Федерация), в других (некоторые республики Кавказа и Средней Азии) — по отцу. Наконец, если кто-то из родителей принадлежал к какому-то народу, подвергнутому официальной, полуофициальной или неофициальной дискредитации (калмыки, крымские татары, немцы, некоторые народы Северного Кавказа, евреи и др.), то считалось, что он должен быть записан как принадлежащий к этой национальности. Любое иное желание рассматривалось при этом как попытка «уйти от ответственности» (за что — неизвестно!). В борьбе с такими попытками еще в 1972 г. распоряжением Верховного Совета СССР запрещалось гражданам СССР менять свою национальность!

Сравнительно недавно, как мне уже приходилось отмечать¹, и в общей прессе и в научных изданиях обсуждалась судьба вепсов — малочисленного народа, говорящего на одном из прибалтийско-финских языков и расселенного в восточной части Ленинградской области, в Карелии и западной части Вологодской области. Вепсам по совершенно непонятным причинам до сих пор отказывают в праве восстановить национальный район, существовавший в 1920—1930 гг. И, что не менее важно, как было недавно установлено полевым обследованием (З. Я. Строгальщикова)², при сселении из так называемых «неперспективных деревень» в села со смешанным населением значительное число переселенцев-вепсов было по какому-то неведомому распоряжению внесено в похозяйственные книги русскими, а вслед за этим стали получать паспорта, где тоже значились русскими.

Как это ни удивительно, даже по переписи 1979 г. в ряде случаев вепсы были записаны русскими. Переписчики при этом утверждали, что вепсы не числятся в списке народов СССР, приготовленном к переписи, что было или невежеством, или явным обманом. Списки народов к переписи публиковались не только в специальных изданиях, но и в «Советской этнографии»³. Кстати, вот пример типичного статистического «перевертыша»! Перепись оказывается не способом выяснить, сколько народов и этнических групп у нас существует в действительности, а способом расписать население по заранее заготовленному списку, как бы квалифицированно он ни составлялся.

Подобное же случилось и с ижорой — другим небольшим финноязычным народом Ленинградской области. Это как бы облегчалось тем, что у ижоры, так же

как у вепсов общие с русскими православные имена и фамилии, сходные по своей модели с русскими.

Таких примеров можно привести множество. Человеческая личность в нашем государстве должна быть защищена от посягательств на ее право национально-го самоопределения, как бы это посягательство ни мотивировалось. Это должно быть зафиксировано в Конституции, так же как право любой этнической группы на самоопределение, о чем мы уже говорили.

Надо иметь в виду, что эти проблемы могут приобрести новую остроту в связи с развитием суверенитета союзных и автономных республик, в состав населения которых входят этнические группы и отдельные инонациональные и национально-смешанные семьи. Не менее актуальны эти вопросы и для наших городов, особенно перешагнувших порог миллиона, поскольку они все многонациональны.

И — последнее. В поисках конституционных решений и формулировок мы теперь неизменно обращаемся к опыту демократических государств. Это очень важно, так же, как безусловное соблюдение пятипроцентного правила ООН, накладывающего на национальное общество каждой страны и каждого народа определенные обязательства по отношению к национальному меньшинству. Однако важен не только положительный, но и отрицательный опыт, который также накопился в самых разных регионах земного шара. Я имею в виду Северную Ирландию, Бельгию, Канаду, Шри Ланка, Ближний Восток, курдскую проблему и многое другое, вплоть до румынско-венгерских и австро-словенских отношений. Тщательный анализ всех этих ситуаций нужен прежде всего для выработки механизма предупреждения конфликтов. Известно, к сожалению, что для нашей страны до сих пор было характерно отставание от темпа развития межнациональных процессов в глобальных масштабах. Содействовать ликвидации подобного отставания — общественный долг этнографии.

Примечания

¹ Сов. этнография. 1988. № 6; 1989. № 5.

² Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989.

³ Брук С. И., Козлов В. И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Сов. этнография. 1967. № 6.

© 1990 г.

М. Н. Губогло, Э. В. Тадевосян

1. Концептуальное значение для решения проблемы национально-государственного устройства имеет: а) признание высшего приоритета прав человека, гражданина как важнейшей общечеловеческой ценности и безусловности их соблюдения на всей территории страны по отношению к представителям любой национальности; б) признание примата права национальностей на самоопределение как общечеловеческой ценности; в) признание развития демократизации и самоуправления решающей общеполитической основой и генеральным направлением совершенствования национально-государственных отношений в стране; г) признание необходимости полной реализации советской автономии в неразрывной связи с творческим ее применением к новым реальностям и задачам; д) признание необходимости и целесообразности не только принятия новой Декларации о Союзе ССР, но и нового Договора СССР, отражающих суть современного этапа развития Советского многонационального государства и содержание сегодняшних федеративных отношений; е) признание необходимости конституционного урегулирования на союзном уровне принципиальных основ не только межреспубликанских, но и внутриреспубликанских отношений, а также политико-правового статуса особенно малочисленных народностей и национальных групп (национальных меньшинств); ж) признание того, что прео-

доление бюрократической, унитаристской централизации не означает отказа от демократического централизма, от ответственности союзного государства за обеспечение соблюдения на всей территории страны принципиальных основ советского национально-государственного устройства, согласованных и принятых всеми союзными республиками и закрепленных в новом Договоре о Союзе ССР.

2. Идею новой Декларации о Союзе ССР в сжатом виде целесообразно отразить в преамбуле новой Конституции ССР. Здесь же уместно закрепить такой универсальный принцип решения национального вопроса, как право национальностей на самоопределение, и современное понимание его содержания в условиях нашей страны в духе Платформы КПСС по национальной политике и Платформы КПСС, принятой на XXVIII съезде партии.

3. Общее определение Союза ССР как союзного многонационального государства следует дать не в середине текста Конституции, как это имеет место в настоящее время (статья 70), а в самом начале, вслед за характеристикой СССР как советского социалистического государства. Именно так было и в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа и в первой Конституции РСФСР 1918 г., а затем и в Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. Для этого вслед за преамбулой в Конституции может идти первый раздел — «Общие положения», дающий принципиальную общую характеристику СССР как целого.

4. Более правильным было бы вторым разделом Конституции СССР сделать «Личность — гражданское общество — государство», отразив в нем, в частности, интернационалистские фундаментальные основы политико-правового статуса гражданина и его взаимоотношений с обществом и государством. Тем самым был бы преодолен характерный недостаток нынешней Конституции СССР, заключающийся в том, что характеристики основ общественного строя и политики СССР и национально-государственного устройства СССР оказались разрозненными разделом «Государство и личность».

5. В разделе «Общие положения» или в разделе, посвященном характеристике политической системы СССР, следовало бы закрепить более полно и четко федералистскую и интернационалистскую природу и сущность советской социалистической государственности, особо выделив положение о том, что любая форма советской национальной государственности служит воплощением национального суверенитета не только коренной нации, но и всего населения данной республики и призвана адекватно выражать и защищать волю и интересы трудящихся всех национальностей, проживающих на территории данной республики.

6. Учитывая, что многие вопросы национально-государственного устройства относятся к сфере республиканского законодательства и будут отражены в Конституциях суверенных союзных республик, соответствующий раздел Конституции СССР должен называться «Основы национально-государственного устройства СССР». Вместе с тем было бы неправильным вообще отказаться от закрепления в Конституции СССР общих принципиальных основ политико-правового статуса национально-территориальных образований, входящих в союзные республики, тем более, что в реальности обнаруживается усиление тенденций к нарушению прав национальных автономий под флагом борьбы за «сверхсуверенитет» союзных республик.

7. Как и в любом федеративном государстве, в процессе становления у нас новой федерации возникает центральный вопрос о гармонизации суверенитета, прав Союза ССР, прав его субъектов — союзных республик. В связи с этим важно отказаться от сложившегося стереотипа о неограниченности суверенитета Союза, особенно, если речь идет о федеративном государстве. Суверенитетом обладают и Союз ССР и союзные республики. Но это — взаимосвязанные, сопряженные суверенитеты, каждый из которых ограничен суверенитетом другого уровня. Само по себе ограничение, а тем более самоограничение тех или иных прав не означает потери суверенитета. Поэтому наилучший путь гар-

монизации указанных суверенитетов состоит в признании на основе консенсуса примата суверенитета, прав СССР в одних сферах (стратегических, общесоюзных), решение которых по общему согласию лучше осуществлять на общесоюзном уровне, и примата суверенитета, прав союзных республик в других сферах. Осуществляя давно назревшую децентрализацию, резко расширяя права союзных республик при одновременном усилении самоуправления в национальных автономиях, очень важно не забывать, что современная и даже упреждающая децентрализация может стать мощным орудием смягчения и преодоления националистических, сепаратистских тенденций. Пределом такой децентрализации должна служить та грань, за которой речь уже идет о конфедерации или даже сепарации.

8. Отказываясь от единообразия и провозглашая приверженность единству в многообразии, следует признать возможность и приемлемость и такого положения (если не будет достигнут консенсус всех союзных республик, например из-за позиции Прибалтики), при котором отдельные союзные республики могут входить в СССР на иных федеративных основаниях, чем другие. Это позволило бы лучше учесть специфику различных союзных республик. Здесь уместно напомнить, что при своем создании (1917—1918 гг.) РСФСР первоначально мыслилась именно как такое своеобразное федеративное государство, которое призвано было объединить и самостоятельные республики (без их автономизации), и автономные образования.

9. Безусловно сохраняя право союзных республик на свободный выход из СССР, необходимо признать, что оно не может реализовываться точно так же, как при создании СССР или в начале его становления. Необходим учет интересов других республик и Союза ССР в целом, через референдум всего населения республики и на основе достижения квалифицированного большинства (в 2/3 или 3/4). Точно так же следует признать право на выход (в том числе и из союзных республик) и иных образований, любой национально-территориальной единицы, в полном соответствии с правом каждой национальности, независимо от ее численности, размера территории и т. д., на самоопределение вплоть до отделения. Это и есть реализация принципа национального самоопределения.

10. Признавая объективную обусловленность многообразия форм советской национальной государственности и практическую невозможность превращения всех национальных образований в союзные республики, необходимо в то же время: а) рассмотреть вопрос о преобразовании ряда крупных и мощных АССР (Башкирия, Татария, Дагестан) в союзные или придании им нового своеобразного (условно говоря «союзно-автономного» статуса, приравняв их в правах к союзным республикам; б) серьезно сблизить права и обязанности союзных республик, а также всех АССР; в) признать целесообразным преобразование ряда автономных областей в АССР (например, Хакасии), а ряда автономных округов в АССР или АО (например, Ханты-Мансийский, Чукотский и др.).

11. Следует более четко решить и конституционно оформить вопрос о государственности русского народа, который, строго говоря, не имеет сегодня «своей» союзной республики.

12. Одна из целей национальной политики сталинизма состояла в ассимиляции малочисленных народов и национальных групп. Права всех национальных групп и национальных меньшинств никак не учтены ни в Конституции СССР, ни в национально-государственном устройстве страны, ни в других законодательных актах. Особенно бросается в глаза неравноправное положение национальных групп по сравнению с остальными народами, значительно меньшими по численности, но имеющими те или иные образования. Можно без преувеличения сказать, что межнациональные трения в СССР в своей основе связаны с положением бесстатусных национальных групп.

Социальная инфраструктура районов СССР, населенных национальными меньшинствами, значительно хуже, чем в районах обитания коренной национальности. Несмотря на наличие значительных денежных средств на банков-

ских счетах колхозов национальных меньшинств, руководители районов не могут получить от ведомств республик необходимые стройматериалы для строительства дорог, возведения зданий культурно-бытового назначения. Нет целенаправленной помощи в подготовке специалистов различных отраслей народного хозяйства, художественной интеллигенции. Неоднократные административно-территориальные перекройки дестабилизировали такой нациообразующий фактор, как чувство «родной земли», и серьезно затруднили в конечном счете нормальное развитие консолидационных процессов среди национальных меньшинств. Серьезные перекосы в кадровой политике республик, в том числе в формировании социальной структуры районов, населенных меньшинствами напоминающей пирамиду с (главным образом коренной национальности) остроконечной вершиной, способствовало складыванию среди малочисленных народов чувства социальной несправедливости.

Необходимо разработать серию программ национально-культурно-политического развития малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Севера Европейской части СССР, Молдавии, включающих меры по повышению их политического статуса, по развитию социальной инфраструктуры всех населенных ими районов, по развитию всей системы народного образования, расширению периодической печати, радио и телевидения, литературы, интенсивной издательской деятельности, в том числе на собственной полиграфической базе, включая подготовку редакторов и полиграфистов, целенаправленной подготовки научной интеллигенции, деятелей здравоохранения и культурно-просветительных учреждений, театра, профессиональных музыкантов, партийных работников и общественных деятелей.

В соответствии с реальными нуждами, потребностями и интересами малочисленных народов, с их волеизъявлением представляется целесообразным оказывать централизованную помощь республикам в организации на их территориях национально-территориальных автономий для малочисленных народов, что позволит на более справедливой основе — путем создания федерации федераций решать вопросы демократизации и перестройки.

Одним из путей ликвидации социальной несправедливости является восстановление двух ранее существовавших низовых единиц национально-административного деления — национальных районов и национальных сельсоветов с определенными полномочиями и правами в области самоуправления, преподавания, использования в административном и хозяйственном управлении национальных языков, что могло бы содействовать национально-культурному подъему преимущественно сельских дисперсных групп, сравнительно небольших по численности.

13. Объективные закономерности экономического и социального развития нашей страны ведут к неуклонному росту численности и доли городского населения. При этом столь же неизбежно и практически повсеместно растет многонациональность городского населения. Формой реализации национально-культурной жизни для различных национальных групп городского населения могут, видимо стать соответствующие национально-культурные ассоциации-землячества с соответствующими культурными центрами. Как известно, система землячеств (или близких по типу объединений) с культурными центрами, национальными обществами и т. п. действует во многих странах (в некоторых европейских социалистических государствах она создана для народов, не имеющих территориальных автономий).

14. Таким образом, с учетом многонационального состава союзных республик в основу новой концепции национально-государственного устройства страны может быть положена идея «конфедерации федераций».

Исторически этот путь обусловлен тем, что более 60 млн. человек, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не создавших таковых, должны приобрести формы самоуправления, самоуправления, и реализации своего потенциала, на основе равноправия с другими народами Советского Союза.

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ В РЕСПУБЛИКАХ

В предыдущем номере журнала «Советская этнография» напечатаны статьи С. В. Чешко и Л. С. Перепелкина¹. Они в какой-то мере являются продолжением диалога, начатого в ряде публикаций и выступлений, в основном на страницах журналов «Коммунист» и «Советская этнография», целого ряда авторов — Ю. В. Бромлея, В. А. Тишкова, С. В. Чешко, выражающих с некоторыми вариациями одну точку зрения, и О. И. Шкаратаца, Л. С. Перепелкина, В. В. Коротеевой, защищающих во многом противоположные позиции в вопросе о соотношении проблем этнокультурного развития с задачами экономического, политического и территориально-административного развития².

Не могу не выразить сожаления по поводу того, что в двух последних публикациях содержательная часть в значительной мере заслонена взаимными придираками, язвительными замечаниями, поучениями и другими компонентами, позаимствованными из стихии митингово-площадных дискуссий, но не обязательными на страницах академических журналов.

Не буду более распространяться на эту тему, а перейду к существу вопроса. Прежде всего хочу отметить тезис С. Чешко, что «мы строим теоретические концепции, исходя прежде всего из собственных политических убеждений и вкусов». А может ли быть иначе? Думаю, что ни С. Чешко, ни Л. Перепелкин не осознают себя выразителями интересов конкретных общественных прослоек, не говоря уже о классах, и на эту роль не претендуют. И тем не менее весьма вероятно, что положения С. Чешко найдут поддержку у значительной части представителей партийно-административного аппарата, а идеи Л. Перепелкина — среди, допустим, кооператоров и арендаторов. При этом хотелось бы подчеркнуть, что автор настоящей статьи не связывает с этими социальными категориями никаких заранее заданных аксиологических коннотаций — ни отрицательных, ни положительных.

Смысл существования любой административно-территориальной единицы — независимого государства, штата, города, автономии, кантона, уезда, волости, сельсовета — состоит в решении определенных социальных и экономических задач. Разумеется, решение это всегда частично — сейчас любая социальная и экономическая задача обретает (если обретает) свое полное решение в конечном счете только в рамках всего мира, местная же доля в этом решении может быть и очень велика, и относительно невелика, но она всегда присутствует. Предприятия — фабрики, мастерские, фермы, отели — могут принадлежать кому угодно — государству, иностранной фирме, коллективу кооператоров, отдельному лицу, муниципалитету, коммуне и т. д., но они неизбежно потребляют местные ресурсы (хотя бы воду, если даже все сырье привозное), местную рабочую силу (даже если она приезжая, ее рекреационное поддержание происходит на местной территории), а отходы этих предприятий неизбежно загрязняют местную природную среду. Дотации и кредиты «извне» и «из центра» могут и должны иметь место для конкретных целей, но обязательно должны быть и весомые отчисления всех предприятий на территории данной единицы в местный бюджет помимо всяких вышестоящих перераспределителей типа Минфина. Любая иная постановка вопроса есть легализация ограбления данной территории и ее населения.

Ярчайшим примером такого ограбления в нашей стране является положение Тюменской области и особенно ее коренного населения, которое не только не получает благ, сколько-нибудь соизмеримых со стоимостью выкачиваемой из его угодий нефти, но даже, наоборот, в результате изуродования этих угодий поставлено на грань полной экономической и культурной деградации.

Всемирная интеграция экономики — все глубже реализующаяся тенденция мирового развития. Вряд ли найдется на территории Европы предприятие, на котором, пусть многократно опосредованно, не отразилось бы воздействие нефтяного кризиса 1973 г. или черныбыльской катастрофы 1986 г. Но наряду с тенденциями региональной, континентальной, общемировой интеграции нарастает и будет нарастать тенденция к усиленной защите своей самостоятельности. Это совершенно закономерная реакция на рост этой зависимости от общемировой ситуации, каждого от всех. Она растет и на уровне индивидов (борьба за права человека есть ее частное проявление), и на уровне территориальных единиц, и на уровне этносов³.

Весь исторический процесс, начиная с распада первобытнообщинного строя, представлял собой до определенного момента нарастающее «делегирование» власти снизу вверх, или, точнее, узурпирование ее верхами. Но проходил он внутри более или менее замкнутых, самодовлеющих, мало зависящих одно от другого обществ. Своего пика, пожалуй, этот процесс достиг в эпоху абсолютизма, с его образом «короля-солнца», с идеей крайнего этатизма, с лозунгом «государство — это я». С переходом к индустриальному обществу в процессе этом наметился перелом: с возрастающей зависимостью обществ, народов, государств одно от другого начался и обратный процесс разукрупнения власти, развития концепций местного самоуправления, обретения все большей и большей полноты властных функций все более и более низовыми органами управления. Сюда относятся и процесс распада империй, деколонизации, и процессы федерализации и автономизации, и повышение роли муниципалитетов в жизни общества, и многое другое. Сталинская политика централизации была выражением регресса нашего общества, его возврата к имперско-деспотическим структурам власти. Прогресс нашего общества невозможен без перманентного процесса обратной передачи узурпированной власти сверху вниз, от «центра» (союзного правительства) республикам, от республик — областям и районам и даже от областей и районов сельсоветам или горсоветам. В открытую борьбу за это сегодня включились Верховные Советы ряда республик и некоторые горсоветы, но это только начало.

Взросшая полнота власти на местах не должна отождествляться с реальным полным хозрасчетом. Настоящий хозрасчет означает, что нерентабельное предприятие неминуемо должно обанкротиться и закрыться. Между тем редкое государство сегодня обходится без многомиллионных долгов, и хотя долги эти порождают немало болезненных проблем, государства-должники продолжают более или менее благополучно существовать: никто не пытается их «закрыть» и пустить с молотка. Это же относится и к штату, городу, области, району: они гораздо легче могут получить спасительную дотацию из «центральной» по отношению к ним казны, чем отдельные «хозрасчетные» предприятия (хотя для спасения особо важных предприятий подобные дотации тоже иногда могут вводиться). Территориально-административный хозрасчет, в частности республиканский, — понятие условное. Реально оно может быть раскрыто только как экономический суверенитет данной административной или государственной единицы (республики, области, коммуны, штата, округа и т. д.), понимаемый прежде всего как право распоряжаться ресурсами данной территории, и фискальный суверенитет, т. е. право вето на строительство, право взимания налогов и т. д. Подобный суверенитет вполне реален даже в условиях частной собственности на землю, ибо в большинстве известных нам законодательств такая собственность определена различными существенными ограничениями. В зависимости от местных условий законодатель нередко не распространяет ее на недра, археологические находки, клады, не разрешает собственнику вести работы, которые могут вызвать эрозию почвы, или даже просто проигнорировать начавшуюся эрозию, не приняв мер по ее пресечению, исключает бесконтрольную рубку леса, ограничивает право разведения на этой земле тех или иных животных (чаще всего свиней, иногда по религиозным, но чаще по санитарным мотивам) и т. д. Соответствующий контроль за сохранностью и использованием ресурсов тер-

ритории должны осуществлять ее власти, и если это этническая территория, то вполне естественна претензия на обладание этой властью со стороны соответствующего этносоциального организма. Понятно, что расходы органов управления данной территориальной единицы должны более или менее соответствовать их доходам, а эти доходы должны в основном складываться из отчислений от прибыли предприятий, расположенных на данной территории. Последовательное проведение этого принципа в жизнь исключит возможность диктата над кем бы то ни было со стороны не только союзных, но и республиканских ведомств, а отступления от него неминуемо будут приводить к усилению такого диктата. Насколько я понимаю, в принципе эти идеи не противоречат ни позициям С. Чешко, ни позициям Л. Перепелкина, ни позициям других авторов, в поддержку или с критикой которых по другим позициям они выступают.

Возрастающая передача прав администрирования, распоряжения финансами, экономического регулирования от высших единиц к низшим, сосредоточение значительной части этих прав в горсоветах, райсоветах, сельсоветах помимо прочего соответствовали бы тем потребностям экологической политики, о которых мне уже приходилось писать более подробно⁴.

Рыночная экономика для своего успешного развития должна быть свободна от мелочной административной опеки, иметь возможности для интеграции не только в общенациональную и общесоюзную, но и в общемировую систему экономических связей. Фермер или фермерский кооператив, производящий специализированную продукцию, может сбывать ее агентству транснациональной корпорации. Чем на более низком уровне будет находиться административный контроль над сделками этих контрагентов или экологический контроль над методами производства продукции, тем это удобнее для контрагентов и производителей. Поэтому, с точки зрения социально-эгоистических интересов, производители заинтересованы в снижении точки центра тяжести административной власти; аппаратная бюрократия, понятно, заинтересована в ее повышении. Законы механики однозначно говорят, что чем ниже расположен центр тяжести физического тела, тем оно устойчивее, и, наоборот, чем выше центр тяжести, тем меньше устойчивости; нам думается, что это справедливо и для общественных структур. Однако безотносительно к тому, на каком уровне будет располагаться этот центр тяжести власти, в любом случае остается двойкая возможность выделения территориально-административных единиц, в рамках которых эта власть осуществляется. В одном случае за основу берется принцип регионально-экономической (экономгеографической) целесообразности, в другом — территориальные единицы увязываются с этническими территориями.

Примером первого подхода может служить образование большинства штатов в США и провинций в Канаде. Впрочем, проведенные по прямым линиям параллелей и меридианов границы большинства из них достаточно красноречиво свидетельствуют, что учет экономгеографической целесообразности здесь был очень приблизительным и границы определялись нередко весьма произвольно. Пример второго подхода в очень яркой форме дает Индия. Здесь вскоре после обретения независимости мозаичная, сложившаяся в ходе колониальной истории структура чересполосицы больших и малых княжеств и провинций была коренным образом пересмотрена, и большинство нынешних штатов очень четко укладывается в рамки важнейших этнических границ (в Индии понимаемых как языковые). Такие этносы, как гуджаратцы, махараштрийцы (маратхи), бенгальцы, ория, каннара, телугу (андхра), малаяли, тамилы в основной своей массе укладываются в границы соответствующих штатов. Другие штаты, созданные в районах большей этнической пестроты, тоже, как правило, имеют границы, определяемые логикой расселения важнейших этносов региона.

Итак, для разных континентов характерны принципиально различные подходы к национально-государственному устройству. В Америке, как и в Австралии, государства и штаты складывались как переселенческие колонии, границы их отводились или отмерялись зачастую до того, как начиналось их интенсивное

заселение. В Азии, где этнические общности большинства территорий имеют глубокую древность, повсюду издавна прослеживается тенденция совпадения этнической и даже субэтнической общности с государственной и провинциальной единицей (княжеством, провинцией, сатрапией, аймаком и т. д.). Даже когда верховная власть твердо настаивает на принципе унитарного государства, как, например, в Иране, в административно-территориальном делении обычно преобладает тенденция к его соответствию основным этническим территориям. Классический феодализм средневековой Европы имел своим результатом нигде более не виданную чересполосицу границ, но сегодня почти повсюду в Европе политические и административные границы очень близки к этническим, а относительно небольшие исключения порождают довольно большие проблемы, регулируемые специальными мерами и соглашениями (лужицко-сербская культурная автономия в ГДР, округа Эйпен и Мальмеди в Бельгии и т. д.). Африка, наконец, несет нелегкое наследие границ, обусловленных колониальным делом и произволом.

С. В. Чешко (так же, как и В. А. Тишков и Ю. В. Бромлей) считает, что территориальная администрация и территориальная экономика должны обслуживать интересы населения территории, а культурное воспроизводство этносов (у этносов как таковых попросту нет иных интересов, кроме интересов своего расширенного культурного воспроизводства) должно осуществляться организациями, не имеющими территориальной привязки, и обслуживать всех этнофоров, т. е. членов этника, вне зависимости от территории их расселения. В ряде случаев, особенно с дисперсно расселенными этносами, такими, как евреи или цыгане, это действительно, по-видимому, единственно возможное решение. Оно, однако, требует создания специальных структур, в рамках которых могли бы действовать соответствующие организации, и установления определенного порядка их финансирования, чем мы пока еще не располагаем.

Мне думается, что симпатии, которые питают С. В. Чешко и В. А. Тишков к этой «экстерриториальности» механизмов этнокультурного воспроизводства, в значительной мере объясняются тем, что оба они — профессионалы-американисты и лучше всего знакомы с опытом этнокультурного воспроизводства именно на американском (США и Канада) материале. Действительно, в том демократизме, который сопутствует в последние годы процессу этнокультурного развития многих национальных, расовых, конфессиональных меньшинств в США, можно усмотреть много привлекательного. Не следует забывать, однако, что такое свободное развитие в основном стало возможным лишь в самые последние годы, что происходит оно в острой конкурентной борьбе соответствующих организаций за признание, финансовые дотации и преференции и, наконец, что все эти меньшинства расселены преимущественно дисперсно и сложилось в основном не на американской почве. Что же касается тех этнических групп, которые являются для американского континента коренными, т. е. индейцев, то их резервации, их племенные руководители все настойчивее, хотя и не очень успешно, требуют признания своих этнических групп на их территориях самостоятельными нациями, по существу обособленными от федерации США или Канады, почти что государственными (или фактически подлинно государственными) образованиями, со своими законами, зонами свободной торговли и прочими атрибутами политической и экономической самостоятельности. И это в США и Канаде, где и экономика в целом несколько стабильнее, чем у нас, и утверждение правового государства продвинулось несколько дальше. Мне кажется неслучайным, что именно в русской аудитории «американский» вариант находит довольно много сторонников, тогда как среди грузин их практически нет, а среди армян если и есть, то только в сильно деэтнизированной среде людей, родившихся и выросших вдали от Армении. Хотя все народы СССР в той или иной степени пострадали от сталинизма, все же наибольшие беды от коллективизации, разорения сел, массовых вынужденных миграций в зоны индустриального гигантизма обрушились именно на русский народ, и множество его представителей оказалось в ситуации, похожей на положение европейских иммигрантов XIX в. в

Америке — оторванных от своих корней и почвы, принужденных к болезненной адаптации в новой и чуждой социальной и культурной обстановке. К тому же многие общественные и культурные институты, которые во всех республиках, кроме РСФСР, последовательно складывались как сугубо национальные, для русских были подменены союзными или федеральными.

В статье О. И. Шкаратана и Л. С. Перепелкина этносы подразделены на «незрелые», «зрелые» и «стареющие»⁵. Мне эта типология представляется не очень удачной. Я предпочитаю придерживаться уже многократно преданной анафеме, но не теряющей от этого своей актуальности традиции различения наций и народностей. Народность не стареет автоматически сама по себе, но может не выдержать ассимилятивного пресса ассоциирующей нации, как на наших глазах уже произошло с ливами, происходит с вепсами и рядом других финноязычных небольших народностей. Народность может стремиться к обретению своей государственности, если конкретные условия ее ассоциированности ее не удовлетворяют, и в этом случае она захочет выйти на уровень нации. Так, как мне представляется, обстоит дело с абхазами, все беды и недовольство которых в общем сводятся к тому, что народ этот хочет быть полноценной нацией; но на протяжении многих десятилетий его лишали такой возможности — прежде всего возможности развивать национальную школу и национальную прессу. Или можно иначе сказать, что абхазы это нация, которой исторические обстоятельства не дают окончательно оформиться. Другим ярким примером народности, стремящейся обрести свою государственность (автономию) и выйти на уровень нации, могут служить ногайцы⁶. С другой стороны, абазины на Кавказе, фриулы в Италии, уэльсцы в Англии, фризы в Нидерландах, лужичане в ГДР — примеры народностей, более или менее приемлющих условия своей ассоциированности и, за исключением небольших экстремистских движений, не ставящих вопроса о государственном самоопределении.

Хотя количественный фактор при разделении нации и народности и не следует абсолютизировать, тем не менее он существен. Чисто эмпирически можно констатировать, что численность этноса около 60—70 тыс., видимо, в большинстве случаев является минимальным рубежом, ниже которого формирование институтов, обуславливающих функционирование этносоциального организма как полноценной нации, уже практически невозможно. Чукчи, ханты, манси в Сибири, цахуры и агулы в Дагестане, удины в Азербайджане, насчитывающие от 5 до 20 тыс. человек, составляющие зачастую всего лишь несколько процентов, а то и доли процента на своих исконных этнических территориях, вряд ли могут осуществлять на них экономический суверенитет и самостоятельно обеспечивать свое культурное самовоспроизводство на уровне современной цивилизации. Обязанность более крупных этносоциальных организмов, республиканских и общесоюзных органов власти — обеспечить им оптимальные условия культурного развития и воспроизводства, и здесь определенный патернализм, элементы резервационной политики (не будем бояться этих слов как пугала) неизбежны и необходимы. Тем более это относится к драгоценному, поистине реликтовому языковому и фольклорно-культурному наследию таких малочисленных этносов, как андо-цезские народы в Дагестане, памирские — в горном Бадахшане, кеты, нивхи и юкагиры в Сибири, саамы на европейском Севере России. Здесь нужны неотложные и чрезвычайные меры по охране этих народов от ассимиляции, их языковых и культурных традиций от забвения и исчезновения. Между тем создается впечатление, что многим хотелось бы поскорее увидеть эти народы полностью ассимилированными и растворенными среди более крупных народов — аварцев, таджиков и др. Даже в том случае, когда малые этнические группы полностью осознают свою принадлежность к единой нации, как, например, сваны и цова-тушины (бацбийцы) в составе грузин, все равно охрана и поддержание их языковой и культурной самобытности необходимы, и прежде всего для того, чтобы не допустить обеднения общегрузинского культурного наследия.

Хотя в современном мире есть очень маленькие национальные государства — Монго, Сан-Марино, Науру и др., население которых можно считать «маленькими самостоятельными этносами»⁷, все же, несомненно, этнокультурное воспроизводство этих этносов находится в тесной связи с крупными нациями, с которыми эти этносы ассоциированы — с французской, итальянской, австралийской и т. д. С другой стороны, примеры полноценного социополитического и этнокультурного воспроизводства народов, насчитывающих около 200 тыс. человек, бесспорны и впечатляющи — это Исландия, Мальта, Мальдивская Республика, Фиджи и другие (также преимущественно островные) современные государства. Поэтому в составе населения СССР небезынтересно в этом аспекте рассмотреть этносы, насчитывающие от 60 до 200 тыс. человек (по переписи 1979 г.). Это ингуши (186 тыс.), тувинцы (166 тыс.), коми-пермяки (151 тыс.), калмыки (147 тыс.), карелы (138 тыс.), карачаевцы (131 тыс.), адыгейцы (109 тыс.), абхазы (91 тыс.), хакасы (71 тыс.), балкарцы (66 тыс.), алтайцы (60 тыс.). В этот перечень не включены народы, живущие дисперсно и имеющие основной массив этноса за пределами СССР (финны, турки, курды, венгры и др.). Среди вошедших в перечень народов тувинцы, калмыки, карелы, абхазы имеют свои АССР; балкарцы и ингуши входят в «сдвоенные» АССР, при этом балкарцы в целом как будто удовлетворены своим положением, а ингуши все более настойчиво требуют обособления. Карачаевцы, адыгейцы, хакасы, алтайцы живут в автономных областях. При этом у адыгейцев Адыгейской АО растет стремление к повышению статуса автономии и к более тесным связям с адыгейцами за пределами области и вообще со всем адыгским этническим сообществом, включая черкесов и кабардинцев, а карачаевцы все настойчивее требуют восстановления своей отдельной автономии, причем в ранге АССР, для чего уже располагают всеми необходимыми предпосылками⁸. Полуторастатысячный коми-пермяцкий этнос имеет автономию лишь на уровне округа, а почти двухсоттысячный гагаузский этнос не имеет автономии вообще.

Движение за гагаузскую автономию в последнее время становится все активнее. Видимо, ассоциационные связи с молдавской нацией у гагаузов не сложились в той форме, которая удовлетворяла бы нужды их развития. С другой стороны, представляется, что коми-пермяцкий этнос в целом как будто удовлетворен уровнем своей автономии, которая, очевидно, соответствует его реальному этническому бытию в форме народности, тесно ассоциированной с русской нацией. Таким образом, и в СССР, и за рубежом можно наблюдать, как формирующиеся или сформировавшиеся нации, для которых их нынешние административно-юридические статусы становятся тесны, так и ассоциированные народности и национальные группы, не испытывающие особого неудобства от своего ассоциированного положения.

Но если этнос вышел на уровень нации или стремится (ощущает назревшую потребность) выйти на этот уровень, создание какой-либо формы государственности (хотя бы в форме штата, как в Индии) для него становится насущной необходимостью, которая проявляется не только в стремлении к обретению литературного языка, национальной школы, прессы, радиовещания (эти задачи в принципе осуществимы и в рамках культурной автономии, на базе культурных ассоциаций), но и к обретению суверенитета над территорией, которую этнос считает своей, суверенитета политического и экономического, тем более что только такой суверенитет может реально создать надежную базу и для культурного самовоспроизводства на уровне нации.

Конечно, во всем мире, тем более в пределах СССР, трудно найти такую этническую территорию, где не проживали бы и представители ряда других этносов помимо коренного. Притом индекс этнической мозаичности будет обычно тем выше, чем крупнее административная единица, включающая такую территорию. Это еще одна причина, по которой целесообразно передать максимум функций заботы о национальной школе, национальной местной прессе, культурных мероприятиях местным советам — городским, районным, поселковым. Ведь

при неоднородности национального состава по республике в целом население района и села обычно более однородно.

Однако в рамках республики или автономного образования при безусловном признании равноправия всех их отдельных граждан вне зависимости от национальности неправомерно ставить вопрос о равноправии этнических групп в смысле равного распределения ресурсов данной территории для их самовоспроизводства.

На территории Грузии живут абхазы и осетины (как в своих автономиях, так и вне их), а также русские, армяне, азербайджанцы и другие национальные группы. Но если у русских уроженцев Грузии помимо их родины в Грузии есть еще и Россия, а у армян — Армения, то у грузинской нации и грузинского этноса для своего этнокультурного воспроизводства есть только Грузия. Ущемления прав русских, армян, азербайджанцев на свою школу, свою прессу, свой театр быть не должно, но им по согласованию с властями Грузии (не исключая право на определенную часть дотации из республиканского культурного бюджета) может и должна оказываться помощь соответствующими учреждениями России, Армении, Азербайджана. И совершенно справедливо будет, если основная, преобладающая часть бюджета, предназначенного для культуры, будет направлена на развитие грузинского языка, грузинской школы, грузинской прессы, грузинского театра и т. д.

И точно так же на развитие абхазской культуры в Абхазии должна расходоваться большая доля ресурсов, чем на культурное развитие проживающих в ней грузин, армян, греков, русских. С другой стороны, этот постулат не может дать никакого оправдания вандализму, имевшему место в связи с попыткой открыть в Сухуми филиал Тбилисского (грузинского) университета. Думается, при последовательном проведении в жизнь принципов демократии и гуманизма никто не имеет морального права помешать открытию в Сухуми филиала Ереванского университета, если сам он вместе с армянами Абхазии найдет это нужным и возможным, а также греческого культурного центра, кто бы ни был его спонсором.

Мне недавно посчастливилось принимать участие в симпозиуме, организованном Немецким институтом японоведения. Институт этот находится в Токио, хотя принадлежит ФРГ и ею финансируется, сотрудники его в основном немцы, но соответствующие японские организации оказывают ему всяческое содействие. Это, конечно, случай особый, так как в Японии немецкого меньшинства нет, как нет и японского меньшинства в ФРГ, и данный институт служит всецело целям японско-немецкого международного сотрудничества. Но Япония на правительственном уровне поддерживает и финансирует японские культурные центры в Перу, Бразилии и других странах Америки, где есть японское меньшинство, и встречает при этом понимание и содействие правительств этих стран, во многом еще и потому, что эти центры никогда не бывают замкнуты японскими, они открыты для всех граждан, желающих как-то приобщиться к японской культуре, искусству, спорту, языку. Нельзя сказать, что в СССР нет ничего подобного: в Москве функционируют, например, армянский и грузинский культурные центры. Но такого рода межкультурная деятельность должна быть во много крат более широкой и повсеместной. В ряде случаев, например для обеспечения культурных нужд русских, греков, курдов (езидов), азербайджанцев, ассирийцев в Грузии, Армении, автономиях Северного Кавказа, комплекса таких мер (т. е. взаимодействия культурных ассоциаций, землячеств, культурных центров, различных линий межреспубликанского сотрудничества) при их надлежащем развитии будет вполне достаточно для того, чтобы приоритет, отдаваемый задачам культурного воспроизводства «статусной», или «титульной», нации, не воспринимался бы меньшинством как ущемление их интересов.

Есть, однако, области этнической чересполосицы, где уже возникли и неизбежно будут возникать острые межэтнические конфликты. В кавказском регионе можно выделить следующие наиболее горячие очаги противоречий: чеченско-дагестанско-ногайский на стыке Чечни, Дагестана и Ставрополя; чеченско-

(аккинско)-дагестанский в прилегающих к Чечне районах Дагестана; дагестанско-(лезгинско)-азербайджанский в Северном Азербайджане; осетинско-ингушский на правом берегу Терека в Осетии и, разумеется, наиболее конфликтный из всех — армянско-азербайджанский в Карабахе.

Я глубоко убежден, что в современных условиях любая попытка перекройки границ где бы то ни было, будь то в Европе, в Африке или в СССР, должна решительно отмениться, так как, не разрешая старых проблем, она неминуемо будет порождать новые, вести к несчастьям и кровопролитиям. Однако нынешняя ситуация, когда соответствующие национальные группы ощущают себя отчужденными под властью органов управления, выражающих, по их мнению, совершенно иные национальные интересы, воспринимающиеся значительной частью населения этих групп как враждебные, тоже не может оставаться неизменной. Выход из этого противоречия я бы предложил в форме двусторонних, а если необходимо, то и трехсторонних, притом находящихся под контролем центра кондоминиумов.

Кондоминиум, или совместное управление, хорошо известен из сравнительно недавней международной практики: это англо-египетский Судан, англо-французские Новые Гебриды до достижения ими независимости. При обязательном во всяком демократическом строе широком самоуправлении территории надзор за этим самоуправлением и связи его органов с вышеупомянутыми органами республик-соправителей должны осуществляться через двустороннюю, а если надо, то и трехстороннюю верховную комиссию территории.

В недавно принятом законе «о разграничении полномочий между Союзом СССР и субъектами федерации»⁹ положения о кондоминиуме, к сожалению, отсутствуют. Однако можно считать, что этот закон в целом представляет собой приемлемую стартовую платформу, которая в дальнейшем непременно будет подвергаться модификациям и дополнениям. Утверждение положения о кондоминиуме и шаги к введению кондоминиума в вышеперечисленных, а возможно, и в некоторых других конфликтах могли бы стать началом мер по смягчению этих конфликтов и их последующему изживанию.

Еще более важным представляется принятие закона «О свободном национальном развитии граждан, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР»¹⁰, который подводит правовую основу под большинство задач культурного развития национальных групп, отмеченных выше. Но проведение в жизнь этого закона, и прежде всего его основополагающих статей (раздел 1), невозможно без упорочия именно экономического суверенитета союзных и автономных республик.

Большое значение для рассматриваемой темы имеет также закон «О местном самоуправлении». Однако детальное рассмотрение этих и других существенных для перспектив этнокультурного развития народов СССР законодательных актов вряд ли возможно в рамках статьи для журнала, не имеющего юридической специализации. Следует отметить лишь, что в соответствии с характером нашего времени, обозначенного стремлением к революционному переходу от старых тоталитарных структур к новым, демократическим, практически все эти акты носят промежуточный, переходный характер. Было бы по меньшей мере несерьезно полагать, что наше общество будет в XXI в. жить по этим сегодня успешно оформляемым законам. Столь же несерьезно было бы думать, что сегодня наши законодатели при практически полном отсутствии у них опыта демократического правового государственного строительства в состоянии создавать иные законы, пригодные для жизни в XXI в. Их нужно расценивать лишь с точки зрения того, дают ли они приемлемую стартовую базу для начала преобразований, в ходе которых, несомненно, сами эти законы будут неоднократно дополняться и видоизменяться.

Однако опасно было бы думать, что для совершенствования принципов, на которые должны опираться задачи этнокультурного строительства народов

СССР в современных условиях, у нас осталось так уж много времени. В 1-м и 2-м номерах нашего журнала за прошлый год мне уже приходилось высказываться на эту тему в ходе дискуссии в рамках Межведомственного научного совета по изучению межнациональных процессов, освещавшейся на страницах «Советской этнографии»¹¹. В этой дискуссии анализировались опасные тенденции, угрожающие единству Союза ССР, обсуждались неотложные меры, могущие противостоять этим тенденциям. С тех пор прошло менее 2 лет, меры своевременно приняты не были, а намечавшиеся тенденции стали свершившимися весьма безрадостными фактами. Сегодня уже ни силовые приемы, ни экономические санкции, обладающие к тому же свойствами бумеранга, не обратят вспять начавшегося процесса отделения Прибалтийских республик от Союза. Промедление с предоставлением союзным республикам и автономиям должной полноты экономического суверенитета может привести к аналогичным результатам в других регионах. Народы СССР все более отчетливо понимают, что их нормальное этнокультурное воспроизводство невозможно без суверенитета этносоциальных организмов (наций) над ресурсами своих исконных этнических территорий. Попытки сохранения вертикальных многоступенчатых имперско-административных структур распоряжения этими ресурсами ведут в тупик. Реальная историческая перспектива есть только у развития горизонтальных связей между экономически суверенными этнотерриториальными партнерами. Только оно может превратить нашу устаревшую централизованную структуру, лишь формально носящую имя Союза, в процветающее содружество подлинно равноправных советских наций.

Примечания

¹ Чешко С. В. Антитезисы к тезисам без надежды на синтез // Сов. этнография (далее — СЭ). 1990. № 4; Перепелкин Л. С. Возвращаясь к напечатанному // СЭ. 1990. № 4.

² Бромлей Ю. В. Национальные проблемы в условиях перестройки // Вопр. истории. 1989. № 1; Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. 1989. № 1; Чешко С. В. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2; Коротева В. В., Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист. 1988. № 15; Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. экономический суверенитет республик и пути развития народов // СЭ. 1989. № 4.

³ Английский социолог Энтони Коэн пишет, в частности: «Чем крупнее и отдаленнее от составных частей общества становится правительство, тем более централизованной и заорганизованной становится его экономика, тем меньше остается веры в его надежность как выразителя самосознания народа. В Европе наднациональная власть в ЕЭС ставит правительство все дальше от областей, чем раньше... большинство людей при этом чувствует, что они недопредставлены и недополняты. В результате они приобретают интроспективную политическую ориентацию и тянутся назад к более надежным уровням общества, к которым могут себя самопричислить». См.: Cohen A. P. The Symbolic Construction of Community, L., 1985. P. 106.

⁴ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие: М., 1989. С. 238—242.

⁵ Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. Указ. раб. С. 37.

⁶ Калиновская К. П., Марков Г. Е. Ногайцы — проблемы национальных отношений и культуры // СЭ. 1990. № 2. С. 20.

⁷ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 253.

⁸ Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области // СЭ. 1990. № 2. С. 27—28.

⁹ Правда. 1990. 4 мая.

¹⁰ Правда. 1990. 7 мая.

¹¹ Расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР и Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов // СЭ. 1989. № 1. С. 21; заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов // СЭ. 1989. № 2. С. 20.

К ПРОБЛЕМЕ ИНГУШСКОЙ АВТОНОМИИ

События, имевшие место в Чечено-Ингушской АССР в 1989 г. и получившие дальнейшее развитие в 1990 г., со всей очевидностью обозначили, что этот район Северного Кавказа является еще одним очагом острой межнациональной напряженности в стране. Ингушская общественность все более настойчиво требует восстановления ингушской автономии путем выделения Ингушетии из состава Чечено-Ингушской АССР и передачи ей части территории Пригородного района Северо-Осетинской АССР, ранее входившей в состав Ингушской автономной области.

Данная проблема неоднократно поднималась и в предшествующие десятилетия. Так, в январе 1973 г. вопросы о судьбе Ингушетии и бывших ингушских сел на территории Северо-Осетинской АССР ставились ингушской общественностью на митингах, прошедших в Грозном. Тогда наиболее активные их участники были обвинены в национализме и к ним были применены различного рода санкции. В известной мере нерешенность вопроса о дальнейшей судьбе ингушского населения на территории СО АССР обусловила события в октябре 1981 г. в Орджоникидзе, в результате которых в город были введены войска. Чтобы был понятен предмет столь долго и остро обсуждаемых вопросов, предложу краткую историческую справку.

Чечено-Ингушетия первоначально как автономная область была образована в 1934 г. путем объединения Чеченской и Ингушской автономных областей, а в 1936 г. преобразована в АССР. До этого времени Чечия и Ингушетия имели самостоятельные, хотя и тесно связанные пути исторического развития. Ингуши (гIалгIай) и чеченцы (нохчо) располагали собственными этническими территориями, имели самостоятельные политические образования, разные направления и формы контактов с соседними народами¹. В итоге данные факторы, при сохранении языковой и культурной близости вайнахов (т. е. чеченцев и ингушей), определили своеобразие культур этих двух народов.

На протяжении обозримого исторического прошлого особо актуальным для народов Кавказа был вопрос о владении землями в предгорьях и на равнине. Границы расселения горцев в средневековый период в зависимости от политической ситуации в регионе неоднократно менялись. Важным этапом в стабилизации этнических границ в равнинной и предгорной зонах Центрального Кавказа был XVIII — первая половина XIX в. Ингуши в этот период утвердились на землях по правому берегу Терека — в Тарской долине и на соседних территориях. В XVIII в., выйдя из зависимости от кабардинских князей и тогда же окончательно сменив здесь кабардинское население², ингуши, приняв обязательства по охране Военно-Грузинской дороги в районе Дарьяльского ущелья, в 1810 г. официально закрепили за собой право «землями и лесами пользоваться... безвозбранно по правую сторону течения р. Терек»³. В этот же период с участием российской администрации была определена граница между территориями расселения ингушей и осетин, в основном по Тереку. Ингушские селения в Тарской долине просуществовали до начала 1860-х годов, когда их жители после окончания Кавказской войны были переселены, а на их месте основаны казачьи станицы. Расположение последних в этом и соседних предгорных районах не только разделило Ингушетию на две части — горную и равнинную (Назрановский участок), но и чрезвычайно обострило земельный голод среди ингушей. Эти обстоятельства обусловили конфликтность взаимоотношений ингушей с казачеством на протяжении второй половины XIX — начала XX в., непримиримость позиций и остроту борьбы между горцами и казачеством во время гражданской войны. Указом Горской республики в 1920-е годы

земли в равнинных районах по правому берегу Терека были возвращены ин- шам, а русское (казацье) население переселено в разные районы Северного Кав- каза.

В 1921—1924 гг., в период существования Горской АССР, Ингушский (Наз- рановский) округ наряду с Осетинским, Чеченским и другими входил в ее состав. Однако Горская АССР как многонациональное государственное образование оказалась маложизнеспособной, и большая часть составлявших ее округов вскоре вышла из нее, сформировав самостоятельные автономные области. Долше других в составе Горской АССР находились Осетинский, Ингушский и Сунженский (где в основном проживало казацье население) округа, приче- административным центром первых двух, как и республики в целом, являлся город Владикавказ (позднее Орджоникидзе). Имевший статус автономного города, Владикавказ был основан в 1784 г. на берегах Терека как русская крепость на границе расселения осетин и ингушей⁴. В период существования Осетинского и Ингушского округов в составе Горской АССР и позднее, когда они уже стали самостоятельными автономными областями, государственные и партийные организации этих национально-территориальных автономий распо- лагались соответственно в лево- и правобережной частях города. Ингушской АО во Владикавказе принадлежало 11 мелких промышленных предприятий. По дан- ным переписи 1926 г., при общем числе жителей города, превышавшем 75 тыс. чел., ингушей было 1,5 тыс., осетин же около 11 тыс.⁵ Правобережная часть Владикавказа оставалась центром Ингушской АО до 1934 г., когда была образована Чечено-Ингушская АО с единым центром в Грозном. Территория Ингушской АО, а позднее Чечено-Ингушской АО включала в себя практически все районы проживания ингушей, в том числе земли на правой стороне Терека возле Владикавказа, ныне составляющие часть Пригородного района северо- Осетинской АССР.

Трагические последствия депортации ингушей, так же как чеченцев, кара- чаевцев, балкарцев и ряда других народов, в 1943—1944 гг. в Казахстан и Среднюю Азию выразились не только в тысячах погибших, колоссальных материальных и моральных потерях, в них была заложена основа обострения межнациональных отношений, в частности из-за территориальных разногласий. Хотя Указом Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. ЧИАССР была восстановлена, территории по правому берегу Терека, являющиеся частью современного Пригородного района СОАССР в ее состав не вошли. До настоя- щего времени здесь живут переселенные после 1944 г. осетины, главным обра- зом, выходцы из Южной Осетии. После репатриации часть ингушей вернулась в селения Пригородного района и в Орджоникидзе, но общее число желающих поселиться на этих землях значительно больше⁶. До настоящего времени проблема не решена.

Весьма критически оценивается ингушской общественностью и опыт со- существования ингушского и чеченского народов в рамках одного национально- государственного образования. В настоящее время ни Чечня, ни Ингушетия не имеют самостоятельных государственных и общественных структурных обра- зований. Хотя в республике функционируют два национальных театра (ингуш- ский театр был образован недавно), издается литература на чеченском и ин- гушском языках, однако проблемы национальных языков и культур стоят очень остро, так как до недавнего времени в школах республики не велось даже преподавания на чеченском и ингушском языках. На территории Чечено- Ингушетии в 1989 г. проживало более 734 тыс. чеченцев и около 164 тыс. ин- гушей, что соответственно составляло 57 и 13% от общего числа населения. Нельзя не отметить, что в социально-экономическом отношении Чечня — более развитый регион; здесь сосредоточены основные предприятия ведущих отраслей промышленности ЧИАССР (нефте- и газодобывающей, нефте- и газоперераба- тывающей, машиностроительной), расположен административный, культурный и промышленный центр республики — г. Грозный, что определяет различия в социальной инфраструктуре Чечни и Ингушетии, определенным образом влияет

на возможности развития национальных культур. В общественном сознании ингушского населения утвердилось мнение, что в современных условиях возможности для полноценного развития языка и культуры народа весьма ограничены, что если не изменить создавшегося положения, то ингушский народ не только утратит национальную культуру, но его может постигнуть печальная участь исчезновения как самостоятельного этноса. При этом часто ссылаются на значительное численное преобладание чеченцев над ингушами, а также родство языков этих двух народов и сходство их культурных традиций, что объективно может способствовать утрате этнодифференцирующих признаков.

В подтверждение обоснованности подобных опасений со стороны ингушской общественности стоит отметить, что на рубеже 1920—1930-х годов, в период подготовки объединения Чечни и Ингушетии в единую автономную область, центральными и местными политико-административными органами однозначно ставился вопрос о слиянии в ближайшей перспективе этих двух народов⁷. Акт образования Чечено-Ингушской АО, совершенный не по волеизъявлению народов, а в осуществление политики декларируемой межэтнической интеграции и унификации национальных проблем и национально-государственных структур, осуществившейся в рамках всей страны (примеры этому хорошо известны на Кавказе, в Средней Азии и других регионах), не привел, однако, к интегрированности национальных институтов и культур. Практика совместного существования чеченцев и ингушей в рамках одного национально-государственного образования свидетельствует об обратном: об устойчивости и даже возрастании фактора этнического самосознания (как это отчетливо видно на примере последних событий), устойчивости других этнодифференцирующих признаков, частичной поляризации национальных интересов в политическом аспекте. Сложности и нерешенность означенных проблем обуславливают остроту их постановки ингушской общественностью на протяжении последних десятилетий. В полной мере это нашло выражение в решениях проводившегося 9—10 сентября 1989 г. II съезда ингушского народа⁸.

Съезд проходил в самом большом зале Грозного — во Дворце культуры им. В. И. Ленина. Для участия в его работе от сельских Советов Ингушетии, ингушского населения городов Назрань, Малгобек, Грозный, Орджоникидзе, а также ингушей — жителей Пригородного района Северо-Осетинской АССР и ингушей, живущих в Средней Азии и Казахстане, на съезде была избрана 1 тыс. делегатов. На съезде присутствовали 978 делегатов, а также большое число гостей, представлявших государственные и партийные органы ЧИАССР; для участия в работе съезда были приглашены представители общественных организаций различных регионов страны, народные депутаты СССР, представители духовенства, некоторых научных учреждений.

Основной доклад, с которым выступил Б. Костоев, член Оргкомитета съезда, был представлен как «Обсуждение Платформы ЦК КПСС по национальной политике применительно к положению в Ингушетии». Главное внимание в докладе было уделено современным проблемам ингушского народа, историческому и социально-политическому обоснованию предложения о восстановлении ингушской автономии. В нем говорилось, что опыт сосуществования Чечни и Ингушетии в рамках одной республики имеет негативные последствия для судьбы ингушского народа. Ингушская интеллигенция, насчитывающая около 20 тыс. чел., оторвана от народа, так как в основном проживает в Грозном, расположенном вне территории Ингушетии. Ингушский народ в нынешнем своем качестве находится как бы в гостях у родственного ему народа — чеченцев. Единственный выход из создавшегося положения видится в формировании собственного национально-государственного образования. Только в этом случае народ обретает реальную возможность полноценного и всестороннего развития. Предполагается, что Ингушская АССР будет состоять из шести административных районов: Назрановского, Малгобекского, Галашкинского, Карабулакского, Сунженского и Базоркинского (часть территории Пригородного района СОАССР). Центром автономной республики, по мнению докладчи-

По приближительным подсчетам, население республики составит около 400 тыс. чел., но число жителей может оказаться и большим, так как после образования автономной республики вероятна миграция на ее территорию ингушей из Средней Азии. В докладе содержались некоторые неточные и некомпетентные высказывания в части, посвященной историческому обоснованию прав ингушей на территории по правому берегу Терека, такие, например, как указание на принадлежность этих земель ингушам на протяжении уже 5 тысяч лет, утверждение, что осетины, как потомки скифов и алан, не являются коренным населением Кавказа, неудачные ссылки на античных авторов и некоторые другие.

Доклад вызвал однозначную реакцию у делегатов съезда. Предложение о необходимости образования Ингушской АССР было поддержано и в той или иной форме развивалось всеми выступавшими. В качестве обоснования возможности устройства столицы будущей республики во Владикавказе, т. е. совмещения в одном городе столиц двух автономных национально-государственных образований, прозвучали ссылки на опыт Берлина⁹; указывалось, что подобный опыт может стать актуальным в связи с вопросами о новых национальных автономиях в других регионах страны; кроме того, отмечалась нецелесообразность организации новых столиц, предполагающая трату больших средств на возведение административных зданий и т. д. Вопрос об организации столицы в каком-либо другом городе на территории будущей республики, например в Назрани, на съезде не ставился.

Отмечу, что в целом на съезде преобладал эмоциональный настрой, однако, несмотря на сложность осетино-ингушских отношений в настоящий период съезд в целом избежал обвинений в адрес соседнего народа, хотя в выступлениях некоторых делегатов и гостей съезда в той или иной форме подобные высказывания звучали. Эмоциональная атмосфера отодвинула на второй план обсуждение вопросов социального и экономического обоснования модели предлагаемой республики. Как бы в оправдание этому звучали слова о том, что необходимо сначала политическое решение вопроса об автономии и лишь тогда будет возможна и необходима разработка подобной модели. Конкретные предложения содержались в немногих выступлениях, и в том числе в выступлении народного депутата СССР от Ингушетии, делегата данного съезда Х. А. Фаргиева (на I Съезде народных депутатов СССР Х. А. Фаргиев поставил вопрос о необходимости образования Ингушской АССР). Он, в частности, отметил, что экономический потенциал Ингушетии возрастет, если республике будут возвращены промышленные предприятия правобережной части Владикавказ, находившиеся в свое время в распоряжении Ингушского округа; выплачена в какой-либо форме компенсация за последствия депортации; возвращены земли Пригородного района и переданы расположенные на них промышленные предприятия. Х. А. Фаргиев также заметил, что изучение материалов и документов, связанных с объединением Чечни и Ингушетии в одну автономную область в 1934 г., показало, что при совершении данного акта не учитывалась воля народа и потому образование Чечено-Ингушской АО явилось противоправным действием. Лица, приглашенные на съезд, в своих выступлениях поддерживали требование ингушского народа об образовании собственной автономной республики. Характерны высказывания представителей Чечни о том, что каждый народ должен жить своим домом, а в настоящей ситуации ингуши «живут в гостях». В завершение своей работы съезд принял обращения к ЦК КПСС и Верховному Совету СССР с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении ингушской автономии в форме республики и в границах, существовавших до 1934 г.

Второй съезд ингушского народа вызвал огромный интерес и подъем социальной активности населения. Ингушская общественность рассчитывала, что принятые на нем обращения будут рассмотрены на Пленуме ЦК КПСС по национальной политике, на II Съезде народных депутатов СССР и по ним

могут быть приняты соответствующие решения. Однако этого не произошло, и социальная напряженность в Ингушетии не спала. 23 февраля 1990 г. — в День памяти жертв сталинских репрессий (именно в этот день в 1944 г. началась акция насильственного переселения чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию) — на центральной площади Грозного состоялся многотысячный зикр (моление), на котором звучало и требование восстановления ингушской автономии. Наибольшую остроту приобрели массовые митинги ингушского населения, проходившие в течение нескольких дней марта 1990 г. в Назрани. В настоящее время среди ингушского народа наблюдается полное единство в стремлении восстановить утраченные права своей родины, придать новый импульс ее развитию.

Примечания

¹ Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 165—184.

² Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. М., 1974. С. 158—162.

³ Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 899—901.

⁴ Как отмечает Н. Г. Волкова, крепость Владикавказ была основана возле с. Заурово, в котором наряду с ингушами жили и осетины. См. Волкова Н. Г. Указ. раб. С. 161.

⁵ Тусиков М. Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ. 1926. С. 126; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 5. М., 1928. С. 258—259.

⁶ В 1982 г. правительством Северо-Осетинской АССР было принято решение о прекращении прописки ингушей в Пригородном районе республики.

⁷ См. Мартirosian Г. К. История Ингушии. Орджоникидзе. 1933. С. 311—314.

⁸ Первый съезд ингушского народа проходил 4 февраля 1919 г. в с. Базоркино (ныне с. Чермен СОАССР); созыв его был связан с организацией отпора наступавшим в то время на Владикавказ войскам генерала Деникина. На II съезде было предложено считать 4 февраля Днем Ингушской Республики. В исторической литературе имеются сведения еще об одном съезде ингушского народа, проходившем 9 августа 1918 г., однако современные ингуши таковым его не считают. См. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. С. 38.

⁹ Как показывают последние политические события, подобный опыт вряд ли можно назвать удачным.

© 1990 г.

А. А. Сусоколов, В. В. Степанов

МАЛОЧИСЛЕННЫЙ ЭТНОС: ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (на примере вепсов)

Отношение общества к решению проблем так называемых «малочисленных» народов отражает уровень его демократизации и социально-политической зрелости. В настоящее время начата разработка программ социально-экономического и этнокультурного развития малочисленных народов. Опыт разработки таких программ пока незначителен. Поэтому остро необходимо обсуждение возникающих в связи с этим вопросов широким кругом ученых различных специальностей. Это тем более необходимо, что в публикациях о малочисленных народах сейчас явно преобладают политические сюжеты. Справедливо отмечая сложную экономическую и экологическую ситуацию, сложившуюся в районах расселения таких народов, угасание их культуры, обострение в последние годы межнациональных отношений, многие авторы видят два основных пути решения проблемы: создание (или восстановление) национальной автономии в той или иной форме и финансирование экономических, политических и культурных программ за счет государственного бюджета. При этом, как правило, не анализируется вопрос о том, приведут ли такие меры к реальному повышению уровня жизни населения, не обострят ли они межнациональные отношения, целесообразно ли создавать новую систему «национальных» льгот, приведет ли «автономизация» к действительному расцвету культуры или главным ее результатом станет создание дополнительного административного ярма для местного населения.

Торопливость и необдуманность при выдвижении национальных лозунгов и программных требований наводят на мысль, что экономические и культурные концепции служат лишь «подпоркой» требованиям политическим, способным привлечь на свою сторону возможно большее число людей.

Такой подход обуславливает не всегда корректные формы обращения к мнению общественности. Для обоснования политических лозунгов, как правило, используются различные петиции, принимаемые на сходах и митингах, письма, посылаемые в различные инстанции, и при этом упорно игнорируются данные массовых опросов того самого населения, от имени которого выдвигаются требования.

Имеется и другая проблема. Широкая общественность страны, а также центральное и местное руководство воспринимают ситуацию, сложившуюся на территориях расселения малочисленных народов, через призму журнальных и газетных публикаций, зачастую пронизанных стремлением любой ценой провести идею о необходимости «помочь», «спасти» народ, как правило, за счет увеличения государственных дотаций или благотворительных фондов. При этом упускается из виду главный источник возрождения народа — его экономическая, культурная инициатива и самостоятельность.

Одной из характерных черт большинства публикаций является весьма одностороннее использование научных данных. Последние либо игнорируются вовсе, либо изо всего научного багажа вырываются отдельные фрагменты, призванные

подтвердить положения, выгодные с точки зрения политической конъюнктуры. Данная статья ставит задачей, во-первых, показать, что национальные проблемы, как и другие крупные социальные вопросы, не могут успешно решаться вне рамок комплексного научного анализа ситуации. Во-вторых, представить на суд специалистов опыт конкретных исследований этнополитической ситуации. Конкретным примером могут служить исследования в районе расселения такого малочисленного этноса, как вепсы, и различные подходы к перспективам его развития.

О предыстории вепсской проблемы. Одним из поводов к широкому обсуждению путей национального самоопределения малочисленных народов в СССР, не имеющих национально-государственных автономий, стал как раз «вепсский вопрос». Группа ученых, представителей творческой интеллигенции и общественности, привлекла внимание широких слоев населения к проблеме сохранения исчезающего вепсского народа и его культуры. В июне 1987 г. в Подпорожском районе Ленинградской области была проведена встреча, посвященная этой теме, а в октябре 1988 г. в Петрозаводске прошло региональное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». Его рекомендации, изданные отдельной брошюрой¹, имеют научно-практический характер и фактически представляют собой попытку разработать основу широкой социальной программы возрождения вепсского народа. Совещание имело значительный общественный резонанс, в результате был принят ряд постановлений исполкомов областных Советов по усилению внимания к нуждам вепсского народа, а также решение Совета Министров РСФСР о разработке Программы социально-экономического и культурного развития вепсов. Для подготовки этой программы летом 1989 г. было проведено комплексное изучение вепсской проблемы, в ходе которого собиралась экономическая, демографическая и социологическая информация². Значительная часть этого исследования была выполнена этносоциологической лабораторией МГУ, сотрудниками которой являются авторы данной статьи. В качестве основных задач мы поставили социологическое изучение общественного мнения жителей вепсского региона по широкому кругу социальных и национальных вопросов; изучение исторических и современных популяционных структур; оценка хозяйственно-экономической и экологической ситуации в регионе.

В сельской местности было обследовано 10 сельсоветов, наиболее крупных по числу живущих там вепсов. В них сосредоточено около 75 процентов всего населения вепсского региона (см. схему). Социологическим опросом были охвачены около 700 человек — вепсов и русских, что составляет 5% всех жителей обследованных сельсоветов, или около 3% населения всего региона; кроме того, были опрошены более 200 человек в г. Подпорожье — центре одного из районов, наиболее плотно заселенного вепсами.

Что же представляет собой этот малочисленный вепсский этнос в настоящее время?

Вепсы — один из древнейших финно-угорских европейских народов, ведущий свое происхождение, по мнению большинства специалистов, от летописной вепсы, племена которой издавна обитают на территории между Онежским, Ладожским и Белым озерами.

Ареал их расселения постоянно сужался на протяжении столетий³. В настоящее время вепсы проживают в основном в сельской местности на стыке Ленинградской, Вологодской областей и Карельской АССР (см. схему а); а также в близлежащих районных центрах и в Ленинграде.

Общая численность вепсов в СССР по Всесоюзной переписи 1989 г. — 12,2 тыс. чел. Реально происходящие процессы смешения с окружающим русским населением привели к абсолютному снижению численности вепсов. По данным переписей, убыль их за период 1926—1989 гг. составила 50%. В пределах собственно этнической территории в семи районах⁴ (16 сельских советах) ныне проживает 8—10 тыс. вепсов⁵, что составляет менее 40% населения всего вепс-

ского региона. Понятие «вепсский регион» (в историко-этнографической литературе используют также термин «Междозерье») условно и не подкреплялось ни раньше, ни теперь какими-либо административными границами. Это та часть исторической территории вепсов, на которой они проживают до сих пор. Здесь же расположены старинные «невепские» населенные пункты, в том числе и крупные, такие как пос. Вознесенье, Борисово-Судское. По нашему мнению, их нельзя выводить за рамки анализа вепской проблемы, как это сделано в большинстве рекомендаций Петрозаводского совещания. Во-первых, в них также проживают вепсы, а во-вторых, эти населенные пункты исторически и культурно неразрывно связаны с регионом, и было бы неверно исключать их из государственной программы.

На указанной территории в конце 1920-х годов были созданы национально-административные единицы: Шелтозерский национальный район (часть нынешнего Прионежского района КАССР), а также национальные сельсоветы в Винницком (часть нынешнего Подпорожского района Ленинградской области) и в соседних районах Ленинградской и Вологодской областей. Эти национально-территориальные образования просуществовали до 1937 г. (в Карелии — до 1956 г.)⁶.

В настоящий момент имеется один национальный (вепсский) сельсовет (Куйский) в Бабаевском районе Вологодской области, образованный решением исполкома областного Совета в октябре 1989 г. по итогам голосования жителей этого сельсовета.

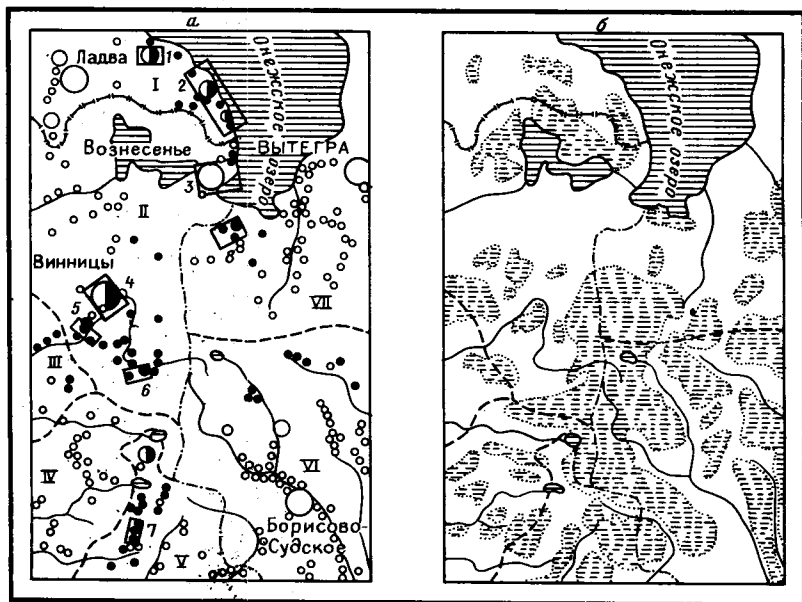
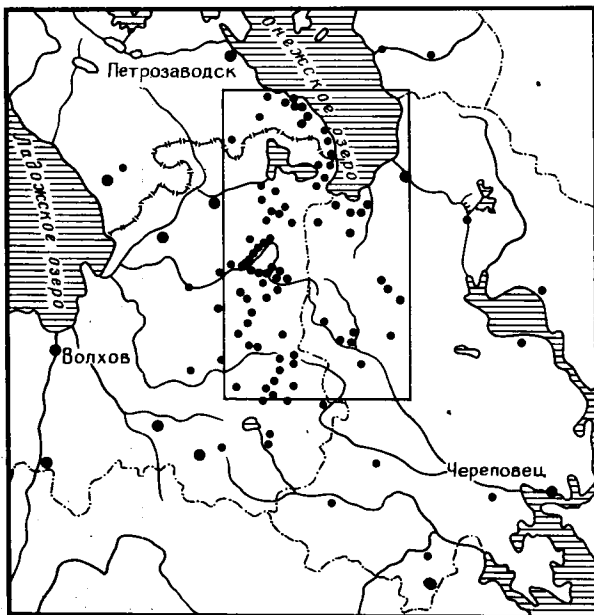
Вепсский регион — площадью примерно 23 тыс. км — ареал не сплошного заселения. Плотность населенных пунктов (всего их около 230) крайне низкая — 0,8 селения на 100 км². Поселения расположены неравномерно — небольшими скоплениями или дробными цепочками — как следствие пестроты природных условий⁷ и как результат политики укрупнения населенных пунктов, которая проводилась начиная с 1950-х годов. Вепсы подразделяются на три этнографические группы: северных, средних и южных, которые традиционно слабо между собой контактируют. Это исторически обусловленный факт, возникший не вдруг и не в результате одного лишь административного разделения вепсского региона хотя оно, безусловно, сыграло свою роль.

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что административная разобщенность вепсов оказывает отрицательное влияние на их культуру и самосознание. Однако и теперь, и в прошлом существовали серьезные естественные преграды для передвижения между различными группами вепсов — болота, леса, чередование удобных и малопригодных мест для жизни и ведения хозяйства. Редкие группы небольших деревень расположились по долинам рек, вблизи озер с наименее заболоченными берегами. Характерно, что нынешние административные, в первую очередь областные, границы пролегают именно через малодоступные водораздельные болотистые территории (см. схему б).

Большинство селений региона, в первую очередь вепских, находятся на периферии транспортных коммуникаций и зачастую труднодоступны. Кроме того, места расселения вепсов разных административных районов практически не связаны общей транспортной сетью, что, как указывалось выше, обусловлено не только административными рамками, но также естественно-природными и историческими факторами.

Результатом разобщенности отдельных групп вепсов являются диалектные особенности их языка, культуры, неодинаковые темпы ассимиляции. Именно о разобщенности свидетельствует выявленная в ходе нашего исследования территориальная структура брачных связей за последние 100 лет между отдельными группами вепсов.

На большей части региона русско-вепское соседство складывалось в течение многих веков⁸. Исключение составляют вепские территории Карелии, где подселение русских происходило в 1920-е и особенно в 1950—1970-е годы⁹. Нынешний национально-смешанный состав населения характерен для всех без исключения

Районы расселения вепсов

■ Наиболее крупные заболоченные территории на схеме б; 2 — Населенные пункты с долей вепского населения не менее 10% на схеме а; 3 — В рамку на схеме а заключены территории, где проводились исследования этносоциологической лабораторией МГУ. На схеме а римскими цифрами обозначены политико-административные территории: I — Карельская АССР, Прионежский район, V — Ленинградская область, районы Подпорожский, Лодейнопольский, Тихвинский, Бокситогорский, VI, VII — Вологодская область, районы Бабаевский, Вытегорский; арабскими цифрами обозначены территории, на которых проводились исследования этносоциологической лабораторией МГУ (июль 1989 г.): 1 — с. Шокша, 2 — Шелтозерский и Рыборецкий сельсоветы, 3 — п. Вознесенье и Гиморецкий сельсовет, 4 — с. Винницы, 5 — Ярославичский сельсовет, 6 — Курбинский сельсовет, 7 — Радогощенский сельсовет, 8 — Оштинский сельсовет

Категория населенного пункта	Дети и подростки 0—17 лет	Мужчины		Женщины		
		18—59 лет	60 лет и более	18—54 лет	в том числе 20—29 лет	55 лет и более
Крупный (1 тыс. чел. и более)	29	27	6	26	7	12
Средний (200—300 чел.)	20	30	9	21	6	20
Мелкий (менее 200 чел.)	2	21	11	15	1	51

вепсских сельсоветов, а в них и для всех крупных и многих средних (более 200 чел.) населенных пунктов региона. В многонаселенных вепсских сельсоветах доля вепсов ниже средней (т. е. менее 50% населения), чем по всем вепским сельсоветам.

В вепском регионе традиционно преобладают мелкие населенные пункты — деревни. Их доля составляет более 80% от всего количества поселений. Число жителей в каждом из них, как правило, не превышает 60—100 человек, 14% составляют средние по величине селения (200—300 чел.). Остальные 6% — крупные села (около 1000 чел. и более).

В крупных сельских населенных пунктах сосредоточено более половины всего населения региона, т. е. более 10 тыс.; около трети — в средних и лишь пятая часть — в мелких деревнях. Численность жителей деревень и многих средних по величине селений непрерывно уменьшается. В деревнях это происходит в настоящее время в основном из-за высокой смертности (основная масса населения в них — люди пожилого возраста). Соответственно исчезают и деревни.

Если исходить из сложившейся тенденции, то вывод приходится делать однозначный: деревни, в том числе «чисто» вепские, по сути обречены. 50—90% их жителей — люди старше 50 лет, причем подавляющее большинство — женщины (см. таблицу). Абсолютное количество и половозрастной состав более молодых жителей не обеспечивает дальнейшего демографического воспроизводства. Здесь действует общая для всего Нечерноземья закономерность: меньший населенный пункт обычно характеризуется значительными «перекосами» половозрастного состава. Лишь демографическая структура крупных и средних селений (напомним, что в местах проживания вепсов эти населенные пункты имеют национально-смешанный состав жителей и характеризуются заметным количеством русско-вепских браков) может обеспечить простое или даже расширенное воспроизводство численности населения. Люди в возрасте 18—59 лет в таких населенных пунктах, как правило, составляют около половины жителей. Среди них доля 18—39-летних — 60% и более; женщины в возрасте условно максимальной плодовитости (20—29 лет) составляют не менее трети всех женщин фертильного возраста.

Как и для всякой сельской территории Нечерноземья, для вепского региона характерно непрерывное переселение людей из небольших селений в более крупные, общий отток населения из региона в близлежащие города, постоянное изменение состава занятых в сельском хозяйстве и в лесной промышленности.

Экономика в вепском регионе не является целостной и не может ею быть, поскольку отсутствуют объективные естественно-исторические предпосылки территориального разделения труда. Нет и не было в прошлом существенных внутрирегиональных устойчивых рыночных отношений. Современные отрасли хозяйства — лесная промышленность, сельское хозяйство (картофелеводство и молочно-мясная отрасли) — в той или иной степени характерны для всех территорий. Большинство хозяйств, и в первую очередь совхозы, являются в течение десятилетий убыточными.

В регионе довольно сложная экологическая ситуация. Несмотря на то что здесь отсутствуют экологически вредные предприятия, природе наносится серьезный ущерб лесозаготовками, прокладкой лесовозных трактов, бесконтрольной разработкой песчаных карьеров, мелиоративными мероприятиями. Последние привели к иссушению ряда сельскохозяйственных территорий. Значителен смыв почвы, происходит вторичная заболоченность местных водотоков.

Естественно, что при любой модели хозрасчета средства, которые могут поступать от хозяйств региона на развитие его социальной инфраструктуры в обозримой перспективе, будут крайне незначительны. Районные и областные бюджеты, в настоящее время дотируемые государством, также не в состоянии обеспечить строительство необходимых на селе объектов соцкультбыта. По сведениям работников местных советских органов, в регионе, впрочем, как и на соседних с ним территориях, более чем в 80% селений полностью отсутствуют культурно-просветительные учреждения¹⁰.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что проблемы социально-культурного развития региона касаются не только вепсов, но и русских, большинство из которых являются также коренными жителями. В какой степени может решить все эти проблемы программа, основанная на рекомендациях Петрозаводского совещания — основного на сегодняшний день руководства по вопросам социальной и культурной политики в отношении вепсов?

Рекомендации регионального межведомственного совещания имеют своей целью улучшение системы хозяйствования и повышения уровня материального благосостояния вепсского населения европейской части страны. Многие предлагаемые меры, безусловно, целесообразны и необходимы. Однако, как уже отмечалось, документ отражает лишь первые шаги на пути разработки программы комплексного развития этноконтактных территорий. Поэтому он требует глубокого критического анализа.

Одним из главных вопросов на совещании был вопрос о создании единой вепсской автономии. Это отразилось в материалах совещания, где в пункте 1 рекомендуется «рассмотреть предложение о создании в районах проживания вепсской народности национальных вепсских районов... как подготовку для образования на их основе Вепсского автономного округа» (см. также п. 22). Идея автономии волнует практически всех — одних воодушевляет, других пугает. Как выглядит эта идея с точки зрения задачи комплексного развития экономики и культуры региона?

Прежде всего, как уже отмечалось, создание единой автономии затрудняется тем, что вепсы, вопреки утверждениям ряда специалистов (см. прим. 1), разделены на относительно изолированные группы не столько административными, сколько естественными границами. Однако это, конечно, не достаточный аргумент против предлагаемого административного объединения вепсских территорий. Каково мнение по этому вопросу у самих жителей региона?

Жители всех трех зон расселения вепсов достаточно хорошо информированы об основных дискутируемых проблемах создания вепсской автономии (90% из числа давших ответы). Но около половины считает, что создавать какую-то форму национального самоуправления нет необходимости. В том числе эту точку зрения разделяет около 40% вепсов, а однозначно за автономию высказалась только четверть вепсского населения.

Приведенные данные свидетельствуют о сложности процессов, происходящих в общественном сознании жителей региона. Основная часть населения не связывает свои надежды на социальный подъем с организацией здесь национальной автономии. В первую очередь это русское, национально-смешанное и ассимилированное (в той или иной степени) вепсское население. Однако, по всей видимости, существуют и другие серьезные причины. Действует, видимо, нынешний пример острых межнациональных конфликтов в стране, отсутствует

уверенность в перспективах социального и экономического развития на национальной основе.

Опрос населения показал, что при возможности выбора из всех форм автономии наименее популярна идея создания национального округа, т. е. целостного и самостоятельного образования. Даже среди вепсов ее поддержали в среднем 1—2% (в отдельных населенных пунктах — до 10%). Это и неудивительно: предполагаемый вепсский национальный округ стал бы чисто механическим административным соединением территорий. Его создание в лучшем случае не приведет к ожидаемым переменам в социальной и культурной сфере. Появится еще одна бюрократическая иерархия, которая помимо дополнительных затрат на свое существование будет пытаться руководить экономикой и общественной жизнью региона, объективно не имеющего целостности. Наши исследования показывают, что в регионе уже лет 20, как достигнут предел централизации хозяйства, и что уровень такого обобществления оказался абсолютно неэффективным. При попытке дальнейшего укрупнения местных и без того нежизнеспособных хозяйств экономическая основа возрождения вепсской культуры будет подорвана окончательно¹¹. Поэтому, даже если бы сторонники концепции национального округа были правы, утверждая, что единство (или же потенциальная возможность единства) вепского этноса оказалось нарушенным исключительно административным размежеванием региона и что в настоящее время уже идет интенсивный процесс консолидации вепсов, то и в этом случае объединение всех вепских территорий не лучшим образом отразилось бы на самих вепсах.

Что же явилось бы здесь более адекватным политическим шагом? На наш взгляд, создание нескольких национальных образований, отражающих действительную этнотерриториальную структуру. За идею создания нескольких автономий высказываются около 30% опрошенных нами респондентов¹². При этом среди вепсов и русских отношение к этим формам самоуправления в принципе сходное.

Крупные вепские массивы вполне логично объединить, как это было и раньше, в самостоятельные районы, а далеко отстоящие от крупных центров мелкие — в национальные сельсоветы. Создание национальных сельсоветов, по нашему мнению, является скорее актом формально-политическим, нежели средством решения социальных и культурных проблем. Фактический статус национального сельсовета, как бы ни выглядели соответствующие юридические нормы, в принципе не должен существенно отличаться от статуса обычного сельсовета.

Налицо противоречие: участники Петрозаводского совещания, судя по документу, считают этнополитические меры основным фактором возрождения вепсов; в то же время само население региона, в том числе вепсы, относится к этим мерам более чем сдержанно; особенно это касается идеи создания вепского автономного округа. Значит ли это, что любая административная форма национальной вепсской территории вообще не имеет смысла? На наш взгляд, создание новой национально-территориальной единицы обоснованно лишь в том случае, если позволит создать условия для развития там наиболее прогрессивных форм хозяйствования как базы дальнейшего культурного и экономического развития, не дожидаясь коренного изменения в экономической структуре всей России. Несомненно, однако, что сам по себе вопрос о целесообразности создания этнополитических образований не является центральным для решения задач развития региона. Автономия — это форма, которая может принести пользу или вред в зависимости от того, каким реальным содержанием она будет наполнена.

Однако среди рекомендаций совещания есть пункты, которые принесут безусловный вред, если будут реализованы. Среди них — требование о предоставлении различных льгот как всему населению вепского региона, так и самим вепсам.

Так пункт 4 рекомендаций предполагает разработку «перечня льгот для вепсов... или распространения на вепсов, являющихся в этом регионе коренным населением, льгот и преимуществ, предусмотренных для народностей Севера... В целях ускорения индивидуального строительства... а также стимулирования возвращения вепсов в свои прежние поселения предусмотреть бесплатный отпуск строевого леса и предоставление долгосрочных ссуд». В пункте 6 различным государственным научным и плановым организациям рекомендуется: «При разработке планов... особое внимание уделить повышению уровня жизни вепсов и ускоренному развитию социальной инфраструктуры в местах их проживания». В п. 10 содержится пожелание отнести «Карельскую АССР (видимо, всю, а не только „вепскую“ ее часть), а также районы проживания вепсов Ленинградской и Вологодской областей к территории, приравненной к Крайнему Северу с выплатой районного коэффициента 1,4 и 60% северных надбавок». Таким образом, речь идет о двух системах льгот: для всего населения и отдельно для вепсов. Отметим, что конкретный перечень «северных» льгот остается для населения пока «тайной», однако в основном он известен как дополнительное повышение зарплаты и возможность свободного использования природных ресурсов. К какому же последствиям может привести принятие этих мер? Прежде всего возникнет стихийный приток в вепский регион мигрантов, составляющих слой социального «перекасти-поля» и уже создавших значительные трудности во многих районах нашей страны. Заверения представителей местных органов власти о возможности административного сдерживания притока переселенцев нельзя расценивать как некую гарантию. Опыт других территорий, в первую очередь крупных городов, показывает как раз несостоятельность и недостаточность таких мер. Кроме того, в большинстве хозяйств вепского региона ощущается недостаток рабочих рук, имеются половозрастные диспропорции, а это объективные предпосылки переселения людей. При этом естественно, что темпы ассимиляции вепсов увеличатся.

Еще большее сомнение вызывает расчет на предоставление на данной территории льгот и преимуществ, предусмотренных для народов Севера (дополнительных к «региональным» льготам) только вепсам. Прежде всего, эта дискриминационная мера даст импульс к обострению межнациональных отношений. Данные нашего опроса показывают, что «северные льготы» в случае их введения, по всей вероятности, станут яблоком раздора между русскими и вепсами: на разных территориях 30—50% вепсов высказались за эти льготы, а 50—60% русских — резко против.

В мировой практике система экономических льгот предусматривается обычно для народов, сохранивших племенную структуру, т. е. в случаях, когда имеется коллективный субъект права, в том числе права на определенную территорию. В данном же случае мы этого не наблюдаем.

Необходимо также сказать, что благое пожелание повысить уровень благосостояния вепсов путем введения особых льгот отгородит этнос от окружающей социальной и экономической реальности только на первых порах. А затем возникнет проблема, с которой уже столкнулись многие народы Севера: либо сохранять образ жизни, сочетающий в себе черты паразитизма и нищеты, либо по возможности быстрее ассимилироваться.

К этому остается добавить, что нет должной ясности ни среди населения, ни тем более среди администрации, кого именно считать вепсом. По мнению авторов рекомендаций, не только во всесоюзных переписях, но и при получении паспорта многие вепсы при разных обстоятельствах оказались записаны русскими. В дальнейшем это распространялось и на их детей.

Так, по данным нашего исследования, во многих вепских населенных пунктах Ленинградской области в книгах похозяйственного учета вепсами числятся 5—10% всего населения, по паспорту — 20—25%, а сами себя считают вепсами около 60%. Однако и в последнем случае национальная идентификация не может быть точной. Нужно иметь в виду, что количество людей,

указавших себя вепсами, безусловно, возрастет, если льготы будут введены. Во-первых, многие русские имеют прямых родственников среди вепсов (20—40% на разных территориях), а во-вторых, значительное количество вепсов в переписи 1989 г. записалось русскими¹³. Легко представить себе, насколько драматична будет борьба этих людей со всякого рода инстанциями за право на льготы. Все это вепсы, отрицательно относящиеся к данному мероприятию (20—40%), прекрасно сознают.

Аналогичная ситуация в случае введения льгот возникнет и при прохождении конкурса в специальные учебные заведения. Рекомендации Петрозаводского совещания предполагают принимать одаренных детей вепсской национальности без конкурса в музыкальные, хореографические и художественные училища (пункт 13) и льготные условия приема в ряд вузов (ЛСХИ, Вологодский молочный институт, Ленинградская лесотехническая академия и др.). Но что значит «систематически выявлять и направлять наиболее одаренных детей вепсов в музыкальные и другие художественные училища»? Если в том же селе, в том же классе окажется одинаково или даже более одаренный ребенок другой национальности, значит все равно отдавать предпочтение вепсу? С подобной практикой еще как-то можно было бы согласиться в случае подготовки национальных кадров по языку и культуре. Но очевидно, речь идет не только об этом, когда предлагается образовательная льгота вепсам при поступлении в сельскохозяйственный или молочный институт. Против таких мер резко выступило около 30% вепсов. Напомним также общеизвестный факт, что «внеконкурсное» формирование интеллигенции приводит лишь к возрастанию численности людей с дипломами. Их профессиональные качества, как правило, низки, а социальные ожидания, наоборот, неоправданно высоки.

Не вызывает принципиальных возражений, хотя и требует более глубокого обоснования, целесообразность возрождения письменного вепсского языка и возобновление его преподавания в школе, которое было прекращено в конце 1930-х годов. Из рекомендаций совещания неясно, преподавать вепсский язык всем в обязательном порядке или по желанию. По результатам нашего опроса 20—50% вепсов высказались за обязательное всеобщее обучение и 20—40% — резко против. Среди русских против обязательного обучения всех детей вепсскому языку высказались 30—50% опрошенных¹⁴.

В данном случае необходимо также учитывать и то, что в ряде школ из-за нехватки учителей вообще некоторые общеобразовательные предметы не преподаются. Нередко ученики разных классов из-за малочисленности состава занимаются вместе. В некоторых школах в течение нескольких лет вообще нет новых учеников.

Таким образом, если сформулировать основополагающие принципы программы, разработанной на Петрозаводском совещании, то ими окажутся: 1) приоритет этнополитических целей над экономическими и этнокультурными, 2) дотационная экономика, 3) система национальных и региональных льгот. Естественно, что эти три принципа не могут стать надежной опорой социальной национальной политики в регионе. Требуется принципиально иной подход. Нужна нормальная сбалансированная экономика, которая обеспечит повышение уровня жизни в регионе и в то же время не приведет к межнациональной розни и бесповоротному нарушению локального экологического баланса. Некоторые необходимые для этого меры предусмотрены в рекомендациях. В частности, упорядочение промышленных рубок и рациональное использование лесных ресурсов. Эти меры необходимо конкретизировать, продумать механизм воплощения их в жизнь. Например, предусмотреть развитие мелких деревообрабатывающих производств, которые позволили бы сократить объем заготовки и вывоза необработанной древесины.

Научный подход к разработке программы развития малочисленных народов, несомненно, должен основываться на подчинении политических мер решению экономических проблем и вопросов культурного развития.

Необходимо реорганизовать экономику в регионе так, чтобы она базировалась не на бесконтрольной эксплуатации природных ресурсов, а на комплексе взаимодополняющих отраслей: деревообрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, туризме, переработке так называемых «даров леса» (ягод, грибов и т. д.). Определенную роль в местной экономике может играть и вывоз минеральных ресурсов.

Вне сомнения, все мероприятия по развитию языка и культуры вепсов могут быть эффективны лишь в том случае, если вепсский этнос обретет экономическую, экологическую и социальную устойчивость. Достижение такой устойчивости, на наш взгляд, и является главной целью государственной политики в отношении малочисленных этносов.

Активным субъектом долговременной экономической и социокультурной программы должна стать не статистическая совокупность лиц вепсской национальности, а реальная этнокультурная общность русского и вепсского населения.

Возрождение вепсского народа возможно лишь при условии успешного социального развития всего региона, решения вопроса о собственности на землю и природные ресурсы. Не имея возможности детально обсуждать здесь эту проблему, рассмотрим ее на примере сельского хозяйства.

Возрастание централизации хозяйственной деятельности, в силу экологической специфики региона в последние десятилетия быстро разрушает традиционную культуру жизнеобеспечения. Уже с конца 1920-х годов принудительный труд на лесоповалах и коллективизация существенно изменили систему хозяйствования. Природные условия в регионе (неоднородность рельефа, разнообразие увлажнения и качества почв) таковы, что для сельскохозяйственных целей выгоднее использовать небольшие, менее 10 га, несмежные участки земли. Но такая форма ведения хозяйства приемлема для единоличника. Коллективное хозяйство, напротив, требует крупных целостных земельных угодий, и централизация хозяйственной деятельности неминуемо повлекла за собой ее концентрацию.

Первоначально, в 30-е годы, было организовано много небольших колхозов (по 2—3 деревни, 20—30 дворов). Но уже в тот период из сельхозоборота исчезают временно используемые земельные массивы — расчищенные из-под леса и удобренные подсечно-огневым способом «палы» — из-за небольших площадей, подчас отдаленного их положения и разбросанности. Вместе с тем расширялась запашка в непосредственной близости от деревень, захватывались сенокосы и неудобья.

Дальнейшая судьба мелких колхозов общеизвестна. Они исчезали, последовательно объединяясь во все более крупные хозяйства. Ничего общего с естественным экономическим развитием подобная реорганизация не имела. Характерно при этом, что одновременно приходили в упадок и забрасывались пахотные земли периферийных деревень. В 1950—1960-е годы укрупнение хозяйств достигло максимума — ситуация, когда следующий шаг к обобществлению вынудил бы открыто изъять из сельскохозяйственного оборота практически все земли одного из объединяемых хозяйств (более мелкого).

Параллельно с этим происходило постоянное перемещение на центральные усадьбы хозяйств людей из окружающих мелких деревень, где жизнь замедлялась. В 1950—1960-е годы в них последовательно от периферии к центрам закрывались начальные и средние школы, магазины, клубы. В то же время относительно крупных населенных пунктах появились электричество, водопровод, медицинские учреждения и проч.

Между тем результатом централизации хозяйственной деятельности и концентрации населения явились хроническая убыточность большинства хозяйств и перенаселенность в сельских административно-хозяйственных центрах.

Земли для приусадебных участков здесь стало не хватать уже в 1960-х годах. На сегодняшний день на каждого человека в регионе приходится в среднем

0,03—0,06 га приусадебных участков, а на семью — в среднем 0,1—0,24 га. Из-за земельного дефицита (что парадоксально при наличии земель в брошенных деревнях) широкое распространение имеет почти исключительно картофель, как наиболее урожайная культура вместо десятка сельскохозяйственных культур, которые можно было бы с успехом, как и раньше, выращивать для собственного потребления.

Если год урожайный (200—280 ц/га), то на каждого человека в среднем собирают 5—16 ц картофеля. Из них, за вычетом семенного фонда, порчи при хранении, употребления для собственных нужд, только 1—8 ц в год могут быть проданы. Это без учета транспортных затрат может принести в среднем за месяц 30, максимум 80 руб. на человека. В неурожайные годы (100—120 ц/га), которые здесь отнюдь не редкость, картофеля хватает только для собственного потребления.

Скот и птица из-за недостатка кормов содержится в небольшом количестве — в среднем по одной корове на три хозяйства.

Даже беглый обзор условий индивидуального землепользования показывает, что для полноценного самообеспечения сельского населения региона продуктами питания земли не хватает, не говоря уже о том, что приусадебные участки слишком малы для создания стабильного минимума товарной продукции.

Спрашивается, что лучше: увеличить зарплату сельским труженикам посредством северных коэффициентов (т. е. увеличить массу бестоварных денег) или дать людям возможность в полную меру использовать земельные массивы? На наш взгляд, целесообразно идти по пути превращения личных приусадебных хозяйств из подсобных в основное средство жизнеобеспечения сельских жителей. В данной статье нет возможности детально обсуждать эту проблему. Однако отметим, что ее решение имеет кардинальное значение для снятия многих форм социального и возможного национального напряжения. Достаточно сказать, что основная масса людей, высказавшихся в ходе нашего опроса за необходимость предоставления льгот, — это рабочие совхоза, домохозяева и пенсионеры, из которых более 60% являются мигрантами (вспомним переселения людей из деревень в сельские административные центры). Приезжие — наименее обеспеченная часть населения. Приусадебные участки у них либо отсутствуют, либо в 3—4 раза меньше, чем у коренных жителей. Своего жилья, как правило, нет. Многие размещаются на квартирах или в типовых многоквартирных неблагоустроенных домах.

Мы глубоко уверены, что постепенный отказ от «дотационной» экономики должен стать общим принципом взаимоотношений государства с малочисленными народами. Взамен государство должно предоставить возможность хозяйствам предпринять шаги, соответствующие их экологическим и экономическим возможностям. Регламентирующая функция государства необходима лишь для целей охраны природы в регионе.

Восстановление сельского хозяйства в качестве основы жизнедеятельности населения вепского региона не потребует привлечения людей извне, как это предполагают дотационные программы. Нецелесообразны также и специальные меры для сдерживания миграционного оттока населения из региона. Оставаться будут наиболее предприимчивые и трудоспособные работники.

Если подобный региональный эксперимент по реорганизации хозяйства и землепользования окажется удачным, то, безусловно, появится контингент людей, в том числе из среды вепсов, экономически заинтересованных, и, главное, способных занять брошенные некогда земли и деревни и образовать хутора. Тогда и только тогда появятся реальные предпосылки для восстановления деревень, как русских, так и вепских, и станет целесообразным строительство дорог к заброшенным угольям.

Однако фундаментальное преобразование экономических и социальных основ культурного возрождения региона не требует времени. Параллельно

этим необходимы усилия по поддержанию традиционной культуры, и в данном случае действительно требуется государственная помощь региону, по крайней мере на тот период, пока локальные общности не обретут социально-экономическую устойчивость.

Основная цель государственной помощи вепсскому региону в развитии культуры должна заключаться в создании того минимально необходимого уровня социокультурной инфраструктуры, который бы способствовал сохранению локальных общностей. Имеется в виду система стабильных межличностных отношений внутри групп людей, ограниченных территорией совместного проживания, хозяйствования и быта.

Почему в поддержании вепсской культуры государство должно принимать непосредственное участие? Знания самого населения о культуре и истории региона во многом утрачены. Угасают самосознание, язык, традиционные навыки в быту и хозяйстве. Это, собственно, и послужило поводом к постановке «проблемы вепсов». Одним из результатов ассимиляции является непрестижность самого признания принадлежности к вепсской национальности и зачастую нежелание вепсов возрождать собственную культуру. Насколько эти явления естественны и необратимы, покажут время и специальные исследования. А в настоящий момент, пока имеются социальные и политические силы, поддерживающие идею культурного возрождения вепсов, пока благоприятна этнодемографическая обстановка, нужно предпринять необходимые шаги для сохранения вепсской культуры.

Участие государства необходимо прежде всего в создании благоприятных материальных, организационных и правовых условий существования и пропаганды вепсской культуры. Однако это не означает, что необходимо сохранять и развивать ее во что бы то ни стало силами различных государственных учреждений. Вепсы и лица других национальностей, проживающие в регионе, должны иметь возможность выбирать самостоятельно, какие из традиционных культурных ценностей изжили себя, а какие стоит принять и развивать дальше. Главной целью государственной помощи в области культуры малочисленному народу должно быть создание специальной информационной системы — полноценного источника сведений об истории и культуре региона, источника, доступного по основным своим формам для большинства населения региона. При таком подходе не ущемляются социальные права и возможности этнокультурного развития людей других национальностей (в первую очередь, русских), проживающих на этих же территориях. Во-первых, потому, что вепсская и русская культуры в этом регионе тесно связаны между собой, имеют общую историческую судьбу и в отрыве одна от другой практически не существовали. Во-вторых, соседство вепсов и русских и отсутствие каких-либо форм взаимной изоляции по национальному признаку делают возможной государственную поддержку в сфере культуры для всего населения вепсского региона.

Основными же звеньями специальной информационной системы по традиционной вепсской культуре могли бы стать центральные научно-исследовательские учреждения, музеи, научно-методические центры при местных управлениях культуры, местные средства массовой информации и отделения Общества вепсской культуры (существует с 1989 г.). Нижние элементы этой системы — деревенские музеи, клубы, библиотеки, школы — уже существуют в ряде мест, но без материальной базы, широких контактов и методической помощи малоэффективны или же практически бездействуют.

Таким образом, национальная политика в отношении малочисленного народа, каким является вепсский этнос, должна быть строго продуманной системой взаимовязанных мер в сфере экономики и культуры. При этом не следует отдавать предпочтение дотационной политике (особенно в экономической области), и вместе с тем нет нужды бороться за полный «национальный» хозяйственный расчет (особенно в сфере развития культуры).

Проблема вепсов, как и большинство других национальных проблем в нашей стране, вызвана преимущественно экстенсивным развитием экономики. И конечно, кардинально ее решить возможно лишь в русле новой, интенсивной экономики, посредством организации действительно самостоятельных хозяйственных единиц на основе возможностей, предлагаемых новым законом о земле. Однако часть существенных преобразований в регионе можно произвести уже сейчас, не дожидаясь всесторонней разработки общесоюзной концепции экономического развития. Надо заметить, что без подобных «опытных лабораторий», какой мог бы стать вепсский регион, практически трудно, не впадая в противоречие с реальностью, разработать общую экономическую стратегию. Как бы ни была хороша и на первый взгляд, совершенна система социальных экономических реформ, требуется постоянная обратная связь — четкое представление о последствиях тех или иных экономических и культурных мер коррекция государственной программы. В частности, необходимо, чтобы развитие этноконтактной ситуации у вепсов стало объектом постоянного научного исследования, а не предметом разового обсуждения и окончательных рекомендаций. Вообще требуется независимое научное подразделение для изучения подобных проблем. Оно должно состоять из специалистов разного профиля заинтересованных в выявлении объективных тенденций, а не в «проталкивании» того или иного заранее заданного решения.

Примечания

¹ Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки. Петрозаводск, 1988.

² Разработка программы проведения исследования и анализ собранных материалов осуществлены лабораторией этносоциологии исторического факультета МГУ под руководством А. А. Сусоколова.

³ Пименов В. В. Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 6, 52, 54, 178, 189, 258; Йоланд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.

⁴ Подпорожский, Лодейнопольский, Тихвинский, Бокситогорский районы Ленинградской области, Прионежский — Карельской АССР, Вытегорский, Бабаевский районы Вологодской области.

⁵ Для определения численности вепсов в регионе мы пользовались данными З. И. Строгальщиковой (Строгальщикова З. И. Об этнодемографическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории...) и собственными полевыми материалами.

⁶ Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории... С. 19.

⁷ Анализ топографических карт крупного масштаба показывает, что отдельные группы населенных пунктов с окружающими их сельскохозяйственными угодьями разъединены болотистыми территориями площадью по 400 км² и более.

⁸ Пименов В. В. Указ. раб. С. 192 и др.

⁹ Государственный архив КАСР. Ф. 659. Оп. I. № 41/750; Ф. 2955. Оп. I. № 91—143; Ф. 3170. Оп. I. № 5—44; Ф. 2788. Оп. 2. № 1—26.

¹⁰ В рамках статьи нет возможности сосредоточиться на доказательстве приведенных положений о невозможности целостного экономического развития региона, об убыточности большинства имеющихся здесь хозяйств, о слабом развитии социальной инфраструктуры.

¹¹ Можно убедительно показать, что вслед за развалом хозяйства региона отток населения неминуемо захватил бы и значительное число вепсов. Из-за недостатка места в статье мы опускаем обсуждение другой важной проблемы — о статусе национального округа (в составе КАСР или даже полностью суверенное образование). Любое из решений вызовет обострение межнациональных противоречий в регионе.

¹² Более 60% населения воздержались от ответа. Результат вполне объясним, если учесть, что значительная часть населения вообще против какой бы то ни было национальной автономии. Очевидно, стоит задуматься о необходимости придания автономным районам статуса национальных.

¹³ Например, по данным, полученным нами от переписчицы, жительницы Куйского сельсовета Бабаевского р-на, жители которого проголосовали за присвоение сельсовету статуса национального, во время Всесоюзной переписи 1989 г. русскими записались около 15% вепсов.

¹⁴ Следует учесть, что приводимые здесь и выше «вилки» цифр отражают территориальное разнообразие мнений населения. Данные по всему массиву опрошенных более контрастны: вепсы — за обучение вепскому — 30%, «против» — 33%; русские — «за» — 13%, «против» — 55%.

© 1990 г.

С. А. Козлов

ПОПОЛНЕНИЕ ВОЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ СООБЩЕСТВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVI—XVII вв.

Процесс активного формирования терско-гребенского казачества на Северном Кавказе прослеживается по письменным источникам со второй половины XVI в. С этого времени начинается и непрерывный рост вольных общин казаков, пополнение их многочисленными потоками беглых людей из разных уголков России. В ряды казачьей вольницы на Северном Кавказе вливаются участники крестьянских войн и выступлений, все недовольные крепостническими порядками. В казачьих городках находили убежище и северокавказские горцы, которые вынуждены были по различным причинам покидать свои общества. Пополнение казачьих групп в регионе за счет постоянного притока новых поселенцев происходило прежде всего потому, что независимость вольных казаков от государства, их демократизм гарантировали каждому искавшему спасения от самодержавно-крепостнической власти право на свободу и возможность стать полноправным членом казачьей общины.

История формирования терско-гребенского казачества получила отражение в исторической литературе¹. Особый раздел посвятила этому вопросу Л. Б. Заседателева в работе «Терские казаки». Убедительный вывод автора о том, что первые казачьи сообщества на Тереке состояли из выходцев с Дона, с южных и юго-восточных окраин Русского государства, в какой-то мере разрешил продолжительные дебаты о рязанской или донской доминанте вольного казачества на Северном Кавказе². Но в недавно вышедшей монографии А. А. Шенникова «Червлёный Яр» рязанская версия получила дальнейшее развитие³. Все это свидетельствует о необходимости новых интенсивных исследований начальных этапов истории вольного казачества на Северном Кавказе и значительного расширения источниковедческой базы.

В данной статье предпринята попытка на основе изучения как уже опубликованных материалов, так и многочисленных новых документов, выявленных в Центральном государственном архиве древних актов (далее — ЦГАДА), рассмотреть основные источники пополнения вольного терско-гребенского казачества и динамику его роста в XVI—XVII вв.

Первые упоминания о вольных казаках на Северном Кавказе встречаются в документе 1563 г. Это жалоба ногайских мурз на вольных казаков с Волги, разграбивших их улусы. В ответе ногаям посол Ивана Грозного отмечал: «И государь наш тех казаков многих казнил, а иные от государя нашего опалы збежали в Азов и в Крым и в Черкасы»⁴. Е. Н. Кушева, опубликовавшая этот документ, сопоставляя его с другими, пришла к выводу, что речь в нем идет о «черкасах» (т. е. горских народах) Северного Кавказа, а не о жителях Поднепровья. Но считать терских или гребенских казаков выходцами с Волги, девью волжских казаков, переселившихся на Терек в XVI в., было бы неверно.

Во второй половине XVI в. Волга стала одной из самых оживленных торговых артерий. После присоединения Астрахани к Российскому государству в орбите его влияния оказалась «вся Волга и до моря», стали осваиваться ее лесистые берега, появляться казачьи городки. Численность вольных казаков на Волге росла быстро за счет беглого люда из разных мест. Так, в 1586 г. провожать в Астрахань крымского царевича Мурат-Гирея было направлено «волских атаманов 22 человека, а казаков с ними 869»⁵. В другом документе сообщалось о том, что «стоят на Волге многие казаки, тысячи с полторы и боле»⁶. Это была внушительная сила, которая доставляла немало беспокойств царской администрации. Казаки нападали на торговые суда, грабили «послов и гостей». Жаловались на набеги «воровских» казаков и ногайские мурзы, указывая, что «казачьи орды... отогнали у них многия стада» и даже устроили погром Сарайчика⁷.

В фондах ЦГАДА сохранилось немало документов, описывающих репрессивные меры царской администрации по отношению к казакам на Волге⁸.

Но зачастую русские послы, сообщая ногайским мурзам о том, что «казачьих казнили», не забывали добавить: «...а которые не виноваты и тех с Волги за што сводить»⁹. По заверениям царских представителей, Сарайчик погромили «беглые казаки», а «наши казаки не хаживали»¹⁰. Упоминается в посольских отписках и о «добрых казаках».

Безусловно, под «добрыми» и «нашими» казаками, как правило, подразумевались служилые казаки, которые начинают появляться на Волге. Однако анализ источников показывает, что нередко «нашими» оказывались и волжские вольные казаки¹¹. Так против кого же тогда направлялась царская немилость? Русские послы не раз отмечали, что «приходят на Волгу многие козаки из Днепра и из Дону и воруют и оприч волских козаков»¹². Волга становилась местом, куда стекались в поисках легкой добычи «воровские» казаки с Дона, Днепра, Яика и других мест. Против них и направлялись карательные экспедиции, хотя доставалось, конечно, и «коренным» волжским казакам. Спасаясь от репрессий, «многие люди» разбежались на окраины, в том числе на Терек.

В наказной памяти, данной в 1584 г. русскому послу Б. П. Благоволу в Турцию, отмечалось: «А ныне людей государевых на Терке нет, а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома. А сее весны государь наш писал в Астрохань к воеводам, чтоб ссыкали накрепко тех всех казаков, которые Волгою приходят в Терку, и они б заказ крепкой учинили во всех протоках волжских, чтоб казаки в Терку не проходили»¹³. Таким образом, Волга стала важным транзитным путем при заселении терско-сунженского бассейна.

Отдельные группы казаков часто переходили с Дона на Волгу, с Волги на Яик и Терек и т. д. Разделение казачества по рекам было в значительной мере условно. Из-за большой подвижности, постоянных переездов, одни и те же казачьи отряды назывались в источниках то донскими, то волжскими, то терскими. В документе 1586 г., например, упоминается посланный воеводами из Москвы для сопровождения крымского царевича терский атаман Борис Татарин, «а с ним десят человек казаков». В другой посольской отписке этого же дела уже сообщалось о том, что «с царевичем Мурат Киреем... пошло волских атаманов с казаки Борис Татарин, а с ним девяносто пять человек, да Иванко Рязанец, а с ним пятьдесят человек»¹⁴. В дальнейшем документы сообщали о том, что на Волге действовал «воровской» атаман Борис Татарин, со 150 казаками и соединившимися с ним запорожцами. В 1588—1589 гг. они были разгромлены царскими ратными людьми¹⁵.

Во второй половине 80-х годов XVI в. на Волге была построена целая цепь царских городов-крепостей: Самара (1586 г.), Царицын (1588 г.), Саратов (1590 г.) и др. «Для того, государь наш, Самару город велел поставить,— сообщали русские послы ногайским мурзам,— чтоб вам же было береженье от

воров, от волжских казаков». Правительство постоянно требовало от самарских воевод, чтобы они посылали на «воровских» казаков стрельцов и служилых казаков «с вогненным боем» и тех воров «побивати и имая вешать»¹⁶. «Ключом к Волге» стал Царицын, построенный у Переволоки, откуда проникали на волжские просторы вольные казаки. Отныне Волга для них была заперта.

Появление царских городов-крепостей на казачьих землях привело к тому, что вольные волжские казаки начали активно «превращаться» в служилых, «жилецких», включаясь в систему феодальной службы. Любые попытки казаков отстоять свои «вольности» беспощадно подавлялись. Те же, кто не желал подчиняться царской власти, устремились к своим собратьям на Яик и Терек. В 80—90-е годы XVI в. вольные казачьи сообщества на Тереке основательно пополнились за счет беженцев с Волги. В посольских отписках конца XVI в. не раз сообщалось о волжских казаках, которые стали появляться на Тереке, причиняя немало хлопот царским властям¹⁷.

Периодически прибывавшие на Северный Кавказ ватажки с разных заповольных рек стали важным источником пополнения вольного терско-гребенского казачества и в XVII в.

Первые сведения о месте пребывания вольных казаков на Северном Кавказе встречаются в царской грамоте 1581 г., где указывалось, что «беглые казаки... живут на Терке на море», т. е. как в устье Терека, так и по его течению¹⁸. Других, более подробных сведений о расселении вольного казачества в документах XVI в. пока не встретилось. В источниках не прослеживается и деление на терских и гребенских казаков. Первоначально сообщалось только о «вольных терских казаках», «казаках с Терка», под которыми в документах подразумевались все казачьи сообщества, осваивавшие бассейн Терека и Сунжи. Само же образование терского и гребенского казачества представляется нам результатом дифференциации единого вольного казачества на Тереке. И поэтому неубедительно распространенное в исторической литературе мнение о том, что вначале появились гребенские казаки, обитавшие у склонов («на гребнях») Терского хребта или на правом берегу Сунжи, а уж затем, к концу XVI в., в низовьях Терека осели ватажки собственно терских казаков. Вероятнее всего, подвижные, курсировавшие по всему терско-сунженскому бассейну казачьи сообщества почти параллельно осваивали как устье и низовья Терека, так и гребни Терского хребта и правобережье Сунжи. И продвигались казаки от терского устья все дальше за междуречье Терека и Сунжи, а не наоборот. О широком ареале расселения вольных казаков «с Терка» свидетельствуют различные письменные источники XVII в. В посольской отписке 1640 г. сообщалось о том, что «казаки живут по Терку и по Сунше и в иных местах по городком и на промыслах, на море и на реках и на камышах и на степях»¹⁹. Целая цепь казачьих станиц расположилась «по Терку от Царева Броду и до урочища Моздоку»²⁰.

К первой половине XVII в. уже сформировались основные группы вольного казачества и каждый из казаков относил себя к определенной ветви. Вместе с тем были еще сильные представления о единстве и целостности казачьей общности и возможности свободного перехода из одной группы в другую. Разные казачьи группы поддерживали прочные связи друг с другом, участвовали в совместных военных акциях. Обнаруженные нами в фондах ЦГАДА документы позволяют в какой-то мере проследить механизм взаимоотношений терско-гребенского казачества со своими собратьями «с разных рек».

Особый интерес в этой связи представляет документ 1628 г. — дело о сыске пограбленных вольными казаками на Тереке «пожитков» сестры крымского калги Шагин-Гирея. Анализ источника показывает, что в XVII в. уже сложилось определенное деление на «коренных гребенских казаков», «прямых терских казаков» и «людей схожих», т. е. прибывавших на Терек разных беглых сходцев и «воровских» казаков. Так, вольный казак Фролка Афанасьев «с товарищи... в распросе» показали, что «были де мы в те поры как их громили

люди схожие, а не коренные гребенские атаманы и казаки на том погроме...»²¹ О терских вольных казаках сообщалось, что «прямые казаки терские стояли в то время по вестям под городом Терки...» и в «пограблении» не участвовали. Расследование показало, что крымский отряд пограбили «волные казаки донские» и разные «схожие люди», среди которых упоминались стрельцы Терского города. Причем после погрома «иные внове учали быть казаки в гребнях» (т. е. поселились в городках и острожках русских вольных казаков на Тереке и притоках), большинство же «де збежали на Дон»²². Вольные казаки «с Терка» отрицали всякую причастность к погрому, обвиняя в этом «схожих людей» и прежде всего донских казаков, что не отражало реальной ситуации. В документе неоднократно упоминалось об участии в «пограблении» также и гребенских казаков. Но для нас важно другое: источник свидетельствует о том, что вольное терско-гребенское казачество охотно принимало в свои общины «воровских» казаков, в данном случае собратьев с Дона, и давало приют разным беглым людям.

Вольные казаки с запольных рек постоянно появлялись «по разным делам» на Северном Кавказе. Особенно же часто приходили на Терек отряды донских казаков, что было обусловлено прежде всего довольно близким расстоянием. В источнике 80-х годов XVII в., например, отмечалось «а з Дону де из Черкасского степью к гребенским казакон ходу бывает две недели, и донские казаки в гребни тою дорогою ездят безпрестанно человек по сту и менши»²³. В другом документе, посольской отписке 1682 г., уже указывалось, что казакам с Дона к гребенским станицам «степью, ходу будет 10 дней»²⁴. В среднем расстояние от Дона до Терека преодолевалось казачьими отрядами за 10—14 дней, что позволяло донским казакам и их собратьям с Терека поддерживать постоянные контакты, обмениваться информацией, помогать друг другу и, безусловно, пополнять свои общины.

Как правило, в документах XVII в. сообщалось лишь о грабежах и нападениях «воровских» казаков с Дона на торговые караваны и посольские отряды, а также о мерах, которые принимала царская администрация в борьбе с казачьими «погромами». Так, в отписке в Посольский приказ в 1629 г. указывалось, что, по сведениям гребенских атаманов и казаков, в их городки приходили «да лежат по перевозам и по дорогам з Дону казаков з двести человек»²⁵! В другой, более поздней отписке 1643 г. уже отмечалось, что «в верху по Терку и по Сунше реке воруют донские и запорожские воровские казаки на дорогах, кумыцких людей побивают и грабят»²⁶.

Донские казаки появлялись на Тереке не только отрядами, но и в одиночку. Об одном таком казаке, Ивашке Беспалом, рассказывается в отписке терских воевод 1633 г. Из документа следует, что он вместе с «гулящими» людьми Ивашкою и Кондрашкою приезжает в Терский город, где «в хоромах» (т. е. тайно) живет в Черкасской слободе. На Терек Ивашко Беспалой привел с собою «четыре лошади». Вскоре он со своими «друзьями» узнает, что в город прибывает купец из Персии с «ясырем и соболями». Они устраивают «на дороге» погром торгового каравана и затем со всем «животом» приходят «в гребени под городок к атаману Ивашке Сарафанникову». Расследование показало, что казачий атаман оказывал «ворам» помощь и содействие и даже присвоил себе часть добычи. Из гребенского городка донской казак Ивашко Беспалой уезжает вместе с «из Борогун узденка» и собирается ехать до Астрахани. К сожалению, документ не позволяет нам проследить его дальнейшую судьбу. В отписке сообщается только, что донской казак Ивашко Беспалой «пропал без вести»²⁷.

Сохранилось немало сведений и о прибытии на Северный Кавказ казаков-хохлачей, т. е. запорожцев²⁸. Приходили «на море» и на Терек за зипунами «воровские казаки» с Яика²⁹, хотя в документах и указывалось, что «от яицких казаков до гребенских... не блиско, потому что Яик от Астрахани в стороне, в степи»³⁰.

В целом анализ источников показывает, что вольные казаки «с разных рек» в XVII в. приходили на Терек, как правило, на непродолжительный период и лишь небольшие казачьи группы прочно оседали в терско-сунженском бассейне.

Не случайно о появлявшихся на Северном Кавказе различных отрядах казаков нередко сообщалось, что «те казаки разбрелись на Дон»³¹ и на другие «заполненные речки». Небольшие отряды вольных казаков постоянно курсировали «по рекам» в поисках легкой добычи, не желая заниматься каким-либо хозяйством. Подобные казачьи ватажки появлялись и на Тереке. Так, терские воеводы сообщали, например, в 1647 г. в Москву, что к ним с повинною пришел небольшой отряд «морских казаков», которые уверяли, что они «в Гребени и на Куму и на Дон... никуда на заполненные речки итти не хотят» и больше «воровство не похотели»³². К тому же терские и гребенские казаки не всегда принимали в свои городки казачьи ватажки и порой даже шли на обострение отношений. В 1649 г. терские «старые» казаки отказались идти с пришедшими с Дону донскими и запорожскими казаками на ногайский аул, который разместился на Тереке «меж казачьих городков на выходи»³³. В середине XVII в. пополнение казачьих сообществ на Тереке за счет собратьев с других рек уже не было достаточно эффективным. Отряды вольных казаков, постоянно прибывавшие на Северный Кавказ в терско-гребенские городки, как правило, уходили. Небольшие группы терских и гребенских казаков также периодически ютились в своих городках и уходили «по рекам» и «на море». В документе 1628 г., например, отмечалось, что «многие гребенские казаки исторопясь збежали на Дон»³⁴. В другом источнике (отписке терских воевод в посольский приказ 1631 г.) сообщалось, что вольные казаки «с Терка... на государеву службу итти не хотят, а бредут розно на Куму реку и на Дон»³⁵.

В различных источниках 40—50-х годов XVII в. неоднократно указывалось, что терско-гребенские казаки из-за притеснений ногайских и кумышских владельцев хотели «покинут юрты свои с Терка реки брести врознь и на Дон»³⁶, что свидетельствует прежде всего о прочных связях, которые поддерживали друг с другом казачьи группы. Отчасти это могло быть вызвано и тем, что небольшие отряды донских казаков, осевших в терских казачьих городках, когда «де стало жить от бусурманов невозможно», вспомнили о своих родных местах и изъявили желание возвратиться на Дон, призывая к этому и других вольных казаков.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением Н. И. Никитина о том, что для гребенского казачества была характерна малая подвижность³⁷. Частые передвижения, а также тесные контакты и взаимопомощь были свойственны всем казачьим группам.

Казачьи сообщества на Тереке формировались и пополнялись как за счет своих собратьев с Днепра, Дона и Волги, так и «беглыми сходцами» из самых разных городов и сел России. В источниках XVII в. очень часто упоминается о том, что на Тереке «живут казаки воры, беглые люди». Вспомним и слова старожил, приведенные в «Описании гребенских казаков XVIII в.», которое опубликовал М. О. Косвен. Они говорят о том, что «от отцов и дедов своих верно слышали что оные гребенские казаки по Терку начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов»³⁸.

Появление на Тереке многочисленных потоков беглых людей из разных уголков России прежде всего было обусловлено внутривосполнительными факторами. Последствия опричнины, «Великий голод» начала XVII в. и последовавшие вскоре события Смутного времени привели к многочисленному оттоку населения из центра страны в казачьи общины на Дону и Волге, Яике и Тереке. По словам Авраамия Палицына, в результате голода 1601—1603 г. множество холопов бежало на окраины России³⁹. А. Ригельман считал, что казачьи сообщества на Тереке основательно «умножились» после разгрома в 1614 г. царскими войсками под Астраханью «воровских» отрядов Ивана Заруцкого, когда

его многочисленные сообщники «за Терком рекою в Гребнях, то есть, в горах и ущельях, с такими же воровскими гребенскими козаками поселились»⁴⁰. В документах XVII в. мы не встречаем прямых подтверждений этим сведениям. Вместе с тем в отписке терского воеводы 1614 г. отмечалось, что уцелевшие от разгрома «воровские люди» И. Заруцкого «плывучи по Волге, приставали к берегу и струги свои метали... и уходили де в поле, и по камышам разбрелись»⁴¹, что не исключает возможности их появления на Тереке.

Приток «беглых сходцев» из России и «воровских казаков» усиливается на Тереке и в период крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Так, по сообщениям астраханского воеводы в 1668 г. «пришли з Дону казаков конных 100 человек и стали от казачьих Гребенских городков в 50 верстах, а атаман де у них Алешка Протокин». Эти данные подтвердил и пастух Шадрина городка, указывая, что «есть де у них, гребенских казаков, человек с 5 донских казаков, а приехали де из войска. А всех де их, казаков, человек со 100 и стоят за казачьими городками в Калиновых Луках». Помимо этого, было еще 400 конных казаков на Куме «да з Дону ж де будет к ним вскоре Ашека Каторжной, а с ним конных же казаков 2000 человек». Вскоре на Куму пришло еще 400 казаков во главе с запорожцем Бобой, «а с Кумы де тем казаком итти будет на Терек к гребенским казаком»⁴².

Таким образом, между казачьими городками на Тереке и р. Кумой находилось около 3 тыс. пришлых казаков. По мнению Н. П. Гриценко, это нашествие пришлых казаков в Предкавказье было связано с каспийским походом Степана Разина⁴³. В дальнейшем отряды Разина на различных этапах крестьянской войны неоднократно прибывали на Терек, в терско-гребенских городках укрывались и остатки разинцев после их разгрома царскими войсками⁴⁴.

Новый мощный поток русских поселенцев на Северном Кавказе составили в конце XVII в. раскольники, искавшие спасение от царской власти. Они поселились в низовьях Кумы, куда дорожку проторили еще разинцы, построили «свой земляной городок», в котором было «всякое ружье и пушки для осадного сиденья». Население городка за счет постоянного притока казаков, беглых крестьян и раскольников быстро увеличивалось. Зерно городку присылали кабардинские владетели, с которыми поддерживались дружественные отношения. «Кумские беглецы» сразу же вступили в контакты с терскими и гребенскими казаками. В документах отмечалось, что «хотели те воры итти зимовать в Гребени, в казачьи городки», где они могли рассчитывать на поддержку и помощь. Не случайно терские воеводы сообщали «де есть и из их братья (терских и гребенских казаков — С. К.) такие раскольники и к ним пристають от них втай»⁴⁵. Войсковой атаман гребенских казаков И. Кукля предложил беглецам-раскольникам переселиться на Терек, в казачьи городки, и даже подарил им железную пушку. Царская администрация с тревогой следила за ходом событий на Тереке, прекрасно понимая, что если «те воры с Кумы реки в Гребни уйдут и тогда от них воровство явится, а взять их в тех местах будет невозможно»⁴⁶. Отдельные группы последних разинцев и раскольников вплоть до конца XVII в. продолжали прибывать на Северный Кавказ.

Население терских и гребенских станиц росло и за счет служилых людей Терского города, убежавших к казакам по разным причинам. Одни уходили в казачьи городки из-за тяжелого продовольственного положения в Терках. Воеводы неоднократно сообщали в Москву, что «на Терке... ратных людей мало, и те все конечно бедны, наги и босы и голодны, помирают голодною смертью, а иные от голоду и от нужи бредут розно»⁴⁷. Другие вступали в конфликт с царской администрацией и бежали к вольным казакам на Терек в надежде найти спасение от самодержавного произвола. В посольских отписках неоднократно отмечалось, что в терско-гребенские городки приходили «беглые стрельцы и гулящие всякие люди, которым в государеве отчине в Терском городе появиться нелзе»⁴⁸.

В документах XVII в. сохранились некоторые сведения о беглых терских

стрельцах. Так, в отписке 1633 г. упоминается стрелец Васильева Приказа Кондрашка Иванов, который бежал «с Терка» и жил вместе с другими «гулящими людьми» на речке Куме⁴⁹. В Гребенском казачьем городке был пойман казанский стрелец Савелий Матвеев, находившийся на годовой службе в Терском городе. «В распросе» он показал, что бежал из Терков «от морового поветрия... и жил в казаках». За побег он был сурово наказан («бит на козле кнутом»⁵⁰). Но репрессивные меры, предпринимаемые царской администрацией, не смогли приостановить побег терских служилых людей в вольные казачьи городки, куда они уходили как в одиночку, так и целыми группами⁵¹.

Находили приют и убежище в казачьих городках на Тереке и бывшие «полоняники». Некоторые северокавказские владельцы в XVI—XVII вв. вели бойкую торговлю «живым» товаром на невольничьих рынках Анапы, Эндери, Дербента и др. Пленные, захватываемые ими во время военных акций, служили и основным источником формирования самой бесправной категории населения — рабов. Среди них было немало выходцев из России, которые попадали на Северный Кавказ в результате как перепродаж на «рабских» рынках, так и захватов в плен русских людей во время локальных военных действий в регионе.

В различных документах XVII в. неоднократно сообщалось о русских пленных, бежавших в казачьи городки. Особый интерес представляет отписка терских воевод 1629 г. В ней приводятся некоторые данные о русских пленных, бежавших на Терек от кумыских владельцев. Один из них, Гаврилко Русинов, «русской человек... служил в деревне под Москвою... и тому де лет з двадцат взяли его... казыевские татаровя невелика с матерью», у которых он пробыл год. Затем был продан горским черкасам, а от них уже попал «в Кумыки, в Андреевы деревни». Другой русский пленный «Магометка... колуженин, пахотново человека сын, а русково имяни не помнит». В плен его взяли «осми лет»⁵². Приведем документ середины XVII в., в котором сообщается о том, как брагунский полоняник бежал в казачий Сарафанников городок и крестился в православную веру. Крестил его терский воскресенский поп Козьма, «а имя ему во крещение дано Сенка Козьмин», и он «жил крещен в казачьих городках»⁵³. Попадали на Терек и русские пленные из Турции и Ирана. В отписке терских воевод 1633 г. упоминается «белорусец» Степанко Карпов. А был он «в полону турецком да у Кизылбашех и с полону вышел тому з год а жил в казачих городках, переходя кормился»⁵⁴. В другом документе, отписке донского атамана 1668 г., рассказывалось о терском казаке Андрее Антонове, пришедшем на Дон из плена «ис Турской земли». Он просил на круг «все войско донское», чтобы его отпустили в Астрахань, откуда он, вероятно, собирался возвратиться в свой казачий городок на Тереке. Просьба терского казака была «уважена», о чем сообщил донской атаман Корнила Яковлев астраханским воеводам⁵⁵. Непрерывно появлявшиеся в казачьих городках русские пленные стали надежным источником пополнения сообществ вольных казаков на Тереке.

Активное участие в формировании вольного казачества на Тереке приняли выходцы из северокавказских народов. Терско-гребенские казачьи общины значительно пополнились за счет притока беглецов-горцев, в силу разных причин покинувших свои общества. К вольным казакам уходили те, кого ожидали у себя на Родине наказание за всевозможные проступки или кровная месть. Северокавказские владельцы неоднократно жаловались царскому правительству на то, что их «холопы и рабы» бегают от них и «живут на Терке и в казачьих городках»⁵⁶. Так, в начале 30-х годов XVII в. посол шамхала Илдара Томулдук в поданной им челобитной писал о том, что купленный им у кабардинского мурзы «черкашенин... збежал от него и... пришел на Терек в казачьи городки и жил у казаков, от Томолдука таясь»⁵⁷. Обычно поиск беглецов результата не давал. И терские воеводы лишь констатировали тот факт, что «де ушел

к казакам»⁵⁸. Беглецы-горцы, как правило, «крестились в православную христианскую веру», тем самым получая покровительство и защиту со стороны царской администрации, которая предписывала терским воеводам «крещеным не отдавати»⁵⁹. В документах такие казаки назывались новокрещенные. Так, в 1668 г. кабардинский князь Каспулат Муцалович Черкасский писал в Терский город о том, что «приезжал к нему в аулы ис казачья Курдюкова городка казак новокрещен Федька Фомин» с разными вестями⁶⁰. К сожалению, источники XVII в. не позволяют нам определить удельный вес среди вольных казаков на Тереке выходцев из северокавказских народов. Вместе с тем в документах нередко упоминаются казаки явно нерусского происхождения: Байтерек и Елаш из Курдюковой станицы; Бормата, Остай, Тагайпс, Илях из Потапова городка; атаман казачий Ивашко Сунгуров и др.⁶¹ В документе 1589 г. говорится, например, о вольном терском казаке Шолохе⁶².

Определить численность первых казачьих сообществ на Тереке нелегко в силу неустойчивости и постоянных миграций казачьих ватажек. Владелец одного из вайнахских обществ Ших-Мурза Окоцкий писал в 1588 г. русскому царю, что с ним вместе служили государю 500 терских атаманов и казаков⁶³. Турецкий паша Осман уверял, что в 1583 г. на него на Тереке напали 1000 казаков⁶⁴. По другим сведениям, под турецкую крепость Темрюк приходило 600 терских казаков⁶⁵. В отписках воевод с Терека указывалось, что для сопровождения посольств направлялось до 100 вольных терских казаков⁶⁶. Тенденция к росту казачьих общин на Тереке в 80—90-е годы XVI в. вполне объяснима, так как именно в эти годы усиливается приток с Волги различных казачьих отрядов, и в первую очередь волжских казаков, подвергшихся суровым репрессиям со стороны царских войск.

В XVII в. динамика численности населения вольных казачьих сообществ на Тереке остается по-прежнему неустойчивой. Заметное увеличение общин казаков в начале века сменяется во второй его половине спадом и уменьшением числа терско-гребенских городков. В конце столетия вновь намечается относительная стабилизация и даже определенный количественный рост казачьих групп.

Большинство документов первой половины XVII в. определяет численность вольных казаков на Тереке в 500 человек⁶⁷. Например, в посольской отписке 1631 г. отмечалось, что было дано «государева жалованья» 30 атаманам и 470 рядовым терским и гребенским казакам⁶⁸. В среднем в казачьих городках проживало по 30 человек. Из росписи, составленной терским стрелецким головой Сергеем Протопоповым, следовало, что в «казачьем Оскин-городке» живет 30, в Ишерском — 25, в Шевелев-городке — 20 и в Нижнечерленом городке — 33 человека⁶⁹. В данном случае имеется в виду мужское боеспособное население.

В 40—50-е годы XVII в. обстановка на Северном Кавказе резко обострилась, усилились и набеги ногайских мурз и ряда дагестанских владетелей на казачьи городки. Вольные казаки постоянно жаловались терским воеводам на то, что «по Терку реке в гребенях жить стало невозможно», так как в результате набегов погромили многие городки и взяли большой полон и жители, «пометав прежние свои городки з женишками и з детишками разбрелись врознь по иным городкам»⁷⁰. В документах нередко сообщалось о том, что то или иной казачий городок «отныне пустой»⁷¹. Лишь к концу XVII в. вольные казакам на Тереке удается восполнить потери за счет мощного притока беглых людей из центральных районов России и с Дона.

Итак, анализ документов XVI—XVII вв. свидетельствует о том, что русское казачество на Тереке формировалось из различных компонентов (этнически региональных, социальных и т. д.). Основу же составляли недовольные элементы, которые не уживались в обществе. И было бы неверным искать доминанту в происхождении терского и гребенского казачества. Ядро вольного казачества на Северном Кавказе составили «беглые сходцы из России» и казачьи отряды

с «разных рек». Находили приют и убежище в казачьих городках и убежавшие от произвола местных феодалов северокавказские горцы. Вольные казаки на Тереке принимали в свои общины всех, кто искал свободу и независимость от самодержавной власти.

Примечания

- ¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963; Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Сов. этнография. 1972. № 3; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974; Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 178—203, и др.; Денискин В. И. Появление и расселение казачества на Тереке в освещении дореволюционной и советской историографии // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки. 1975. № 3;
- ² Заседателева Л. Б. Указ. раб. С. 181.
- ³ Шенников А. А. Червленький Яр. Л., 1987. С. 68—71.
- ⁴ Кушева Е. И. О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII века. М., 1981. Ч. 2. С. 40.
- ⁵ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1586 г. Д. 13. Л. 31.
- ⁶ Там же. Ф. Грузинские дела. 1596 г. Д. 1. Л. 106.
- ⁷ Там же. Ф. Ногайские дела. Кн. 8. Л. 9; Кн. 10. Л. 140 об. и др.
- ⁸ Там же. Кн. 5. Л. 65 об; Кн. 6. Л. 27, 145 об; Кн. 7. Л. 83 об.— 84 и др.
- ⁹ Там же. Кн. 6. Л. 27; Кн. 9. Л. 267 об., 268.
- ¹⁰ Там же. Кн. 10. Л. 247 об.
- ¹¹ Там же. Кн. 9. Л. 267 об.— 268, 330—331 и др.
- ¹² Там же. Кн. 10. Л. 120, 163 об.— 164.
- ¹³ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв./ Сост. Демидова Н. Ф., Кушева Е. Н., Персов А. М. Т. 1. М., 1957. С. 36.
- ¹⁴ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1586 г. Д. 10. Л. 26, 85, 61.
- ¹⁵ Акты исторические (далее АИ). Т. 1. СПб., 1841. С. 445—446.
- ¹⁶ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1586. Т. 10. Л. 24, 96.
- ¹⁷ Там же. Ф. Крымские дела. Кн. 16. Л. 63 об.; Ф. Турецкие дела. Кн. 2. Л. 471; Кн. 3. Л. 148 об.— 149 и др.
- ¹⁸ Там же. Ф. Ногайские дела. Кн. 10. Л. 247 об.
- ¹⁹ Там же. 1640 г. Д. 1. Л. 168—169.
- ²⁰ Там же. 1649 г. Д. 1. Л. 77.
- ²¹ Там же. Ф. Крымские дела. 1628 г. Д. 5. Л. 8, 10, 12—13, 16, 26, 53—59.
- ²² Там же. Л. 59.
- ²³ Материалы по истории русско-грузинских отношений. Т. 1. Тбилиси, 1974. С. 85.
- ²⁴ ЦГАДА. Ф. Грузинские дела. 1682 г. Д. 2. Л. 19—20.
- ²⁵ Там же. Ф. Ногайские дела. 1629 г. Д. 1. Л. 335—336.
- ²⁶ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1643 г. Д. 1. Л. 307—308.
- ²⁷ Там же. 1633 г. Д. 1. Л. 130—132, 143—147.
- ²⁸ Там же. Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1651 г. Д. 1. Л. 56—57; Ф. Ногайские дела. 1649 г. Д. 1. Л. 226—228 и др.
- ²⁹ Там же. Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1649 г. Д. 1. Л. 14.
- ³⁰ Материалы по истории русско-грузинских отношений. С. 85.
- ³¹ ЦГАДА. Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1651 г. Д. 1. Л. 57.
- ³² Там же. Ф. Кабардинские дела. 1647 г. Д. 1. Л. 72—73.
- ³³ Там же. Ф. Ногайские дела. 1649 г. Д. 1. Л. 226—228.
- ³⁴ Там же. Ф. Крымские дела. 1628 г. Д. 5. Л. 59.
- ³⁵ Там же. Ф. Ногайские дела. 1631 г. Д. 1. Л. 106.
- ³⁶ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1647 г. Д. 1. Л. 62; Архив Ленингр. отд. Ин-та истории АН СССР (далее — ЛОИИ). Ф. Астраханская приказная палата. Оп. 1. № 2229. Л. 7—8.
- ³⁷ Никитин Н. И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 170.
- ³⁸ ИА. 1958. № 5. С. 181.
- ³⁹ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 107—108.
- ⁴⁰ Ригельман А. История, или повествование о донских козаках. М., 1846. С. 139.
- ⁴¹ АИ. Т. 3. СПб., 1841. С. 18.
- ⁴² Крестьянская война под предводительством Степана Разина // Сб. документов. Т. 1. М., 1954. С. 111, 120, 141.
- ⁴³ Гриценко Н. А. Народные движения XVII—XVIII вв. и терское казачество // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Обществ. науки. 1973. № 3. С. 13.
- ⁴⁴ Крестьянская война... Т. 1. С. 145, 244; Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 32, 191.
- ⁴⁵ Дополнения к актам историческим. Т. 12. СПб., 1872. С. 241—242.
- ⁴⁶ Там же. С. 271, 242. АИ. Т. 5. СПб., 1842. С. 371.
- ⁴⁷ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сост. Демидова Н. Ф., Кушева Е. Н., Персов А. М. Т. 1. М., 1957. С. 36.

- ⁴⁸ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1627 г. Д. 1. Ч. 2. Л. 413.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1633 г. Д. 1. Л. 129.
- ⁵⁰ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 12373. Л. 1.
- ⁵¹ ЦГАДА. Ф. Крымские дела. 1628 г. Д. 5. Л. 59.
- ⁵² Там же Ф. Ногайские дела 1629 г. Д. 1. Л. 71, 72.
- ⁵³ Там же. Ф. Кабардинские дела. 1646. Д. 1. Л. 217.
- ⁵⁴ Там же. 1633 г. Д. 1. Л. 130.
- ⁵⁵ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 5465. Л. 1.
- ⁵⁶ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1643 г. Д. 1. Л. 300.
- ⁵⁷ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 110.
- ⁵⁸ ЦГАДА. Ф. Приказные дела старых лет. 1628. г. Д. 35. Л. 71.
- ⁵⁹ Русско-дагестанские отношения... С. 116.
- ⁶⁰ Крестьянская война... Т. 1. С. 111.
- ⁶¹ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1644 г. Д. 5. Л. 517; 1646 г. Д. 2. Л. 1, 8; Ф. Кумыкские и Тарковские дела. 1654 г. Л. 66—69.
- ⁶² Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578—1613 гг. М., 1889. С. 141.
- ⁶³ Там же. С. 63—64.
- ⁶⁴ Кабардино-русские отношения... С. 38, 40.
- ⁶⁵ ЦГАДА. Ф. Турецкие дела. Оп. 1. Кн. 3. Л. 111.
- ⁶⁶ Белокуров С. А. Указ. раб. С. 119 и др.
- ⁶⁷ Кабардино-русские отношения... С. 113—114, 123.
- ⁶⁸ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1631 г. Д. 1. Л. 107.
- ⁶⁹ Кабардино-русские отношения... С. 302—303.
- ⁷⁰ Архив ЛОИИ. Ф. Астраханская приказная палата. № 2241. Л. 1—2.
- ⁷¹ ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1647 г. Д. 1. Л. 72—73.

© 1990 г.

Т. Туен

КУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Я берусь исследовать значение этнических интересов в районах Севера в некотором смысле неохотно. Дело в том, что конфликты могут возникать не только в связи с использованием новой технологии и новых способов эксплуатации природных ресурсов, но их могут стимулировать и результаты исследований по подобной тематике. Такие опасения особенно реальны, когда научные программы касаются материалов, имеющих особое значение для самоидентификации тех или иных народов. К тому же совершенно очевидно, что за два последних десятилетия значительно возрос уровень научной компетентности северных народов Аляски, Канады, Скандинавии и Гренландии. Они способны теперь говорить от своего имени при решении вопросов об определении приоритетности и организации тех или иных научных исследований.

Именно поэтому сегодня особенно важно, чтобы научно-исследовательскую политику в субарктической зоне определяли сами народы этого региона. Однако точка зрения «извне» также представляется полезной потому, что аборигенные народы находятся по своему статусу в положении меньшинств и обладают лишь ограниченным доступом (если вообще обладают) к тем правительственным или другим институтам, где принимаются решения, влияющие на будущее. Поскольку они не всегда могут защитить себя от внешних посягательств или дать направление исследованиям и другим мероприятиям в соответствии с их собственными представлениями о приоритетах, не следует пока считать, что только они способны оценивать этническую значимость запланиро-

ванных и незапланированных социальных, экономических и технических изменений, происходящих в северных регионах. И наконец, хотя именно аборигены Севера должны судить о приоритетности исследований, право предлагать и рекомендовать, а также оценивать подобные программы — задача более широкого общества исследователей.

Далее я хотел бы показать связь политического аспекта экологических и культурных изменений в обсуждении проблем будущего Арктики, обратив особое внимание на ответственность общественности и правительства за сохранение будущего саамов.

В связи с этим фундаментальное значение приобретает исследование зависимости между использованием ресурсной базы Севера и сохранением саамской культуры. Обсуждение конкретных проблем изучения арктических культур я считаю необходимым предварить освещением некоторых теоретических вопросов, связанных с подходом к проблеме культурной символики и этничности, хотя это и может показаться своего рода шагом в сторону.

С самого начала хочу объяснить, что мое понимание «культуры» не совпадает с точкой зрения, согласно которой а priori выделяются отдельные виды деятельности или объекты, что свойственно «культурной политике», которая представляется мне бюрократическим приемом для решения вопросов контроля, финансирования, образования, определения носителей культуры, создания рабочих мест и клиентуры в системе взаимодействия между властью и обществом. Я думаю, что нам следует, по меньшей мере частично, избегать такого ограничительного понятия культуры при организации культурологических исследований.

Норвежским парламентом не так давно принят новый параграф конституции, который гласит, что «государство обязано предпринимать необходимые меры, которые позволят саамскому населению страны сохранять и развивать свой язык, свою культуру и свою общественную жизнь». Думается, что основное значение этой формулы в провозглашении ответственности государства, а не в определении его юридических обязанностей в решении конкретных спорных случаев. Это значит, что при столкновении интересов организаторов проектов развития, с одной стороны, и части саамского меньшинства — с другой, последним приходится обосновывать зависимость сохранения своей культуры от соблюдения status quo. Груз доказательства лежит на плечах слабой стороны. Часто очень сложно выявить, как и в какой мере те или иные изменения экономического или экологического характера повлияют на «культуру». Однако никто не будет пытаться утверждать, что «культура» — статичное понятие, ограниченное проблемами адаптации, и что аборигенные народы Севера нуждаются в защите от воздействия внешних сил путем создания своего рода резервации.

Таким образом, один из основных вопросов, с которыми мы сталкиваемся, постулируя желательность культурологических исследований в Арктике, связан с определением понятия «культура» и с тем, как мы представляем соотношение между культурой и окружающей средой. Подобные проблемы возникали с момента становления культурной антропологии как науки. Уже их постановка служит, с одной стороны, показателем, насколько эта наука способна их прояснить, с другой — показывает трудности, которые возникают при разумном решении этих вопросов.

Что же нам следует подразумевать под таким понятием, как «арктические культуры»? Простым ответом было бы описание по типу концепции культурных ареалов, т. е. проще было бы перечислить элементы, предположительно связанные друг с другом в пределах определенного географически демаркированного региона. Именно таким образом возникли концепции «культуры инуитов», «саамской культуры», «индийской культуры» и т. п. В качестве денотата группы черт материального и нематериального свойства, таких, как язык, образ жизни, одежда, жилье, фольклор и т. д., этому понятию присущ вечный и неизменный

характер. Частично это то, чем бы мы хотели, чтобы было указанное явление, а частично это материализация (конкретизация) своих характерных черт самими народами.

Но всем нам известно, что дело обстоит иначе. Северные культуры, как и любые другие культуры мира, испытывают на себе влияние и формируются под воздействием внутренних и внешних сил с самых первых контактов с окружающими народами. Под воздействием развития образования, техники, рыночной экономики и политических усилий, различного рода вторжений возможности и условия жизни изменились так, что сегодня у этих народов наблюдается большое разнообразие в способах адаптации, варьирующих от существования, ориентирующегося на традицию в периферийных районах, и до современных предприятий, пользующихся самой передовой техникой и технологией. Представители этих народов занимают посты как в сложных бюрократических системах, так и в небольших локальных общинах. Они способны адаптироваться в разнообразных экономических условиях и проявляют компетентность в практических вопросах, касающихся их культурного наследия, скажем, языка и хозяйственной специализации. Не следует оставлять без внимания и то, что многие из них считают приобщенность к культуре большинства более важной для повседневной жизни, чем связь со своими собственными культурными традициями. Отношение к двум культурам связано с чувствами аборигенов по поводу их этнической принадлежности.

Нам следует исходить из факта, что саамская культура, понимаемая как некая общность традиций, ценностей и способов выражения, существует уже более двух тысячелетий в контакте с более сильными соседями. Она выжила, несмотря на отсутствие политического единства народа и соответствующих институтов, а также несмотря на постоянные попытки ассимилировать ее носителей в среде окружающих культур большинства. Это подтверждает силу этничности как основного динамического фактора во всей истории межличностных отношений саамов с их социальным окружением. Несмотря на утрату многих традиционных элементов культуры и широко распространенное мнение, что они больше не имеют значения в повседневной жизни, общее представление о взаимной противопоставленности саамов и норвежцев продолжает существовать. Самобытность саамов основана главным образом на принципе утверждения принадлежности к своей или противопоставленности какой-либо иной общности. Тот же механизм сопоставления существует у норвежского большинства. Культурологические исследования в Арктике должны исходить из того, что представление об этнических различиях продолжает существовать и сегодня. Важнейшая задача для исследователей — анализ условий, которые объясняют сохранение этих различий.

Возможно ли, таким образом, выделить некоторый набор существенных характеристик, которые могли бы рассматриваться как «саамность» (имманентные саамам признаки)? Как уже отмечалось, нам не следует расширять понятие «культурный регион», ибо может возникнуть ошибочное представление о культуре как об объекте (предмете), а не как о некоторой когнитивной конструкции, применяемой в целях идентификации.

Именно феноменом коллективной самоидентификации объясняется сохранение идеи «саамности» в течение истории этого народа, вопреки изменявшимся проявлениям ее культурного содержания. Чтобы выделить этот аспект, я воспользуюсь концепцией «непрерывных систем идентификации» («persistent identity systems») ¹, с целью обозначить «соотнесение индивидом себя с некоторыми символами или, точнее, что ими символизируется» ². В этом смысле саамская культура состоит из ряда идиом, к которым те, кто считает себя принадлежащим к данной культуре, испытывает эмоциональную привязанность. Обратимся к Спайсеру, который утверждает, что здесь мы имеем дело с верованиями и чувствами, которые усваиваются людьми подобно другим элементам культуры, связанным с конкретными символами, такими, как

Различные предметы искусственного происхождения, слова, ролевое поведение и ритуальные действия. Взаимосвязь между индивидом и некоторыми элементами культуры — символами является существенной чертой коллективной системы идентификации: отдельные индивиды верят и осознают важность того, что олицетворяется символами. Предъявление символов и манипуляция ими вызывают определенные чувства и стимулируют утверждение веры среди индивидов, принадлежащих к данной коллективной системе идентификации³.

Чтобы проиллюстрировать указанную идею, я попытаюсь перечислить ряд концепций, которые, по мнению представителей саамской интеллигенции, определяют понятие «саамность». В наборе выделяемых ими черт есть ключевые темы, имеющие символическое значение. Первую они называют «культурно-диакритической» и включают в нее язык, привязанность к родственникам и к местностям, специфические трудовые традиции существования, одежду и систему имен, искусство, философию, идеи, ценности и нормы. Вторая связана с идеей общности происхождения; третьей приписывают значение самоидентификации, а четвертая — это организация и структура их взаимоотношений⁴.

Все четыре представляются темами разного порядка. Так, например, третья — связанная со значением самоидентификации, видимо, включает остальные три: именно благодаря коллективной ориентации на то, что здесь названо «культурно-диакритической» сферой, на общность происхождения и на организацию взаимоотношений, оказалось возможным выражение и сохранение этнического самосознания. Важно и то, оценивают ли индивиды свою соотнесенность с таким набором устойчивых символов положительно или же как некий груз, от которого они хотели бы избавиться. В самой основе того, что связано с устойчивыми системами идентификации, лежит идентификация изнутри и извне. Поэтому мы можем задать вопрос, что составляет соотнесенность индивида с коллективом, особенно важную для него в момент, когда он может сделать выбор и перейти границу к ассимиляции в среду большинства.

Как бы то ни было, представляется, что непрерывность культурного комплекса во многом связана с окружающей средой. Именно в этом плане можно дать емкое определение понятию «культурная экология». Само по себе это понятие кажется мне довольно расплывчатым: оно включает любой элемент внешнего воздействия, влияющий на сохранение или прекращение существования какой-либо «культуры»: это и природные условия, экологический баланс, соревнование за «ниши», технологическая адаптация и политическая власть, а также переплетение этих и других факторов.

Однако на основании исторического материала и сравнительного опыта можно утверждать, что решающим фактором поддержания устойчивой системы культурной идентификации выступает именно продолжающийся конфликт между народами-меньшинствами и их политическими гегемонами. Именно противопоставленность, символическая или реальная, спасает эти народы от включения или ассимиляции в более крупные или более мощные общности. Характерно, что эта противопоставленность редко принимала форму военных столкновений, но гораздо чаще проявлялась в избегании контактов и в форме движений символически оппозиционного характера. Те элементы культуры, которые оказались в результате таких процессов интегрированными в традицию, своей устойчивостью во многом обязаны именно контрасту с культурой большинства.

Положение меньшинства характеризуется тем, что его члены не пользуются особым статусом в рамках общества большинства. Это означает, что им не позволено участвовать в процессах межэтнического взаимодействия в качестве членов иной категории, чем категория большинства⁵. В такой неадекватной ситуации они подвергаются санкциям, если их поведение отклоняется от норм, преобладающих в культуре большинства. Многочисленные примеры из истории саамо-норвежских отношений говорят, что такое неравенство может вызвать отказ от контактов или их минимизацию. Попытки властей навязать

в целях норвегизации норвежский язык и норвежские национальные нормы саамским детям встретили неприятие и сопротивление, особенно в центральных районах Саамландии, а с середины прошлого века церковь столкнулась с сильным оппозиционным движением, которое систематически противопоставляло официальному учению церкви альтернативные нормы и ценности, связанные с иными способами поведения и иным представлением о пути к спасению. Семья, община и приход выступают в качестве средства устойчивого противодействия бюрократической системе государственного образования и церкви, не признающим эти две культуры в качестве взаимодополняющих систем. Другим примером усилий саамов в борьбе за права на землю и статус аборигенов могут послужить выступления 1979—1981 гг. в ответ на государственную программу строительства гидроэлектростанции на р. Альта в Финнмарке. Это движение потерпело поражение, но оно вынудило правительство признать необходимость рассмотрения вопроса о правах саамов на собственные представительные политические институты и т. д. Сегодня эти принципы в определенной мере реализованы в политической системе Норвегии.

Утверждение о том, что условием развития устойчивых систем идентификации является их длительное подавление со стороны центральных властей, может казаться парадоксальным и нуждается в уточнении. Во-первых, мы говорим здесь о народах, живущих внутри наций-государств, обладающих высшей властью и диктующих условия, в которых система культуры меньшинств вынуждена стремиться к выживанию. Тот факт, что они все-таки выжили, уже подтверждает предположение, что ответной реакцией на подавление было обращение этих народов к своим собственным системам ценностей и символам идентификации. Во-вторых, разочарование, вызванное длительным игнорированием культурных ценностей меньшинств вкупе с возрастающей угрозой ассимиляции — может для части людей сделать бессмысленной всякую оппозиционность и породить внутренний конфликт. Принцип «разделяй и властвуй» был и остается одним из наиболее успешных средств управления этническими меньшинствами в истории. Культурная экология, если употреблять эту концепцию, в метафорическом смысле может содержать ряд вариантов, требующих выбора между противоположными идентификациями, и трансформирует, таким образом, исходную оппозицию по отношению к большинству в антагонизм внутри самого меньшинства. Наглядной иллюстрацией этого могут служить современные разногласия между политическими организациями саамов. В таком случае уместен вопрос об условиях успешного выживания устойчивой системы идентификации на основе оппозиций.

Я позволю себе обобщить сказанное выше. Одной из исходных позиций изучения вопросов сохранения арктических культур должно быть признание, что аборигенные народы этой зоны живут внутри крупномасштабных экономических и политических систем, совершенно неподвластных им и как аборигенам, и как меньшинствам. Среда их обитания характеризуется не только природными, но, что еще более важно, общественными условиями. Политический а не экологический характер имеет их маргинальность. Выживание указанных народов зависит от применения традиционных способов взаимодействия с природой, а также от способности к созданию своего собственного образа жизни, своего языка и своих обычаев, завершеного комплекса символов и идиом объединенных в единую непрерывную систему идентификации (самосознания).

Последнюю систему можно рассматривать как состоящую из некоторого набора диакритических знаков культуры, из идей общности происхождения и из системы социальных отношений, объединенных в комплекс и контрастирующих с соответствующими институтами окружающей культуры большинства. Взаимодействие между оппозиционными сообществами меньшинства и большинства может рассматриваться как процесс, вызывающий к жизни изменяющиеся возможности и выгоды, которые меньшинство может получать посредством стремления к достижению поставленных им целей. Эти возможности могут

Также побудить некоторых членов меньшинства к замене своих собственных ценностей ценностями большинства.

В последующем изложении я попытаюсь определить три самых приоритетных области для изучения. Все они связаны с тем, что, по-моему, угрожает существованию культур на Севере, т. е. тем ценностям и интересам народов, выступающим в качестве символических систем, с которыми они идентифицируют себя как отдельные народы. Я имею в виду, во-первых, прямые посягательства на основные источники традиционного жизнеобеспечения. Во-вторых, нарастающее загрязнение окружающей среды, которое может угрожать будущему культур не только меньшинств, но и населения крупных населенных районов. И, наконец, в-третьих, долговременное воздействие структурных изменений на экономические условия.

Первую из проблемных областей можно проиллюстрировать на примере строительства государством плотины на р. Альта, что ведет к уничтожению осенних пастбищ и нарушает сезонные передвижения оленьих стад саамов, имеющих огромное значение для поддержания оптимального баланса между животными, пастбищами и людьми⁷. Подобные же проблемы экологического характера возникают в связи с экстенсивным ловом лососевых, угрожающим полным их исчезновением из районов рыболовства в фьордах Финнмарка. Считается, что это создаст угрозу даже для некоторых саамских поселков, получающих доходы главным образом из этого источника. Туризм, войсковая деятельность, дорожное строительство, траулерный отлов рыбы и т. п. — все подобные вмешательства нарушают или уничтожают экологический баланс традиционных способов адаптации саамов к окружающей среде. Это наиболее очевидные и прямые угрозы традиционным способам адаптации. Одновременно подрывается и материальная основа систем символов, поскольку людей нередко понуждают к переориентации на такой способ существования, к которому они могут почувствовать себя неспособными или некомпетентными. Ввиду того, что возможности для переадаптации саамов в общем ограничены, последние могут быть поставлены перед необходимостью отказаться от того единственного образа жизни, который они сами определяют как саамский.

Исследования, вызванные к жизни потребностями решения проблемы сохранения традиционных способов адаптации, основаны на документах. Необходима информация об использовании коренными жителями природных ресурсов Севера. Это дает возможность юридически обосновать требования об исключительном контролировании природных ресурсов коренным населением, исходя из принципа традиционного права. Этот принцип был принят в случае с оленеводством, и к настоящему времени владельцы стад оленей уже довольно долго получают соответствующую экономическую компенсацию за свои пастбищные угодья. Вопрос о расширении права на компенсацию находится сейчас на рассмотрении Комитета по правам саамов. Обычно такого типа исследования проводятся историками, этнографами и юристами, которые формулируют свою задачу во многом в соответствии с принципами международного права, конституирующего необходимость обеспечения защиты коренных народов в части их традиционных способов адаптации. Однако положения международного права представляются менее действенными, когда речь идет об открытии возможностей развития саамов в настоящем и будущем. По-моему, концепция этнического права должна охватывать и вопросы политического контроля над теми условиями, от которых зависит будущее культуры коренных народов как устойчивых систем идентификации, при всей неизбежности изменений в их материальной базе, что необходимо учитывать.

Указанную проблему можно сформулировать следующим образом: если термин «культура» использовать для обозначения традиционных форм адаптации к экологическим условиям, а защита аборигенных прав базируется на признании традиционного права пользования, то можно ожидать, что при такой системе контроля народы сохраняют образ жизни, который им самим, и особенно

молодому поколению, может представляться архаичным и отжившим. Вместе с тем следует учитывать, что культуры обладают потенциальной адаптивной способностью к модернизации и аккультурации и достаточно изобретательны в переформулировании *смысла*. От применения современного оборудования в оленеводстве это занятие не перестает быть менее саамским, поскольку сам контекст, в котором появляются подобные инновации, со всей очевидностью остается именно саамским. Однако существуют и определенные границы: аккультурация приемлема в той мере, в которой она не затрагивает диакритического основания аборигенных культур. Общественно-экономические условия постоянно требуют такой переориентации, которая может оказаться непосильной для способности какой-либо культуры к трансформации и к интегрированию подобных инноваций в свою систему символов. Проблема способности к переориентации и переосмыслению нуждается в изучении. Я думаю, что *язык* представляет единое и наиболее важное условие сохранения того, что я называю устойчивыми системами идентификации, сталкивающимися с процессами модернизации и аккультурации.

Проблема подобного же характера (вытекающая из понятия «культуры» как концепции, фокусирующей скорее на самой традиции, чем на ее способности к динамическому самовоспроизводству) состоит в том, что она позволяет властям ограничить свое внимание теми обязанностями по отношению к меньшинствам, которые очерчены границами их собственного определения культуры. В этом направлении власти поддерживают различные виды деятельности, такие, например, как образование, искусство, театр, ремесленное производство, оленеводство и т. д. Все это, конечно, очень важно для саамских организаций, связанных с указанными видами деятельности, но не создает никакой гарантии того, что общая экономическая политика, планирование, разнообразие инженерных программ и т. д. будут проводиться с учетом воздействия на саамский образ жизни. Так, например, не было почти никакого обсуждения влияния на саамские районы программ создания нефте- и газодобывающих установок вблизи побережья Финнмарка или строительства производящих заводов на этом побережье. В тех публичных обсуждениях условий жизни в Финнмарке, уровня жизни, эмиграции населения на юг, экономического кризиса рыболовства и т. п., которые имели место в последние несколько лет, упускалось из виду, что под вопросом оказалось само существование саамских поселений и их культуры. Попросту говоря, проблемы саамов относятся к другому департаменту.

Нам нужно такое исследование, которое *объединило* бы культурную перспективу со структурными изменениями экономических условий. Именно в таком плане Северным саамским институтом проводится исследование влияния постановлений, экономических субсидий и т. п. на сельское хозяйство окраинных регионов. Получены результаты, свидетельствующие, что сельское хозяйство в саамских районах не имеет выгод от постановлений, адресованных сельскому хозяйству в целом.

Другой важный вопрос связан с развивающимся в последние годы в оленеводстве кризисом. Он вызван недостаточностью пастбищ для поголовья животных на горном плато Финнмарка, в основном районе зимовок. Традиционные методы регулирования доступа к пастбищам посредством системы практических обычаев и соглашений, созданных номадами в течение столетий, сегодня выглядят частично устаревшими благодаря официально введенным постановлениям. Последние, однако, не дали того эффекта сокращения поголовья оленей, на который были рассчитаны⁹. По моему мнению, необходимо срочно начать изучение взаимосвязи между традиционной практикой оленеводства и животноводства и административными постановлениями, осуществляемыми властями. Задачей подобных исследований была бы выработка предложений, приемлемых для практиков. На сегодня же имеет место кризис доверия между оленеводами, их организациями и административной властью.

Выше я уже говорил о такой угрозе существованию арктических культур, как прямое посягательство на пастбища, рыболовецкие угодья и т. п. Следует сказать и об угрозе загрязнения среды. Мы являемся свидетелями катастрофических последствий Чернобыля, сказавшихся на оленеводстве, особенно в южных областях его распространения. Другие виды современной техники также вызывают подобные последствия: это климатические изменения вследствие загрязнения воздушной среды — парниковый эффект, возникший в результате повышения температуры и ультрафиолетового излучения в связи с нарушением слоя атмосферного озона. Эти явления несут угрозу всей глобальной экологической системе, но могут быть особо катастрофическими для Арктики.

В случае с Чернобылем интересы саамов оказались в центре внимания, поскольку были заражены их оленные пастбища. При загрязнении мирового воздушного и водного океанов такое воздействие охватит всю сферу обитания человечества вне всякой зависимости от национальных или этнических границ. Специфической проблемой для коренных народов является отсутствие у них государственного аппарата, который мог бы организовать соответствующее противодействие, а также ограниченность или полное отсутствие альтернативных форм адаптации, от которой зависит выживание их культуры. Принятие мер к прекращению загрязнения окружающей среды — первоочередная обязанность мирового сообщества; на форумы, обсуждающие подобные меры, должны приглашаться в качестве участников и представители аборигенных народов Арктики. Таким образом, необходимы междисциплинарные исследования, которые могут оказать прямое воздействие на выживание различных систем культуры.

И наконец, я коснусь долгосрочных следствий изменений в экономических структурах. Такие следствия проявляются по-разному. Это не прямое посягательство или вмешательство в сферу материальных ресурсов арктических народов, а результат изменений, вызываемых их включением в крупное рыночное хозяйство, развитием дуалистичной экономической структуры, при которой устанавливаются барьеры конвертирования продуктов аборигенных народов, введением современной дорогостоящей техники, предопределяющей увеличение денежных доходов, развитием миграции рабочей силы, централизованной системы расселения и т. д. Как экологические изменения вытекают из вмешательства внешних сил в традиционную систему адаптации, показывает в своем классическом докладе Х. Клейван¹⁰ об инуитах Северного Лабрадора. Автор считает, что централизация, новые типы жилья и переход от туленьего промысла как основы жизнеобеспечения к лову трески для рынка имели глубокие последствия при использовании экологических ниш и при экономической адаптации конкретных групп людей.

В целом можно говорить о действии нескольких механизмов. Поскольку наступление на их территории привело к контакту с «Белым миром», коренные жители Арктики ощутили возрастающий спрос на некоторые свои продукты. Связь с внешним рынком поставила коренных жителей в зависимость от более специализированных видов производства, а рост денежных доходов позволил закупать современное оборудование для расширения производства. При этом колебания цен вызывали непредсказуемые изменения в доходах, а слишком интенсивная эксплуатация определенных экологических ниш могла вести к уменьшению поголовья некоторых видов животных. Для коренного населения общая ситуация изменилась от независимости и самодостаточности к зависимости от субсидий и денежного вспомоществования как альтернативе бедности. Их культурные традиции адаптации к условиям природного окружения не ограничиваются более набором тех умений и знаний, которые необходимы лишь для выживания и для личного преуспевания.

Динамика «модернизации» описана здесь в упрощенном виде, но ее последствия сказываются чрезвычайно отчетливо в среде аборигенных народов

Севера. Какого рода компенсации может возместить эту культурную потерю и какого рода очередность требуется соблюдать в соответствующих условиях? Повторю снова, что не может быть и речи о реставрации прошлого, которая потребовала бы изолировать эти народы от тех возможностей, которые им открылись через контакт с современным обществом. Не служат ответом и экономические компенсации сами по себе, поскольку аборигенные народы заинтересованы в превращении фондов в такие виды деятельности и предприятия, которые оказали бы долговременное влияние на их благосостояние. По моему мнению, существует потребность в исследовании, которое бы определило, как с помощью субсидий или других мер обеспечить использование различных возможностей для развития деятельности, удовлетворяющей современные потребности арктических народов, а также обеспечить при этом символическую значимость этой деятельности, которая служила бы продолжением сохраняющихся в настоящее время устойчивых систем идентификации.

В заключение вернусь к моим замечаниям, сделанным в начале статьи. Аборигенные народы Арктики достигли уровня политической организации, признанного, по крайней мере частично, нациями-государствами, в которых они живут. Предстоит, однако, пройти еще очень долгий путь, прежде чем удастся использовать эти организации как средство для утверждения своих культур и обществ в качестве равных и дополняющих соответствующие культуры и общества окружающих их народов большинства. Мне кажется, что высшей задачей Северного Совета министров должно быть стремление к тому, чтобы политические институты коренных народов внутри нордических стран могли играть свою формообразующую роль. Чрезвычайно важной в этом отношении является готовность предоставить этим институтам решающее право в ряде вопросов, относящихся к их компетенции. Кроме того, существует еще одна область исследований, более важная, чем все указанные выше. Это изучение того, как развитие организаций коренных народов и другие реформы влияют на восприятие большинством интересов, требований и проблем меньшинств, с одной стороны, и на самоидентификацию меньшинств как народов, разделяющих идею общности своего происхождения и диакритическую значимость своей культуры, — с другой.

Перевод В. А. Парицкого и Н. В. Ссори́на-Чайкова

Примечания

¹ Spicer E. H. Persistent Cultural Systems // Science. 1971. V. 6. 1. P. 795—800.

² Ibidem.

³ Ibid. P. 796.

⁴ NOU. Samenes Rettsstilling. Oslo: Universitetsforlaget, 1984. P. 18.

⁵ Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.

⁶ Bjørklund I. Sami Reindeer Pastoralism as an Indigenous Resource Management System in Northern Norway — a Contribution to the Connaon Property Debate // Mimeo. Univ. Tromsø, 1988; idem. Fields of Interaction and Implication Systems: Læstadianism and Social Change in the North of Norway // Ethnos. 1988. № 1—2.

⁷ Bjørklund I., Brantenberg T. Samisk reindrift — norske inngrep. Om Altaelva, reindrift og samisk kultur. Oslo: Universitetsforlaget, 1981.

⁸ Thuen T. The Sami in Norway: Ethnic Interests and the Segmentary // Mimeo. Univ. Tromsø, 1982.

⁹ См. указанные в примеч. 6 работы Бьерклунда.

¹⁰ Kleivan H. Økologisk endring i Labrador // Naturen. 1962. № 4.

ПЛАНИРОВАНИЕ ЖИЗНИ НА ВЕСЬ СРОК. ПОСЛЕДСТВИЯ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 300 ЛЕТ *

Введение. Одна из сказок братьев Гримм носит название «Срок жизни». Вот она:

«Когда Господь сотворил мир и собрался определить срок жизни для каждой вари земной, явился осел и спросил: «Господь, как долго должен я жить?» Тридцать лет, — ответил Господь, — этого для тебя достаточно?» «Ах, Господи, — ответил осел, — это слишком долгий срок. Ты подумай про мое горестное ущущение: с раннего утра и до поздней ночи таскать тяжести, носить на мельницу мешки с зерном, чтоб другие ели хлеб, и получать одни только пинки да побои. Сократи мне часть моей долгой жизни.» Сжалился Господь и определил ему жить восемнадцать лет.

Ушел осел утешенный, а затем явилась собака. «Как долго ты хочешь жить?» — спросил ее Бог. — Ослу показалось тридцать лет слишком много, а ты будешь этим довольна?» «Господи, — ответила собака, — неужели такова твоя воля? Ты подумай только, сколько мне приходится бегать, ведь такой долгий срок мои ноги не выдержат. А если я потеряю голос и не смогу лаять, и не будет у меня зубов, чтобы кусать, что тогда мне останется? Слоняться из угла в угол да ворчать?» Господь понял, что собака права, и определил ей срок жизни в двенадцать лет.

Затем пришла обезьяна. «Тебе, пожалуй, хотелось бы жить тридцать лет?» — спросил ее Господь. — Ведь работать тебе не приходится, как ослу и собаке, и ты всегда весела.» «Ах, Господи, — ответила обезьяна, — да это только так тебе кажется, а на самом деле иначе. Когда кругом всего в досталь, у меня не бывает тужи. Я должна всегда делать веселые гримасы, корчить рожи, чтобы смешить людей, а когда они кинут мне яблоко, оно оказывается кислым. Как часто за смехом таятся слезы! Тридцать лет я не выдержу.» И Бог был милостив и отнял у нее десять лет жизни.

Явился наконец человек. Он был весел, здоров и бодр и стал просить Бога, чтобы тот определил ему срок жизни. «Ты должен жить тридцать лет, — сказал Господь, — достаточно ли для тебя этого?» «Какой короткий срок! — воскликнул человек. — Когда я построю себе дом и будет пылать огонь в моем собственном очаге, когда я посажу деревья и они зацветут и станут приносить плоды и я буду радоваться жизни, — тогда-то я и должен умереть! О Боже, продли мне срок моей жизни.» «Я прибавлю тебе восемнадцать ослиных лет», — сказал Господь. «Этого мне мало», — возразил человек. «Тогда ты получишь еще двенадцать собачьих лет.» «И этого мало.» «Ну, так уж и быть, — сказал Господь, — я прибавлю тебе еще десять лет обезьяньих, но уж больше ты не получишь.» И человек ушел, но был недоволен.

Итак, живет человек семьдесят лет. Первые тридцать лет — это его человеческие годы, они быстро проходят; в эту пору человек бывает здоров, весел, работает с увлечением и радуется своему бытию. Потом наступает восемнадцать ослиных лет; тогда на него ложится одно бремя за другим: он должен таскать зерно, которое кормит других, и в награду за верную службу он получает только

* Доклад прочитан на III Конгрессе Международного общества этнологии и фольклора по проблемам жизненного цикла. Этот доклад посвящается многим выдающимся европейским этнологам, неоднократно дававшим мне за последнее десятилетие пищу для размышлений, помогая лучше осмыслить результаты собственных историко-демографических исследований.

пинки да побои. Потом наступает двенадцать собачьих лет; и лежит тогда человек в углу, ворчит, и нет у него больше зубов, чтоб разжевывать пищу. А когда пройдет и это время, наступает, наконец, десять лет обезьяньих; тогда человек становится чудаковатым и слабоумным, делает глупости и становится посмешищем для детей.

Братья Гримм (Якоб — 1785—1863, и Вильгельм — 1786—1869) собирали свои сказки в начале XIX в. Тогдашний традиционный опыт гласил, что человек редко живет дольше 70 лет и что жизнь его подчинена естественным процессам старения, телесного и умственного. Фольклор дает нам пример еще более дробного деления жизненного цикла в рифмованных рассуждениях об этапах жизни¹. Эти рассуждения, бытовавшие в разных вариантах, имели примерно следующий вид:

«В десять лет — дитя;
В двадцать лет — юноша;
В тридцать лет — мужчина;
В сорок лет преуспевает;
В пятьдесят лет стоит на месте;
В шестьдесят лет начинает стареть;
В семьдесят лет — старик;
В восемьдесят лет теряет мудрость;
В девяносто лет — посмешище для детей;
В сто лет — милость от Бога».

Сравнивая эти стихи с содержанием сказки, мы с удивлением обнаруживаем, что в сказке «человек становится чудаковатым и слабоумным, делает глупости и становится посмешищем для детей» уже в 60—70 лет, а в стихах — только в 90 лет. Соответственно сказка утверждает, что только первые 30 лет жизни — настоящие «человеческие годы», а дальше дело идет к закату. В стихах же наоборот, говорится, что человек достигает зенита лишь к 50 годам, а начинает стареть только с 60. Имеем ли мы тут дело с разными системами измерения возраста? Возможно, но для специалиста по исторической демографии существенны иные соображения. И тут я подхожу к своей основной теме.

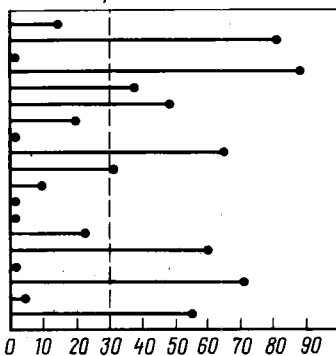
Историческая демография — относительно новое направление в изучении истории европейского общества в основе связана со статистической информацией, схемами и компьютерными распечатками. Необходимо собирать и анализировать массивы данных о рождениях, браках и смертях, содержащиеся в приходских книгах, начиная с XVI—XVII вв. Это очень трудоемкая процедура и историко-демографические исследования обычно проводятся только целыми группами специалистов, вооруженных ЭВМ. Но когда банки данных уже сформированы, воображение историка, до того временно усыпленное, разгорается вновь. В его сознании из огромной массы обезличенных сведений внезапно возникают живые люди из плоти и крови, люди, родившиеся и жившие в определенных местах, имевшие детей и бездетные и более или менее преждевременно встретившие смерть от «чумы, голода и войны». Когда же наступает пора интерпретировать статистические данные, таблицы и схемы, исследователь опирается не только на «твердые факты», но и на другие источники. Его девизом становится: «Не ограничивайся знаками до запятой», и он охотно идет на заимствования из этнографии, фольклористики, литературоведения или истории искусства. На этом этапе историко-демографическое исследование обретает поистине междисциплинарный характер.

Теперь, однако, не время знакомить читателя с началами исторической демографии (в качестве подобного введения можно указать на книги Дж. Уиллигана и К. Линч, а также Ж. Дюпакье)². Я бы хотел описать некоторые результаты своих примерно 15-летних исследований в этой области и представить их для обсуждения в рамках интересующей нас тематики жизненного цикла. Из-за недостатка места мне придется ограничиться упрощенным схе-

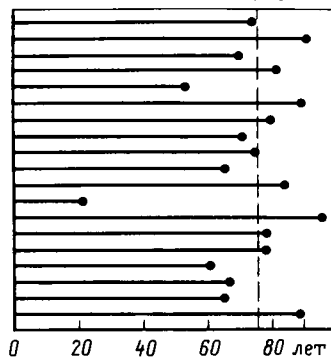
Продолжительность жизни 1680

φ 30

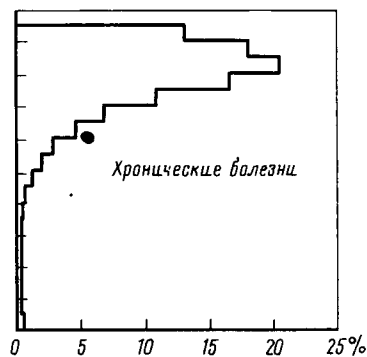
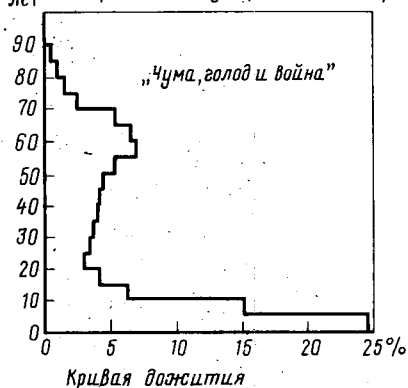

1980

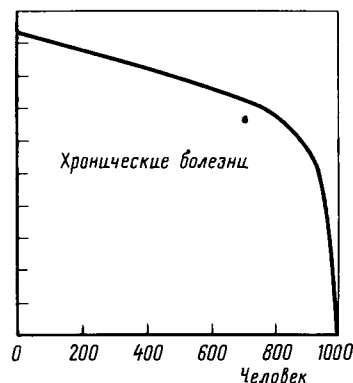
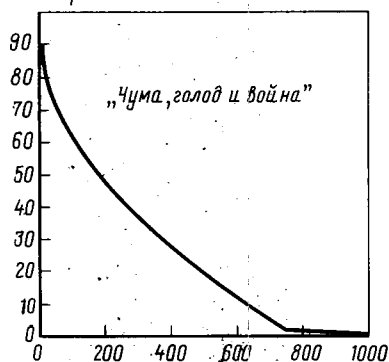
φ 75

лет "Распределение умерших по возрасту"

Кривая давности

Человек

Рис. 1. Составлен по: Imhof A. E. From the Old Mortality Pattern to the New: Implications of a Radical Change from the Sixteenth to the Twentieth Century // Bulletin of the History of Medicine, 1985, V. 59, P. 1—29; Idem. Life-Course Patterns of Women and Their Husbands: 16th to 20th Century // Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives. Hillsdale (N. J.), 1986, P. 247—270.

матическим изложением. Я буду постоянно сравнивать условия «прежде» и «теперь». «Прежде» означает приблизительно 300 лет назад, т. е. около 1680 г. Начиная с этого времени, имеющиеся в нашем распоряжении многочисленные приходские книги позволяют составить банки историко-демографических данных. Наше «теперь» относится к 1980-м годам.

Конечно же, ход событий за такой длительный период не мог быть направлен совершенно однозначно. Мне бы не стоило труда постоянно указывать на вари-

ции в зависимости от времени и места, от социальных или религиозных различий. Однако моя цель сейчас не в этом, а в том, чтобы создать почву для совместного обсуждения проблемы с участием этнографов. Это невозможно без некоторого количества «твердых фактов», которые я буду комментировать с точки зрения историка-демографа. Затем должна наступить очередь этнографов. Их отклики, возражения и идеи будут приветствоваться, ибо необходим диалог поверх барьеров, которые существуют между научными направлениями. Вклад со стороны этнографов может ощутимо способствовать развитию исторической демографии.

I. Полный жизненный цикл для каждого как исторически новое явление. Анализ любых данных о смертности европейского населения, относящихся к концу XVII в., обнаружит картину, схематически представленную в верхнем левом углу рис. 1. Из каждых пяти человек один доживал до 60 лет, другой — до 10 и третий — до 18 лет, среди детей двое умирали на первом году жизни. Средняя продолжительность жизни составляла 30 лет. Возможно, подобный срок и называется в сказке «человеческими годами».

В настоящее время, как видно из верхней правой части рис. 1, из каждых четырех человек один доживает до 68 лет, другой — до 82, третий — до 74 и четвертый — до 76 лет. Средняя величина составляет 75 лет, причем она гораздо точнее отражает реальную ситуацию, чем средний показатель в 30 лет для людей, живших 300 лет назад. Только поскольку продолжительность жизни в наши дни варьирует незначительно, имеет смысл говорить о средней ожидаемой продолжительности жизни как о более или менее определенной величине. В прошлом большее значение имели отклонения от среднего показателя, который носил скорее теоретический характер.

В современный период ожидаемая продолжительность жизни примерно одинакова для всех: для каждого мужчины, для каждой женщины и в особенности для каждого ребенка. Такая ситуация существует с недавних пор — на протяжении не более двух-трех поколений. При более тщательном анализе обнаруживается, что в современной Западной Европе почти отсутствует младенческая и детская смертность. Что же касается смертности в старших возрастах, то здесь картина еще не достигла полной стабильности. Распределение умерших по возрасту уже находится в достаточно узких пределах, но — как мы видим, взглянув на газетные некрологи, — еще не сконцентрировалось в одной точке. К тому же средний возраст умерших все еще понемногу растет. Средняя ожидаемая продолжительность жизни для мужского населения ФРГ в 1970—1972 гг. составляла 67 лет, для женского — 74 года. В 1981—1983 гг. этот показатель достиг соответственно 70 и 77 лет.³

Если мы на фоне этих данных рассмотрим представления о жизненных этапах, отраженных в сказке и в стихах, можно заключить, что сказка относится к более ранней стадии исторического развития, чем стихи. Задача специалистов состоит в том, чтобы определить время возникновения обоих произведений фольклора и связать результаты исследования с данными исторической демографии⁴.

Из сказанного выше вытекает, что, анализируя историческую эволюцию продолжительности жизни, следует обращать внимание не столько на величину этого показателя, сколько на различия в распределении умерших по возрасту. В средней части рис. 1 сравнивается такое распределение «прежде» и «теперь». В прошлом около 25% всех смертей приходилось на младенцев и детей, еще 25% — на юношей и девушек. Для тех, кто достигал совершеннолетия (а это удавалось только половине родившихся), оправдывалось изречение «средней жизни нас подстерегает смерть». Теперь же мы достаточно уверены в нашей жизни примерно до 60-летнего возраста. Смерть начинает собирать свою жатву среди тех, кто дожил до 70—75 лет.

Эти сдвиги отображены в нижней части рис. 1. Кривая дожития показывает, сколько людей из 1000 родившихся в определенном году доживает до данного

возраста. «Прежде» только 500 человек из 1000 доживали до 20 лет. Поэтому ювление каждого взрослого требовало рождения двух детей. В наше время половина всех родившихся доживает до 75-летнего возраста. До 50 лет «прежде» доживали только 200 человек из 1000. Теперь этого возрастного рубежа достигают 9 из 10 родившихся.

Очень важно, что продолжительность жизни людей обрела определенность, немислимую еще за несколько поколений до нас. Еще важнее, что такая продолжительность жизни стала всеобщей. Ведь «прежде» четверть или даже (если включить детей и молодежь) половина всех жизней заканчивалась, не успев по-настоящему развиться. Теперь целесообразно вкладывать финансовые, интеллектуальные и эмоциональные ресурсы как в наши собственные жизненные циклы, так и в жизненные циклы наших детей, учеников, современников. Родителям уже нет необходимости производить на свет четверых детей, если они хотят иметь двоих. Когда 35-летний человек погибает в дорожной катастрофе или же когда 30-летний кончает самоубийством, некролог в обвинительном тоне вопрошает: «Почему?»

На сколько же лет жизни мы имеем право?

В прошлом фундаментальная неопределенность в жизни людей вызывалась троицей, которая уже упоминалась выше и которая фигурирует в литании всем святым: «Боже, сохрани нас от чумы, голода и войны». Слово «чума» следует понимать как любое моровое поветрие, будь то оспа, холера или иная инфекционная болезнь, распространявшаяся в прошлом эпидемическим путем. «Голод» и «война», в отличие от «чумы», обычно поражали своих жертв не прямо, а косвенным путем. Периодические неурожай, случавшиеся в XVII, XVIII и XIX вв., уже не доводили массы людей до голодной смерти, однако приводили к распространению «голодных эпидемий», например брюшного тифа или желудочно-кишечных заболеваний на почве потребления различных суррогатов, неспособных обеспечить нормальное питание как количественно, так и качественно. Сходным образом, сравнительно мало людей погибало непосредственно в результате военных действий. Гораздо опаснее были «военные эпидемии», распространявшиеся по путям движения войск или исходившие из мест их расквартирования. Стоит вспомнить, например, что разносчиком тифа были вши, обильно накапливавшиеся в солдатских мундирах, которые не стирались неделями.

Средняя и верхняя части рис. 1 содержат важные (в том числе и в историко-психологическом плане) указания на «эпидемиологический переход», совершившийся за время между «прежде» и «теперь». Если около 80% наших предков умирали от паразитарных и инфекционных заболеваний, то примерно такое же большинство наших современников умирают от хронических болезней, главным образом от сердечно-сосудистых заболеваний и от рака. Надо заметить, что инфекционные и паразитарные заболевания поражали людей любого возраста, вселяя в каждого неуверенность в будущем. Однако необходимо иметь в виду и то, что умирание «по старой модели» обычно было делом всего нескольких дней. Теперь опасность инфекционных заболеваний уменьшилась, но это не дало нам бессмертия, а выдвинуло на первый план иные причины смерти, ранее игравшие ограниченную роль.

Хронические и необратимые расстройства здоровья не только убивают нас чаще в преклонном возрасте (старше 60—70 лет). Они убивают нас не так, как чума, оспа или тиф, а медленно. Эта «новая форма умирания» часто представляет собой долгий и мучительный процесс, длящийся не сутками, а неделями, месяцами и годами. Это тяжелое испытание, поскольку оно носит как физический, так и психологический характер, а результат всегда один — смерть. Многие из нас боятся не столько смерти, сколько именно умирания: зависимости от других людей, одряхления, постепенного угасания, ожидания смерти как облегчения.

Несомненно, в этом плане наше теперешнее положение является печальным.

Многие из нас могут малодушно спросить (особенно если речь идет о нас или наших близких), не проиграли ли мы, променяв инфекционные болезни, качество основной причины смертности на хронические заболевания? Этот обмен не только увеличил продолжительность жизни, но и продлил процесс угасания.

Рассматривая 300-летний период с 1680—1980 г., стоит попробовать заглянуть и в будущее. Конечно, следует соблюдать осторожность, экстраполируя в времени линии исторического развития — ведь всегда возможны неожиданные варианты хода событий. Имея это в виду попытаемся мысленно дополнить рис. 1 сегментами, относящимися к недалекому будущему, например к 2000 г. Эти сегменты будут размещаться друг под другом, в крайней левой части рисунка. Мы получим примерно следующую картину: верхний сегмент покажет еще большую стандартизацию жизненных циклов. Все большее число людей будут доживать до преклонного возраста, причем приблизительно одинаково для всех. Средняя продолжительность жизни, вероятно, несколько возрастет. На центральной части рисунка видно, что средний возраст умерших все в большей степени будет концентрироваться около 85 лет. Нижний сегмент продемонстрирует, что линия дожития своими очертаниями будет стремиться к форме прямого угла. Если исключить из рассмотрения несчастные случаи и самоубийства, практически все люди будут доживать до 80 лет, завершая свой жизненный путь в возрасте от 80 до 90 лет.

Однако, делая подобные прогнозы, мы сталкиваемся с проблемой, занимающей главное место в сказке, которую мы привели вначале. Это проблема биологической продолжительности жизни. Вопрос стоит так: сколько лет может в среднем прожить человек, если он не становится преждевременной жертвой случая или болезни, как это обычно бывало раньше? Иначе говоря, сколько лет в среднем отпускает природа людям? Каждое живое существо имеет определенную, пользуясь биологическим термином, среднюю максимальную продолжительность жизни. Так, в сказке ослу было дано 18 лет, собаке 12, обезьяне 20, а человеку 70. В стихотворных рассуждениях об этапах жизни человек уходит в могилу не ранее 100-летнего возраста. Историки-демографы вывели величину средней максимальной продолжительности жизни, основываясь на учете смертности в Европе за три-четыре столетия. Эта величина занимает промежуточное положение между приведенными выше, составляя 85 лет. В течение всего доступного исследованию периода данный показатель оставался практически неизменным. В 1600 г. для 80-летних европейцев ожидаемая продолжительность предстоящей жизни составляла 4—5 лет. В нынешней ФРГ эта величина измеряется 6—7 годами.

Таким образом, данные исторической демографии дают основание для следующего вывода. На протяжении последних веков все большее число людей получают возможность использовать все большую долю срока жизни, отмеренного нам природой. На языке биологии, истории медицины и даже исторической демографии можно выразиться так: во время как генетически запрограммированная физиологическая продолжительность жизни человека оставалась неизменной, экологическая продолжительность жизни за период с XVII в. к наших дней возросла в 2,5 раза — с 30 до 75 лет⁵. Возможно, ее современную величину следует определять как 85 лет.

Если развитие будет и дальше идти в этом направлении, вполне возможно, что в недалеком будущем экологическая продолжительность жизни сравняется с физиологической. Это значит, что кривая дожития примет ожидаемую «прямоугольную форму», продолжительность жизни почти для всех будет составлять около 90 лет, а возраст умерших будет колебаться в тех же узких пределах. Вероятность такого прогноза зависит от точности определения физиологической продолжительности жизни. Это спорный вопрос⁶. Некоторые считают, что эта величина будет постоянно возрастать. Тем не менее есть основания предположить следующее.

То, что экологическая продолжительность нашей жизни все еще повышается, объясняется сокращением смертности от инфекционных заболеваний. Типичная же для нашего времени смерть от хронических болезней наступает во все более и более позднем возрасте. Люди обычно умирают от рака или сердечно-сосудистых заболеваний не в 20, 30, 40 лет, а в 60, 70 или 80, и эта тенденция проявляется все явственнее. Возможно, в будущем мы будем достигать предела физиологической продолжительности жизни (сколько бы она ни составляла — нынешние 85 или же 90—95 лет) еще до наступления первых симптомов хронических заболеваний. Иначе говоря, мы будем, подобно нашим предкам, умирать быстрой смертью от не самых тяжелых в обычных условиях болезней. Но, в отличие от предков, мы будем умирать, прожив до самого конца долгую и насыщенную жизнь. Нам не придется бояться смерти и предсмертной беспомощности, мы будем сохранять здоровье и самостоятельность до последнего дыхания. Таким образом, наше нынешнее тягостное положение — не более чем переходное явление, и в перспективе у нас нет оснований для пессимизма.

Но и без этих прогнозов последствия роста экологической продолжительности нашей жизни настолько огромны, что стоит поразмышлять о них более внимательно:

II. Полнота жизненного цикла и совместная жизнь людей. Как мы показали в первой части статьи, если «прежде» человек любого возраста не мог быть уверен в продолжительности своего существования, то «теперь» такая неопределенность не возникает по крайней мере до 60—70-летнего возраста. В этом и состоит важнейшее для нас отличие прошлого от настоящего. Перед лицом подобной неопределенности наши предки поступали бы весьма неразумно, придавая решающее значение в своих мыслях и поступках любому конкретному «я», независимо, своему или чужому. Рассматривая стратегии, применявшиеся ими для достижения стабильности в повседневной жизни, мы обращаемся к условиям и моделям поведения, описанным более века назад Фердинандом Теннисом (1855—1936) в книге «Община и общество» («*Gemeinschaft und Gesellschaft*»), впервые опубликованной в 1887 г. Автор рассматривает историческое развитие социальной жизни как путь от общины — естественного, эмоционально сплоченного организма в форме семейного или соседского коллектива — к холодному обществу с его рациональным, целесообразным способом мышления.

Разделяя в принципе такое представление, я хотел бы несколько уточнить его в соответствии с рис. 1. В свете реконструкций генеалогий и кругов брачных связей историк-демограф едва ли будет утверждать, что локально ограниченные и четко выделяемые общины (историческое существование которых он, конечно, признает) возникали в результате естественного роста населения. Люди спланивались в общины, поскольку их вынуждала к этому сама природа, угрожая любому «чумой, голодом и войной». Наши предки дорожили жизнью в общине, ибо она давала каждому уверенность и стабильность, которых так не хватало одиночке. Существование общины выходило за пределы жизни отдельного человека, будь та краткой или долгой. Для каждого община была средоточием его земного бытия. Я хотел бы привести некоторые примеры подобного поведения из своих исследований. С удовольствием признаю, что эти исследования стимулировались работами этнографов, в частности Неттинга⁷ и Стоклунда⁸. Неттинг изучил швейцарскую микропопуляцию в кантоне Вале за период в 300 лет, а Стоклунд — популяцию датчан на о. Лесё на протяжении более 700 лет.

Ферма Фельтесхоф расположена в деревушке Лаймбах в области Швальм (северо-восток земли Гессен, ФРГ). Источники позволили мне проанализировать ее историю с XVI в. до наших дней. Со своими 40 га плодородных земель ферма является одной из крупнейших и самых процветающих в округе. Обрабатываемых угодий вполне хватило бы на несколько семей. Однако хотя Фельтесхоф находится в области, где бытовали разные обычаи наследования, в том числе и позволявшие делить недвижимое имущество, ферма никогда не под-

верглась раздлу. Она всегда передавалась от поколения к поколению в неприкосновенности, даже при наличии нескольких наследников. Впрочем, рассматривая систему брачных связей, можно убедиться, что и другие наследники (сыновья и дочери) не оставались внакладе, получая определенную выгоду от такого порядка наследования. Высокая репутация фермы позволяла им находить гораздо лучшие брачные партии, чем те, что полагались владельцам фермы] 5 га. Брачные связи устанавливались не просто между соседями, а между владельцами ферм, примерно одинаковых по размеру и репутации.

Между 1552 и 1977 гг. в Фельтесхофе сменили друг друга 16 поколений владельцев. Некоторые из них доживали до старости — до 83, 85, 90 лет. Однако никто даже не думал продолжать вести хозяйство в таком преклонном возрасте — ведь эти люди были лучше нас знакомы со стихотворными изречениями об этапах жизни! А разве там не говорится четко и недвусмысленно: «В шестьдесят лет начинает стареть; в семьдесят лет — старик; в восемьдесят лет — теряет мудрость; в девяносто лет — посмешище для детей»? И в соответствии этой народной мудростью крестьянин, достигнув 60—65 лет, передавал ферму молодому наследнику.

При этом пожилой земледелец не оставался праздным. Контракт о передаче наследства предусматривал, что он сохраняет за собой некоторые обязанности, например уход за пчелиными ульями, за участком сада или поля. Что еще более важно, он всегда имел в своем распоряжении лошадь для поездок по округе. В этом заключался следующий смысл. Если молодые, здоровые люди занимались физическим трудом, то пожилые, с их осторожностью, зрелой мудростью и дипломатическими способностями, брали на себя отношения с родственниками, близкими и отдаленными соседями, а иногда и посредничество в конфликтах между крестьянами или же с местной элитой. И если человек уже не находился в центре деятельности, а оставался, подобно «серому кардиналу», на заднем плане, для него было психологически легче осуществить переход от зрелости к старости в рамках сложившейся системы. Быть может, такой переход и вообще не был трудным. На такую мысль наводит следующее крестьянское изречение, лучше известное этнографам, чем историкам:

«Этот дом и мой, и не мой;
С тем, кому он достанется,
Будет то же самое».

Крестьянин не считал нужным самому вести хозяйство на ферме до последнего своего дыхания. Важнее было обеспечить хорошую репутацию фермы, чтобы наследник мог взять ее в свои руки в таком же хорошем состоянии, в каком она была, когда прежний владелец брал ее в свои. В интересах фермы и самого земледельца было нести бремя ответственности за хозяйство, только пока позволяло здоровье, т. е. примерно до 60-летнего возраста. К этому времени человек мог уйти на покой с чувством выполненного долга, уступая место следующему поколению. В подобной системе не было (в отличие от современных условий) работы на всю жизнь, которая неотделима от данного человека и прекращается только с его смертью, заставляя нас всегда стремиться к эффективному использованию времени. Каждому отводилась лишь временная роль в общем деле, осуществляемом многими поколениями. В этом смысле временной горизонт наших предков был существенно иным, чем наш. К тому же их жизнь делилась на два компонента — более или менее продолжительный земной и несравнимый с ним вечный. Умирание и смерть являлись переходом от земного существования к вечности. За смертью следовали воскресение и вечная жизнь в Боге. За последние 300 лет продолжительность нашей жизни возросла в два-три раза, но за это время многие из нас утратили веру в вечность. В целом наши жизни гораздо короче, чем у наших религиозных предков.

Приведенное выше изречение имеет и дополнительный смысл. Я не случайно

говорил о крестьянине как об управляющем, а не владельце фермы. Из всех 16 поколений обитателей Фельтесхофа никто не считал себя его хозяином. Это были только временные администраторы («этот дом и мой, и не мой»). Такой вывод подтверждается, если мы обратим внимание на имена этих людей. За одним-единственным исключением все их звали Иоганн Хоос! Как же это могло получаться? Разве здесь не было той высокой детской смертности, о которой говорилось выше? И как мог всегда выживать именно ребенок по имени Иоганн?

Оказывается, это имя при крещении давалось нескольким сыновьям (в одной семье таких было девять!). Чтобы их можно было различать, они получали вторые имена: Иоганн-Якоб, Иоганн-Клаус, Иоганн-Андреас и т. п. Таким образом, даже при 50%-ном уровне детской смертности, обеспечивалось выживание хотя бы одного мальчика по имени Иоганн, который мог взять на себя управление фермой в свои зрелые годы. И так продолжалось более 400 лет — поистине замечательная стабильность! Но ее можно было достичь лишь потому, что крестьянин не придавал большого значения своему «я», а только играл роль «Иоганна Хооса». Дело было не в личности того или иного Иоганна, а в том, что он выполнял свою функцию для блага Фельтесхофа. В центре внимания был не индивид, а ферма и ее долголетняя репутация.

Если бы меня спросили, насколько типичен для этой эпохи пример Фельтесхофа, я бы ответил, что вопрос поставлен неправильно, точнее, внеисторично. Мы ведем речь о временах, когда для каждого человека мир был гораздо теснее, чем теперь, ограничиваясь краем леса или горной цепью, о временах, когда продолжительность жизни отдельных людей колебалась в огромной степени. Эти маленькие мирки были гораздо более разнообразными, а жизненные циклы отдельных людей в каждом случае более уникальными. Поэтому для тех времен нет смысла говорить о типичном индивидуальном мире или о типичном жизненном пути. Такие понятия существуют лишь в наше время, когда наши миры и мировоззрения подверглись такой стандартизации, что стали почти что взаимозаменяемыми. Теперь единственный пример может дать исчерпывающую информацию о сотне других случаев. В прежние времена такое было невозможно.

Для прежних времен действительно характерной была обстановка неопределенности и изменчивости. Чтобы достичь стабильности, разрабатывались и упорно осуществлялись самые различные стратегии. Мы уже описали, каким способом обеспечивалась стабильность в Фельтесхофе. В соседней деревушке Лосхаузен ситуация была совсем иной — здесь многие фермы не превышали по площади пяти гектаров, что едва давало возможность прокормить одну семью. Однако и здесь люди стремились к стабильности — ведь без нее они просто не могут жить! В разработку этой проблемы особенно большой вклад могут внести специалисты по этнографии европейских народов. Тут важно проанализировать и бытовые традиции, способствующие достижению и поддержанию стабильности, и соответствующие ритуалы, жесты, манеры, а также некоторые черты народной религиозности.

По мере того как продолжительность жизни каждого становится все более определенной величиной, распространенные в прошлом формы поведения, рассчитанные на обеспечение стабильности, устаревают и отмирают. Примеры сохранения или возрождения традиций чаще связаны не с устойчивостью духовного уклада в малых общинах, а с привлечением туристов. С исчезновением чумы почитание таких святых, как Рок и Себастьян, потеряло всякий смысл. Нам уже не нужен Св. Власий — ведь теперь мы можем обратиться к более надежному отоларингологу. А мощные струи из пожарных шлангов смыли небытие и Св. Флориана. Одним словом, святые на небесах вымерли.

Не упустили ли мы из виду, что ускоряющаяся дехристианизация западного общества с XVIII—XIX вв. отчасти объясняется именно переходом от неопределенной к определенной продолжительности жизни? И как же отрицательно влияла секуляризация на жизненный срок! Что значит двух- или даже трех-

Продолжительность жизни

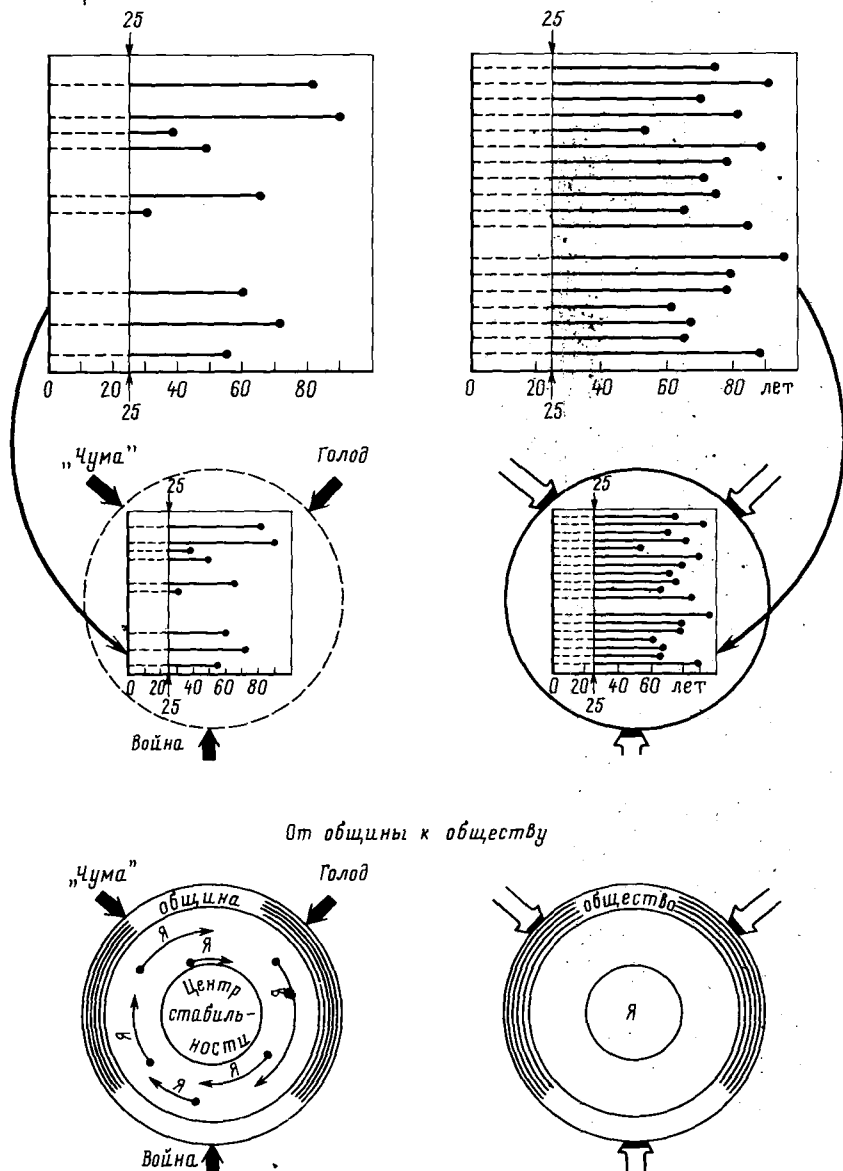

Рис. 2. Составлен по: Imhof A. E. Nos ancêtres à la recherche de stabilité // La France d'Ancien Régime. Etudes réunies en l'honneur de Pierre Goubert. P., 1984. P. 301—315; Idem. Die verlängerte Lebenszeit-Auswirkungen auf unser Zusammenleben // Saeculum, 1985, V. 36, S. 46—69.

кратное увеличение длительности нашего земного существования по сравнению с утратой веры в вечную жизнь? По сути дела, пустяк!

Описанный нами переход к более или менее фиксированной продолжительности жизни повлек за собой не только разложение сообщества святых. Этот процесс также ослабил связи между людьми, которых ранее сплачивали в тесные общины «чума, голод и война». Чем увереннее становился человек в своем жизненном пути, тем более он склонялся покинуть старую общину с ее строгими нормами и запретами, освободить свое «я», стать членом не общины, а общества (по Теннису). Как специалистов по исторической демографии, нас удивляют только темпы этой эволюции, идущей и сейчас.

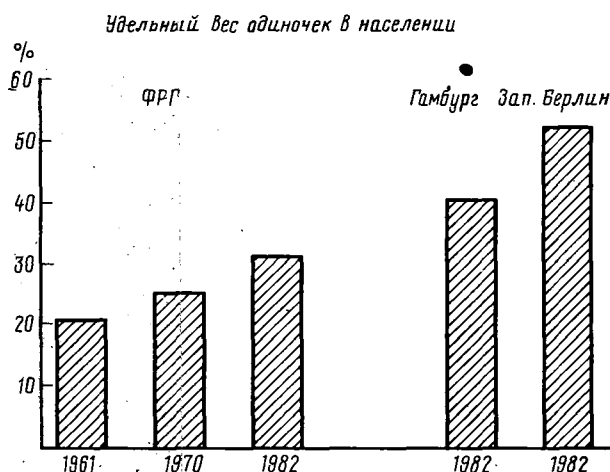
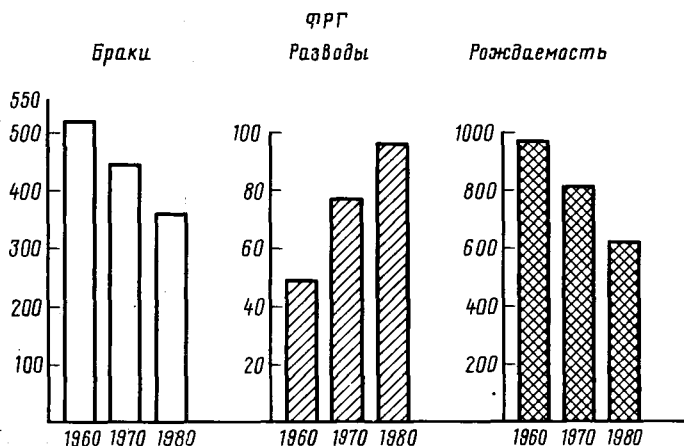

Рис. 3. Составлен по: Statistisches Jahrbuch 1985, S. 66, 71, 76, 80.

Развитие в данном направлении подтверждается целыми массивами статистических данных. Например, на рис. 3 показаны социальные сдвиги, которые произошли за последние 20—30 лет в Западной Германии. Четко прослеживается растущее нежелание людей вступать в длительные отношения и брать на себя постоянную ответственность. Эта тенденция отражается и в уменьшении числа законных браков (вытесняемых легко расторжимым сожительством), и в резком росте числа разводов (при сокращении числа повторных браков), и в заметном падении рождаемости (отчасти из-за роста числа бездетных пар), и, наиболее показательны, в устойчивом увеличении числа одиночек. В ФРГ в 1961 г. каждое пятое домохозяйство состояло из одного человека, в 1970 г. — каждое четвертое, в 1982 г. — каждое третье. В крупных городах таких домохозяйств еще больше: в Гамбурге — 40,6% общего числа, а в Западном Берлине — даже 53,3%. Конечно, эти цифры не означают, что одиночки реально составляют более половины всех жителей Западного Берлина. Однако тенденция очевидна. К тому же она наблюдается и в других европейских странах, например в Швейцарии⁹.

Существует связь между нашей эволюцией к обществу одиночек, с одной стороны, и ростом и унификацией продолжительности жизни, с другой. Эта связь наиболее очевидна на примере Японии. До недавних пор японское общество считалось особенно коллективистским. Однако за последние десятилетия там произошли (и происходят сейчас) резкие перемены

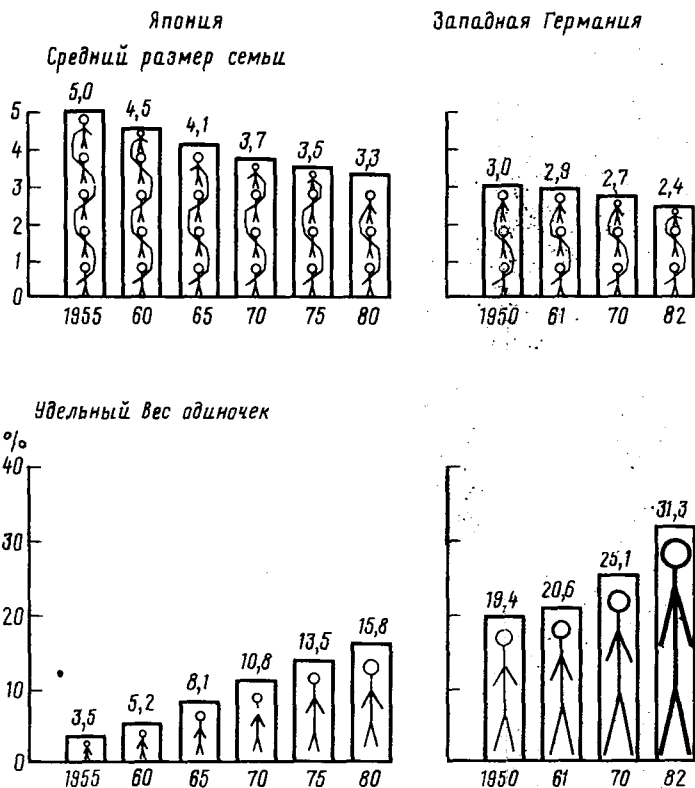

Рис. 4. Составлен по: Japan Statistical Yearbook 1985, P. 47—48; Statistisches Jahrbuch 1985, S. 66. Imhof A. E. Individualismus und Lebenserwartung in Japan. Japans Interesse an uns // Leviathan, 1986, V. 14, S. 361—391.

В верхней части рис. 4 показана динамика средних размеров японского домохозяйства в 1955—1980 гг. в сопоставлении с соответствующими данными по ФРГ за 1950—1982 гг. Нижняя часть рисунка отражает рост доли домохозяйств, состоящих из одного человека. Ясно, что Япония переживает тот же исторический переход от старого традиционного общества типа «Gemeinschaft» к более современному «Gesellschaft», которое постепенно трансформируется в «общество одиночек». В настоящее время стадийный разрыв между ФРГ и Японией можно оценить примерно в 30 лет. В 1955 г. в Японии на одно домохозяйство приходилось в среднем 5 человек, а доля домохозяйств, состоящих из одного человека, составляла 3,5%. В 1980 г. эти показатели соответственно равнялись 3,3 человек и 15,8%. Таким образом, Япония в 1980 г. находилась на той стадии развития, на которой Западная Германия была еще в 1950 г. Тут следует снова подчеркнуть опасность экстраполяции исторических тенденций, хотя бы и на близкое будущее. Но все же можно предположить, что при таком развитии событий к 2000 г. средний размер японского домохозяйства сократится до 2,7 человек, а доля домохозяйств из одного человека достигнет 25%, что соответствует западногерманским показателям на 1970 г.

На рис. 5 отражена эволюция продолжительности жизни как основа процессов, показанных на рис. 4. Для Японии кривая роста продолжительности жизни с начала нашего века до 1983 г. имеет выраженную вогнутую форму, а для Германии выпуклую (см. нижнюю часть рис. 5). Дело в том, что в Германии ожидаемая продолжительность жизни населения значительно возросла за первые полвека, а после второй мировой войны увеличилась лишь незначительно. В Японии же наблюдалась обратная картина — основной скачок здесь произошел в 1947—1960 гг. За это время продолжительность жизни у мужчин возросла

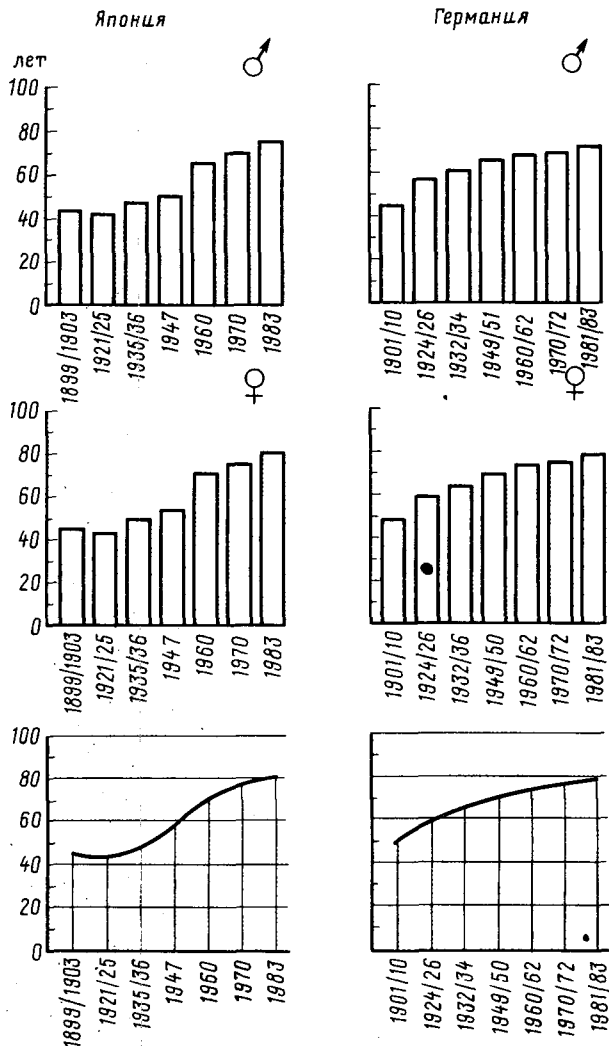

Рис. 5. Составлен по: Japan Statistical Yearbook 1985, P. 55; Statistisches Jahrbuch 1985, S. 78.

с 50,1 до 65,3 лет, у женщин — с 54 до 70,2 лет, т. е. в среднем увеличилась на один год с каждым годом. В Германии же основной прирост продолжительности жизни пришелся на значительно более ранний период: на отрезок между 1901—1910 и 1924—1926 гг. За это время соответствующий показатель у мужчин увеличился с 44,8 до 56 лет, а у женщин — с 48,3 до 58,8 лет. Это означает, что в германском обществе процесс старения населения начался по меньшей мере на поколение ранее, чем в японском. В Германии, как и во многих других европейских странах, общество имело больше времени, чтобы приспособиться к росту удельного веса пожилых людей, к увеличению продолжительности и предсказуемости жизненного срока со всеми разнообразными последствиями этого процесса. Что же касается Японии, в этой стране рост продолжительности жизни и быстрое старение населения в 1950—1970-х годах имели относительно внезапный характер и вызвали некоторый шок, до сих пор ощущаемый многими японцами. Однако за этот недолгий период Япония сумела занять первое место в мире по продолжительности жизни, опередив прежних многолетних чемпионов — скандинавские страны. В 1984 г. продолжительность жизни японских женщин впервые в истории превысила 80-летний порог и достигла 80,14 года, у мужчин этот показатель составил 74,54 года).

Как уже говорилось, моя теория, основанная на материале традиционных крестьянских обществ Европы, состоит в том, что при старой модели смертности неопределенность жизни вынуждала наших предков вырабатывать такие стратегии поведения, в которых главное место уделялось не отдельному «я», а более прочным ценностям, например, устойчивому престижу процветающей фермы. Со временем распространилась новая модель смертности, для которой характерна гораздо большая длительность жизненного срока, его определенность и предсказуемость, т. е. почти что гарантированная продолжительность жизни каждого отдельного «я». В результате традиционная картина мира, в которой личности отводилась второстепенная роль, сменилась новой, в которой человеческое «я» занимает центральное место. Именно такая картина мира характерна для западного общества последних лет.

В Японии старая модель смертности существовала на несколько десятилетий дольше, чем в Европе. Решающий сдвиг в увеличении продолжительности жизни произошел здесь только после второй мировой войны. Соответственно традиционное мировоззрение сохранялось дольше, и переход к «эгоцентрической» картине мира и к индивидуализму как основе поведения начался только во второй половине нашего века. Однако перемены идут очень быстро. Японию уже нельзя назвать коллективистским обществом типа «Gemeinschaft», как это было еще недавно. Вполне определился переход общественных отношений к типу «Gesellschaft».

Для современного населения Японии показатели экологической и физиологической продолжительности жизни сблизились в большей степени, чем в любой другой стране мира, однако еще не совпали окончательно. Средняя продолжительность жизни японских женщин сейчас превышает 80 лет, но все-таки она еще не достигла 85—90 лет, а мужчины в среднем живут меньше. Пока экологическая продолжительность жизни еще отличается от физиологической, многие японцы по-прежнему будут сталкиваться с тяжелыми проблемами старости, беспомощности, старческого слабоумия (например, болезнь Альцгеймера), с зависимостью от окружающих, необходимостью постоянного ухода и страхом перед неспособностью умереть¹⁰.

В 1972 г., в пиковый момент роста продолжительности жизни и старения населения, в Японии появилась книга, очень ярко и сжато освещавшая актуальную тогда тему. Это был роман известной писательницы Савако Арийоши (1931—1984), называвшийся «Кокотсу но хито», в буквальном переводе — «Человек в экстазе». В 1984 г. был опубликован английский перевод романа, названный «Годы сумерек» (приводимые далее цитаты взяты из этого перевода). Роман основан на тщательно проанализированных данных из области статистики, медицины (особенно гериатрии), психологии, экономики, религиоведения. В Японии книга имела грандиозный успех — в течение года было продано более миллиона экземпляров. Казалось, что страна уже давно ждала именно такого литературного комментария к теме старости. Перед тем как рассмотреть эту книгу подробнее, я хотел бы порекомендовать ее читателям — ведь она посвящена таким вещам, с которыми нам вскоре придется сталкиваться все чаще и чаще, пока не уменьшится, как мы надеемся, разрыв между экологической и физиологической продолжительностью жизни.

Сюжет романа можно изложить в нескольких словах. Семья Тачибана живет на окраине Токио в скромном односемейном доме. Глава семьи по имени Набутоши — служащий торговой фирмы. Акико, его жена, работает полную неделю секретаршей в адвокатской конторе. Супруги находятся в расцвете лет. Их единственный сын, Сатоши, усиленно готовится к вступительным экзаменам в университет. Родители Набутоши живут в небольшом домике, выстроеном для них в саду. Отцу Набутоши, Шигезо, 84 года, матери — 74. Внезапно мать Набутоши умирает от инсульта. И тут становится видна вся беспомощность старика Шигезо. Он уже неспособен позаботиться о себе и нуждается в постоянном уходе. Это и есть источник семейной драмы.

В соответствии с японской традицией старший сын обязан взять престарелого отца к себе в дом, а долг снохи — постоянно заботиться о свекре. Однако Акико очень дорожит своей работой и отказывается оставаться дома. Поскольку Шигезо имеет привычку уходить из дома с риском заблудиться, ни один из немногих домов престарелых не желает принять старика. Единственная возможность — поместить его навсегда в психиатрическую больницу, но даже мысль об этом неприемлема для японца. В конце концов решение отыскивается. Акико начинает работать только три дня в неделю, посвящая остальные четыре дня уходу за свекром. Пока она на работе, за Шигезо ухаживают муж и жена (студенты), снявшие садовый домик.

Несмотря на авторскую дидактику, можно восхититься тонкостью, с которой писательница прослеживает шаг за шагом тот долгий и мучительный путь познания и сострадания, по которому идет семья Тачибана. Сначала Акико и ее сын Сатоши испытывают отвращение при виде слабоумного старика, но со временем они примиряются с его немощью. В начале романа Сатоши умоляет родителей: «Папа, мама, пожалуйста, не живите так долго!» *, а в конце он говорит: «Хорошо бы дедушка прожил подольше» (с. 216). Еще более впечатляет описание того, что происходит с Акико, страдающей больше всех. Сначала она считает положение «совершенно неприемлемым» (речь тут вроде бы идет о необходимости оставить службу, но на самом деле имеется в виду вся невыносимая ситуация — с. 70). Со временем ей приходит в голову, что «хоть сейчас Шигезо ее раздражает, кто поручится, что через тридцать—сорок лет ей самой не грозит та же печальная судьба?» (с. 74). Ее взгляды постепенно меняются: «насколько все станет легче, когда Шигезо умрет! Она уже не стыдилась своей тайной мысли» (с. 110). Но наконец: «С этого дня она клянется продлить его жизнь насколько сможет, ибо знает, что только она в семье способна на это» (с. 187). Таким образом, дается законченный пример усвоения на опыте того, что японцы называют философией смирения.

Теперь я хотел бы процитировать некоторые места из романа Арийоши. Они проливают яркий свет на реакцию людей, которые внезапно сталкиваются с таким явлением, как рост продолжительности жизни. Им приходится иметь дело с престарелыми родственниками, которые ведут лишь физическое существование, утратив умственные способности. В романе члены семьи Тачибана с ужасом и изумлением замечают, что Шигезо «плачет как ребенок» (с. 203). «Каждую ночь старик вставал с постели по малой нужде... он мочился в саду, как собака» (с. 81).

Это изумление скоро проходит, и о старике начинают говорить резко и с жестокой точностью, причем такие слова раздаются из уст сына и внука Шигезо. Набутоши холодно замечает: «Отец превратился в полного идиота... я еще не видел более жалкого существа» (с. 69). А Сатоши идет еще дальше: «Он не ребенок, а животное» (с. 82).

Однако со временем все они начинают размышлять над ситуацией. Является ли более долгая жизнь настоящим даром судьбы? Набутоши говорит: «Я думаю, что когда люди в среднем жили по шестьдесят лет, подобных трагедий не было. Теперь наше питание улучшилось, и мы живем дольше. Но понимаем ли мы, какая жалкая жизнь ожидает нас в старости?» (с. 71); «Вести безрадостное существование... в тоске ожидать смерти?» (с. 65); «Когда я смотрю на отца, я чувствую, что должен умереть до наступления старческой немощи. Зачем люди теперь живут так долго? Страшно подумать о таком мире, где все стареют и никто не умирает» (с. 83). По словам Акико, она «никогда не думала, что стариков ожидает такая ужасная судьба» (с. 92); «Старость — такая это трагедия, — подумала Акико» (с. 92); «Старость гораздо более жестокая вещь, чем смерть» (с. 159); «Я молюсь, чтобы меня миновала такая участь. Я уверена, что никто сам не хочет старости» (с. 164). И неудивительно, что Набутоши

* Далее ссылки на эту книгу даны в тексте статьи в скобках с указанием страниц.

задает риторический вопрос: «Вам не кажется, что в идеале человек должен умирать в момент ухода на пенсию?» (с. 83). А соседка, госпожа Кадотани, которой самой за 70, рассуждает так: «Когда умирает престарелый родственник, семья должна считать это праздником» (с. 81).

Размышления героев романа идут все глубже. Что нам все-таки делать и «добавкой» к жизненному сроку? Является ли она истинным приобретением Шигезо «прожил слишком долго и не получал от жизни удовольствия. Зачем он существовал все эти годы?» (с. 123); «В конце концов, зачем человеку жить, если он уже не знает, что происходит вокруг?» (с. 183); «Ради чего она прожила жизнь?» (с. 185).

Этот роковой вопрос и породил шок, испытываемый японским обществом. Поколение за поколением люди учились жить в течение самое большее 60 лет и соответственно строить свою жизнь. Внезапно продолжительность жизни резко увеличилась, причем последние ее годы стали кошмаром из-за хронических болезней и старческой немощи. Если бы жизнь кончалась в более преклонном возрасте, но при этом смерть не растягивалась бы на долгие годы, с этим можно было бы примириться. Например, 74-летняя бабушка «умерла от инсульта мгновенно. Разве это не лучший способ уйти из жизни? Она совсем не страдала» (с. 21). Но обычно японцы 60—70-х годов уже не мог рассчитывать на быструю милосердную смерть, чтобы положить конец своей затянувшейся жизни. «Я думаю, человек, прикованный к постели, вовсе не хочет дожить до преклонного возраста» (с. 31). Любому человеку хотел бы прожить подольше, но так, чтобы сохранять здоровье до последних дней, чтобы смерть для него была подобна падению спелого яблока. По крайней мере, таково было желание Набутоши. «Он страстно надеялся, что отважно падет в бою со смертью» (с. 136).

В одном месте романа как раз описан такой случай внезапной смерти после долгой насыщенной жизни (сегодня это почти недостижимый идеал, а в будущем, возможно, типичное явление). Когда в поисках возможного приюта для Шигезо Акико посетила дом престарелых, там только что скончался 90-летний господин Сузуки. До самой смерти (она наступила в момент игры) он сохранял полноту душевных и физических сил. Обитатели дома престарелых говорили о смерти Сузуки без особого сострадания: «Ему повезло: все эти годы он не болел ни дня и умер, не испытывая боли... Я был бы не прочь умереть так. Все старики бесстрастно отнеслись к этой смерти — они даже завидовали покойному, который был образцом старого человека, сохранившего телесное и умственное здоровье» (с. 122—123). Старики боятся не смерти, а более нового явления — неспособности умереть. Почти все они прожили достаточно и в душе принимают смерть. Они молятся о том, чтобы смерть пришла к ним так же быстро и милосердно, как к господину Сузуки¹¹.

В романе есть и еще один поучительный момент: «Акико исполнилась решимости постоянно поддерживать деятельность ума и тела. Она будет развивать свои интересы, чтобы иметь разнообразное занятие в старости» (с. 185). Там мы подходим к важнейшему элементу моего доклада, к его заключению.

Заключение. Преклонный возраст как возможность и неизбежность.

«Старение одного человека не должно быть заботой другого» (с. 185). Основную идею романа Арийоши надо повторять вновь и вновь, ибо многие еще не усвоили, что она имеет отношение к каждому из нас. Изречение «Среди нашей жизни нас подстерегает смерть» было справедливо 300 лет назад. Нашим предкам приходилось вести себя соответственно, и на этом пути они имели успех. Из-за постоянной угрозы, исходившей от тройцы «чумы, голода и войны», они не ставили в центр мироздания и мировоззрения никакого отдельного «я», даже свое собственное. Главное место отводилось более долговечным ценностям, таким, например, как репутация крестьянского хозяйства. Человек прошлого посвящал свое шаткое земное существование, будь оно кратким или долгим, именно таким ценностям, выполняя отведенную ему социальную роль. Хотя продолжи-

тельность жизни отдельного человека была крайне неопределенной, на протяжении поколений удавалось создавать некую общую стабильность, служившую опорой для неустойчивого существования отдельной личности. Люди редко доживали до естественной смерти, быстрый оборот населения не мешал функционированию социально-демографической системы. Эта система вовсе не ставила своей целью увеличить до максимума число прожитых человеком лет, а ранняя смерть отнюдь не рассматривалась как катастрофа.

Однако со временем произошел существенный сдвиг. Фраза «Средь жизни нас подстерегает смерть» уже не соответствует действительности. Лишь немногие из нас умирают подобно предкам на ранних этапах жизненного пути. Впервые в истории мы более или менее полно используем отведенный нам природой срок жизни. Почти все современные люди продолжают жить и после окончания трудовой деятельности, после появления семей у их детей. Однако некоторые из нас, очевидно, толком не представляют, как использовать эти добавочные годы жизни, и часто эти годы тратятся бесцельно. Существует реальная опасность, что старение одних и вправду станет проблемой для других, несмотря на призыв Арийоши.

Преклонный возраст сейчас является необходимым элементом жизненного цикла, подобно детству, юности и зрелым годам. Сейчас старость рассматривается как нечто естественное, по крайней мере в биолого-физиологическом отношении. Для современных поколений преклонный возраст стал (впервые в истории!) всеобщей возможностью и неизбежностью. Нам необходимо полностью осмыслить эту ситуацию, чтобы использовать ее наиболее разумным способом. Рост продолжительности жизни имеет прямое отношение к молодым людям, ибо сегодняшние старики — это вчерашние юноши, многие из которых дожили до старости. Поэтому задача современной молодежи и ее воспитателей — приступить к сознательному планированию жизни на весь ее увеличившийся срок. Поговорка «Мы учимся не ради школы, а ради жизни» сегодня справедлива как никогда ранее. Однако в наше время жизнь не ограничивается работой или — для женщин — ролью матери и хозяйки, как слишком часто утверждают школьные учителя и обиденная мудрость. Теперь для большинства из нас завершающий этап жизни, период преклонного возраста, измеряется одним, двумя или даже тремя десятилетиями. Готовы ли мы к этому? Учитывая, что конкретные знания и навыки сейчас быстро устаревают, я не считаю, что нынешние 10-летние школьники или 20-летние студенты должны теперь четко представлять, что им делать в 65, 70 или 80 лет. Но мы должны привить детям и молодежи ту основную идею, которую мучительно осознает героиня романа Арийоши, думая о бесплодной старости Шигезо: «Отец прожил такую жалкую жизнь! Ради чего он существовал? У него никогда не было увлечений. Он не дружил с соседями, не ходил в театр... Акико исполнилась решимости постоянно поддерживать деятельность ума и тела. Она будет развивать свои интересы, чтобы иметь разнообразные занятия в старости. Старение одного человека не должно быть заботой другого» (с. 184—185).

Важно развивать интересы в юности и сохранять их всю жизнь, чтобы они созрели и принесли плоды в старости. Мир настолько богат, культура настолько многообразна, что никакой жизни не хватит, чтобы познать и понять все. Но чем больше будет длиться жизнь, чем больше кусочков мозаики сможет человек собрать и составить вместе, тем яснее станет картина мира и глубже познание. И необходимая основа для этого процесса должна закладываться в юности.

Заключая эти размышления, я хотел бы подчеркнуть, что собирался не судить и морализировать, а только обрисовать некоторые важные факты и их последствия. По мере того как продолжительность жизни человека становилась все более определенной величиной, прежние стратегии, нацеленные на обеспечение стабильности, постепенно устаревали, деформировались и выходили из употребления. В ходе этого процесса постепенно ослаблялись связи между личностью и общиной, что одновременно лишало индивида поддержки и освобождая

ло его от скрывающихся ограничений. Невежество, чтобы современный человек по доброй воле возвратился в общину, несмотря на все нынешнее недовольство охлаждением человеческих отношений. Данные статистики рисуют иную картину, и я склонен скорее опираться на них, чем пытаться снова навязать людям устаревшие структуры типа «Gemeinschaft». Сегодня наблюдается тенденция к росту числа одиночек. Из этого можно сделать вывод, что человек сам по себе вовсе не является «общественным животным», каким его долго считали. К этому его много столетий вынуждали неблагоприятные условия — «чума, голод и война». Теперь же, освободившись от жестких ограничений, люди чаще используют возможности идти по жизни в одиночестве. Я не имею в виду, что одиночки, которых становится все больше и больше, интересуются только самореализацией, не обращая внимания на человечество. Ведь одиноким людям также приходится нести ответственность за других. Не имея семейных обязательств, они все же должны нести обязательства социальные. Многие из них осознавали это в прошлом, осознают и сейчас. В конце концов, пожизненное добровольное безбрачие вовсе не современное изобретение, а явление, имеющее на Западе длительную традицию. Новизна современной ситуации в том, что жизнь в одиночестве стала реальной возможностью для каждого из нас, в том числе и для женщин, и многие используют эту возможность.

Одинокие люди несут ответственность и за себя, в частности после окончания активной жизни и наступления старости. Они не должны полагать, что за ними всегда будут ухаживать. Последовательное осуществление разработанной жизненной стратегии может привести к тому, что одинокий человек в преклонном возрасте не будет страдать от одиночества. Но сохраняющийся разрыв между экологической и физиологической продолжительностью жизни делает неизбежной беспомощность стариков. Пожилые люди внезапно оказываются в тяжелой ситуации, которую им приходится преодолевать.

Я хорошо осознаю, что мой подход в основном носит исключительно историко-демографический характер. Несомненно, наше движение в направлении «общества одиночек» объясняется не только изменением модели смертности увеличением и стандартизацией продолжительности жизни, но и другими факторами. Я имею в виду постепенное освобождение семьи от многих (если не от всех) присущих ей в прошлом функций, которые переходят к социальным институтам более высокого ранга, — речь идет о культурной, правовой, защитной экономической, культурной и социализационной функциях. Еще один фактор — рост численности людей, принадлежащих к среднему классу и имеющих возможность пользоваться любыми товарами и услугами. Даже в случае болезни человек уже может не зависеть от семьи.

Хотя мы с большой теплотой говорили о наших предках и о том, как разумно они решали стоявшие перед ними тяжелые проблемы, это не означает, что я испытываю ностальгическое тяготение к прошлому. «Боже сохрани нас от чумы голода и войны» — эти слова слишком громко звучат у меня в ушах, и я не хочу помянаться местами со своими предками, даже при том, что жизнь наших современников нередко заканчивается столь мучительно. Тем не менее я восхищаюсь тем упорством, с которым наши предки решали свои проблемы. Мы должны учиться у них умению смотреть жизни в лицо, наблюдать идущие процессы и делать из них выводы. Срок нашей жизни теперь увеличился. Задача состоит в том, чтобы жизнь каждого была не только долгой, но и полной. Иначе нам придется стыдиться этих своих прибавочных лет жизни, стыдиться того, что срок нашей жизни стал более долгим и определенным.

Примечания

¹ Joerissen P., Will C. Die Lebenstreppe. Bilder der menschlichen Lebensalter // Schriften d. Rheinischen Museumsamtes. № 23. Bonn, 1983.

² Willigan J. D., Lynch K. A. Sources and Methods of Historical Demography. N. Y., 1984. Dupaquier J. Pour la démographie historique. P., 1984.

- ³ Statistisches Jahrbuch 1985 für die Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1985. S. 78.
- ⁴ Schenda R. Die Alterstreppe — Geschichte einer Popularisierung // Joerissen P., Will C. *Op. cit.* S. 11—24. 162—164.
- ⁵ Grmek M. D. Les maladies à l'aube de la civilisation occidentale. P., 1983. P. 159—163.
- ⁶ Fries J. F., Crapo L. M. Vitality and Aging. Implications of the Rectangular Curve. San Francisco, 1981; Manton K. G., Stallard E. Recent Trends in Mortality Analysis. N. Y. 1984.
- ⁷ Netting R. McC. Balancing on an Alp. Ecological Change and Continuity in a Swiss Mountain Community. Cambridge, 1981.
- ⁸ Stoklund B. Economy, Work and Social Roles. Continuity and Change in the Danish Island Community of Laeso. C. 1200—1900. // *Ethnologia Europaea*. 1985. V. XV. P. 129—163.
- ⁹ Buscher M. Haushaltungen und Familien 1960—1980. Bern, 1986.
- ¹⁰ Council for Science and Technology. Basic Policy for the Promotion of Science and Technology to Meet the Society of Aged Population. Report Submitted to Prime Minister Yasuhiro Ma Nakasone. Tokyo, 1986.
- ¹¹ Woss F. Escape into Death. Old People and their Wish to Die // *Europe Interprets Japan*. Tenterden (Kent). P. 222—229. 271—272.

© 1990 г.

К. У. Гейли

ДИАЛЕКТИКА ПОЛА * В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Там, где классовые и государственные структуры возникают на основе различных типов общественного способа производства, появляются также сферы гражданского или частного производства и изменяются производственные отношения, прежде подчиненные только нуждам общинного воспроизводства. Работа, которую мы здесь определяем как неотчужденный труд, превращается в труд, призванный обеспечить извлечение услуг и материальных ценностей на пользу формирующимся непродуцирующим классам (классу). Хорошо известно, что организация работы в общинных организациях строится в соответствии с половозрастным делением общества, его родственной структурой, реальными различиями в опыте и навыках людей, а иногда и в соответствии с делением на ранги или страты.

Чтобы понять динамику классов- и политогенеза, принципиально важно исследовать процесс трансформации работы в труд, с одной стороны, и процесс подчинения общинных нужд нуждам государства и господствующего класса (классов) — с другой. Процесс формирования государства создает глубокий кризис в общественном воспроизводстве на общинном уровне.

Отношения в общественном воспроизводстве определяются существующими в обществе полоролевыми стереотипами. В государственных системах правители обосновывают положение подданных и приоритет государства с помощью идиом и метафор, отражающих мир, структурированный по принципу пола. Эти полоролевые идиомы используются и правителями и подданными, но смысл, вкладываемый в них теми и другими, совпадает лишь частично.

Недостаток многих научных трудов по государствообразованию состоит в том, что отношения между полами либо игнорируются их авторами, либо, что еще хуже, воспринимаются как нечто остающееся неизменным. Однако на наш взгляд, необходимо признать решающее значение полового разделения труда в процессе классов- и государствообразования.

В догосударственных социальных образованиях пол человека включен в сложную систему взаимопереплетающихся родственных связей. В процессе формирования государства там, где возникновению гражданских структур не препятствуют устойчивые родственные структуры, пол частично абстрагируется от отношений родства.

* В оригинале название статьи «Dialectics of gender in state formation». Английское слово «gender» не имеет прямого аналога в русском языке, это весьма многозначное культурологическое понятие, которым в англоязычной культурной и социальной антропологии обозначается целый комплекс явлений: распределение ролей и функций между мужчинами и женщинами в обществе, соотношение их социальных статусов, а также существующие в культуре представления о сущности и признаках маскулинности и фемининности. Далее в тексте слово «gender» передается не всегда словом «пол», но в зависимости от контекста и такими словосочетаниями, как «полоролевая структура», «полоролевое соотношение», «система взаимоотношений полов» и др. (прим. пер.).

Основанное на классовой дифференциации разделение труда делает родственную и половую принадлежность второстепенными факторами по сравнению с делением общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Чтобы правильно понять динамику пола в процессе формирования классов и государства, необходимо оценить подлинное значение таких категорий, как «пол», «класс», «родство» и найти им адекватные места в общетеоретической модели.

Диалектическая и процессуальная концептуализация пола. Пол в культурологическом значении этого термина (gender) надо отличать от биологических половых различий (sex). Государственные идеологии обычно представляют полоролевую дифференциацию в виде изначально заданного вечного явления, так или иначе детерминированного биологическими половыми различиями. Но не следует принимать эту редуционистскую трактовку. В целом ряде феминистских антропологических работ, особенно в тех, которые появились за последние 15 лет, критикуются распространенные в литературе модели брака как обмена (в значительной части они связаны со структуралистским подходом), противопоставления общественной и частной сфер жизнедеятельности как универсального явления, а также линиджных структур и их соотношения с системой разделения власти или авторитета между полами. В них подвергаются критике концепции предполагаемого центрального места брака в родственных структурах и рассматривается вопрос об исконности или, напротив, исторической обусловленности подчиненного социального положения женщин. Этот критический анализ имеет и теоретический, и эмпирический аспекты².

Одна из ключевых проблем порождается тенденцией превратить маскулинные и фемининные характеристики в сущностные. Однако понятие «пол» в культурологическом смысле несет в себе двойное преобразование биологических половых различий. Во-первых, роль половых различий социально обусловлена, причем все они без исключения воспринимаются обществом как биологические, но им придается социальное значение. Во-вторых, на социальное восприятие «естественных» половых различий накладываются социальные ожидания их носителей. Как я писала в другой работе, есть общества, в которых встречается более двух половых ролей, и есть общества, где, хотя и признаются только два пола, но на разных этапах своей жизни человек может менять свои половые роли на диаметрально противоположные³.

Родственная проблема порождается ложным представлением о том, что женщины связаны преимущественно с репродуктивной сферой или что их участие в производственной деятельности лишь дополнительно по отношению к тому, что считается их главным предназначением — к демографическому воспроизводству⁴. При таком подходе легко скатиться к тому, чтобы рассматривать женщин просто как средства, используемые для создания выгодных альянсов, налаживания обмена, получения наследников и будущих работников и т. п..

Иная опасность заключается в «изыпании» пола как мировоззренческой концепции из контекста повседневной жизни. Так, некоторые исследователи символики, связанной с докапиталистической государственностью, представляют государственные космогонические системы в виде сочетания отдельных маскулинных и фемининных составных элементов. Конечно, такие космогонии отражают лишь некоторые из черт, свойственных всему спектру взаимоотношений между полами, которые реально существуют в обществе. К сожалению, многие исследователи символики утверждают, что, напротив, такие космогонии были как бы организационной основой общества в целом. Проблема состоит в ложных посылах, согласно которым, с одной стороны, концептуализация пола единообразна в обществах с классовым делением, а с другой — идеи распространяются только сверху вниз. Хотя господствующая идеология может иметь поддержку широких слоев общества, она дает возникающему государству средство представить повседневный порядок жизни как воплощение полученных свыше установлений⁵.

Атрибуты пола будут меняться в зависимости от положения в социальной иерархии. Мы не должны ограничиваться простым перечислением того, что делали мужчины и что женщины. В процессе формирования государства полоролевая дифференциация пересекается с другими факторами, связанными с новым политически обусловленным разделением труда, в особенности классовым. Во многих случаях этническая принадлежность тоже становится одним из параметров иерархии⁶. Хотя политогенез далеко не всегда наблюдается в этнически разнородном обществе, там, где имеются группы людей, дифференцируемые властями как разные народы, они обычно занимают разное положение в политическом и экономическом разделении труда. Нередко торговцы или рабы — это одновременно и этнические категории. Мы не можем просто согласиться с тем, что отношения между полами внутри этих «народов-классов» являются производными от доминирующей идеологии или от взаимоотношений полов в других профессиональных или этнических группах.

Неравномерность развития — еще один фактор, влияющий на складывание полоролевой структуры в ходе формирования государства⁷. Эта концепция, заимствованная у С. Амина⁸, делает акцент на результаты взаимодействия разных способов производства (даннического или рабовладельческого и общинного) в условиях влияния со стороны государственности. В связи с необходимостью обороняться от набегов или предотвратить аннексию земель или завоевание народы, граничащие с государственными образованиями, имеют тенденцию, с одной стороны, вырабатывать более жесткие или иерархические системы взаимоотношений полов, чем более отдаленные народы и, с другой стороны, — отличаются по этому параметру от народов, уже включенных в налогово-данническо-повинностные структуры⁹. Можно рассматривать существующее разнообразие во взаимоотношениях полов и соотношении авторитетов мужчин и женщин в центре и на периферии государственных образований как показатели силы или слабости государственных институтов и общинных структур¹⁰.

И наконец, непродуктивно исходить из того, что патриархия* является исконной, или же, что наличие разделения труда между полами указывает на безусловную иерархичность их взаимоотношений. Эта последняя ложная посылка исходит из понимания равенства как одинаковости (и соответственно различий как иерархии), что особенно свойственно либеральной идеологии эпохи капитализма. В капиталистическом обществе формальный параллелизм и принцип дополнительности часто используются для маскировки социальной иерархии. Но многие ученые просто проецируют эту ситуацию на любые эпохи и регионы, игнорируя деструктивные эффекты воздействия государственности, колониализма, классового разделения. Следовало бы поучиться у более радикальных критиков состояния трудовых отношений при капитализме — взять хотя бы, к примеру, их усилия доказать приблизительную равноценность преимущественно мужских или преимущественно женских занятий — тому, чтобы различия, которые могут быть производными просто от организационного разделения труда, не мешали видеть эквивалентность контролирующих функций и соответствующих социальных оценок. Проще говоря, следует проводить разграничение между общественным и организационным разделением труда: общественное разделение труда неизбежно влечет за собой различия в объеме контроля и власти, организационное же просто обуславливает культурные стереотипы эквивалентных занятий с параллелизмом контроля.

Любой рабочий сознает, что простое участие в производственном процессе не обеспечивает еще права контроля над конечным продуктом. Но большинство

* Термин «патриархия» используется К. У. Гейли для характеристики таких взаимодействий между правителями и подчиненными, которые осознаются и описываются терминами родства и пола. Ясно, что в этом смысле «патриархия» не тождественна «патриархату» (прим. пер.).

исследователей считают, что, поскольку мужчины выполняют определенную работу, постольку они и контролируют распределение. На самом же деле степень контроля над продуктами труда и самим трудом следует оценивать независимо от субъекта трудового процесса. Для такой установки есть твердые эмпирические основания. К примеру, многие доколониальные западно-африканские общества имели сложную систему распределения функций контроля над продуктами труда между полами: мужья и жены имели право контроля над различными продуктами, даже когда оба пола вкладывали труд в их производство¹¹. Правда, антропологи, как правило, с готовностью фиксируют внимание на тех случаях, когда мужья контролировали конечный продукт¹², и лишь немногие отмечают ситуации, в которых жены контролировали продукты труда своих мужей¹³. Поскольку в государственных и классовых структурах право контролировать труд и его результаты является предметом соперничества, постольку особого внимания требует изучение различных вариантов тонко сбалансированных систем распределения функций такого контроля между полами.

Пол и формирование государства: развитие концептуальной основы. Те немногие исследователи, которые при изучении становления и институционализации классового разделения труда придают большое значение проблемам пола, работают в русле диалектической марксистской традиции¹⁴. Я думаю, что именно в этой традиции существует большая теоретическая ясность относительно взаимопереплетения производства и общественного воспроизводства, относительно полоролевых позиций и социальной стратификации. В частности, когда имеешь дело с изучением фактора пола в условиях глубоких социокультурных перемен, сталкиваешься как с сохранением старых стереотипов, очень разных по содержанию, так и с принятием или созданием различных новых форм, которые должны служить функциональными эквивалентами старых, уходящих, исчезающих. Анализ такой сложной ситуации требует диалектического, анализирующего развития мышления. Динамика классовообразования включает сдвиги в концептуализации пола, ведь даже отношения между классами часто отражаются в идеологии с помощью метафор, насыщенных символикой пола.

Пол в разных классах. В процессе возникновения классовых и государственных структур противостоящие социальные группы по-разному используют различия между полами, во-первых, как основы для организации работы и распределения продукции, а во-вторых, в виде идиомы, отражающей систему воспроизводства населения и весь общественный порядок в целом.

У производящих классов половые различия по меньшей мере частично задеятельствованы в сфере общественного производства, независимо от того, в какой степени деятельность женщин связана с домашним хозяйством. Кроме того, в представлениях о половых различиях символизируется социальная преемственность: родство, социализация младшего поколения, культуротворчество, совершение ритуалов, знаменующих наступление взрослости, зрелости и т. д. Неразрывная связь натурального хозяйства с воспроизводством жизни в общине создает условия по крайней мере для частично недифференцированного самовосприятия личности. В то же время идентификация крестьянки или занятой в производстве женщины не может быть полностью поглощена ее репродуктивной ролью. Степень уважения в общине к производственной деятельности женщины зависит от характера производственной ячейки. Если производство пищи (включая распределение и потребление) ограничено преимущественно семейно-брачными рамками, женщины вряд ли будут иметь авторитет в общине.

У непроизводящих классов половая принадлежность ассоциируется преимущественно с репродуктивной деятельностью — с поддержанием классовой структуры, поддержанием состава доминирующего класса (классов), с наследованием имущества и политических позиций. Таким образом, распределение

обязанностей между мужчинами и женщинами у элиты связано с репродуктивной сферой. Поскольку преемственность и наследование несут столь сильную политическую нагрузку, постольку биологические аспекты воспроизводства людей — в том числе кровное вертикальное (линейное) родство взамен горизонтального (латерального) социального особо акцентируются. Женщин из высшего класса могут принуждать производить на свет наследников или, напротив, не производить — в зависимости от политики, регулирующей наследование. Конечно, эта схема может еще усложниться в том случае, если обеспеченные классы исключаются из сферы политической деятельности — например, ацтекские почтека.

Иерархия полов и докапиталистические формации. Половой параллелизм. Иерархия полов — это регулярная ассоциация социального доминирования и власти с той атрибутикой, которая в данной культуре приписывается маскулинности. Многие авторы склонны либо считать, что иерархия полов существовала всегда, либо — превратно истолковывать все ее формы как патриархию. Такое толкование ведет к тому, что иерархию полов рассматривают как некую статичную форму, а не как процесс, отмеченный противоборством. Рассмотрим несколько исторических типов иерархии полов.

Пожалуй, наиболее распространенной формой взаимоотношений полов в государствах, возникающих из общинных структур, является половой параллелизм. И. Сильверблатт ввела этот термин применительно к взаимоотношениям полов в империи инков, имея в виду относительную самостоятельность принятия решений мужчинами и женщинами в рамках своих традиционных сфер деятельности и в пределах тех классов, к которым они принадлежали. В таких случаях половой параллелизм являлся наследием, полученным от обществ, основанных на родственных структурах. Но в отношениях между классами в таком обществе обнаруживается символическая иерархия полов, когда мужские свойства и качества или атрибуты маскулинности (которые могут проявляться как у мужчин, так и у женщин) воспринимаются как признак большей силы, могущества: завоеватели и властители — инкская элита — ассоциировались с маскулинной символикой. Однако внутри высшего класса женщины сохраняли ведущую роль в таких занятиях, как ткачество, приготовление напитков, в некоторых видах агрономии, например в отборе семян. *Коя* была символической правительницей всех женщин в империи и как сестра-жена верховного Инки она осуществляла высшие административные функции в его отсутствие. Подобный половой параллелизм был характерен и для общинного быта покоренного населения, где, если оставить в стороне тяготы даннической эксплуатации, и женщины и мужчины имели полноценные имущественные права и права контроля над продуктами своего труда.

Тот факт, что половой параллелизм широко распространен в условиях перехода от общинных к классовым обществам, демонстрирует еще один аспект даннического пути формирования государства. Поскольку распределение функций по полу — важнейший момент в организации работы в общинных структурах, постольку оно представляет собой удобную организационную модель, которая может быть использована и при производстве дани и при осуществлении контроля за выполнением принудительных работ. Формирующийся аппарат управления, таким образом, стремится использовать организационное разделение труда для отчуждения материальных ценностей и организации трудовых повинностей. Такое использование уже имеющихся форм распределения производственных функций демонстрирует неспособность формирующихся государственных систем организовать производство иным образом, за исключением тех случаев, когда используется труд пленников или рабов.

Проявления полового параллелизма поэтому могут служить показателем степени сопротивления родственных структур государственным порядкам. Там, где половой параллелизм сохраняется и в общинном, и в государственном производстве и где он повторяет формы догосударственного разделения труда

между полами — там сила государственных учреждений ограничена. Это особенно относится к тем случаям, когда господствующее общество обнаруживает иные типы разделения труда между полами, чем культура подчиненных областей.

Половой параллелизм может сосуществовать с общественным разделением труда, при котором мужская работа в большей мере ориентирована на производство для государства, а женская — на обеспечение местного потребления. Со временем престижность государственного производства, а также недоверие и недоброжелательство, с которыми власти относятся к местному натуральному хозяйству, могут в деформированном виде представлять социальную ценность мужской и женской работы. Так, инкское государство эксплуатировало женщин в покоренных общинах взиманием с них налога в виде готовой материи, а мужчин — привлечением к общественным работам. Оценивался их труд по-разному: власти в большей мере поощряли прямое участие в государственных работах, хотя отчуждаемые товары объективно были ценнее. Но более всего господствующая идеология прославляла состоявших постоянно в услужении у государства женщин, чьи родственные отношения и репродуктивные способности находились под его контролем.

В тех же случаях, когда главной формой эксплуатации была трудовая повинность, в общинной организации труда и контроля над его продуктами особенно часто сохранялся половой параллелизм. Это наблюдалось в доколониальных государствах Западной Африки, где государственные повинности заключались главным образом в ежегодном рекрутировании воинов для участия в набегах за рабами.

В целом в докапиталистических обществах существует большое разнообразие типов половой иерархии, причем эти типы развиваются неравномерно. Их изучение позволяет выявить как специфику половой иерархии при капитализме, так и наличие в условиях последнего тех форм, которые сохранились от предшествующих времен, а также объяснить, почему половая иерархия не исчезает с переходом к социализму.

Появление государственности и преобразование полоролевых стереотипов. Как указывал, опираясь на проделанный Марксом анализ, Л. Крейдер, при азиатском — данническо-повинностно-податном способе производства господствующие непродводящие классы должны были мешать подчиненным общинам вести производство по-старому, и в то же время само существование этих классов зависело от сохранения общин, основанных на связях родства¹⁵. Возникающие государственные учреждения были слишком слабы, чтобы обеспечить новое, гражданское разделение труда во всех слоях общества сверху донизу.

Во многих докапиталистических государствах практиковались такие формы привлечения людей для принудительного труда, при которых мужчины и женщины выполняли работы, соответствующие их традиционным занятиям. Так, в Древнем Египте квалифицированных мастеров призывали для участия в строительстве монументальных сооружений, их жен — для выращивания урожая, потреблявшегося рабочими, хлебопечения и обслуживания поселений строителей и ремесленников. В храмовых хозяйствах женщины в качестве податей должны были приносить охапки папируса. Ацтеки взимали подати тканями, за что ответственны были преимущественно женщины¹⁶.

Но хотя такие трудовые повинности копировали традиционные формы распределения обязанностей — за исключением тех случаев, когда подданные принадлежали к иным культурам — происходили имплицитные изменения в назначении и осмыслении деятельности, ассоциирующейся с тем или иным полом. Людей для работы отбирали, в значительной мере абстрагируясь от их половой роли. Половая роль оказывалась в какой-то мере оторванной от социальной идентичности производителя, так же как продукт, производимый для дани,

нехватка, у кого он изымался — у него или у нее. В более слабых государствах привлекала к принудительному труду, принимали во внимание некоторые другие факторы — брачный и родительский статус, положение в системе родственных связей и т. п. Но чем сильнее государство, тем меньше учитывались при отборе для принудительных работ все другие критерии социальной идентичности и, тем более, абстрактной становилась категоризация пола.

Женщины, как и мужчины продолжают участвовать в производстве и, как правило, женская деятельность не ограничивается одними только домашними занятиями. Как и мужчины, женщины утрачивают право распоряжаться некоторыми продуктами своего труда или своей рабочей силой. Их репродуктивные функции, как и репродуктивные функции мужчин, переосмысливаются. Но в отличие от мужских, именно репродуктивные функции в значительной мере определяют социальное положение женщин, в связи с чем женщины из подчиненных общин символизируют в глазах государства преемственность и потенциальную автономию этих общин.

Женщины в общинах производителей, остающиеся включенными в традиционную родственную структуру, могут сохранять свой авторитет, основанный на их статусе, опыте, возрасте, на роли в системе родственных связей, на индивидуальном мастерстве. Но роли в системе родственных связей могут терять свое значение по мере того, как гражданские власти нарушают динамику жизни общин, усиливая свой контроль над ними.

Логика намерений гражданских властей касательно полового и иных параметров социального положения людей в первую очередь обнаруживается по отношению к социальным низам, а затем уже — к другим общественным классам. В большинстве ранних государств это видно по обращению с пленниками или жителями завоеванных областей.

В некоторых из таких государств пленников-мужчин убивали или приносили в жертву, женщин же либо использовали для нужд государства (их труд или сексуальные услуги), либо отдавали тем или иным государственным чиновникам в качестве награды за службу. Такая практика нуждается в объяснении. Для государственного хозяйства, основанного на эксплуатации труда, желательно увеличение числа работников при ограничении их возможности самоорганизоваться или сохранить общинную принадлежность. Убийство или продажа пленных мужчин и порабощение женщин соответствует этой двойной задаче. Как отмечала Э. Ликок, женщины способны как работать, так и производить на свет новых работников¹⁷. Их ценность в качестве пленниц заключается в их биологических репродуктивных возможностях. Так как женщины лишены всех родственных связей, их репродуктивные функции оказываются вне того социального контекста, в котором материнство повышает статус женщины. Вместо этого репродуктивные способности становятся залогом бесперспективного будущего женщин, используемых и контролируемых господствующим классом (классами).

Та же логика, принимающая, правда, иные формы, но проявляющаяся в сходных результатах, проступает и в обращении с жителями завоеванных областей. Покоренное военным путем население — это в конце концов либо бывшие, либо потенциальные мятежники. Во многих случаях вмешательство государства завоевателей в местную систему воспроизводства населения выражается в узаконивании или запрещении браков, запрете самоубийства (твоя жизнь принадлежит государству), регистрации рождения и т. п., а также в узурпации организации земледельческой обрядности и других ритуалов плодородия. Один из самых простых и доступных способов ограничить местную автономию — рекрутирование, насильное изъятие людей. В то время как для выполнения временных трудовых повинностей использовали преимущественно мужчин, для несения пожизненной службы привлекались либо целые общины, либо одни женщины.

Там, где женщины изымались из своих родных сообществ, их новый статус определяли несколько факторов: стирание их родственной принадлежности;

им надлежало быть либо девственницами, либо их сексуальные услуги предназначались для использования только в интересах государства, и работали они только на государство или на государственных служащих, к которым были приписаны. Эти женщины были в услужении при храмах в качестве жриц или иного персонала, выполняли роль дополнительных жен, наложниц, государственных мастериц, несли военную службу. Они могли при этом иметь и достаточно высокий статус. Люди из подчиненных общин иногда сами предлагали для этого своих дочерей с целью получить определенные политические выгоды, но большинство этих женщин отбиралось во время периодических наборов. И. Сильверблат пишет, что хотя целомудренные, считавшиеся святыми *аклла*, символические жены Инки почитались на местах, андские сообщества рассматривали отбор девочек на эту роль как повинность, наложенную государством.

Исходя из всего сказанного, я настаиваю, что соотношение половых ролей и статусов становится иерархическим раньше на межклассовом уровне, чем на внутриклассовом. Одна из причин того — это то, что отношения между полами, принадлежащими к разным классам, отражают противоречия, существующие внутри элитарного слоя. Женщины из производящего класса часто считаются сексуально доступными для мужчин из элиты, что означает сексуальную свободу последних за пределами репродуктивной сферы, подчиненной классовым интересам. Приниженный статус женщин усугубляется правовыми различиями между партнерами таких любовных связей. Ролевая и статусная дифференциация по полу также служит властям для контроля над подчиненными общинами, для регулирования их воспроизводства. Избранные плодотворные женщины могут быть изъяты из их родных общин на роль дополнительных жен царя, наложниц, священных девственниц, рабынь или служанок. Приобретение мужчинами статуса отцов и мужей с высоким социальным авторитетом и подчинение женщин как дочерей и жен мужской власти могло быть тоже тесно сопряжено с развитием классовых отношений и являть собой один из аспектов государственного контроля над общинным воспроизводством.

Женщины в гражданской сфере. В отношении женщин из элиты речь должна идти опять-таки скорее не о статусе, а об относительном авторитете. У непроизводящих классов половое воспроизводство у мужчин, и женщин приобретает политическую нагрузку. Наследование — главная политическая проблема элиты. Там, где наследование по-прежнему определяется родством, контроль за сексуальным поведением женщин, которым предназначено родить наследника / наследницу, осуществляется весьма строго. Поведение мужчин-прародителей в их отношениях с женщинами высокого положения также находится под надзором властей. По-разному контролируемая — больше у женщин, меньше у мужчин — гетеросексуальность является частью динамики политогенеза. Государственные пантеоны часто включают образ сексуально активной, но верной супруги или же расщепляют этот образ в представление о богине, которая приносит счастье в том случае, когда ее сексуальность находится под контролем мужа, и становится разрушительным началом, будучи предоставленной самой себе¹⁸.

Однако все это не исключает отмеченных выше проявлений полового параллелизма: знатные женщины могли контролировать труд женщин более низкого ранга, взимать с них налог, быть соправительницами при царях и т. д. Роль полового параллелизма уменьшается по мере того, как милитаризм — неизбежный фактор государствообразования — становится все в большей степени маскулинизированным и слитым с системой управления. Вытеснение знатных женщин с административных постов тесно связано с их положением в системе наследования, так как вопрос о наследовании становится более проблематичным. Там, где женщины сохраняли стратегические позиции, как у *надиту* Ниппура — сестры и дочери знатных людей могли наследовать и передавать собственность внутри своих линиджей, — им не разрешалось иметь де-

тей¹⁹. Женщины могли осуществлять высшую власть и там, где они были к существо лишены родни, будучи адаптированы в определенную группу, как например, вторая «жена» Амона в Египте эпохи Нового Царства.

В целом элита воплощает наиболее материализованное чувство сексуальности, так же как она материализует родство социальное в кровное линейное. И для женщин, и для мужчин у элиты сексуальные отношения между равными сопряжены с опасностью, за исключением тех случаев, когда их цель — продолжение рода в браке. Для женщины проявление сексуальности в отношениях с мужчиной безопаснее, когда вопрос о наследниках уже решен. Возможности внебрачных связей для знатных женщин варьируют в зависимости от характера законов о наследовании и юридического определения отцовства. Намного свободнее проявление сексуальности может осуществляться по отношению к тем, кем владеют, кто находится в полной зависимости. Распространение института дополнительных жен или конкубината в докапиталистических государствах — это воплощение отношений господства в сексуальных отношениях.

Отношение к женщинам из производящихся классов одновременно и как к низшим и как к сексуальным по своей «природе», а потому сексуально доступным, связано с политическими аспектами сексуальности у элиты и динамикой соотношения гражданских и родственных структур, охарактеризованной выше.

Патриархия и неравномерность общественного развития. Иерархия полов — в той или иной форме — обязательно появляется с развитием классовых отношений и формированием государства, но патриархия не всегда. Патриархия — это такое положение, при котором женщины и юридически, и неформально неполноправны, находятся под опекой сначала отцов, потом мужей. Такие взаимоотношения обычно отмечены тем, что место брачного выкупа начинает занимать приданое, по крайней мере в среде имущих классов²⁰. В других случаях брачный выкуп может утратить свое связующее значение между женщиной и ее родичами, и тогда он превращается в «цену невесты». Патриархия может иногда характеризовать отношения между полами внутри различных общественных классов, но повсюду, где она существует, она обязательно характеризует эти отношения между разными классами.

Минимальным условием существования патриархии является основанная на законном браке семья, которая 1) владеет собственностью и передает ее по наследству; 2) функционирует как производящая ячейка. Оба эти условия обеспечиваются эрозией или распадом коллективных форм труда и собственности, основанных на общинных связях. Появление патриархии, таким образом, связано с политической борьбой между общинно-родственными структурами и государственными институтами.

Для того, чтобы патриархия распространилась среди производящих классов, развитие эксплуатации — даннической или принудительно-трудовой — должно сломать защитную систему родственных групп либо посредством прямого порабощения, либо посредством разрушения коллективистских форм землепользования и организации труда. Это может случиться, к примеру, в результате завоевания, обложения данью под угрозой насилия, превращения общинных земель в пожалованные поместья, в условиях депопуляции или при включении домашнего хозяйства в товарное производство. Ответственность за уплату налогов, требующих наличных денег, или же за внесение натуральных податей может быть возложена на мужей и отцов, квалифицируемых сборщиками налогов в качестве глав семейных хозяйств.

Патриархальные формы отношений могут возникнуть внутри общин производителей как ответ на разложение общинного способа производства. Тем самым защита общины во многих случаях происходит за счет упадка женского авторитета. Там, где возникает опасность захвата общинных земель государством или частными лицами, усиливается роль патрилинейности, и в этих условиях

замужние женщины теряют прежние права и авторитет, превращаются просто в матерей своих сыновей, как случилось во многих районах Восточной Азии. Во избежание умыкания молодых женщин все их передвижения и поведение в целом более строго контролируются. Иными словами, по иронии истории диалектика процесса такова, что усилия государственных учреждений установить контроль над производством и воспроизводством населения в общинах и ответное сопротивление этим многообразным усилиям в сочетании ведут к распространению патриархии среди производящих классов. Внешним показателем укоренения патриархии в родственных общинах является обложение податями отдельных семей, а не общин в целом, а также производство как жизнеобеспечивающей, так и отчуждаемой продукции на семейной основе. Конечно, в докапиталистических России и Турции налогообложению подвергались общины в целом, но в них мужчины были официально признанными государством руководителями и главами домохозяйств. Тем не менее становление патриархальных отношений связано прежде всего с такой системой, при которой единицей налогообложения становится семья. В противном случае связь общественной власти с ролью мужа/отца не отражала бы повседневные реалии производства и отчуждения продукции.

Патриархия может начать формироваться там, где локализованные патрилиниджи превращаются в субъекты выплаты дани или налога. Так, отношения в китайских крестьянских общинах XVII в., основанных на линиджных связях, или в турецких общинах Османской империи были сугубо патриархальными, как и отношения в высших классах. Остается, однако, выяснить, насколько древней является эта модель. Я не обнаружил свидетельств того, что патриархия характерна для Китая эпохи Шань. Я также подозреваю, что в городах-государствах Месопотамии патриархия возникла только после тысячелетий господства других форм иерархии полов в районах, находившихся под воздействием становящейся государственности²¹.

Патриархальные отношения могли также развиваться в основанных на узах родства общинах на периферии формирующихся ранних государств, где родственные группы избегали включения в государственную структуру путем миграции. Для тех же, кто не имел такой возможности, альтернативой миграции были: 1) милитаризация, обуславливающая особое соотношение половых ролей и статусов; 2) ужесточение прав собственности на землю и трудовые ресурсы, т. е. создание более сплоченных родственных групп; 3) возникновение своего рода *modus vivendi* с распространяющейся вширь государственностью, как, например, превращение в профессиональную группу торговцев или работников²². Любая из этих альтернатив ведет к усилению внутренней стратификации и в целом к такому преобразованию половых ролей, которое отражает увеличивающееся неравенство²³.

Но патриархальность не была неременной чертой ранней государственности. Возникновение малых или больших семей, владеющих собственностью, было менее вероятным при следующих условиях: 1) дисперсном расселении патрилиниджей или же существовании общины на основе неэкзогамных родственных групп или матрилиниджей; 2) общине как единице налогообложения; 3) господстве коллективных (надсемейных) форм организации труда в хозяйственной деятельности.

Исследователям процесса образования государственности гораздо хуже известны те ситуации, когда патриархия характеризует отношения на межклассовом уровне, а не обязательно на внутриклассовом. Я бы предположила, что эта форма превалировала в том случае, когда государственные структуры вырастали из родственных, но первичная форма половой иерархии чаще всего была иной. Я думаю, что признаки патриархии надо видеть в практике использования ролевых метафор мужа или отца для выражения обязанности женщин служить монарху / государству в качестве наложниц, служанок, религиозного персонала и т. п.²⁴ В Дагомее, например, взаимоотношения внутри

элиты характеризовались как бы подчеркнутыми формальным половым параллелизмом. Мать царя возглавляла параллельную бюрократическую систему объединявшую матерей всех государственных чиновников. Но деревенские девушки, отбравшиеся для постоянной службы в качестве воинов, проститутки или служанок, номинально считались «женами» царя и по существу были под его опекой и в личной зависимости от него — в отличие от же-
в патрилинейных деревенских общинах²⁵

В условиях, когда общине важнее сохранить содержание ролей внутри родственной структуры, чем их форму, женщины имеют больше шансов удерживать прежний авторитет в сфере родственных отношений. Это бывает в тех случаях, когда женщины занимают ключевые роли в ритуалах, связанных с плодородием, имеющих первостепенную важность для преемственности правовых отношений. Особенно успешно женщинам удается отстаивать свои позиции там, где они не только производят, но и распределяют продукцию, например ведают торговлей, как в Западной Африке. Там при наличии патриархальной структуры имеются сферы, где женщины пользуются значительным влиянием.

Патриархальные отношения между полами могут сложиться в раннегосударственных, рабовладельческих, капиталистических или социалистических обществах в зависимости от эффективности домохозяйств как социально-экономических ячеек.

Абстрактная иерархия полов. В абстрактной иерархии полов занятия, ассоциирующиеся с маскулинностью, считаются более важными и престижными, чем связанные с фемининностью, независимо от пола их исполнителя. Женщины и мужчины могут выполнять одинаковые работы, но власть при этом падает к тем, кто играет мужскую роль²⁶.

Переход от семейной организации труда к индивидуальному наемному труду говорит о начале распада патриархальных отношений. Абстрактная иерархия полов в большей мере соответствует условиям абстрактного индивидуализма в тех случаях, когда отдельные люди нанимаются на работу и лично получают жалование, когда собственность сосредоточивается в руках корпораций, имеющих статус индивидов, когда наследование не находится в прямой зависимости от брачных отношений и их узаконенности и когда именно индивиды получают право гражданства²⁷.

Если рассмотреть отношения между полами в современных капиталистических странах, например в США, то можно выявить некоторые условия как для появления, так и для исчезновения патриархии. Нет единого мнения относительно того, как характеризовать отношения между полами среди малоимущих классов. Но хрупкость и непрочность супружеских уз, а также преобладание системы родственных связей, концентрирующихся вокруг женщин, в среде хронически безработных (независимо от их этнической принадлежности) со всей очевидностью показывают, что патриархия не может существовать в таких условиях.

Абстрактная иерархия полов, по-видимому, встречается там, где производство имеет обобществленный характер, а присвоение — либо частный, либо государственный. Различие между половым параллелизмом и абстрактной иерархией полов заключается в том, что половой параллелизм сохраняется во многих системах с даннической или повинностно-податной формами эксплуатации, по тому что там сохранились общинные формы труда и распределения, а также уцелело натуральное хозяйство, хотя и в виде второстепенного уклада. В капиталистических структурах натуральное хозяйство отсутствует почти или вовсе и когда речь идет о благосостоянии, имеются в виду группы отдельных индивидов или непрочные домохозяйства и родственные группы. В таких условиях абстрактная иерархия полов может также характеризовать отношения внутри общественных классов, а не только между ними.

Сегодня, когда государство и экономика становятся все более нерасчленимыми как формы бюрократического контроля, полового параллелизма уже

нет. Имеется лишь сексуальный параллелизм в некоторых профессиях, где женщины проявляют некоторые мужские черты. Теперь существует не параллелизм авторитетов в половом разделении труда, а решительное отрицание какого-то иного разделения труда, кроме унаследованного якобы социобиологически.

Пол и различие способов производства. Как и другие аспекты процесса формирования государства, иерархия полов отражает неравномерное развитие, результат различий в скорости и путях инкорпорации народов и отдельных общин в государственные образования, а также колебания — усиление или ослабление интенсивности действий гражданских учреждений при их наступлении на общинные структуры и соответственно волнообразность реакции последних.

Относительная величина авторитета женщин отражает эти флуктуации, противоборство между притязаниями государственных институтов и усилиями непосредственных производителей сохранить контроль над собственным производством и воспроизводством своего состава. Но вопреки распространенному мифу я считаю, что иерархия полов более отчетливо выражена в господствующих непродуцирующих классах, хотя женщины в этих классах и обладают значительным общественным авторитетом, благодаря своему классовому положению²⁸.

Пересечение классовых и полоролевых позиций дает богатые возможности для объяснения относительного социального авторитета женщин, принадлежащих к господствующим классам. Но этим не объяснить относительный авторитет женщин в более маргинальных секторах продуцирующих классов. Что составляет эту маргинальность? Один из возможных случаев — это когда натуральное хозяйство сохраняется в тени доминирующих капиталистических отношений, обеспечивая авторитет женщин среди тех категорий людей, которые остаются в стороне от сферы наемного труда. Кроме того, маргинальная сфера может включать мелкое товарное производство — ремесленные изделия или пищу. Эта сфера может иметь важное значение в определенной местности или области, но в контексте всего общества ее роль незначительна.

Сейчас женщины сохраняют значительный авторитет там, где традиционное производство для сферы потребления частично сохраняется в нетронутom виде, как это наблюдается в сфере жизнеобеспечения во многих неокOLONиальных странах. Значительный авторитет внутри своего класса можно обнаружить и у женщин тонга, занятых в мелкотоварном производстве, или у женщин кечуа и аймара Андского нагорья — авторитет, сравнимый с авторитетом женщин у городского пролетариата²⁹.

Другой пример, когда женщины могут иметь внутри своего класса авторитет больший, чем в обществе в целом, касается тех случаев, когда маргинальность определяется политически, часто по расовому или этническому признаку. Группы, этническая обособленность которых усиливается в процессе государственнообразования, закрепляясь их особым местом в системе общественного разделения труда, являются одновременно и объектами дискриминации, и очагами сопротивления. Такое положение сохраняется до тех пор, пока такие группы занимают соответствующее место в системе общественного разделения труда; но оно изменяется, когда внутри группы начинается процесс классовой дифференциации. Положение женщин в этих группах отражает скорее ситуацию, предшествующую завоеванию, нежели ту, что характерна для господствующего общества. Во многих случаях это означает, что они обладают большим авторитетом, чем женщины в господствующем обществе.

Патриархия не является неизбежным следствием иерархии полов, возникающей вместе с классами и государством. Реальный авторитет женщин в любом государстве зависит от других факторов социальной стратификации. В отдельных социальных сферах может наблюдаться патриархальность, а в других — в большей мере проявляться половой параллелизм. Эта вариативность половой

направлении отражает динамику неравномерного развития, которое само является следствием борьбы между родственными и государственными структурами. Сопротивление процессу образования государства, сознательное или структурное, способствует сохранению тех традиций, которые обеспечивают безопасность группы как единого целого — даже если групповая сплоченность при этом слабеет.

Сейчас в неокOLONиальных странах наряду с экспансией капиталистических производственных отношений наблюдаются общественные движения, ей противодействующие. Пытаясь вычлениТЬ в этих движениях борьбу за эмансипацию, необходимо уважать стремление людей опираться на традиционные (докапиталистические, а иногда и догосударственные) формы полового параллелизма, даже если эти формы не вполне совпадают с нашими представлениями о прогрессе. К примеру, легко провести параллели между современными ассоциациями женщин Кубы, созданными намеренно для укрепления женских социальных позиций, и доколониальными, догосударственными ассоциациями жен в патрилинейных линиях ибго³⁰.

Следует творчески изучать институты, поддерживающие половой параллелизм в первобытных обществах и в общинно-родовых структурах неокOLONиального мира. Чтобы ввести этноисторию в марксистскую научную традицию, нужно не отрицать революционизирующий эгалитаризм нашего древнего наследия как первобытный и примитивный, но реинтегрировать его на ином, соответствующем современному производительным силам уровне.

Перевод О. Ю. Артемовой, В. А. Шнирельмана

Примечания

¹ Gailey C. W. Kinship to Kingship: Gender Hierarchy and State Formation in the Tongan Islands. Austin, 1987. Ch. 2.

² Обзор этой литературы см. Ibid. Ch. 1.

³ Eadem. Evolutionary Perspectives on Gender Hierarchy // Analyzing Gender. Newbury Park, 1987. P. 32—67.

⁴ См. например, Meillassoux C. Maidens, Meal and Money: Capitalism and Domestic Community. Cambridge, 1981.

⁵ Сравни Geertz C. Negara: The Theatre-State in Nineteenth Century Bali. Princeton, 1980.

⁶ Gailey C. W., Patterson Th. C. Power Relations in State Formation // Power Relations in State Formation. Washington, 1987.

⁷ Gailey C. W., Patterson Th. C. State Formation and Uneven Development // The Origins and Development of Social Stratification and Political Centralisation. L., 1988.

⁸ Amin S. Unequal Development. N. Y., 1976.

⁹ Gailey C. W. The State of the State in Anthropology // Dialectical Anthropology. 1985. V. 9. № 1—2. P. 65—89; Diamond S. Dahomey: A Proto-state in West Africa. Ann Arbor, 1951; Неравномерное развитие, как Петерсон и я пытались показать, только частично связано с тем, что государство первоначально возникает лишь в отдельных очагах. Оно отражает в различной степени успешное сопротивление отдельных районов, сообществ и народов внедрению государственности и эрозии общинных моделей работы и культуры. См. Gailey C. W., Patterson, Th. C. State Formation...

¹⁰ Gailey C. W. Kinship to Kingship... P. 41.

¹¹ Etienne M. Women and Men, Cloth and Colonization // Women and Colonization. N. Y. 1980. P. 214—238.

¹² Например, Meillassoux C. Op. cit.

¹³ Etienne M. Op. cit.

¹⁴ Silverblatt I. Andean Women in the Inca Empire // Feminist Studies. 1978. Vol. 4. № 3; eadem. Women in States // Annual Rev. in Anthropology. 1988. № 17. P. 427—460; eadem. Moon, Sun and Witches; Gender Ideologies and Class in Inca and Colonial Peru. Princeton, 1987; Diamond S. Op. cit.; Sacks K. Sisters and Wives: The Past and Future of Gender Equality. Westport, 1979; Leacock E. B. Introduction // Engels F. The Origin of the Family, Private Property, and the State. New York, 1972; eadem Investigating the Origin of Gender Inequality: Conceptual and Historical Problems // Dialectical Anthropology. 1983. Vol. 7. № 4. P. 263—284; Fleuhr-Lobban C. A. Marxist Reappraisal of the Matriarchate // Current Anthropology. 1979. Vol. 20. P. 341—359; Zagarell A. Trade, Women, Class and Society in Ancient Western Asia // Current Anthropology. 1985. Vol. 27. № 5. P. 415—430; Gailey C. W. Putting down Sisters and Wives: Tongan Women and Colonization // Women and Colonization. N. Y., 1980; eadem Women and Warfare in Precapitalist States // Culture (J. the Canadian Ethnological Society). 1984. Vol. 14. № 1.

- P. 61—70; *eadem* The State of the State; *eadem* Kinship to Kingship..., *eadem* Evolutionary Perspectives...
- ¹⁵ *Krader L.* The Asiatic Mode of Production. Assen, 1975.
- ¹⁶ *Nash J.* Aztec Women: The Transition from Status to Class in Empire and Colony // Women and Colonization.
- ¹⁷ *Leacock E. B.* Investigating the Origin...
- ¹⁸ *Friedrich P.* The Meaning of Aphrodite. Chicago, 1977.
- ¹⁹ *Stone E.* The Social Role of the Nippur Naditus // J. Econ. and Social History of the Orient, 1981.
- ²⁰ Bridewealth and Dowry. Cambridge, 1973.
- ²¹ Однако, см. *Lerner G.* The Creation of Patriarchy. N. Y., 1986.
- ²² См. *Patterson Th. C.* Merchant Capital in the Inca State // Dialectical Anthropology, 1988. V. 12.
- ²³ См. *Muller V.* Origin of Class and Gender Hierarchy in Northwest Europe // Dialectical Anthropology. 1985. V. 10. № 1—2. P. 93—107; *Gailey C. W., Patterson Th. C.* State Formation...
- ²⁴ *Gailey C. W.* Evolutionary Perspectives...
- ²⁵ *Diamond S.* Op. cit.
- ²⁶ Эта форма иерархии полов упоминалась выше как характерная для межклассовых отношений в тех архаических государственных обществах, которые в иных отношениях демонстрировали половой параллелизм. Но иерархия полов в данных государственных структурах включала половой параллелизм внутри различных социальных классов. Он, по крайней мере первоначально, существовал с абстрактной иерархией, которая выражала отношения между классами. Во многих случаях гражданские институты так и не смогли разрушить единство родственных групп, в тогда отношения между полами в них свидетельствовали о сохранении женского авторитета. См. *Diamond S.* Op. cit.
- ²⁷ *Gailey C. W.* Evolutionary Perspectives...
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ *Silverblatt I.* Op. cit; *Gailey C. D.* Kinship to Kingship...
- ³⁰ *Van Allen J.* «Sitting on a Man»: Colonialism and the Lost Political Institutions of Igbo Women // Canadian J. African Studies. 1972. V. 6. P. 165—181.

© 1990 г.

Н. В. Зеленова - Чешихина

**ИВАН КОНСТАНТИНОВИЧ ЗЕЛЕНОВ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ И БЫТА
НАРОДНОСТЕЙ ПРИКАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ**

Имя Ивана Константиновича Зеленова известно небольшому кругу этнографов. Он не занимался теоретическими проблемами этнографии, не публиковал статей о результатах своих многочисленных экспедиций, но был крупным собирателем, внесшим большой вклад в изучение этнографии народов Поволжья и Прикамья.

Семья Зеленовых жила в Нижнем Новгороде. Отец Ивана Константиновича, столяр-краснодеревщик из крепостных, был неграмотным; мать — дочь солдата, работавшего по окончании 25-летней военной службы швейцаром в Воспитательном доме в Москве, вместе с его воспитанниками обучалась церковно-славянскому языку, арифметике и разным рукоделиям.

Иван Константинович родился 9 (21) ноября 1878 г. в деревне Конново Березинской волости Судогодского уезда Владимирской губернии¹, куда его мать уехала на время родов.

В пять лет Ваня был отдан в канавинскую начальную школу. Когда ему было 10 лет, умер его отец. По окончании мальчиком начальной школы мать сумела отдать его учиться в Нижегородское Владимирское городское училище, которое давало право выпускникам поступать на гражданскую службу. Училище он закончил в 1894 г. Стремясь к дальнейшему образованию, Иван Константинович добился в ремесленном цехе отца стипендии и поступил в Порецкую учительскую семинарию (Алатырский уезд Симбирской губ.). В 1897 г. И. К. Зеленов закончил семинарию и был направлен учителем двухклассного земского училища в с. Шаркан Сарапульского уезда Вятской губ., а с 1 сентября 1899 г. стал его заведующим.

Иван Константинович был активным участником и даже организатором общественной жизни местной сельской интеллигенции. К нему в Шаркан съезжались сельские учителя и учительницы, агрономы и врачи, жившие в округе за 20—30 верст от него. На встречах обсуждались политические, профессиональные и общественные проблемы, читалась художественная и политическая литература разных направлений.

Постоянные разъезды, встречи с широким кругом людей, в том числе и с политически неблагонадежными лицами, высказывание противоправительственных взглядов, влияние на молодежь скоро привлекли внимание местных властей. Началась полицейская слежка, и в декабре 1903 г. И. К. Зеленов был уволен из училища.

В феврале 1904 г. по рекомендации участника «Процесса 193» Н. А. Чарушина Иван Константинович обратился в этнографический отдел Русского музея к Д. А. Клеменцу и предложил свои услуги по сбору коллекций по быту и духовной культуре удмуртов, с которыми хорошо познакомился за годы учительства в Шаркане. Предложение было принято и оформлено 16 апреля 1904 г.²

Рис. 1. И. К. Зеленов. 1912 г.

В начале июня того же 1904 г. Иван Константинович получил открытый лист, фотоаппарат с принадлежностями и аванс на приобретение коллекций. 24 июня он выслал в музей 156 предметов, приобретенных в Шарканской, Бурановской и Якшурбодьинской волостях Сарапульского уезда Вятской губ., в сентябре — все остальное собранное им за лето, в том числе предметы языческого культа удмуртов, представлявшие особую ценность. Хранились они вне деревни (в лесу на мольбищах), и получение их порой было связано с риском для жизни как И. К. Зеленова, так и помогавших ему удмуртов. Ивану Константиновичу посчастливилось сфотографировать моления и приготовление кумышки (ритуальная водка из хлеба), являвшиеся частью культового обряда.

В 1905—1909 гг. сфера этнографических интересов И. К. Зеленова значительно расширилась, как и территория его полевых работ. Он стал их вести не только в Вятской, но и в Казанской, Пермской, Вологодской, Нижегородской, Уфимской и Тобольской губерниях. Иван Константинович стал собирать коллекции не только среди удмуртов, но и среди чувашей, марийцев, башкир, мордвы, татар-мусульман и татар-старокрещеных, коми, бессермян, манси, русских и мещеры. Характер предметов, приобретаемых им, был чрезвычайно разнообразен: предметы языческого культа (молений и жертвоприношений); костюмы женские и мужские, девичьи, подростковые и детские; промысловая, будничная, праздничная, обрядовая одежда; отдельные элементы костюмов; головные уборы, головные платки и полотенца; предметы домашнего обихода, в том числе ухода за маленькими детьми и постельные принадлежности; орудия земледелия, рыболовства, охоты, пчеловодства, прядения и ткачества; предметы ухода за скотом, упряжь, средства передвижения. Особое место занимали изделия прикладного искусства: женские украшения, вышивки, узорное тканье, резьба по дереву, игрушки, а также музыкальные инструменты.

Были случаи, когда Иван Константинович, не имея возможности купить предмет в данный момент, заказывал его умельцам.

Собранные предметы снабжались подробными аннотациями с указанием их назначения и способа применения; отмечалась последовательность надевания частей одежды; свадебные одежды сопровождалась описанием свадебных обря-

Рис. 2. Конная волокуша. Здесь и далее фото И. К. Зеленова

дов; указывались районы и время бытования и распространения предметов; делались ссылки на соответствующую литературу.

В ходе экспедиций И. К. Зеленов сделал много фотоснимков (до 300 за сезон). Фотографии, на которых были запечатлены бытовые и культовые сцены, строения, группы людей в национальных костюмах и т. п., отлично дополняли коллекции.

В экспедиции для записи песен Иван Константинович брал фонограф, который он специально приобрел.

В поездках по Прикамью и Приуралью Иван Константинович встречался с интересными обычаями. Например, деньги, полученные женщинами за проданные вещи, полностью поступали в их распоряжение, являясь собственностью женской половины семьи. Иван Константинович отмечал безусловную честность всех народов, которые он посещал и быт которых изучал. Однажды, рассказывая об этом, его догнал хозяин дома (удмурт), обнаруживший чрезмерную, как ему казалось, плату за какую-то вышивку. Хозяин вернулся домой только после того, как получил заверения, что монета дана женщинам не по ошибке. Проводник, сопровождавший Ивана Константиновича в поездке к вогулам, предупреждал: «Ты ничего не запирай, никто ничего не тронет. Спирт прячь хорошенько. Выпьем».

Позднюю осень, зиму и раннюю весну собиратель проводил в Петербурге, где описывал собранные за лето коллекции, составлял отчеты о поездках, готовился к следующим экспедициям. Одну зиму он был вольнослушателем пединститута, другую — занимался на частных курсах Берлица, изучая немецкий язык. Во время работы в петербургских музеях Иван Константинович пользовался услугами двух организаций, помогающих получить заочное высшее образование того времени. Это Комиссия по организации домашнего чтения в Москве и Отдел для содействия самообразованию при комитете педагогического музея в Петербурге.

В январе 1908 г. Иван Константинович начал готовиться в экспедицию по изучению кочевого народа манси, организованную Музеем антропологии и этнографии Академии наук им. Петра Великого³. По сложившейся в музее системе он должен был пройти длительную индивидуальную подготовку. Совместно с Л. Я. Штернбергом был составлен план поездки, изучались географическая литература, природные условия местности, куда направлялась экспедиция; извещались губернские власти о предстоящей экспедиции, оформлялся открытый лист и т. д. Со своей стороны пермский губернатор дал распоряжение исправникам Кунгурского, Красноуфимского, Верхотурского, Ирбитского и Чердынского уездов, в которых проживали манси, об оказании содействия Ивану Константиновичу.

Рис. 3. Жрецы, приносящие жертву *Нюлесмурту* (божеству леса) Окрестности с. Бодья Сарапульского у. Вятской губ.

Рис. 4. Жрец, обращающийся к *Нюлесмурту* с жертвой в руках Окрестности с. Бодья Сарапульского у. Вятской губ.

Двумя годами ранее И. К. Зеленов ездил на самый север в Тобольскую губ. по поручению Русского музея тоже с целью изучения быта манси. Но это была кратковременная поездка.

Предстоящая экспедиция не была похожа на предыдущие. Малонаселенные и малоисследованные места требовали особой экипировки. Из Петербурга Иван Константинович выехал в мае и заехал в с. Якшур-Бодья Вятской губ. к семье. Подготовка к экспедиции продолжалась и по выезде из Петербурга; закупались оборудование, продовольствие. В Перми в библиотеке и музее окончательно изучались карты, уточнялся намеченный маршрут, были получены практические указания от известных знатоков северного края⁴

Выехал в экспедицию из Перми Иван Константинович 18 июня. Путь и маршрут ее изменился в связи с дождливым летом. Возникли осложнения с наймом рабочих из-за высокой стоимости рабочих рук, о чем Иван Константинович пишет Л. Я. Штернбергу: «Многоуважаемый Лев Яковлевич! Сегодня си- сяц как я на работе, но пока что вогул, кроме обруселых, не видал. Сейчас си- в с. Никито-Ивделе Верхотурского уезда, Пермской губернии и снаряжая в дикие места. Выяснил через местных людей все условия, и оказалось, что нижему течению р. Юзвы и около Пелыма идут культурные вогулы, с Пелы же на р. Конду в нынешнее дождливое лето едва ли проберешься (так говор бывавшие там). Это с одной стороны, а с другой, помня Ваше наставление м- нять культурных на диких, я позволил себе изменить выработанный нами маршрут и избрал тот путь, который казался не осуществимым нам с Вами в Петербурге для лета: еду в верховья рр. Лозьвы, Вижая, Тотемки (Северный Урал); там, оказывается, сохранилось десятка два семейств вогул-манси в их первобы- ной чистоте, кочевники. Ищу работника и переводчиков сделать туда и обратно верст 600—800; думаю, что такое направление даст полнее и характернее кол- лекцию, а я полагаю, что эта сторона тоже очень важна. Вверх по горным уральским речкам двигаться придется не быстро, проездку не менее месяца, и на обратный путь уйдет неделя, т. е. выйдет все время, определенное на экспедицию (два месяца). Рабочие руки оказались здесь очень дорогими, дело все в том, что все здесь золотоискатели и для них 1—2 руб. суточного заработка деньги неболь- шие... Что делать с Пелымом? Нужно ли туда заезжать? Я Вам после окончания с первого телеграфа дам, конечно, известие о результате работы»⁵.

Ехать предстояло на оленях. Был подобран проводник (он же хозяин оле- ней), владеющий русским языком. Иван Константинович легко сходилась с людь- ми и приобретал их доверие. Экспедиция ехала на нескольких нартах. На них по- грузили обычное экспедиционное снаряжение (два фотоаппарата — простой и стерео, брезентовый чемоданчик с фотопринадлежностями, тяжелые стеклян- ные фотопластинки, фонограф в специальном деревянном ящике и восковые ва- лики для него также в специальном деревянном ящике с откидывающейся боко- вой стенкой, большой брезентовый чемодан с бельем и одеждой). В эту поездку были взяты палатки на случай дождя и холода, азиям (длинная широкая одежда в виде халата из грубого сукна на подкладке), охотничьи ружья, продоволь- ствие, вещи и спирт для натурального обмена с манси. Из-за малой населенности Зауралья останавливаться приходилось не только в стойбищах, но и там, где за- ставал конец дня.

Во всех этнографических поездках Иван Константинович находил себе по- мощников из местного населения. Например, при изучении удмуртов ему помо- гали жена-учительница, учителя, учащиеся, крестьяне, лесной объездчик, духов- ные лица. В Тобольскую экспедицию с ним ездила его свояченица — учительни- ца Анастасия Николаевна Вострецова, бывшая слушательница Высших педаго- гических курсов.

Описание собранных коллекций, их регистрация и сдача отчетов об экспеди- ции к кочевым манси были сделаны в Петербурге в конце 1908 — начале 1909 г.

Значение результатов экспедиции характеризуется в отчете Музея антропо- логии и этнографии АН за 1908 г.: «Примыкающие к самоедам вогулы, которые были весьма слабо представлены в Музее, и собрание которых совершенно не пополнялось, в этом году обогатилось весьма хорошим законченным собранием, добытым командированным Музеем И. К. Зеленовым. Собрание это, кроме не- скольких предметов культа и хорошего подбора снимков молений, сцен быта и типов, включает значительное (48) собрание символических орнаментов на бересте, особенно ценных в том отношении, что собирателю удалось выяснить название и значение каждого из этих рисунков, представляющих стилизован- ные изображения реальных объектов и явлений природы»⁶.

Интересно отметить, что на неисследованность быта и культуры вогул в 80-х годах прошлого века обращал внимание Д. Н. Мамин-Сибиряк. В очерке

«Бойцы», опубликованном в «Современнике» в 1883 г., он писал: «Около Ослянки⁷ каким-то чудом сохранились две вогульские деревни — Бабенки и Копчик. Обитатели этих чувоских деревушек для этнографа представляют глубокий интерес как последние представители вымирающего племени. Когда-то вогулы были настолько сильны, что могли воевать даже с царскими воеводами и Ермаком, а теперь это жалкое племя рассеяно по Уралу отдельными кустами и чахнет по местным дебрям и трущобам в вопиющей нужде. Кстати сказать, о вогулах мы знаем гораздо меньше, чем об обитателях Новой Гвинеи, не говоря уже о Центральной Африке или полярных странах. Если не найдется какой-нибудь любопытнейший иностранец, наши вогулы вымрут совершенно бесследно...»⁸.

Летние месяцы 1909 г. были посвящены разездам по командировкам Музея антропологии и этнографии Академии наук. Иван Константинович собирал материалы и много фотографировал в Уфимской (башкиры), Казанской (татары-кряшены, марийцы, чувашаи), Пермской и Вятской губерниях⁹. Обработка полевых сборов, как обычно, проводилась в Петербурге в конце 1909 и начале 1910 г.

С начала 1900-х годов за Иваном Константиновичем велась полицейская слежка. По данным канцелярии Вятского губернатора, Иван Константинович в 1904—1905 гг. «жил с перерывом в с. Шаркан без определенных занятий»¹⁰. На самом же деле он в эти годы энергично собирал коллекции для Русского музея в Вятской и Казанской губерниях, периодически приезжая в Петербург. Но работа по заданиям Русского музея губернскими властями, очевидно, не считалась постоянной. И. К. Зеленов располагал открытым листом от Русского музея, однако это не мешало полицейским вмешиваться в его работу. Так, 2 января 1905 г. он телеграфирует в Русский музей, что земским начальником был допрошен его ямщик. 24 января 1905 г. на имя земского начальника из музея было отправлено письмо: «Учитель Зеленов собирает коллекции для Музея Александра III по поручению августейшего управляющего. Прошу оказать всякое содействие. Граф Толстой»¹¹. В сентябре 1905 г. Н. М. Могилянский (сотрудник Русского музея) пишет Ивану Константиновичу, что музеем получена бумага от вятского губернатора о нежелательности его работы по сбору коллекций «ввиду прошлого г. Зеленова»¹².

Жене Ивана Константиновича, учительнице Шарканского двухклассного училища, после его увольнения из школы дали закончить учебный год, а затем под предлогом закрытия параллельного класса — уволили. Александра Николаевна Зеленова была одной из лучших учительниц Сарапульского уезда, имела почти 20-летний стаж, вследствие чего училищный совет Сарапульского уезда 30 сентября 1904 г. постановил сохранить ей жалование впредь до предоставления соответствующего постоянного места с хорошими жилищными условиями¹³. Два года в ожидании подходящего места А. Н. Зеленова работала в Музее наглядных пособий Вятского губернского земства в Вятке, выполняя служебные обязанности оформленного здесь со 2 мая 1905 г. мужа, фактически всецело занятого этнографией¹⁴. Только в ноябре 1906 г. ей было предоставлено место учительницы в с. Якшур-Бодья, где она и проработала до конца 1910/1911 учебного года.

Конечно, Иван Константинович во время своих этнографических командировок заезжал к семье. Он очень скучал о жене и сыне и при всяком удобном случае бывал в Вятке, и позднее в Якшур-Бодье. Кроме того, он навещал своих друзей-учителей, встречался с интересными ему людьми, часто «политически неблагонадежными». Дело кончилось тем, что по распоряжению вятского губернатора И. К. Зеленов был выслан из губернии. Вероятно, толчком к этому послужило заявление Ивана Константиновича губернатору от 22 декабря 1906 г. просьбой о разрешении ему стать редактором газеты «Вятский край», поданное одновременно с аналогичным заявлением издательницы газеты А. Н. Праздниковой. Распоряжение губернатора о высылке было отдано в тот же день и со следующей мотивировкой: «...ввиду его крайне вредной противоправительственной деятельности»¹⁵.

Через два дня после этого, 24 декабря, у Ивана Константиновича в Вятке был произведен обыск¹⁶. Была отобрана нелегальная литература, часть которой он получил от М. Горького. После обыска Иван Константинович немедленно уехал в Петербург. Однако в 1907—1909 гг. он продолжал ездить в Вятскую губернию. Часть поездок оформлялась разрешением губернатора «для посещения семьи» через сестру И. К. Зеленова Анну Константиновну Грязнову, учившуюся в Вятке на фельдшерских курсах. О всех его приездах в Якшур-Бодью и отъездах немедленно сообщалось губернатору¹⁷.

10 марта 1910 г. Иван Константинович начал работать хранителем в Пермском научно-промышленном музее. Организованный в 1890 г., этот музей имел постоянные корреспондентские связи с петербургскими этнографическими музеями, о чем упоминается во всех годовых отчетах обоих музеев. Работая в Пермском музее, И. К. Зеленов не теряет связи со столичными этнографами. 22 апреля 1910 г. он предлагает Русскому музею провести сбор коллекций в Пермской губернии и получает согласие на приобретение экспонатов в 1911 г.

Летом 1910 г. кроме своих прямых обязанностей хранителя Пермского музея Иван Константинович на свой страх и риск фотографирует предметы быта и отдельные сцены из жизни коми-пермяков в Верхнеязынской волости Чердынского уезда Пермской губ., чувашей в Чебоксарском уезде Казанской губ., татар-кряшен в Елабужском уезде Вятской губ. и башкир в Уфимской губ. Часть этих фотографий в 1910 г. была приобретена Русским музеем¹⁸ и Музеем антропологии и этнографии, в последний были переданы также и волосы «вотачек»²⁰.

В том же году Иваном Константиновичем проводились раскопки в Елабужском уезде Вятской губ., по-видимому, по открытому листу Пермского музея «Хранителем Пермского музея И. К. Зеленовым, — сообщалось в одной из вятских газет, — доставлены предметы погребения бронзового века из местности Пьяный Бор на реке Каме Елабужского уезда Вятской губернии»²¹.

25 марта 1911 г. Иван Константинович предлагает Русскому музею новые фотографии. Они были зарегистрированы в его коллекциях в 1911 и частично в 1915 гг.

Позднее, заполняя анкету членов секции научных работников Рабпроса (1932 г.), И. К. Зеленов напишет о «внешкольном» периоде своей деятельности: «... с 1906 по 1910, главным образом, в годы моей учебы в высшей школе, работал в этнографических музеях г. Ленинграда — Русском и Академическом под руководством этнографа Д. А. Клеменца и проф. Л. Я. Штернберга. Работа моя относилась к исследованию финно-угорских народностей»²². Иван Константинович в своей этнографической работе, главным образом при подготовке к экспедициям, близко соприкасался с такими известными учеными, как У. Т. Сирелиус, К. В. Щенников, Д. И. Янович и др. Важнейшими моментами своей научной и организационной работы, судя по упоминавшейся уже анкете, И. К. Зеленов считал: «I. Изучение и исследование народностей удмуртов, мари, чувашей, бесермян, манси в пределах б. губерний Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской, Тобольской. II. Регистрацию, описание, каталогизацию коллекций Пермского музея и библиотеки его. III. Обследование и собирание материалов для путешественника реки Камы (изд. в 1911 г.)». Эти материалы были им отредактированы и подготовлены к печати. Совместно с библиотекарем Пермского музея И. Я. Кривошековым И. К. Зеленовым написаны и две статьи для этого путешественника: «Народонаселение Прикамья» и «Описание примечательных пунктов на реке Каме»²³.

В Пермском музее Иван Константинович проработал немногим больше года. С 6 июля 1911 г. он стал заведовать отделом внешкольного образования Осинского уездного земства Пермской губ. В 1912 г. по распоряжению пермского губернатора его уволили с этой должности, но оформили секретарем того же земства и И. К. Зеленов еще 2 года занимался вопросами внешкольного образования. По распоряжению губернатора окончательно он был уволен из Осинского зем

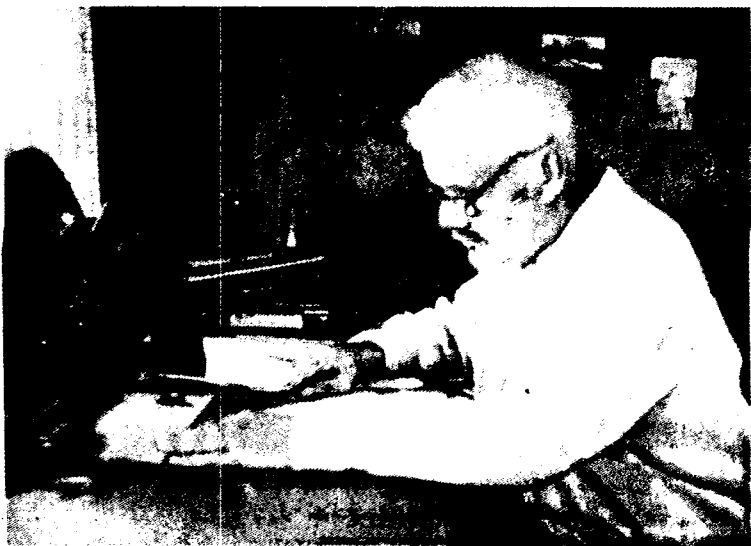

Рис. 5. И. К. Зеленов за работой. 1933 г.

ства в апреле 1914 г. После этого И. К. Зеленов на договорных началах разрабатывал схему школьной и библиотечной сети Уфимской губернии, а по окончании ее в конце 1914 г. уехал в Нижний Новгород. В сфере народного образования Иван Константинович работал с большим энтузиазмом, но интерес к изучению культуры разных народов у него сохранялся по-прежнему, и в 1915 г. И. К. Зеленов поступил вольнослушателем на Нижегородское отделение Московского археологического института²⁴. Вплоть до революции он посещал лекции столичных и местных лекторов.

После революции Иван Константинович вернулся к этнографической работе. На биологическом факультете Нижегородского университета некоторое время существовала кафедра антропологии и этнографии. В 1919 г. он был избран ассистентом этой кафедры и принимал участие в организации музея этнографии при кафедре²⁵.

На кафедре должны были изучаться все финно-угры, но фактически исследовались только коми, которыми занимался руководитель кафедры В. П. Налимов, сам по национальности коми. С приходом И. К. Зеленова было начато изучение финно-угорских народов Прикамья. В небольшой музей, созданный при кафедре, Иван Константинович передал несколько предметов языческого культа удмуртов и игрушки, собиравшиеся им в период работы в училище. Кафедра имела связь с некоторыми учеными Гельсингфорского университета, в частности с У. Т. Сирелиусом, который в 1919 г. приобрел у Ивана Константиновича несколько этнографических предметов и негативов из числа оставшихся от экспедиции 1904—1909 гг.

Кафедра этнографии и антропологии Нижегородского университета была закрыта в начале 20-х годов при переводе биологического факультета в Нижегородский педагогический институт.

Иван Константинович еще раз вернулся к занятиям этнографией, но уже в несколько иной форме. Работая старшим библиографом в Горьковской опорной библиотеке Наркомтяжпрома, он по договорам с Книжной палатой Чувашской АССР выполнял ретроспективную библиографию по этнографии и истории чувашского народа. На этом и кончилась этнографическая работа Ивана Константиновича Зеленова, но интерес к жизни и быту народов нашей страны у него сохранялся всю жизнь.

Коллекции, собранные Иваном Константиновичем, их обработка и описание получили высокую оценку советских этнографов²⁶. В Государственном музее

этнографии народов СССР хранятся 14 коллекций, собранных И. К. Зеленовым в 1904—1910 гг., в Музее антропологии и этнографии АН СССР — 8 коллекций 1908—1910 гг.

Иван Константинович Зеленов прожил бурную и интересную жизнь, полную исканий правды, разочарований, перемен взглядов и интересов. Всю жизнь он накапливал знания и был широко образованным человеком. Аккуратность, тщательность и добросовестность в работе были отличительными его чертами. Иван Константинович был хорошим организатором, увлеченный сам выполняемой работой, он увлекал своим энтузиазмом товарищей по работе и помощников любого культурного уровня. Скромный до застенчивости, он всегда был готов поделиться своими знаниями с окружающими. Получив от семьи твердые нравственные основы, неспособный на низкие поступки, прямой и резкий в своих суждениях, смелый в своих поступках, когда они касались принципиальных вопросов, Иван Константинович был мягким и простым в обращении с людьми.

16 февраля 1939 г. Ивану Константиновичу была назначена пенсия, но он продолжал работать старшим библиографом Горьковской опорной библиотеки Наркомтяжпрома до начала Великой Отечественной войны.

В ночь с 22 на 23 июня 1941 г. Иван Константинович был арестован. Скончался он 7 апреля 1942 г. в концлагере Буреполом в Горьковской области. В 1989 г. И. К. Зеленов реабилитирован за отсутствием состава преступления.

К 100-летию со дня рождения Ивана Константиновича Государственный музей этнографии народов СССР была организована выставка «Этнографические предметы из собрания И. К. Зеленова». В аннотации выставки кроме кратких биографических данных сообщалось: «Всего И. К. Зеленовым было собрано 14 коллекций, включающих 3281 предмет. Собрание это разнообразно по составу. Значительное место в нем занимает одежда, которая представлена как отдельными предметами, так и полными комплектами костюмов различных возрастных групп населения. Особую ценность представляет уникальная коллекция предметов культа, характеризующая дохристианские верования народов Поволжья. Научная обработка коллекций производилась в основном самим собирателем. Аннотации И. К. Зеленова отличаются особой четкостью и полнотой сведений. Собранный вещевой материал дополняется и раскрывается коллекцией фотоснимков, сделанных И. К. Зеленовым во время экспедиций.

Вклад Ивана Константиновича Зеленова в коллекционный фонд нашего музея — сокровищницу многонациональной народной культуры — трудно переоценить. Собранные материалы по ряду народов составили основу дореволюционного собрания, и они по праву занимают почетное место в нем».

Примечания

¹ Метрическая выписка из метрической книги Георгиевской церкви погоста Георгиевского, том Словоцово Судогодского уезда Владимирской губернии // Семейный архив.

² Гос. музей этнографии народов СССР. Рукописный отдел (далее — ГМЭ. РО). Личное дело И. К. Зеленова.

³ Архив АН СССР. Ф. 142. Оп. 1 до 1918 г. Д. 57. Л. 105.

⁴ Письмо И. К. Зеленова Л. Я. Штернбергу от 11 июня 1908 г. // Архив АН СССР. Ф. 142. Оп. 1. до 1918 г. Д. 58. Л. 287.

⁵ Письмо И. К. Зеленова Л. Я. Штернбергу от 18 июня 1908 г. // Там же. Л. 312—315.

⁶ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии АН за 1908 год. СПб., 1909. С. 5, 6.

⁷ Ослянка — пристань на р. Чусовой.

⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные сочинения. М.; Л., 1949. С. 574.

⁹ Отчет о деятельности музея антропологии и этнографии АН за 1909 год. СПб., 1910. С. 2, 12, 22.

¹⁰ Гос. Архив Кировской обл. (далее — ГАКО). Ф. 582. Личное дело И. К. Зеленова.

¹¹ ГМЭ. РО. Личное дело И. К. Зеленова.

¹² ГАКО. Ф. 582. Личное дело И. К. Зеленова.

¹³ Семейный архив.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАКО. Ф. 582. Личное дело И. К. Зеленова.

- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ГМЭ. РО. Личное дело И. К. Зеленова.
- ¹⁹ Отчет о деятельности Русского музея за 1910 г. СПб, Б. г. С. 59.
- ²⁰ Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии АН за 1910 г. СПб, 1911. С. 19, 20, 111 Отдельный оттиск из «Отчета о деятельности Академии Наук по физико-математическому историко-филологическому отделению за 1910 год».
- ²¹ Находки памятников бронзового века // Вятская речь. 1910. № 152. 18 июля. С. 3.
- ²² Анкета членов секции научных работников Рабпроса от 26 декабря 1932 г. // Семейный архив.
- ²³ Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по реке Вишере с Колвой. Пермь, 1911. т. II. С. 3—24; Отд. III. С. 3—115.
- ²⁴ Билет № 107 от 24 октября 1915 г. и экзаменационная книжка № 60 // Семейный архив.
- ²⁵ Анкета членов секции научных работников Рабпроса... П. II.
- ²⁶ См.: *Авижанская С. А., Браун М. А., Крюкова Т. А.* Каталог-указатель. (Краткое описание коллекций отдела этнографии народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР) // Проблемы совершенствования экспозиций по истории советского общества. М., 1975. С. 186—286; *Крюкова Т. А.* Коллекции по этнографии и народному искусству чуваш в государственном Музее этнографии народов СССР // Уч. зап. Н-и ин-та при Совете министров Чувашской ИССР. Вып. 45. Искусствование. Чебоксары, 1969. С. 130. Г. А. Сепеев — автор книги «Восточные парийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.)» (Йошкар-Ола, 1975) неоднократно ссылается на коллекции И. К. Зеленова.

© 1990 г.

Г. В. Цулая

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ЛАВРОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДОВ КAVKAZA

В мае прошлого года исполнилось бы 80 лет со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова, в апреле нынешнего — прошло 8 лет, как он скончался.

Л. И. Лавров родился в станице Медведковская на Кубани в семье потомков запорожских казаков, поселившихся на Северном Кавказе еще в конце правления Екатерины II. Вскоре после рождения Леонида Ивановича его родители переселились в станицу Пашковская, в которой он вырос и которую считал своей, так сказать, «малой» родиной, всю жизнь тянувшей его к себе.

Первые шаги в науке Л. И. Лавров начал подобно юным естествоиспытателям с наблюдения и любознательного внимания к окружающему его миру. Еще в ученические годы он написал первый доклад, посвященный истории и этнографии родной станицы Пашковская.

В 1926 г. Леонид Иванович закончил краснодарскую школу второй ступени, затем поступил в Кубанский педагогический институт, а в 1928 г. перевелся на этнографическое отделение Ленинградского университета. В 1931 г. в связи с призывом в армию учеба его прервалась на 5 лет. Однако в 1935 г. (еще будучи в армии) Леонид Иванович экстерном закончил Ленинградский институт истории, философии, литературы и лингвистики. В 1936 г. после демобилизации Леонид Иванович становится сотрудником Института этнографии АН СССР. В том же году в журнале «Советская этнография» публикуется первая его научная работа, материалы для которой им были собраны еще летом 1930 г.¹

Л. И. Лавров принадлежал к тому поколению русских кавказоведов, начало творческой деятельности которых совпало со временем, когда академическое кавказоведение (ему он впоследствии посвятил замечательный по своей обстоятельности очерк²) вступило в новую полосу своего развития.

В студенческие годы Леонида Ивановича Ленинград все еще оставался центром интеллектуальной жизни и генератором идей в области гуманитарных

наук в СССР. Вместе с тем на местах возникли национальные учебно-исследовательские учреждения и множились кадры. Это положительное явление, для ряда народов Кавказа ставшее эпохальным, оказалось и не без некоторых издержек. Оно уже изначально носило противоречивый характер: с одной стороны шло не только возрождение еще недавно физически вымиравших народов, и возобновление их этнических культур с созданием письменности у ранее бесписьменных народов. С другой стороны, эта новая письменная культура превращалась в средство распространения в массах ее носителей обязательных к тому времени догм — политических, культурных и т. д. В 20—30-е годы расширяются разработки кавказоведческих проблем. Известная школа армяно-грузинской филологии, основанная Н. Я. Марром еще в конце XIX в., в новых условиях стала тесной. Выход в свет в 1925 г. первого и единственного тома «Текстов и разысканий по кавказской филологии» практически оказался и последним в классической марровской школе кавказоведения. Наступил период гальванизации, но на новом академическом уровне старых национальных традиций в изучении культурного фонда местной цивилизации, Н. Я. Марр не без тревоги увидел: в этом начало краха созданного им детища и упорно стал внушать своим ученикам, что «национальные традиции» вредны в гуманитарных науках как главный индикатор отсутствия знаний. Но эйфория, охватившая национальные кадры ученых после крушения старого режима, была слишком сильной, а общественная обстановка довольно обманчивой для того, чтобы делать какие-то прогнозы. И тем не менее деятели науки были еще старой закалки, полученной в стенах Российской Академии наук и Петербургско-Петроградского университета. Основным нравственным критерием ученых была терпимость к чужому мнению подкрепленная эрудицией.

Примерно в таких условиях в Ленинграде молодой Леонид Лавров окунается в кавказское землячество, которое в то время представляло хотя и стихийное, но значительно более монолитное и вместе с тем разностороннее образование, чем это мы видим сегодня, и о котором Леонид Иванович всю жизнь вспоминал с теплом. Многие из его кавказских коллег впоследствии стали известными учеными. Молодые люди вступали в тесный и дружеский контакт со своими старшими современниками, известными учеными и учителями. Леонид Иванович рассказывал мне, что ему и его товарищам ничего не стоило остановить на ступеньках Публичной библиотеки Марра, Генко, Щербу и тут же подолгу вести с ними беседы на специальные темы, получить библиографическую справку, поделиться своими планами, посоветоваться и т. д. Бескорыстное служение старых интеллектуалов науке, видевших в ней самодовлеющую ценность, передавалось и молодым их преемникам. Леонид Иванович был одним из тех, кому по счастью удалось на всю жизнь впитать в себя это качество. Поэтому сегодня мы имеем все основания поставить его в ряд ученых, особенно интенсивно способствовавших развитию классических традиций кавказоведения, этой, по справедливому замечанию М. О. Косвена, одной из значительных областей русской общественной мысли. Еще в начале века Н. Я. Марр писал, что у него в Западной Европе всего лишь один читатель (известный болландинист П. Пеетерс). Ученые, вышедшие из кавказского землячества в Ленинграде, в значительной степени благодаря своим качествам способствовали превращению истории и этнографии народов Кавказа в предмет научных исследований в мировом масштабе.

Ученый разносторонних знаний и интересов, Леонид Иванович оставил нам труды в самых различных областях истории, этнографии, этногенеза и этнической истории, палеографии, ономастики; им написаны обобщающие очерки по отдельным народам и т. д.³ Работа «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.» написана еще до войны, но опубликована лишь в конце 60-х годов. В авторском примечании к этой работе говорится о судьбе ее рукописи, которая пережила такую же драму, как и ее автор — храбрый офицер и героический защитник почти обреченного Ленинграда. Нужна была именно лавровская воля к жизни

■ безупречное служение науке, чтобы восстановить утерянную рукопись и, дополнив новейшими данными и выводами, сделать ее достоянием специалистов.

После демобилизации в результате двух ранений, которые давали знать о себе до конца, Леонид Иванович вновь вернулся к делу своей жизни. В 1946 г. он публикует первую послевоенную работу⁴. Сам этот факт свидетельствует о том, что автор лишь временно был отвлечен войной от занятий наукой. В статье дан образцовый анализ специальных материалов по источниковедению и этнической истории народов Западного Кавказа, она до сих пор не потеряла своего значения ни для собственно кавказоведов, ни для историков, изучающих русско-кавказские отношения.

Леонид Иванович не был специалистом в какой-нибудь одной области кавказоведения в смысле хронологическом или проблемном. От древности до современности, от этногенеза до современного быта сельского и городского населения Кавказа — вот временной диапазон и многообразие его научного наследия. Стоит ли специально подчеркивать, что ему были чужды дилетантизм и поверхностность в разработке любых проблем — общих или частных.

Как известно, со второй половины 40-х годов естественный ход этнокультурной эволюции на территории СССР, в том числе и на Кавказе, в значительной степени стал подвергаться той системе воздействия, которую лишь в последнее время отважились открыто называть командно-административной. Изучение закономерностей национального развития народов — больших и малых — чаще всего основывалось не на исторических реалиях, а проводилось путем всевозможных ухищрений по отношению к материальным источникам (письменным и иным), чтобы «определить» перспективу развития того или иного народа. В наспех и кустарно сколоченное прокрустово ложе втискивались племена и народы для их дальнейшего «сближения» с целью маловразумительного «слияния» в неопределенном, точнее, надуманном грядущем. К этим «актуальным» целям приспосабливались, соответственно искаженно, все периоды истории развития, жизни отдельных народов, вплоть до глубин их и без того туманного этногенеза. История даже древнейших периодов начинала не актуализироваться, а подчиняться вулгаризованной политике. Историческая наука превращалась в арену сражений, которая, к нашей беде, продолжается и сегодня.

Такая обстановка в кавказоведении не застала Л. И. Лаврова врасплох. С конца 40-х — начала 50-х годов вопросы этногенеза, которые занимали Леонида Ивановича еще в довоенное время, заняли особое место в его научных изысканиях. Правда, в этот же период продолжали трудиться такие историки, как И. А. Джавахишвили, Я. А. Манандян, С. Н. Джанашиа, С. Т. Еремян, З. В. Анчабадзе и др., но, решая судьбы народов Кавказа, руководствовались трудами не этих ученых (как, впрочем, происходит и сегодня).

Проблемы этногенеза на Кавказе всегда отличались остротой и трудностью исследования. Такими они остаются до сих пор. Даже вопросы происхождения армян и грузин, сравнительно с другими народами более оснащенные первоисточниками и имеющие давние исследовательские традиции, далеко не во всем решены. Но более всего споров, противоречивых суждений и взаимоисключающих гипотез вызывали вопросы этногенеза народов Северного Кавказа в целом. Этой проблематике Л. И. Лавров уделял внимание всю жизнь, ее решению он намеревался посвятить специальное исследование обобщающего характера. Им были осуществлены предварительные сборы материалов и проведены исследования. В 1954 г. Л. И. Лавров публикует статью «О происхождении народов Северо-Западного Кавказа»⁵. К этой же теме можно отнести и другую статью Л. И. Лаврова — «Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории»⁶, в которой кроме собственно этногенеза кабардинцев освещены также и вопросы их этнической истории в средние века.

В этих работах Л. И. Лавров углубил существовавшие до него суждения о том, что в доскифский период Северо-Западный Кавказ имел оживленные сношения с соседними территориями, в частности с Крымом и Украиной. Статьи

были написаны в то время, когда вопросы топонимии и этнонимии Западного Кавказа дискутировались особенно усердно, но без серьезной теоретической подготовки. Даже наука о топонимии тогда фактически не существовала, о чем между прочим, свидетельствует и терминология самого автора, как и такая категория, как автохтонность, для которой и сегодня нет окончательного определения. Тем не менее Л. И. Лавров довольно успешно использовал данные этнотопонимии. В итоге он сделал обобщение, которое заставляет пересмотреть этногенетическую теорию об исключительно южном происхождении народов Северо-Западного Кавказа. Лавров писал об органической связи предков современных народов Северо-Западного Кавказа «не только с югом, но также и с западом и северо-западом». «Связь с Крымом и другими частями Причерноморья в до скифское время не могла явиться следствием одних только временных обстоятельств и поэтому выражалась не только меновыми или военными отношениями. Можно думать, что связь эта имела и более глубокие корни»⁷. Под «доскифским населением» Л. И. Лавров имел в виду киммерийцев. Он не сомневался в том, что они сыграли определенную роль на начальных этапах формирования предков современных народов Северо-Западного Кавказа, а также закавказского ответвления абхазо-адыгского этнического массива — древнеабхазских племен. Эта проблема и сегодня привлекает к себе внимание, но пока достигнутые результаты не учитываются и потому делаются высказывания, к научной гипотезе не имеющие отношения.

После возвращения незаконно депортированных во время войны балкарцев и карачаевцев на их исторические территории в кавказоведении остро стал вопрос об их этногенезе, имевший не одно лишь академическое значение.

Летом 1959 г. в Нальчике состоялась научная сессия, посвященная происхождению балкарского и карачаевского народов. Л. И. Лавров выступил с докладом, основанным на этнографических материалах. Однако в докладе были обильно использованы иные источники — нарративные, археологические, эпиграфические, фольклорные и др. Их сопоставление дало возможность докладчику констатировать, что карачаевцы, балкарцы, а также кумыки, т. е. основная масса тюркоязычных народов Северного Кавказа, являются потомками носителей половецкого языка, заселившими свою нынешнюю территорию в период монгольских завоеваний в XIII в. К этому следует добавить, что заселение предками балкарцев и карачаевцев высокогорий Кавказа под напором монгольской экспансии должно было быть значительно облегчено их непрерывными инфильтрациями вплоть до Закавказья еще до XIII в. Это тем более очевидно, что, по наблюдениям Л. И. Лаврова, предки балкарцев, карачаевцев, кумыков до их переселения в горы обитали сравнительно близко от северных склонов Кавказа. Переселение балкарцев и карачаевцев в высокогорные субрегионы Кавказа обусловило смешанный характер этих народов. Действительно, этнически смешанный тип тюркоязычных народов Центрального Кавказа появился в результате воздействия местного и не только собственно кавказского, но и гетерогенного на Кавказе аланского этноса.

Уже эта работа, очевидно, показала ее автору настоятельную необходимость введения в научный оборот иных, дополнительных материалов для решения вопросов исторической этнографии. Это и предопределило изучение им эпиграфических памятников Кавказа, историко-этнографическое и общекультурное значение которых никогда не вызывало сомнений ученых. Это старая тема, занимавшая не одно поколение исследователей еще со времен русского путешественника Ф. А. Котова, описавшего Дербенд в 1624 г. Вместе с тем о ее неразработанности даже в сравнительно недавнем прошлом свидетельствует тот факт, что кавказским эпиграфическим памятникам почти не уделено места в работах И. Ю. Крачковского по арабистике, хотя изучение арабской эпиграфики Кавказа было включено в числе актуальных задач в программу V Археологического съезда в Тифлисе еще в 1878 г.

После ряда предварительных археологических экспедиций (которые

Л. И. Лавров стал проводить еще с конца 40-х годов), исследовании и публикации памятников по местной эпиграфике на персидском, арабском и турецком языках⁸ в 60—70-х годах Л. И. Лавров издает фундаментальное исследование в этой области в трех томах в большой серии «Памятники письменности Востока»⁹. Значение этой работы трудно переоценить. В ней содержатся сведения, которые беднее представлены в других письменных источниках: строительная деятельность, даты смерти исторических лиц, имена их предков, имена строителей и пр. Некоторые из надписей сообщают о важных политических событиях и видных деятелях, почему-либо не попавших на страницы других письменных документов, или дополняют последние. Сведения, сообщаемые на камнях, в целом оказываются более важными для истории, чем то, что можно почерпнуть из надписей на тканях, посуде и других бытовых предметах. В этом отношении надписи на камнях, несмотря на присущий им лаконизм, близки по своей научной значимости к старинным рукописям»¹⁰. «Они воскрешают не только язык и мысли прошлых поколений, но часто и факты политической, экономической, бытовой или идеологической структуры»¹¹; «содержат многие, зачастую очень важные сведения об экономической, политической, культурной и бытовой истории народов Северного Кавказа», их топонимии, этнонимии и т. д.¹²

Я помню обсуждение этого сочинения у нас в секторе народов Кавказа в 1964 г. Известный историк Е. Н. Кушева назвала тогда обсуждаемую работу Л. И. Лаврова научным подвигом ее автора; тогда же на обсуждении В. П. Кобычев с полным на то основанием заявил, что после известного труда В. В. Латышева — «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», вышедшего в конце прошлого столетия, такой работы практически не было.

Действительно, значение публикации Л. И. Лаврова выходит за пределы собственно кавказоведения. Кроме того, что в трехтомнике дан обстоятельный анализ публикуемых материалов (историко-этнографический, палеографический, историографический и пр.), они значительно расширяют наши представления об ареале арабского, персидского и турецкого языков и их культурном значении на Кавказе. Л. И. Лавров — один из тех немногочисленных ученых середины нашего столетия, которые приложили немало плодотворных усилий, чтобы ввести в мировое востоковедение материалы по истории мусульманской части населения нашей страны. Когда-то И. Ю. Крачковский призывал своих коллег-арабистов обратить специальное внимание на арабоязычную письменность народов Кавказа, имеющую свои традиции, и сам стимулировал первые шаги в этом направлении (достаточно сказать, что переведенные А. М. Барабановым, молодым человеком, погибшим при обороне Ленинграда, сочинения дагестанского историка ал-Карахи «Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи», были опубликованы по инициативе И. Ю. Крачковского). Труд Л. И. Лаврова оказался шире рамок, очерченных Крачковским, так как «Эпиграфические памятники» охватывают не только арабоязычную лапидарную литературу Кавказа, но и арабскую, персидскую, турецкую — весь ее мусульманский фонд¹³. В последнее время Леонид Иванович был занят подготовкой очередного — IV тома «Эпиграфических памятников». Сдать его в печать, к всеобщему нашему сожалению, автору не было суждено.

В 1978 г. Л. И. Лавров издал «Историко-этнографические очерки Кавказа»; в них собраны статьи по истории, этнографии, геральдике, литературоведению — вот неполный перечень тем книги. Это издание, как и все работы автора, уже давно стало библиографической редкостью.

Л. И. Лавров отличался редкой трудоспособностью в сочетании с безудержным трудолюбием. Достаточно сказать, что все рукописи своих работ, а это пять книг и более ста статей, он собственноручно перепечатывал. Он работал постоянно, до последнего дня. Незадолго до смерти он успел просмотреть сигнальный экземпляр своей монографии «Этнография Кавказа», в которой собраны и систематизированы, сведены воедино дневники и путевые записи, сделанные ученым во время экспедиций и поездок по Кавказу в течение почти всей жизни.

Этот подлинный кладезь disappears, а то и вовсе исчезнувших памятников различных времен сопровождается ценными аналитическими характеристиками.

Ярким свидетельством того, что научное наследие Л. И. Лаврова не теряет своего значения, являются его публикации последних лет. К их числу относятся такие работы, как «Стихийные бедствия на Северном Кавказе до XIX в.» (первая работа автора, посвященная этой теме, была опубликована еще в 1957 г.¹⁴) «Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа», опубликованные в двух последних томах «Кавказского этнографического сборника».

Тема стихийных бедствий на Кавказе и борьба с ними остается столь же актуальной, как, например, темы, связанные с геронтологией, экологией и т. п. Л. И. Лавров изучил свидетельства источников различных эпох и народов и сделал вывод, что всевозможные эпидемии и катастрофические тектонические движения на Северном Кавказе, «часто повторяясь, приносили населению края страдания и физическое истребление не в меньшей мере, чем иноземные нашествия и внутренние междоусобицы»¹⁵. К сожалению, автор не привел почти никаких сведений (как и не указал на причины их отсутствия) относительно народных приемов борьбы с описанными им стихийными бедствиями и повальными эпидемиями и эпизоотиями, если не считать одного предположения в связи с дагестанскими материалами VI—VIII вв. о наличии в качестве антисейсмических средств камышовых прослоек в каменных строениях¹⁶. Считаю, что это особая тема, к изучению которой этнографам и историкам следовало бы сегодня приступить вплотную. Л. И. Лавров, очевидно, поспешил, когда писал, что в отличие от фольклора народов Северного Кавказа «исторические источники почему-то обходят эту тему молчанием»¹⁷. Сама статья автора свидетельствует об обратном, так как написана она исключительно по письменным источникам. Названные работы — небольшие по объему, и это также одна из особенностей творческой манеры Л. И. Лаврова, столь соответствующая старинной заповеди: краткость и точность — основные качества историка.

В жизни Леонид Иванович был личностью яркой и колоритной. Он не был человеком апокрифически безукоризненным. С эпикурейским складом характера, он сочетал в себе достоинства и недостатки. Несколько угловатый, но всегда доброжелательный, лишенный каких-либо признаков зависти и тщеславия, этих «дьявольских пороков», он вместе с тем не был лишен искреннего честолюбия. Помню, как на мой риторический вопрос: «Как жизнь, Леонид Иванович?» — он ответил: «Жизнь хороша, но коротка. А как хочу работать, писать. Сколько планов!». В мире все относительно: Теодор Момзен написал свыше 1500 работ, а В. Р. Розен всего одну книгу и несколько десятков статей и рецензий, но ученые они равновеликие, оба классики. Все, что написал Л. И. Лавров, принадлежит золотому фонду науки, называемой кавказоведением.

Прожив 73 молодых года, Леонид Иванович завершил земную жизнь без всяких предсмертных мучений: спокойно заснув, он утром не проснулся, не успев воплотить массу замыслов, а нам, его друзьям и ученикам, оставил добрую память о себе и пока еще непочатую тему: «Л. И. Лавров и вопросы историко-этнографического изучения народов Кавказа».

Как-то А. П. Чехов в заметке на смерть Н. М. Пржевальского писал, что великий географ, «умирая, просил, чтобы его похоронили на берегу озера Иссык-Куль. Умирающему Бог дал силы совершить еще один подвиг — подавить в себе чувство тоски по родной земле». Леонид Иванович совершил не меньший в этом смысле подвиг, завещав перенести свой прах из города, давшего ему вторую жизнь, и упокоить его рядом со своей матерью — на родной земле, в станице Пашковская.

- ¹ Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Сов. этнография (далее — СЭ). 1936. № 4—5.
- ² Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сб. (далее — КЭС). Т. VI. М., 1976; ср.: Гадло А. В. Л. И. Лавров и советское кавказоведение // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1983. Л., 1983. С. 3.
- ³ Лавров Л. И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952; *его же*. Рутульцы в прошлом и настоящем // КЭС. Т. III. М.; Л., 1962; *его же*. Абзины // КЭС. Т. I. М., 1955; *его же*. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. Т. IV. М., 1969.
- ⁴ Лавров Л. И. Обезы русских летописей // СЭ. 1946. № 4.
- ⁵ Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сб. статей по истории Кабарды. Т. III. Нальчик, 1954.
- ⁶ Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956. № 1.
- ⁷ Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. С. 198.
- ⁸ Лавров Л. И. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов // Сб. МАЭ. Т. XLVI. М.; Л., 1953; *его же*. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции // Там же. Т. XVII, М.; Л., 1957; М.; Л., 1958; Т. XIX. М.; Л., 1960; *его же*. Материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // Там же. Т. XX. М.; Л., 1961; *его же*. Археологические разведки в верховьях р. Сапур // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала, 1959; *его же*. Надписи мавзолея Борга-каш // Изв. Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. V. Вып. I. Грозный, 1964, и др.
- ⁹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X—XVII вв. М., 1966; Ч. II. Надписи XVIII—XX вв. М., 1968; Ч. III. Надписи X—XX вв. Новые находки. М., 1980.
- ¹⁰ Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. С. 15.
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. II. С. 11; Ч. III. С. 15 сл.
- ¹³ Работа Л. И. Лаврова получила высокую оценку специалистов, приведем лишь некоторые рецензии: Шихсаидов А., Атаев Д. Ценная книга // Дагестанская правда. 1966; № 305; Хашаев Х. М., Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I // СЭ. 1968. № 1; Шихсаидов А., Османов М. Надписи рассказывают // Советский Дагестан. 1968. № 2; Певзнер С. Б. Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I, 2. М., 1966 и 1968 // Эпиграфика Востока. XXI. Л., 1972.
- ¹⁴ Лавров Л. И. Землетрясение 1667 г. в Дагестане // Изв. АН СССР. Сер. геофиз. 1957. № 8.
- ¹⁵ Лавров Л. И. Стихийные бедствия на Северном Кавказе до XIX в. // КЭС. Т. VIII. М., 1984; *его же*. Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа // КЭС. Т. IX. М., 1989.
- ¹⁶ Лавров Л. И. Стихийные бедствия на Северном Кавказе. С. 69.
- ¹⁷ Там же. С. 65—66.

© 1990 г.

Н. А. Гурошева

**ТРАДИЦИОННЫЕ ДЕВИЧЬИ И ЖЕНСКИЕ
ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ УКРАИНОК И ИХ РОЛЬ
В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ
(середина XIX — начало XX в.)**

Традиционный костюм — не только один из важнейших составляющих материальной культуры народа, тесно связанных с его экономической и социальной жизнью, но в значительной степени и «овеществление» духовных традиций народа, его мировоззрения: он отражает эстетический идеал, вкус, творческие склонности народа. Поэтому представляется особенно важным при исследовании традиционного костюма подходить к нему как к такому виду народной культуры, в котором органически объединены материальные и духовные начала. Одним из элементов традиционного костюма, в котором это единство выражено особенно наглядно, является женский головной убор.

Традиционные женские головные уборы украинцев достаточно полно освещены в этнографических источниках и литературе, однако предметом специального изучения они бывали сравнительно редко.

Не имея возможности в силу ограниченного объема статьи рассмотреть историю этнографического изучения украинских головных уборов, я остановлюсь лишь на тех источниках, которые непосредственно касаются исследуемого периода (середина XIX — начало XX в.)¹.

Большой фактический материал по интересующей нас теме представлен в Архиве Русского географического общества. Это ответы корреспондентов РГО на программы общества 1848 и 1852 гг. В некоторых из них дано подробное описание украинской одежды и головных уборов, с указанием способа их ношения и назначения, и кроме того обращено внимание на различия женских и девичьих головных уборов². Сведения об особенностях праздничных и обрядовых головных уборов украинок можно почерпнуть и из описаний традиционных обрядов, в частности свадебного и погребального, представленных в РГО его украинскими корреспондентами³.

Интересные этнографические материалы, содержащие сведения об украинском костюме и головных уборах, имеются также в рукописных фондах Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (г. Киев). В отдельных рукописях, хранящихся там, имеются подробные описания головных уборов и их особенностей, обусловленных возрастом и семейным положением женщин, а также назначением уборов (будничный, праздничный, свадебный, траурный, погребальный)⁴.

В середине XIX в. этнографические описания отдельных сел и уездов Украины, в которых зафиксирована местная народная одежда и отдельные ее компоненты, публиковались на страницах губернских ведомостей и других периодических изданий⁵. Более системно этнографические сведения по украинскому народному костюму, в том числе и женским головным уборам, представлены в ряде публикаций середины XIX — начала XX в. Среди них — монография

Ф. Головацкого об одежде населения Западной Украины⁶, труды П. П. Чубинского о культуре и быте украинцев Центральной, главным образом Правобережной Украины⁷, работы Б. С. Познанского, Н. Степового⁸.

Отдельные сведения о народном костюме и головных уборах украинцев содержатся также в трудах польских исследователей XIX в., но их описания часто фрагментарны⁹.

Определенный интерес для нашей темы представляет исследование об этнографических особенностях украинского народа, принадлежащее известному ученому и прогрессивному общественному деятелю конца XIX — начала XX в. Ф. К. Волкову (Вовку). Наряду с другими материалами оно содержит раздел о народной одежде, часть которого посвящена традиционным головным уборам¹⁰.

В целом можно сказать, что дореволюционный период был временем накопления фактического материала по украинской народной одежде и начала его научного осмысления.

В послереволюционный период оно продолжается и углубляется. Развивается и изучение традиционных головных уборов. Основопологающей аналитической работой, поднявшей их исследование на более высокую ступень, стал труд Д. К. Зеленина, посвященный женским головным уборам восточных славян¹¹, в котором они рассматриваются в тесной связи с празднично-обрядовой и духовной культурой народа — этическими и эстетическими нормами, представлениями о магической, обереговой роли головных уборов.

Несомненный интерес представляет и статья Н. И. Гаген-Торн о магической роли головных уборов в восточноевропейских свадебных обрядах¹². Однако выводы ее небесспорны.

В последние десятилетия украинские женские головные уборы получили довольно подробное освещение в фундаментальных исследованиях о костюме восточных славян, в частности, украинцев¹³. Наряду с другими вопросами в них рассматриваются и функции головных уборов, их роль в праздниках и обрядах.

Дальнейшее развитие получило и изучение головных уборов украинцев¹⁴. Определенное место в работах, посвященных им, отведено выявлению символической, знаковой функции головных уборов, их роли в обрядах. Однако эти вопросы, не являющиеся для авторов первостепенными, не получили достаточного освещения.

Накопленный этнографами богатый фактический и аналитический материал дал возможность перейти к решению малоисследованных вопросов в области народного костюма, в частности вопроса о роли традиционной одежды в народных праздниках и обрядах. Первая фундаментальная работа в этой области принадлежит Г. С. Масловой¹⁵. Однако специальные исследования о роли традиционного костюма в семейных и календарных обрядах украинцев практически отсутствуют.

Настоящая статья представляет собой попытку хотя бы частично восполнить этот пробел. В ее основу положены материалы, в большинстве своем относящиеся к Правобережной Украине, а также к некоторым областям Западной Украины; и в меньшей степени — к другим украинским территориям. Основные хронологические рамки исследования — середина XIX — начало XX в. Изменение традиционных головных уборов и трансформация их обрядовой роли прослеживаются на материале XX в.

Головные уборы как и другие составные части традиционного костюма, — это прежде всего средство защиты человека от неблагоприятных влияний окружающей среды. Но, будучи одним из элементов одежды, они занимают особое место, поскольку, как известно, когда-то имели магическое, обереговое значение¹⁶.

С представлениями о магической защитной роли головных уборов связаны их половозрастные различия. От разного зла по-разному должны были защищать они голову девушки, замужней женщины, мужчины (хотя иногда и сами

способны были принести зло). При этом часто они отражали определенные социально-классовые особенности: имущественный и сословный статус, профессиональную принадлежность, семейное положение владельцев. Исследователи отмечают, что социальная и магическая функции выражены в головных уборах наиболее ярко¹⁷.

Особенно важное место занимают головные уборы в женском традиционном костюме. В этнографической литературе давно обращено внимание на то, что они выполняли не только утилитарные, но и знаковые функции. Это проявлялось в четком разграничении девичьих и женских головных уборов, их роли в свадебных и похоронных обрядах, а также в различных поверьях, связанных с ними. На основании археологических исследований (известные наборы «племенных украшений») можно предполагать, что связь женских головных уборов с их социальной функцией установилась давно¹⁸.

Для праздничных девичьих головных уборов украинок характерно значительное видовое и локальное разнообразие. Наиболее типичными из них были венки, подразделяемые исследователями на три группы: плоские, плетеные (свитые), венки-шнуры. Они были очень разнообразны как по материалу (ленты сплетенные шнуры, шелковые ткани, перья птиц, искусственные и живые цветы) так и по конструкции — от узкой ленты до высоких сложных венков.

Интересно, что для изготовления плетенных из цветов венков (явившихся, очевидно, следующей стадией развития девичьих головных уборов после простого закладывания цветов за ленты и косы¹⁹) употреблялись, как правило, определенные растения, которым приписывались часто магические свойства. Обычно это были ароматические или крестоцветные травы — рута, чеснок, барвинок, способные, как считалось, отпугнуть злые силы. Вечнозеленый барвинок — символ долголетия и счастья — в некоторых районах был основным компонентом свадебных венков, что и дало, по-видимому, основание исследователям считать его символом девичества и брака²⁰. Васильки воплощали «чистоту и учтивость» и «сопровождали всю жизнь» малоросса от купели до гроба²¹. Калина — любимый образ народных украинских песен, в том числе и свадебных, символизировала красоту и девственность; любисток считался приворотным зельем (по созвучию с любовью); мак, особенно «повний» (махровый), олицетворял нарядность, пышность и т. д. О том, что венок был, как правило, праздничным головным убором (и надевался с соответствующей одеждой), свидетельствует насмешливая буковинская поговорка: «Гола, боса, а в вінку»²².

Традиционный девичий венок имел свои специфические особенности в различных историко-этнографических районах. В центральных областях Украины плетеный венок состоял из крупных цветов надо лбом и мелких на затылке (*чубати вінки*). В венок подоялки, наоборот, мелкие цветы вплетались спереди а крупные — сзади. Зимой живые цветы заменялись искусственными или окрашенными утиными перьями.

Отличались своеобразием праздничные головные уборы девушек в западных областях Украины: в Северном Прикарпатье налобник с тканым или вышитым орнаментом; на Буковине металлический налобник (*чільце*); султаны из ковыля. Последние интересны тем, что являются головным убором засватанной девушки и нигде больше на Украине не встречаются²³. Зато аналогию этому убору находим в традиционном костюме невесты некоторых областей Болгарии (а иногда ковыль присутствует и в костюме болгарского жениха)²⁴.

Особенно пышными и яркими были свадебные венки, которые делали из живых и искусственных цветов, листьев барвинка, блесток, лент, разноцветных бусин и т. п.²⁵ В некоторых местностях, например, в Лубенском уезде на Полтавщине, искусственные цветы в венке были привилегией невесты и старшей družки²⁶. Носили девушки и платки, но в отличие от замужних женщин повязывали их так, чтобы темя оставалось открытым и была видна коса. Иногда к платку прикалывали веночек из искусственных цветов (Слободская Украина)

На Волыни был распространен девичий головной убор из десяти и более повязанных вокруг головы разноцветных лент со спускающимися до пояса концами²⁷.

Повсюду на Украине отдавалось предпочтение красным лентам: по народным воззрениям, красный цвет обладал магическими свойствами, защищал от действия злых сил; кроме того, народ издавна отождествлял красное с красивым, веселым. О девушке, вышедшей на улицу в голубых или зеленых лентах, говорили: «Яка пісна дівка вийшла гулять», так как красного не надевали только в пост²⁸. Из лент делались также банты, прикалываемые к волосам; отличительной особенностью наряда молодой на Полтавщине были приколотые по бокам платка два цветка (розетки) из красных лент. Носили девушки и головные повязки разнообразных форм. Нередко в пределах одного уезда можно было встретить самые различные виды повязок, однако все они оставляли открытыми волосы на темени и косу.

Девичьи головные уборы (ленты, повязки, венки, платки), как и открытые волосы, должны были подчеркнуть молодость и красоту своих владелиц. Повязывая первый раз новый платок, девушка приговаривала: «Оце красу з цього платка зношу», а бросая изношенный, говорила: «Зносила красу»²⁹. И только тогда, когда девушку «поймают», «выкрадут», «купят» (следуя терминологии народной свадьбы), ей расплетают косу и тщательно прячут ее «девичью красу» под *очіпок*, *намітку* или платок — уборы замужней женщины. Смена головного убора молодой во время свадьбы (*покривання, очіпини*) является одним из центральных моментов ритуала.

Покрывание головы издавна было знаком перехода девушки в статус замужней женщины. Символика этого обычая имеет очень давние корни. Сохранилось известие, что у древних славян, девушки которых ходили с непокрытыми волосами, был распространен такой обычай: если девушка нравилась парню, он мог набросить ей на голову покрывало, после чего она считалась его женой. По мнению некоторых исследователей, это одна из форм брака, бытовавших у славян в X в.³⁰ Возможные отголоски этого обычая находим, в частности, у украинцев. На всей территории Украины был распространен обычай, согласно которому на свадьбе перед приходом жениха лицо и голову невесты, сидящей за столом, закрывали намиткой или платком. Покрывание головы девушки в этом случае, видимо, означало ее согласие на брак³¹.

Покрытая голова женщины еще у древних славян была знаком ее замужества. Надо сказать, что символ этот необычайно прочно утвердился в системе морально-этических представлений восточных славян, в том числе и украинцев. Это выразилось, в частности, в том, что покрывание головы для замужней женщины было строго обязательным. Еще в церковном уставе Ярослава Мудрого читаем: «Оже огренет (сорвет) чужее жене повой с головы..., явится простоволоса — 6 гривен за сором»³². Подобные нормы, очевидно, действовали и в позднейшее время. М. Г. Рабинович выдвинул интересную гипотезу относительно причины роковой ссоры Ивана Грозного с сыном. Он предполагает, что поводом к ней послужило несоответствие одежды снохи Грозного представлениям того времени — в частности, волосы ее, возможно, не были скрыты головным убором, что считалось обязательным даже дома³³. Столь строгий запрет основывался, видимо, на вере в магическую, причем вредоносную силу открытых волос женщины (особенно для мужчин)³⁴.

«Засвітити волоссям» еще в начале нашего столетия считала позором для себя всякая добропорядочная женщина. Новобрачная после покривання не имела права ходить «з непокритою головою і з розпущеною косою, чи то в себе в хаті, чи то на людях». С непокрытой головой «не можна до колодязя йти, корову допль, до столу сидать», — вспоминают еще и в наши дни женщины старшего поколения в некоторых украинских селах. Такая пожилая женщина и сейчас «без платка не вийде, бо голова болітиме»³⁵. Кое-где на Украине существовало даже поверье: если женщина выйдет на улицу простоволосой, ее убьет громом и т. п.³⁶.

В народном костюме существовало четкое разграничение девичьих и женских головных уборов. Об этом свидетельствуют и источники XVII в., где описаны девичьи головные уборы, всегда оставляющие волосы открытыми, и упоминаются платы или платки как обязательные уборы женщин³⁷. Выйдя замуж, женщина могла донашивать свою «девичью» одежду, но отдельные ее элементы, в том числе и девичий головной убор, были ей навсегда «заказаны»: никогда не наденет она красных лент, девичьего венка, не распустит по спине косы. Отраженные в этом обычае этические нормы запечатлены и в народных песнях³⁸.

Нормам народной этики соответствовала и девичья одежда, которая должна была нести информацию и о «девичьей чести». Нарушение неписанных законов поведения девушки сурово осуждалось: девушка, преступившая их, должна была носить костюм замужней женщины и женский головной убор³⁹. При этом костюм и головной убор парня, виновного в бесчестьи девушки, оставались неизменными, что указывало на сохранение им прежнего статуса. О девушке же в таком случае говорили, что она «втратила вінок», «загубила вінок» (потеряла), т. е. нарушила целомудрие. Как видим, венок здесь не только выступает в качестве головного убора девушки, символа ее молодости и красоты, но и служит синонимом девичьей чести, целомудрия.

Определенные особенности имел головной убор засватанной девушки. Девушка от *заручин* до свадьбы одевалась более нарядно; голову ее украшал венок с вплетенными в него перьями, цветы, ленты. Недаром в народе существовала поговорка: «Гарна дівка, як засватана». На Буковине, как уже упоминалось, бытовал особый головной убор засватанной девушки — султан из ковыля (*кода, кодина*). В Глуховском уезде Черниговской губ. в середине XIX в. засватанная девушка прикалывала к головной повязке искусственный цветок⁴⁰. Специальные головные уборы засватанных девушек известны и у других восточнославянских народов. Так, на русском Севере сговоренки носили девичью *повязку*, отличающуюся от обычной натемяком, прикрывающим макушку, — переходный тип головного убора от девичьего к женскому. В Пинежском крае убором просватанной девушки была *плачя* копытообразной формы из простеганного холста с вышивкой разноцветным бисером. Плачя имела, по мнению Г. С. Масловой, древнее происхождение⁴¹.

Особая роль отводилась женскому головному убору в свадебном обряде. Выше уже говорилось о том, что свадебный венок невесты, символизирующий ее цветущую красоту и «девичью волю», делался особенно ярким и красивым. В каждой местности существовали определенные *каноны* его изготовления. На всей территории Украины в XIX в. было принято вплетать в свадебный венок окрашенные в яркие цвета перья и цветы из красных лент. В начале XX в., особенно в центральных областях, цветы из шелковых лент в свадебных венках заменяются бумажными, восковыми или стеариновыми. На Слобожанщине венок невесты делали из искусственных цветов; на Буковине и Покутье — из цветных лент, *герданов* (ленты из бисера), цветов, перьев, бусин. Гуцулка к свадьбе готовила себе «барвінковий вінок» — твердый каркас, на который между зелеными листьями нашивались яркие цветы из бумаги, гаруса, ткани, воска и блестки⁴².

Плетение свадебных венков нередко представляло собой обряд *вінкоплетини* (например, в западных областях Украины)⁴³. Обычно приглашенные невестой девушки — *дружки* плели их в субботу утром с исполнением ритуальных песен, рассказывающих о свадебном венке как особом, единственном в жизни девушки головном уборе⁴⁴.

Венок плели невесте, а иногда (у гуцулов, бойков) и жениху, чаще всего из вечнозеленого барвинка, символизирующего долголетие, семейное благополучие, счастье⁴⁵. У бойков сбор барвинка стал особой церемонией, с которой начинался весь свадебный ритуал: в сопровождении музыки и песен, с хлебом, овсом, «горілкою» шли его участники собирать барвинок. Плетение венка

период намитку носили только в соединении с другими головными уборами (обычно ее драпировали поверх очипка).

Платки, пришедшие во второй половине XIX в. на смену старинным платовым формам, часто повязывались так же, как платовые уборы. Иногда повязывали сразу два платка, один из которых, сложенный в полосу, проходил под подбородком и завязывался на макушке (Волинь, север Киевщины и Черниговщины).

Очипки представляли собой более позднюю, нежели платовые, ступень развития женских традиционных головных уборов. Их можно разделить на две основные группы согласно функциям: мягкие очипки (*сборники*) предназначенные для того, чтобы собирать и тщательно закрывать волосы, и твердые (шапкообразные). Существовало и множество промежуточных форм. Сборник надевался под платовый убор задолго до появления твердых очипков, а после их исчезновения — под домотканые и фабричные платки⁵⁸. Существует мнение, что этот головной убор возник когда-то из соединения венка-шнура, которым были повязаны волосы девушки, и плата, накидываемого ей на голову, когда она выходила замуж⁵⁹.

В использовании традиционных женских головных уборов в свадебном обряде наблюдалось значительное локальное разнообразие. На Гуцульщине жених нес намитку (здесь — перемітка, рубок) в церковь, где священник набрасывал ее на невесту⁶⁰. На Покутье намитку (*рантух*) приносил в подарок молодой брат жениха. Очипок же доставляла сестра молодой, причем держала его под полой, чтобы никто не видел⁶¹.

Надевать очипок могли сваха, дружка жениха, жених или (во избежание сглаза) сама молодая — ведь недоброжелательная сваха могла, как считалось, «і світ зав'язати, і хворобу надати»⁶². Совершался обряд, как правило, в доме молодого и кроме перехода девушки в статус замужней женщины подчеркивал ее зависимость по отношению к мужу и его родне. Надо заметить, что в свадебном ритуале вообще и в свадебном фольклоре в частности ярко выражено символическое значение косы девушки и ее головного убора как «девичьей воли», с которой девушке жаль расставаться и которую она оплакивает. В свадебных песнях звучит любовное, ласковое отношение к девичьему убору и негативное к женскому, ассоциирующемуся с подневольной жизнью.

На Харьковщине очипок молодой надевала обычно свашка. Он назывался здесь «кокошник» и покрывался сверху кисеей. На Полтавщине, надевая очипок, говорили: «Накладаю я тобі очіпок, щоб ти його не скидала і закону не теряла, і поздоровляю тебе великою (червоною, білою) головою»⁶³.

Рассматриваемый обряд, видимо, не только символизировал переход невесты в статус замужней женщины, но и имел определенное магическое значение — выражал пожелание богатства, благополучия⁶⁴. На Полтавщине головной убор невесте меняла ее старшая замужняя сестра (*покривалниця*). Она снимала с нее цветы, ленты и надевала *повязку* (картонный обруч, а поверх него платок).

Обряд *накладання очіпка* был сходным на всей территории Украины. Сами же очипки — их формы, материал, украшения, способы ношения — были очень разнообразны. Предпочтение отдавалось красным очипкам (Волинь, Лемковщина и др.), они считались красивее: «Молодиця іде у червоному очіпку, як маківка цвіте». Вдова, желающая выйти замуж во второй раз, надевала красный очипок и в будни и в праздники. О важном значении этого элемента женского костюма говорят приписываемые ему магические свойства и связанные с ним многочисленные приметы и поверья. Считалось, например, что в течение года после свадьбы нельзя «світить очіпком», т. е. снимать намитку (с середины XIX в. — платок), которой покрывали очипок молодой в день свадьбы; во избежание сглаза женщины закалывали в сборки очипка иголку⁶⁵. Часто головной убор замужней женщины был связан с древними представлениями о птицах животных, что было характерно для всех восточных славян. Первое подтверждается названиями женских головных уборов у русских: сорока, кичка, кокошник⁶⁶. Связь головных уборов с представлениями о животных выражалась в су-

существовании рогатых женских уборов, в XIX в. в большей или меньшей мере присущих всем восточным славянам. Наиболее ярко рогатость была выражена в оловных уборах южнорусских губерний. В уборах украинок и белорусок она проявлялась гораздо слабее, главным образом в подкладывании кудели для устройства небольшого возвышения на голове⁶⁷. Однако надо заметить, что тгюлоски «рогатости» сохранялись в украинских головных уборах очень устойчиво. Даже с введением в обиход фабричных *хусток* рогатость не исчезает: платок драпировался вокруг головы таким образом, что узел приходился надобом либо на макушке, а концы платка торчали в стороны, напоминая рожки.

Символика рогатых головных уборов тесно связана с идеей плодородия. Подтверждением может служить приводимый Г. С. Масловой обычай, когда, женщина, надев рогатую кичку после замужества, в старости меняла ее на безрогую или ходила вовсе без кички, в одной сороке⁶⁸. По свидетельству Л. Н. Чижиковой, в русских селах Белгородской обл. женщины после 45 лет не носили сороку — это считалось неприличным⁶⁹. Такие головные убory выполняли, видимо, и защитную функцию — играли роль оберега, отпугивая от хозяйки убора злые силы. Очипок, надетый на молодую, покрывали намиткой, а с середины XIX в. — платком⁷⁰.

Свадебный ритуал украинцев в XIX— начале XX в. включал в себя обряд, в котором ритуальная функция намитки не связана непосредственно с очипком и выступает самостоятельно. Не желая расчленять описание обряда смены головного убора, мы не останавливались ранее на этом моменте свадебного ритуала, но теперь считаем уместным восполнить этот пробел. Обряд, который носил название *покривання* или *сповивання* молодой, происходил после венчания, обычно в доме невесты, перед тем как она отправлялась к мужу. Сняв венок и ленты, ее голову покрывали (*завивали*) длинным — от 2 до 7 м — куском тонкого льняного полотна (намиткой), часто скрывая и лицо. Поверх него снова надевали свадебный венок, но уже без лент; их раздавали подругам молодой, чтобы те скорее вышли замуж. Намитка в этом обряде носила название *покрывало*, *перекрывало*, *скривальщина*, *плат* и др. — в зависимости от местных традиций — и была призвана уберечь невесту от действия злых сил.

Наиболее распространенным и типичным можно считать обычай покрывать молодую в доме ее родителей. В западных областях Украины обряд осуществляли свахи. Глубоко символичным был этот обряд на Гуцульщине. К концу свадебного ужина новобрачную звали в «комору». Музыка при этом звучала очень печально. Заслышав грустную мелодию, молодой должен был вбежать в комору и зубами перекусить *шварку* — тесемку, удерживающую *бовтиці* — металлические украшения в косах молодой, и тут же убежать. Молодая при этом плакала, а кто-нибудь из присутствующих (обычно ее родители или крестные) тянул за нитку и пышный убор гуцульской «княгини» рассыпался. После этого посаженная мать повязывала ее *перемиткою*, поверх которой клала свадебный венок. Заканчивался обряд ритуальным танцем дружбы (дружко жениха) и молодой⁷¹.

На Подолии покрывание молодой происходило также в конце свадебного пира. За стол сажались родственники молодого и дружки молодой, снимавшие с нее девичий убор. Сопровождалось это песнями, в которых оплакивалось ушедшее навсегда «миле дівуваннячко». Мать молодой приносила перемитку, передавала ее друзьям жениха, а те, взявшись за концы перемитки, ходили с ней по хате, а потом набрасывали на молодую. Свахи обвивали перемитку вокруг головы сопротивлявшейся новобрачной; сделать это им удавалось только на третий раз. По нашему мнению, этот, на первый взгляд незначительный элемент обрядового действия, свидетельствует о том, что покрывало (в данном случае намитка), брошенное на голову невесты, окончательно решало дело: после этого девушка независимо от ее желания считалась «согласной» на брак.

После того как свахам удавалось наконец обернуть голову молодой перемиткой, поверх нее надевали шапку молодого, что должно было, по-видимому,

главствола мужу в семье и переход молодой жены под его опеку; кроме того, этот обряд, как и связывание молодых одним рушником, сажание жени и невесты на один кожух, трапеза из общей посуды и т. п., должен был выражать единство вступающих в брак, подчеркнуть нерушимость их союза.

В некоторых районах обряд *покрывання* молодой представлял собой единый комплекс с обрядом смены ее головного убора. На Полесье подобный обряд назывался *сповивання молодого* и бытовал в достаточно сложной форме почти до середины XX в., а в отдельных селах — и в 50-е годы. Совершался обряд в доме родителей невесты. Осуществляли его три женщины из числа родственниц молодой, так называемые *закосяни*, и ее крестная мать. Они приносили *сповивало* — намитку, масло, гребень, чепец и *обручик (каблукчик)*. Волосы молодой смазывали медом, клали ей на голову обручик, закручивая на него волосы, затем надевали чепец, а сверху — намитку. После этого голову молодой *сповивали* зачастую совсем скрывая лицо; затем обоих молодых связывали одной намиткой, что также символизировало их единство и прочность брака. *Сповивали* снимали по приезде в дом молодого.

Надо заметить, что подобный обряд встречается и у других восточнославянских народов, правда, не всегда в такой развитой, сложной форме, как вышеописанный (иногда были распространены только отдельные его элементы).

Если обряд покрывания молодой совершался в доме ее родителей, то по приходу в дом молодого намитку с нее снимали, сопровождая это определенными ритуальными действиями, которые подчеркивали зависимость молодой от мужа и его родни. Так, на Бойковщине молодой, сев за стол рядом с «княгиней», насильно поднимал ей голову и целовал. Молодая сопротивлялась, ухватившись за край стола и изображала крайнюю степень горя и отчаяния⁷². На Волини намитку с молодой снимал дружок жениха — палкой или ухватом — и бросал на печь, что означало, видимо, приобщение молодой к новому очагу. Свадебный венок снимала свекровь; ей же обычно молодая отдавала покрывавшую ее голову и плечи (иногда и лицо) *скривальщину* — намитку или полотно⁷³.

В описанном обряде, как видим, намитка играет самостоятельную роль в качестве обрядовой одежды (не будучи связана с очипком непосредственно), что подчеркивает, надо думать, древнее происхождение ритуала. Не имея возможности остановиться на этом более подробно, отмечу, однако, что роль намитки в свадебной обрядности отнюдь не ограничивалась покрыванием молодой. Мы встречаем этот элемент народного костюма на всех этапах свадьбы, в различных обрядовых действиях. Достаточно сказать, что во многих из них намитка выполняла те же функции, что и рушник: ею перевязывали сватов, ее стелили под ноги молодым и ею связывали их руки в знак единения; намитки были повсеместно распространены в качестве свадебных подарков — их дарила гостям молодая; в некоторых местностях намитками одаривали гостей на второй день свадьбы, да и гости нередко приносили намитки в дар молодой «княгине».

Надетые на свадьбе очипок и намитка становились обязательным убором замужней женщины, причем очипок она носила постоянно, тогда как намиткой покрывалась, лишь выходя на люди.

В отношении традиционных женских головных уборов в рассматриваемых регионах Украины можно наблюдать характерную для народного костюма в целом закономерность: отдельные виды и формы одежды, отжив свой век и уйдя в прошлое как повседневный костюм, продолжают сохраняться в качестве праздничных и обрядовых.

Так, намитка, утрачивая постепенно свое значение как повседневный убор, долго еще (в некоторых районах Украины до начала XX в.) носится в праздники и во время постов⁷⁴. Надевали намитку и в церковь: «Замужняя „господыня“ считает неприличным пойти в церковь без намитки. „Хиба я солдатка чи покритка яка“, — говорила такая степенница»⁷⁵. Пожилые женщины считали необходимым «завірчуватись у намітку», являясь на семейные торжества — свадьбы, крестины и т. п. Особенно стойко сохранялась намитка в народном свадеб-

ом ритуале. Это можно объяснить как устойчивостью самого свадебного ритуала, в котором долго сохраняются традиции, сформировавшиеся в различные исторические эпохи⁷⁶ так и важной символической ролью намитки в этом обряде. Необходимо отметить, что в отдельных местностях (Полесье, Буковина) она продолжала бытовать и в качестве повседневного убора еще в начале XX в.

Очипок, в целом сохраняясь дольше, чем намитка, в качестве повседневного обязательного головного убора замужней женщины, тоже постепенно утрачивает свое назначение, переходя в разряд обрядовой одежды. Уже на рубеже XIX и XX вв. во многих местностях Украины очипок фигурировал лишь на свадьбе: его надевали молодой во время *очипин*, потом она его уже не надевала⁷⁷. Случалось, что новобрачная носила очипок непродолжительное время после свадьбы: например, в некоторых районах Волыни в первой трети XX в. — *иседело*⁷⁸, в Прикарпатье — до рождения первенца⁷⁹.

В отдельных областях (например, на Харьковщине) очипок на рубеже XIX и XX вв. становится отличительным убором засватанной девушки, т. е., превращаясь из будничного убора в празднично-обрядовый, переходит, кроме того, из разряда сугубо женских принадлежностей костюма в число девичьих. Именно очипком выделяется здесь невеста среди своих подруг⁸⁰. В повседневном костюме очипки повсеместно вытесняются платками, шальями, под которые часто надевают тонкий ситцевый платочек, как бы заменив им очипок, прикрывавший волосы. В отдельных районах Волынского Полесья в начале XX в. очипок продолжали носить, повязывая поверх него платок, который в праздники заменяли старинной намиткой⁸¹.

Надо сказать, что не только намитка и очипок, но даже пышный девичий венок, бывший ранее неотъемлемой частью праздничного наряда девушки, в 20—40-е годы XX в. сохранился лишь как обрядовый головной убор невесты в день свадьбы⁸².

Все вышесказанное свидетельствует, что роль традиционных девичьих и женских головных уборов в свадебной обрядности украинцев была значительной. Упомянутые элементы женского народного костюма занимают важное место как в предсвадебной, так и в послесвадебной обрядности, приобретая особое значение в самый день свадьбы — в обряде смены головного убора молодой, который является одним из главных моментов свадебного ритуала. С этими уборами, как мы имели возможность убедиться, связаны многочисленные обрядовые действия, часто сопровождающиеся специальными песнями (объем статьи не позволяет привести здесь их тексты).

Женские традиционные уборы головы (в особенности те, которые являлись составной частью обрядовой одежды) кроме утилитарных выполняли и символические, знаковые функции, отражали этнические представления народа в XIX — начале XX в. нередко связанные с религиозными воззрениями и церковной моралью. Они были окружены многочисленными приметами и поверьями, наделялись определенными магическими свойствами и проч.

В советское время, особенно с начала 60-х годов, многие элементы традиционной свадьбы были включены в современный свадебный ритуал. В определенной мере это относится и к традиционной одежде, в частности к головным уборам. В некоторых местностях и в наши дни сохраняется обряд плетения свадебных венков. Иногда на свадьбу молодым надевают традиционные головные уборы, например, в Хмельницкой обл. — два символических венка из барвинка.

Использование элементов традиционного костюма в свадебном обряде зафиксировано этнографами в селах Волыни, Киевщины, Полтавщины, Тернопольщины, Закарпатья, Ивано-Франковщины, Буковины, Черниговщины⁸³. В сельской местности этих областей сложилась интересная традиция: народный костюм невеста и ее дружки надевают, когда идут приглашать сельчан на свадьбу, а в день свадьбы — невеста в светлом платье и венке с фатой.

Надо заметить, что свадебный венок по-прежнему остается наиболее символически значимым элементом в наряде невесты. При этом в некоторых райо-

наш продолжает сохранять специфические локальные черты. В горных селах Львовской обл. венки молодым плетут по традиции из овса и барвинка; и сейчас бытует поверье, что супружеская жизнь будет счастливой, если свадебные венки будут сплетены из косиц «обжинкової квітки» («короля»), которую плели девушки и молодичи из последнего снопа овса⁶⁴.

В современном свадебном торжестве отразился и старинный народный обряд покрывания молодой. В селах бытует обычай повязывать молодую платкой после окончания свадьбы в знак перехода ее в статус замужней женщины. На Волини, а также в Черновицкой и Ивано-Франковской областях молодую изредка еще повязывают традиционной намиткой⁶⁵. Но в целом, по-видимому, символика обряда покрывания, как и смены головного убора невесты, утратили в наши дни свое былое значение — в отличие от свадебного венка, сохраняющего если не традиционные формы, то (в значительной степени) традиционное символическое содержание.

Итак, знаковая роль головного убора, который был всегда на виду и являлся зрительным и логическим завершением комплекса одежды, на определенных этапах развития традиционного костюма, в том числе украинского, был весьма значительной. В первую очередь это относится к девичьим и женским головным уборам.

Примечания

¹ Сведения о более ранних источниках, в которых освещаются культура и быт украинцев, в том числе традиционная одежда и головные уборы, содержатся в работах: *Маслова Г. С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ. Т. XXXI. М., 1956. С. 543—800; Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986; *Матейко К. І.* Український народний одяг. Київ, 1977; *Николаева Т. А.* Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. С. 71—73, и др.

² См., например, рукопись *В. Антонова* (1852 г.) «Этнографические сведения о с. Макиеве Васильковского уезда Киевской губ. (Архив Русского географического общества (далее — РГО. Разр. 16. Оп. 1. Ед. хр. 28); рукопись *В. Максимовича* «Этнографические сведения о селе Держанове Козелецкого уезда Черниговской губернии». (Там же. Разр. 46. Оп. 1. Ед. хр. 11) и др.

³ См., например, рукопись *А. Людкевича* (1870 г.) «Свадьба крестьян Летичевского уезда Подольской губернии». (Архив РГО. Разр. 30. Оп. 1. Ед. хр. 31).

⁴ См., например, рукопись *Л. Д. Носа* (1874 г.) «Этнографические материалы (об одежде, жилище, хозяйственных орудиях)» (на укр. яз.) // Рукописные фонды Института искусствоведения фольклора и этнографии АН УССР (далее — ИИФЭ). Ф. 2. Ед. хр. 54.

⁵ *Морачевич И.* Село Кобылье, Волинской губернии, Новоград-Волинского уезда // Этнографический сборник. Вып. 1. СПб., 1853. С. 294—312; *Шишацкий-Ильич А.* Местечко Олишевка, Козелецкого уезда // Черниговские губернские ведомости. 1854. № 25; Жилище и одежда киевских крестьян // Киевские губернские ведомости. 1855. № 21.

⁶ *Головацкий Я. Ф.* О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и Севере Восточной Венгрии. СПб., 1877.

⁷ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной императорским Русским Географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы исследования собранные П. П. Чубинским. СПб., 1877. Т. 7. Вып. 2. С. 412—433 (далее — Чубинский П. П. Труды...).

⁸ *Познанский Б. С.* Одежда малороссов // Труды двенадцатого археологического съезда. Харьков. М., 1905. Т. 3. С. 178—210; *Степовой Н.* Малорусская народная одежда. Нежинский уезд // Киевская старина (далее — КС), 1893. № 5. С. 272—284; *его же.* Малорусская народная одежда. Козелецкий уезд // КС. 1893. № 12. С. 444—450.

⁹ См.: *Болтарович З. Е.* Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. Київ, 1971.

¹⁰ *Волков Ф.* Этнографические особенности украинского народа. Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916. С. 545—595.

¹¹ *Зеленин Д. К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia Прага, 1921. № 2. С. 300—338; 1927. № 3. С. 535—556.

¹² *Гаген-Торн Н. И.* Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Сов. этнография (далее — СЭ). 1933. № 5—6. С. 76—88.

¹³ См., например; *Маслова Г. С.* Указ. раб. С. 652—687; *ее же.* Одежда // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 259—291; *Матейко К. І.* Указ раб. С. 123—133; *Николаева Т. А.* Указ. раб. С. 68—74; *Шмелева М. Н.* Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области // СЭ. 1948. № 2. С. 130—146.

- ¹⁴ Прилипо Я. Класифікація народних головних уборів // Народна творчість та етнографія (далеє — НТЕ). 1970. № 5. С. 27—37; Матейко К. І. Головні убори українських селян до початку ХХ ст. // НТЕ. 1973. № 3. С. 47—54; Тканко З. О. Головні жіночі убори Поділля // НТЕ. 1988. № 6. С. 44—46.
- ¹⁵ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.
- ¹⁶ Прилипо Я. Указ. раб. С. 27.
- ¹⁷ См.: Гаген-Торн Н. И. Указ. раб. С. 77.
- ¹⁸ См.: Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX—XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы... С. 53; Матейко К. І. Головні убори українських селян ... С. 54.
- ¹⁹ Николаева Т. А. Указ. раб. С. 72.
- ²⁰ См., например: Милорадович В. Житие-бытие лубенского крестьянина // КС. 1902. № 10. С. 182.
- ²¹ Там же. С. 183.
- ²² Приновідки буковинських руснаків і гуцулів. Фольклорні матеріали із збірки професора д-ра Раймунда Кайндля // Етнографічний збірник. Львів, 1899. Т. У. С. 156.
- ²³ Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975. С. 264.
- ²⁴ Михайлова Г. Костюмът в българската обредност // Обреди и обреден фолклор. София, 1981. С. 57. 60.
- ²⁵ Маслова Г. С. Одежда. С. 275.
- ²⁶ Милорадович В. Указ. раб. С. 67.
- ²⁷ Морачевич И. Указ. раб. С. 299.
- ²⁸ Милорадович В. Указ. раб. С. 67.
- ²⁹ Там же. С. 70.
- ³⁰ См.: Сказания иностранцев о быте и нравах славян. Сочинение Викентия Макушева. СПб., 1861. С. 140.
- ³¹ Здоровега Н. І. Нариси народної весільної обрядовості на Україні. Київ 1971. С. 43.
- ³² Цит. по: Романов Б. Г. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 194.
- ³³ Рабинович М. Г. Бытовой аспект семейной драмы Грозного // СЭ. 1981. № 6. С. 140.
- ³⁴ Там же. С. 139; Гаген-Торн Н. И. Указ. раб. С. 80.
- ³⁵ Полевые материалы (экспед. в Волинское Полесье, 1985 г.). Хранятся у автора.
- ³⁶ Гаген-Торн Н. И. Указ. раб. С. 79.
- ³⁷ Громов Г. Г. Одежда // Очерки русской культуры XVII в. Ч. I. М., 1979. С. 215.
- ³⁸ См. Иваница А. Домашний быт малоросса // Этнографический сб. Вып. I. СПб., 1859. С. 354.
- ³⁹ Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 305; см. также: Щербій Г. С. Характеристика деяких особливостей українського народного одягу // НТЕ. 1979. № 2. С. 72.
- ⁴⁰ Гусаковский Н. Этнографические сведения о селе Дунайцы Глуховского уезда Черниговской губернии (1848 г.) // Архив РГО. Разр. 46. Оп. I. № 9. Л. 5.
- ⁴¹ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях. С. 52.
- ⁴² Командров О. Ф. Народний костюм Рахівщини // НТЕ. 1959. № 3. С. 87.
- ⁴³ См. Рыбский Ф. Свадебные обряды и песни в м. Макове Каменецкого уезда Подольской губ. // Живая старина. 1895. Вып. II. С. 222—224.
- ⁴⁴ Людкевич А. Указ. раб. Л. I. об.
- ⁴⁵ Барвинок в свадебном венке часто золотили (см.: Матейко К. І. Головні убори... С. 48), аналогично чему находим в венке болгарской невесты. О семантике вечнозеленого растения в сочетании с золотом в обрядовом костюме см.: Михайлова Г. Указ. раб. С. 76—77.
- ⁴⁶ Свадебный венок обычно сохраняли, считая его талисманом, поддерживающим супружескую любовь и лад в семье (см., например: Дыминский А. Описание Каменецкого и Проскурковского уездов (1864 г.) // Архив. РГО. Разр. 30. Оп. I. № 23. Л. 10.
- ⁴⁷ Цит. по: Здоровега Н. І. Указ. раб. С. 96.
- ⁴⁸ Чеснок в качестве оберега играл большую роль в обрядности всех восточных славян, так как благодаря своему резкому запаху наравне с луком считался отгоняющим всякую нечисть. У русских для предотвращения возможного «чародейства» невесте в карман клали головку чеснока или лука, когда она шла к венцу — см.: Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских ... С. 38.
- ⁴⁹ Чубинский П. П. Труды. Т. 4. СПб, 1872. С. 371.
- ⁵⁰ Полевые материалы автора: 1985 г.
- ⁵¹ Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 318.
- ⁵² Быт русского народа. Сочинение А. Терещенки. Ч. 2. СПб., 1848. С. 80.
- ⁵³ Громов Г. Г. Указ. раб. С. 215.
- ⁵⁴ Гаген-Торн Н. И. Указ. раб. С. 77.
- ⁵⁵ Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 318.
- ⁵⁶ Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX—XIII вв. С. 47.
- ⁵⁷ Цит. по: Громов Г. Г. Русская одежда // Очерки русской культуры XVI века. Ч. I. М., 1977.
- С. 211.
- ⁵⁸ Николаева Т. А. Указ. раб. С. 73.
- ⁵⁹ Прилипо Я. Указ. раб. С. 32.
- ⁶⁰ Здоровега Н. І. Указ. раб. С. 102.
- ⁶¹ Там же. С. 120.
- ⁶² Милорадович В. Указ. раб. С. 72.
- ⁶³ Там же.

- ⁶⁴ *Потемкина А. А.* О мифических значениях некоторых обрядов и поверий. // Чтения в о-ве истории и древностей российских. М., 1865. Кн. 2—3. С. 78.
- ⁶⁵ *Милорадович В.* Указ. раб. С. 72.
- ⁶⁶ *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях... С.
- ⁶⁷ Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX века). М., 1967. С. 230.
- ⁶⁸ *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях... С. 5
- ⁶⁹ *Чижикова Л. Н.* Традиционная женская одежда русских в Белгородской области // Полевые исследования Ин-та этнографии, 1977. М., 1979. С. 16.
- ⁷⁰ *Здоровева Н. И.* Указ. раб. С. 117.
- ⁷¹ *Пашкова Г. Т.* Етнокультурні зв'язки українців та білорусів Полісся. Київ, 1978. С. 61—
- ⁷² *Здоровева Н. И.* Указ. раб. С. 115.
- ⁷³ Полевые материалы 1985 г. Хранятся у автора.
- ⁷⁴ *Степовой Н.* Малорусская народная одежда. Козелецкий уезд. С. 449.
- ⁷⁵ *Познанский Б.* Указ. раб. С. 184.
- ⁷⁶ *Чижикова Л. Н.* Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области) // СЭ. 1980. № 2. С. 10.
- ⁷⁷ *Познанский Б.* Указ. раб. С. 184.
- ⁷⁸ Полевые материалы 1985 г. Хранятся у автора.
- ⁷⁹ *Матейко К. И.* Указ. раб. С. 49.
- ⁸⁰ Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края / Под ред. Иванова В. В. Т. 1. Харьков, 1898. С. 521—522; М. Г. Рабинович отмечает ношение очипка украинскими девушками в городах во второй половине XIX в. (см. *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 171).
- ⁸¹ Полевые материалы 1985 г. (Волынское Полесье). Хранятся у автора.
- ⁸² *Шмелева М. Н.* Указ. раб. С. 137.
- ⁸³ *Здоровева Н. И.* Указ. раб. С. 153; Свято в нашому домі / Упоряд. Келембетова В. І. Київ, 1981. С. 64.
- ⁸⁴ *Здоровева Н. И.* Указ. раб. С. 153.
- ⁸⁵ *Борисенко В. К.* Нова весільна обрядовість в сучасному селі. Київ, 1979. С. 62; Л. Н. Чижикова отмечает бытование обряда «повивания» невесты, утратившего, правда, свой первоначальный смысл, в некоторых русских селах Белгородской обл. (*Чижикова Л. Н.* Этнические традиции современной свадебной обрядности. С. 21).

© 1990 г.

Ю. А. Асоян

РЕЛИКТЫ РАННИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Влияние ламаизма на трансформацию традиционных верований бурят, особенно со второй половины XIX в. — времени активного восприятия в народной среде ламаистского вероисповедания, трудно переоценить. Вместе с тем культура бурят конца XIX — начала XX вв., драгоценные описания которой оставлены М. Н. Харгаловым, Г. Н. Потаниным, Ц. Жамцарано, включала значительные пласты архаичных представлений, восходящих подчас к раннеродовому обществу. Так, бурятский героический эпос, являющийся, без сомнения, средоточием мифологических, нравственных, эстетических воззрений, представляется, как справедливо отмечал Б. Владимирцов «удивительно первобытным, архаичным, переносящим нас в среду простой, первобытной, звероловной жизни, с необыкновенной яркостью и рельефностью рисующим не только внешние формы этой жизни, но и душу человека этой жизни»¹.

Не претендуя на полноту анализа (такая задача была бы несопоставима ни с объемом представленной статьи, ни с реальными возможностями автора), мы пытаемся, тем не менее, на основе ряда реликтов архаичных представлений о природе (языкового, бытового, религиозного характера) и их символики выявить некоторые особенности традиционных представлений о природе, воосоздать основных чертах своеобразное видение мира и природы в традиционной культуре

бурят и устанавливающийся на основе этого видения строй взаимоотношений человека и природы. Эта задача осуществима лишь в контексте изучения достаточно широко сопоставимого этнографического материала, в котором определяющая роль принадлежит элементам, имеющим отношение к процессу этногенеза бурят, — это, прежде всего, собственно монгольские, а также тюркские, венкийские и, отчасти, самодийские этнические компоненты.

Реконструируя ранние представления о природе, нельзя обойти вниманием историческую семантику слова «природа», поскольку понятия языка выражают весьма существенные и порой наиболее архаичные представления человека о мире. В бурятском языке слово природа — *байгаали* является, вероятно, заимствованным из старописьменного монгольского языка. В народной среде оно употребляется из-за его отвлеченного, абстрактного характера редко. В монгольско-русском словаре Р. Бимбаева, изданном в 1914 г. в Троицкосавске (ныне Кяхта) это слово отсутствует. В старомонгольском оно, возможно, является калькой с тибетского и появилось в нем при переводе монголами тибетской научной литературы. В «Монгольско-русско-французском словаре» Э. М. Ковалевского (1844 г.), составленном на основе письменных памятников монгольской литературы, слово *байгаали* зафиксировано с тибетскими параллелями в значении «естество», «естественность», «натура», «натуральный», «природный», «неискусственный»².

В слове *байгаали* четко выделяется глагольная основа *бай-*, суффикс причастия настоящего времени *-гаа*, а также имяобразующий суффикс *-ли* (*-ль*). Наличие общей основы *бай-* в словах *байгаали*, *байха*, *байра* позволяет предположить их семантическую близость, возможное общее происхождение от основы *бай-*, имеющей значение «быть», «жить», «находиться». Отсюда *байха* — «стать», «становиться», «оставаться», «быть», «иметься», «существовать», *байра* — «место», «местопребывание». То, что природа — *байгаали* тесно сплетается с понятием «место жизни» имеет для современных людей самое что ни на есть практическое значение: жизненно важно *припомнить*, что природа — не предмет овладения, а «место жизни» и ее необходимое условие.

Архаичные представления о мире связывались с местом жизни, пребывания человека (отсюда такие первостепенные по значимости черты мифа, как его «местный» локальный характер, пространственная определенность и конкретность) и первоначально не выходили за границы ближайшей к человеку природной среды. Об этом, в частности, по мнению А. Ф. Анисимова, свидетельствует семантика слова *буга* — *буа* — *боа* — *ба* в языках тунгусо-маньчжурской группы. Это слово обозначает не только вселенную (верхний, средний и нижний миры), но также родину, место рождения, природу, погоду, тайгу, местность, пространство снаружи чума. Отражая гентильную структуру общественных коллективов, представления о месте ассоциировались с понятиями о роде, рождении, матери рода, а представление о родовой общественной группе — с понятиями о месте, территории, природе³.

В этой связи интересны наблюдения советского лингвиста В. М. Иллич-Свитыча, попытавшегося сопоставить корень *būi* в алтайской языковой семье с индоевропейским *bheu*, семантическая эволюция которого характеризуется следующей цепочкой глаголов: «расти», «рождаться», «становиться», «быть». К общеалтайской форме *būi* восходит монгольское *bu-bū* — быть. «Вариант *bū*, — отмечает Иллич-Свитыч, — обнаруживаем в монгольской письменности *bu-kū* (inf), *bū-tuge* (p. perf) и, возможно, в основах на *i* в современных языках (дагур. *bai*, монг. *wi*, бурят. *bi*, калм. *bt*)... Семантическая эволюция: «вырасти» — «возникнуть» — «стать» — «быть» прошла независимо друг от друга в индоевропейских и алтайских языках, где представлена лишь ее последняя стадия»⁴.

Сочетание гентильных структур и пространственных отношений наиболее полно представлено, пожалуй, в символике элементов традиционного жилища. О юрте (монг. *гэр*) как модели вселенной в традиционной монгольской культуре в представлении монгольского кочевника писали польский ученый Е. Василев-

ский, советская исследовательница Н. Л. Жуковская. При очевидной близости тематики, нас интересует несколько другой аспект проблемы: не структурирование пространства юрты в соответствии с идеей «дом — модель мира», не противопоставление дома — освоенного пространства — неосвоенному, а сочетание гентильных и пространственных характеристик как традиционного жилища, та и ценностно-значимых природных объектов.

Начнем с того, что юрта строго ориентирована по сторонам света. Монгольские названия стран света: *омно* — «юг», *орно* — «запад», *умар* — «север», *дорно* — «восток» и соответствующие им бурятские — *урда* — *баруун* — *хонто* — *зуун* — не совпадают с общепринятыми ныне. Юг у монголов и бурят несколько «развернут» влево и соответствует европейскому направлению на юго-восток. Не исключено, что в ориентации юрты у бурят на юго-восток есть элемент адаптации к климатическим условиям Забайкалья с устойчивым преобладанием северо-западных ветров. Однако это предположение, высказанное Г. Д. Ленхобоевым, не носит исчерпывающего характера. Существуют, например, этнографические свидетельства того, что ориентация юрты на юго-восток, ее обращенность к утренним солнечным лучам — *удэ*, очень почитаемым бурятами, связывается в традиционных представлениях с солярным культом⁵. Солярно-лунарная семантика характерна и для некоторых других элементов традиционного жилища бурят, его убранства.

Не останавливаясь специально на всем комплексе архаичных солярно-лунарных представлений, а их реликты в традиционной культуре бурят рубежа XIX—XX вв. не малочисленны, не рассматривая связанную с ними числовую и цветовую символику, отметим лишь то, что имеет самое существенное значение для обсуждаемой темы. С солнцем, выступающим в традиционном мировоззрении бурят в качестве солнца-матери, связаны представления о жизненном начале, силе, рождающей все живое. Кроме космических матерей — Земли, Солнца, на жизнь человека, как полагали, оказывали влияние огонь, животные и деревья, но сами они, по замечанию Г. Р. Галдановой, также считались порождением Земли и Солнца (Неба)⁶.

Комплекс мифологических и культовых представлений, в которых реализуется порождающая функция природных объектов, восходит, по мысли О. М. Фрейденберга, к тотемистическому мировосприятию. Здесь наглядным образом рождения — смерти является восход — заход солнца. При переходе от присваивающего к производящему, земледельческо-скотоводческому типу хозяйства происходит пересемантизация мотива рождения. «Образ плодородия становится господствующим и побеждает образ охоты. Небо и преисподняя получают значение жизни не как восхода — захода, а как рождения, как плодородия... Место тотема занимает женщина — в реалии, в образительных формах — мать-земля»⁷.

Образ божества-матери прослеживается на лингвистических данных, проходит через многие культовые представления монгольских народов, придавая этим представлениям органическую цельность. Как отмечал Т. А. Бертагеев у древних монголов огонь ассоциировался с образом матери Ут — царицы огня. При этом этимологически прослеживается связь от *ot* / *ud* к производному от него слову *od-o-n* (звезда). В этом же этимологическом ряду находится слово тоже восходящее к огню — *ut-ude*, означающее зенит, полдень. «Из той же космической сферы, но противоположное дихотомически отцу-небу как женского начало выступает монгольское мать-земля *et-ü-gen* // *öt-u-gen*. Его морфологическим деривативом является *öt-ö-g*. В бурятском языке оно означает усадьбу участок земли, где находится жилье. В монгольском — назем, гушину»⁸. Эти значения производны от представления о функции земли-матери как рождающей, животворного начала.

Своеобразная целостность традиционного мировоззрения заключается не только в нераздельности природы, ее видения и родовой, гентильной организации. Существенным представляется и то, что пространственно локализованны

в одном месте природные объекты мыслятся как органическая целостность. Реликты такого миропонимания находят отражение в топонимике местности. Вот что писал по этому поводу Г. Н. Потанин: «Житель Северной Монголии одуотворяет части природы; каждая местность представляется для него живым телом. Замечательна в Монголии квалификация географических имен: здесь часто река на протяжении своего течения носит несколько имен, как будто цельность реки не ощущается; напротив, одно и то же имя часто дается и реке, и горе, возле нее стоящей, и озеру, возле лежащему, и степи, которая кругом озера расстилается...»⁹. Если у нас, замечает Потанин, река изменяет название только от присоединения новых притоков, то в Монголии на изменение названия реки влияет характер местности, когда, к примеру, горный характер окружающей страны меняется на степной.

К объектам природы буряты и монголы относились как к органическому телу, имеющему свои органы. Один из наиболее ярких примеров проявления этого — почитание гор у монгольских народов. В образе горы монголы и буряты выделяли: с севера — спину, затылок, хребет; с востока и запада — щеки, плечи, скулы, лодыжки, бока, ребра; с юга — лоб, брови, колено, печень. Видимо, в данном случае есть основания согласиться с В. Г. Богоразом, который подчеркивал, что в становлении и эволюции человеческого мировосприятия существовал этап, для которого характерно отождествление окружающей природы, ее отдельных объектов с общей формой и отдельными частями человеческого тела (В. Тернер пришел к аналогичному заключению, считая, что именно человеческий организм и важный для его существования опыт составляют основу первобытной классификации действительности)¹⁰.

В «организмических» представлениях бурят как в едином клубке переплетены архаичные и стадийно более поздние представления, в частности, представления о «хатах» — духах, хозяевах местности, отдельных объектов природы, восходящие в своем генезисе, по-видимому, к патриархальным родовым отношениям. Выявляя в комплексе этих представлений архаичные (раннеродовые) элементы, нельзя пройти мимо весьма интересного замечания О. М. Фрейденберг о том, что мифологическое сознание первоначально среди признаков природы выделяет только один ведущий признак — органы производительности.

Реликты такого мировосприятия обнаруживают себя в культе родовых гор у монгольских народов. У бурят культ родовых гор связан с образом Ульген, олицетворяющей землю, праматерь всех людей. В самой непосредственной связи с этим лежит то обстоятельство, что скальные ниши, гроты и пещеры являлись конкретным выражением женского начала горы, матери-земли. Культ гор переплетался с культом пещер, которым приписывалась способность даровать потомство, а сама пещера виделась как чрево матери-земли¹¹. В представлениях как монголов, так и бурят скалы наделялись способностью даровать детей. Аналогичные представления отмечены и у тангутов, у которых, как свидетельствует Е. И. Кычанов, существовал такой обычай: «Осенью на седьмом месяце в период созревания плодов тангутский император и чиновники и народ приносили жертвы священному камню «ту», выражая «любовь к своим матерям»¹².

Осознание горы в образе матери-прародительницы, либо в образе предка вообще, характерное для традиционного мировоззрения бурят, вполне закономерно, ведь гора, как и общий предок, являлась конкретным, явственно осознаваемым каждым членом рода символом его единства, а значит и жизнеспособности. Гора символизировала как общность жизненного пространства, так и непреодолимое постоянство связи с жизнью родового коллектива во времени.

Здесь мы подходим к еще одной важной черте архаичных представлений о мире — к связи образа природы с миром предков, что обнаруживается в этнографических материалах различных культур. Мир природы, как справедливо отмечает В. Я. Петрухин, коррелирует со временем первопредков¹³. Умершие управляют в иной мир, являющийся одновременно и миром природы. Отсюда легкость превращения духов умерших в природные объекты, в растения, в

животных, в природных духах¹⁴. Влияние предков на урожай, плодородие и их в охоте указывают на переплетение культа предков и культа плодородия. Эта черта обнаруживает себя в традиционных представлениях бурят. С миром предков у бурят связывается идея «возрождения», воспроизводства живых людей. При этом в отношении бурят к умершим необходимо учитывать представления о наличии у человека различных видов душ. По поверьям бурят плохая душа становится духом покойника, который обитает в царстве умерших на севере, и может причинить немалый вред живым, а хорошая становится духом — покровителем сородичей, родных и находится на юге¹⁵.

Возвращаясь теперь к анализу пространственной ориентации юрты, нетрудно заметить, что ее обращенность на юго-восток (урда) является вместе с тем как бы обращенностью «во времени», обращенностью в прошлое. Слово «урда» является синонимом слов «эртэ» и «уридэ», имеющих значение «прежде», «в старину», «в древности» (слово «урид(э)» также означает «впереди»). Мир предков в традиционном мировоззрении бурят — это южная, солнечная сторона.

О том, что своеобразная тождественность «впереди» (а юг — «урда» буквально означает «впереди») и «в прошлом» не является лишь лингвистической казуистикой, свидетельствует и тот факт, что у монголов, как отмечает Г. Мэнэс погребение умерших сородичей осуществлялось именно на тех склонах возвышенных мест, которые наиболее освещены солнцем. «Солнечную сторону горы монголы обозначают словом «елэг», наряду с которым существует слово «олгий», указывающее на семантическое тождество с теонимом Ульген», обозначающим коренную родовую территорию¹⁶.

Таким образом, в обращенности бурятской юрты на юго-восток (урда) «прочитываются» семантические связи с культом предков.

Традиционное понимание природы самым непосредственным образом связано с представлениями о пространстве, его социальной, хозяйственной организацией. Немаловажно, что тюркское *yurt* имеет значение становища не только в смысле жилища, но и в более широком значении — в качестве пространства определяемого общностью пастбищной территории. Понятие об *yurt* (монг. *nutug*) как о территории, принадлежавшей одному роду, является вместе с тем понятием о местности при роде, так что все пространство расчленяется на некоторое количество локальных мест. Символом пространства родовых кочевий для бурят являлась, как правило, главная гора местности, становившаяся обычно местом отправления родовых культов.

Традиционное, мифологическое понимание пространства определяется, как точно заметили Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, не в виде признакового континуума, а как совокупности отдельных объектов, носящих собственные имена. Мифологическое восприятие пространства — восприятие его в качестве дискретных, локальных (поименованных) мест, в числе которых становище, место жизни обладает наиболее значимыми в ценностном плане характеристиками. В народном эпосе становище героя — не просто остановка в извечном круге кочевого пути, но место, через которое «протянута» нить поколений и вместе с тем место пересечения путей разных родов. «В прежние времена, — говорит, согласно преданию, Чингис одному своему сородичу, — ты вместе с тремя домами Тохураут, пятью домами Тархут и с двумя родами: Чаншикии и Баяут, составил со мной одно кочевье. Во мраке и тумане ты не заблуждался; в беспорядке и разбросе ты со мной не разлучался; холод и сырость ты терпел вместе со мной»¹⁷. В эпосе Бум-Эрдени о враге, вероломно разорившем родное кочевье героя, говорится: «пожравший мясо своего отца». «Ах вы, пожравшие мясо своего отца, — восклицает Бум-Эрдени. — Это что же, вас отец научил захватывать жену, когда мужа не было, захватывать кочевье; когда не случилось хозяина! Мать наказала?»¹⁸.

«Своему» месту противостоит «чужое», таящее немалые опасности для оказавшегося в нем, будь то даже главный герой бурятского эпоса Абай Гэсэр. Так, в записанной М. Н. Хангаловым у унгинских бурят отрывке о войне Абай,

Гэсэр-Богдо-хана с Гал-Долмо-ханом Абай-Гэсэр наставляет своих баторов: «Друг за другом посматривайте. Чужое место сильно, и в норе тарбагана спотыкаются»¹⁹. Эпический же ойратский богатырь Бум-Эрдени, заехав в чужое безлюдное место, «плачет, раздумывая, говоря самому себе: «Что буду делать я в безлюдном месте? Что мне делать — попал я в чужую далекую страну; как мне быть, если встречу с крепким, могучим противником?»»²⁰ (между тем, Бум-Эрдени вовсе не отличается кротким нравом и обычно сам ищет соперника, с которым мог бы помериться силою).

В монгольской и бурятской традиции мерой пространства и расстояния выступает «путь». Обычно эпический герой преодолевает расстояние в несколько месяцев или лет пути за несколько дней, конь батыра может в одну ночь «поглотить» пространство на восемь лет пути» и т. д. Вообще традиционные меры расстояния у монголов — «час пути» (цагайн газар), «день пути» (одрийн газар), «сутки пути» (хонгийн газар). Другой мерой является «одна кочевка»²¹. Величина этих мер, как справедливо замечает Н. Л. Жуковская, зависела от того, каким способом передвигался человек, однако общим для всех этих мер является их антропоморфный характер. «Путь» — такая мера человеческого бытия, в которой пространственные и временные характеристики неотъединимы и, что также немаловажно, — континуальны.

Мифологическое понимание пространства очень рельефно представлено в традиционной культуре бурят, в частности в таком характерном для нее явлении, как шаманистическое почитание духов, хозяев местности, причем, как подчеркивает Г. Н. Потанин, хозяева местности не существуют как нечто обособленное от самого места, они как бы полностью растворены в природных объектах, их обличье — обличье самой местности. «Хотя этим духам придаются фантастические плотские формы, так, например, Дюрбют представляет своего сабдыка с птичьим клювом, но в то же время представления об ээзи, сабдыках и хатах сливаются с самой природой: хозяин горы или долины и есть сама гора или долина»²².

Нельзя не заметить, что такое ярко эмоциональное (и уважительное вместе с тем) отношение к окружающей природе чаще всего способно вызвать лишьнисходящую улыбку. Однако нельзя забывать, что это отношение не оставалось без последствий для самой природной среды, окружающей человека. Чтобы не быть голословными, приведем лишь один пример, характеризующий традиционные представления о природе у северобайкальских эвенков.

В 20-х годах этого века началось небывалое прежде по масштабам проникновение русского населения на север Восточной Сибири, их активные контакты с аборигенами края — тунгусами — эвенками и эвенами. Характеризуя сложные межатнические процессы, происходившие в регионе, нельзя обойти вниманием тот факт, что причиной зачастую враждебного отношения эвенков к русскому населению было хищническое отношение к тайге со стороны русских охотников-промысловиков. «Первым основанием национальной розни,— писал Б. Э. Петри,— является разница в отношении к тайге — фундаменту тунгусского благосостояния». Предельно ясно и резко высказался по этому поводу один из собеседников исследователя — ковылейский тунгус, описывая богатства тайги: «Как можно в такой лес русского пускать?! Русский все пожжет... — как ему запретить?! Как можно такой лес жечь и рубить.»²³ (разрядка моя. — Ю. А.).

Враждебность к «цивилизованным промысловикам» со стороны эвенкийского населения носила не только сугубо утилитарный, но по сути мировоззренческий характер, так как хищническое отношение к тайге в корне расходилось не только с практикой традиционного природопользования, но и, что не менее важно, с традиционным миропониманием и верованиями коренного населения, в которых почитание родовых гор и деревьев занимало весьма значительное место. А поскольку традиционные представления о природе у эвенков связывались в ту пору с представлениями о роде, матери рода, то хищническое отношение к тайге, в которой протекала жизнь многих поколений, осознавалась как оскорбление родовых чувств и святынь.

Мы можем быть только благодарны Б. Э. Петри, засвидетельствовавшему некоторые факты традиционного природоотношения в северном прибайкалье, так как само это отношение в значительной степени безвозвратно утрачено. Безвозвратность этой утраты рождает не только вполне закономерное чувство горечи, но и настоятельную потребность изучения этого природоотношения, попытки его более или менее детальной идеальной реконструкции.

Примечания

- ¹ Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пг.: М., б. г. С. 14—15.
- ² Монгольско-русско-французский словарь О. М. Ковалевского. СПб, 1844. С. 1044—1045.
- ³ Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М., 1959. С. 33.
- ⁴ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 184—185.
- ⁵ См.: Петри Б. Э. Внутри-родовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925. С. 59.
- ⁶ Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987. С. 42.
- ⁷ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 76.
- ⁸ Бертагаев Т. А. Культ богини-матери и огня у монгольских племен // Сов. этнография. 1973. № 6. С. 120.
- ⁹ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. 2. СПб., 1882. С. 124—125.
- ¹⁰ См.: Богораз В. Г., Чукчи. Л., 1939. С. 1—3; Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 102.
- ¹¹ Мэнс Г. О семантике теонима Ульген // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ, 1986. С. 94—96; Галданова Г. Р. Указ. раб., С. 27—28.
- ¹² Кычанов Е. И. Тангуты о происхождении мира и человека // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XX год. сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 17. Л., 1986. С. 129.
- ¹³ Петрухин В. Я. Человек и животное в мифе и ритуале: мир природы в символах культуры // Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. М., 1986. С. 7.
- ¹⁴ Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинее. М., 1980. С. 215.
- ¹⁵ Галданова Г. Р. Указ. раб. С. 61.
- ¹⁶ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 57.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Монголо-ойратский героический эпос. Пг.: М., б. г. С. 83.
- ¹⁹ Хангалов М. Н. Балаганский сборник // Изв. ВСОРГО. Труды. Т. 5. Томск, 1903. С. 33.
- ²⁰ Монголо-ойратский героический эпос. С. 73.
- ²¹ Жуковская Н. Л. Категории традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 31.
- ²² Потанин Г. Н. Указ. раб. С. 124.
- ²³ Петри Б. Э. Охота и оленеводство у тугурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930. С. 7, 79.

© 1990 г.

А. В. Гринёв

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ИНДЕЙЦЕВ ТЛИНКИТОВ

Тлинкаитская антропонимия уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Сведения об именах тлинкаитов содержатся как в ранних русских источниках, так и в работах американских этнографов, среди которых следует особо отметить фундаментальный труд Ф. де Лагуны¹. В советской исторической науке эта тема почти не затрагивалась². Поэтому представляется важным подробнее остановиться на ней, тем более что антропонимика была теснейшим образом связана со многими сторонами жизни индейского общества и может служить одним из источников по истории и этнографии тлинкаитов, а также материалом для сравнительного анализа по общим вопросам ономастики. Весьма примечательно, в частности, то, что антропонимическая модель тлинкаитов очень близка к арабской классической модели, сформировавшейся в позднее средневековье³. Это своеобразное свидетельство универсальности человеческой культуры.

При наречении именем у тлинкитов определяющее значение имели следующие факторы, взятые в отдельности или в какой-либо комбинации: 1) принадлежность к тому или иному роду и фратрии (Ворона или Волка/Орла); 2) пол и возраст; 3) социальный статус родителей; 4) особенности и личные качества человека, его социальный статус; 5) наличие у нарекаемого детей. Огромное влияние на механизм наречения оказывал матрилинейный счет родства, который был присущ социальной организации не только тлинкитов, но и их соседей — индейцев хайда, цимшиан, эяков и частично атапасков. Сын сестры был прямым наследником индейца, в то время как его собственный сын относился к роду противоположной фратрии. Наиболее тесная родственная связь существовала, следовательно, между племянником и дядей, внуком и дедом, родными братьями, поскольку все они принадлежали к одному роду — роду матери. Имена поэтому часто переходили от старшего брата к младшему, от дяди — к племяннику, от деда — к внуку.

При рассмотрении тлинкитской антропонимики следует также иметь в виду тот факт, что общество индейцев не было однородным. Наряду с простыми общинниками существовали рабы и богатая родовая знать — *анъяди*. Антропонимика довольно четко отразила наметившееся имущественное и социальное неравенство, выразившееся, в частности, в появлении особых почетных имен, на которые претендовали богатые тлинкиты.

Почти все исследователи отмечают, что личные имена тлинкитов в большинстве случаев произошли от названий животных. «Большая часть индейских имен суть названия животных, — писал архимандрит Анатолий. — Давая звериное имя своему ребенку, индianин верит, что вместе с этим его потомок будет владеть силою и способностью того зверя, имя которого он носит»⁴. У других авторов акцент переносится с мистической силы имени на его связь с тотемом, почитавшимся в том или ином роде. Так, Дж. Р. Свентон констатировал, что имена, присущие тлинкитам фратрии Ворона, соотносятся с такими животными, как лягушка, ворон, горбуша и т. д., а для индейцев фратрии Волка/Орла были характерны имена, восходящие к названию волка, медведя-гризли, касатки, орла и ряда других тотемных животных. Кроме того, как писал Свенто, часть индейских имен произошла от названий особых медных пластин (очень высоко ценившихся тлинкитами), тотемных столбов, ручьев и т. д.⁵ Однако приведенные им в качестве примера тлинкитские имена являются либо родовыми, либо почетными и далеко не исчерпывают всего многообразия индийской антропонимики.

Каждый тлинкит мог иметь несколько имен, а иногда и прозвищ, которые он приобретал на протяжении жизни. Все эти имена и прозвища могут быть сведены в следующий список, составленный главным образом на основе материалов Ф. де Лагуны⁶: 1) родовое, или «действительное», т. е. личное имя в узком смысле слова; 2) детское прозвище, уменьшительно-ласкательное имя; 3) дополнительное имя или прозвище взрослого человека; 4) текнонимическое имя нескольких разновидностей; 5) почетное, или «потлачное», имя (*potlach name*) — его мог приобрести или унаследовать только богатый человек (обычно это был родовой вождь) после устройства особого потлача⁷.

Данная классификация достаточно условна, так как почти все имена и прозвища любой из перечисленных категорий могли менять свою принадлежность: текнонимическое имя могло стать «действительным», «действительное» — почетным и т. д. При этом разница между мужской и женской антропонимической моделью была незначительна и проявлялась главным образом в текнонимах. Эти обстоятельства являются значительным препятствием при идентификации имени без знания его происхождения и истории. Рассмотрим подробнее каждый из пунктов антропонимической классификации, обратив внимание на время и механизм наречения тем или иным именем.

Родовое, или «действительное», имя являлось первым именем индейца, оно

чаще всего давалось ему матерью при рождении. Обычно оно было наследственным и передавалось из поколения в поколение внутри рода. Этого имени можно, пожалуй, назвать универсальным: во всяком случае, он лежит в основе антропонимической модели, распространенной во всех соседних тлинкитских племенах⁸. Обычно мать называла ребенка именем своего умершего родственника, чья душа, по убеждению тлинкитов, вновь «вселялась» в новорожденного. На «вселение» в ребенка определенного духа указывали сны, увиденные матерью до его рождения, и наличие приметных родинок. Кроме того, на выбор имени влияли степень привязанности матери к умершему родственнику и социальная позиция семьи⁹.

В настоящее время трудно выделить группу собственно «действительных» имен, поскольку многие из них являются по сути дела бывшими почетными именами, текнонимами и даже прозвищами. В тлинкитских легендах, родовых преданиях и песнях встречается ряд имен, которые, вероятно, можно считать «действительными» именами, так как они не соотносятся с тотемом рода и не являются текнонимами по форме: Тлехи (Танцор), Йэлк (Маленький Ворон), Кетл (Собака), Да-Тлан (Большой Горноста́й), Шах (Дикая Смородина)¹⁰. Не исключено, что они возникли из древних имен-прозвищ, чье происхождение стерлось в памяти поколений. Отдельные имена были, возможно, своеобразными напоминаниями о каких-либо событиях, например, имя Джиналатк (Катящиеся Волны), данное девочке ее матерью в память о месте, где утонул ребенок ее сестры¹¹.

По данным Ф. де Лагуны, ребенок мог обладать несколькими «действительными» именами. Так, маленькая девочка из рода *тлюкнахад* получила при рождении «действительное» имя (прозвище-текноним своей прабабки) Ка-тла (Мать-Мужчины) и еще одно «действительное» имя (имя тетки прабабки) — Тле-ан (Вместе-С-Селением)¹². Обычай давать детям при рождении несколько родовых имен является, возможно, поздней инновацией, связанной с престижными соображениями.

Кроме «действительного» ребенок мог получить в детстве от своей матери уменьшительно-ласкательное имя или прозвище. Например, одного мальчика звали Ченио (Вонючка), а двух девочек — Дашана (Капризная) и Цикина (Моя-Маленькая-Любовь)¹³.

Пожилой человек очень редко был известен по детскому имени, но он мог приобрести прозвище в зрелом возрасте. Такое прозвище отражало, как правило, какую-нибудь черту характера, внешности или факт биографии и являлось по сути дела дополнительным именем индейца. Так, в одной из тлинкитских легенд рассказывается о войне между родами *киксади* и *дешитан*. Во время одного из столкновений воин-дешитан вышел навстречу врагу в медвежьей шкуре, за что был прозван Хуц-ги-сати (Хозяин-Медвежьей-Шкуры)¹⁴.

Прозвища могли со временем превращаться в «действительные» имена и даже, очевидно, в почетные. Например, прозвище жены одного из тлинкитских вождей было Шават-кеге (Скупая Женщина), оно было унаследовано родственниками ее рода. Подобное происхождение имеют имена: Си-кеге (Скупая Дочь), Шават-хиц (Крохотная Женщина), Ка-тлен (Большой Мужчи́на) и т. д.¹⁵

Прозвища-клички получали, возможно, и рабы происходившие из других племен, так как тлинкиты могли не знать их настоящих имен или по крайней мере значения этих имен. В известных нам американских источниках почти отсутствуют сведения по этому вопросу. На основе отрывочных данных можно предположить, что рабы-иноплеменники получали клички, отражавшие главным образом внешние особенности человека или этническое (родовое) происхождение. Например, в легендах упоминается раб по имени Хуц-ка (Мужчина-Медведь), который был прозван так за свой огромный рост и силу. В одном из преданий говорится о рабыне, которую звали просто Молодая Рабыня (Шатшхху)¹⁶.

К дополнительным именам можно также отнести имена, которые, по словам Ф. де Лагуны, получали или принимали шаманы после периода «ученичества» или «приобретения» первого духа. Так, шаман по имени Тек-иш был также известен под именем Лхадуса (Говорящий-О-Войне), которое указывало на его способность (или способность одного из его духов) «видеть» приближение военного отряда¹⁷. В одном из тлинкитских сказаний рассказывалось, например, о шамане Гаагистене из рода *хаситтан*. Ночью к нему явился дух Выдры и дал ему новое имя Гаккахуан (Замерзающее Лицо), под которым он и стал позднее известен¹⁸.

Особые имена получали заложники (мужчины и женщины высокого ранга), которых брали во время заключения мира, прекращавшего вражду между родами. Заложникам, по данным американского этнографа К. Оберга, давали имена, символизировавшие мир, смирение, счастье и изобилие, такие как Женщина, Лососевая Ловушка, Колибри, Малиновка и т. д.¹⁹ К. Макклеллан приводит в одной из своих работ аналогичные имена мирных заложников у внутриматериковых тлинкитов: Шатл Кауакан (Олень-Рыбная Ловушка), Какан (Солнце), Яку (Каноз), причем каждый из заложников во время мирного танца должен был носить церемониальную шляпу-модель, изображавшую значение его имени²⁰. Согласно же материалам Ф. де Лагуны, имена заложников соотносились с тотемами или какой-либо собственностью «захватившего» их рода или указывали на эмблему фратрии, к которой тот принадлежал, например имя Йэл-тлед (Белый Ворон), полученное индейцем рода *текуе-ди* от рода *куашккуан* (фратрия Вёрона). Такие имена использовались только во время мирной церемонии и не наследовались²¹.

Исследователями не было отмечено наличия у тлинкитов специальных «военных» имен. Однако в одном из тлинкитских сказаний говорится об индейце по имени Хука и указывается, что его «военное» имя было Уа'ашга²², что и позволяет предположить, что такие имена некогда существовали и, вероятно, наделались магической силой.

Среди тлинкитских имен довольно часто встречаются текнонимы, образованные путем прибавления к имени ребенка слов «иш» (отец) или «тла» (мать). Такие имена давались в трех случаях: 1) текнонимичное имя получал новорожденный, в которого «вселился» дух его умершего сородича (т. е. это разновидность «действительных» имен); 2) текнонимичные имена получали родители при рождении у них ребенка (т. е. это текнонимы в узком смысле слова); 3) текнонимичное имя получал человек, владевший каким-нибудь особым имуществом или связанный с каким-либо географическим объектом. В качестве примера первого рода можно привести имя маленького мальчика, который родился после смерти шамана по имени Маленький Камень (Тек). Мальчика называли Тек-иш (Отец-Маленького-Камня). Иногда ребенок получал при рождении подлинное текнонимичное имя своего сородича, как это было в случае с уже упоминавшимся именем Ка-тла, которое было присвоено девочке из рода *тлюкнахади* и которое принадлежало первоначально ее прабабке. Примером второго рода могут служить имена родителей мальчика по имени Кухтсина, которых после его рождения стали звать соответственно Кухтсина-иш и Кухтсина-тла²³.

Текнонимичные имена, по данным К. Оберга, были наиболее употребительными среди женских²⁴. Женщина, унаследовавшая его, имела право назвать им своего ребенка. Если, например, девочка получала имя Хуцк-тла (Мать-Детеныша-Медведя), то она могла назвать своего старшего сына Хуцк (Детеныш Медведя), а ее будущий муж мог получить имя Хуцк-иш²⁵.

Если у человека не было ребенка, то он нередко получал имя-текноним по кличке его любимой собаки. Подобного же рода было имя одной тлинкитки из рода *куашккуан*, которая, получив кошку от американских рыбаков, стала известна под именем Мать Кошки (Душ-тла). Еще одной разновидностью текнонимов данного типа были имена, соотносившиеся с географическими

объектами. Так, одного вождя тлинкитованного языкового рода *калиах-кавантан* звали Калиах-иш (Отец [реки] Калиах) из-за его привязанности к этой реке. Имя Киллисну-иш получил от индейцев агент американской Северо-Западной торговой компании Эдвард Де Грофф в честь о-ва Киллисну вблизи тлинкитского селения Ангун, где его компания основала в 1878 г. свою факторию²⁶. Все только что описанные имена являются своеобразными текнонимическими прозвищами.

Обычай давать текнонимические имена был характерен и для внутриматериковых атапасков. Так, американский путешественник Роберт Кенникот в 1860 г. описал в своем журнале совершенно сходную с тлинкитской текнонимической моделью систему наречения текнонимами у атапасков слэив²⁷. Среди живших на островах Королевы Шарлотты индейцев хайда текнонимическая модель отличалась еще большей сложностью: у них при рождении ребенка менялось имя не только отца и матери, но также деда и бабки²⁸. Особенно популярными текнонимические имена в форме «дед такого-то», например Ниёс-аута (Дед Дикобраза), были среди обитавших к югу от тлинкитов индейцев цимшиан²⁹.

Кроме родовых, дополнительных, текнонимических имен и различных прозвищ тлинкиты имели особые почетные имена, которые могли приобретать только очень богатые индейцы на особого рода *потлачах*. Эту разновидность потлача русский миссионер И. Е. Вениаминов называл, используя тлинкитский термин *кхаташи* (правильнее *я'датиё*), который был эквивалентен потлачу «вадал» или «валгал»³⁰ у индейцев хайда. От обычного погребального потлача кхаташи отличался, во-первых, своими масштабами: на него приглашались помимо живущих в данном селении также индейцы из других, порой весьма отдаленных селений; среди приглашенных были не только представители противоположной фратрии (как на «классическом» потлаче), но и члены фратрии устроителя потлача. Во-вторых, для проведения подобного потлача всегда строился новый дом или реконструировался старый. В-третьих, только на таком потлаче, по данным И. Е. Вениаминова, вождь мог носить особые церемониальные одеяния с тотемной символикой рода. Наконец, вождь, устроивший подобный потлач, раздавал на нем не только свое имущество в виде подарков гостям, но и имущество своей жены. «При сих только игрушках [так в русских источниках обозначали потлач] Колоши [здесь: тлинкиты], отправляющие Каташи, имеют право, если захотят, принять себе другое имя какого-либо из умерших родственников. И не только одни мужчины, но нередко и Тознши [жены „тоенов“ — вождей] в это время принимают себе другое имя», — писал И. Е. Вениаминов³¹. Из этого отрывка видно, что Вениаминов специально подчеркивал возможность приобретения знатной тлинкиткой почетного имени. Такая возможность обеспечивалась участием жены вождя в накоплении имущества для подарков гостям на потлаче и присутствием на нем представителей противоположной фратрии (фратрии мужа), которые, вероятно, санкционировали и подтверждали ее право на новое имя. По сведениям Р. Л. Олсона, на получение новых имен могли рассчитывать и сородичи вождя, которые помогали ему собрать необходимое имущество для устройства потлача.

Почетное имя могло быть присвоено и на другой разновидности потлача, который богатый вождь устраивал в честь своих детей. Последние после этого становились *анъяди*, т. е. знатными людьми. Дети и подростки получали новые имена во время раздачи подарков гостям. Каждое наречение сопровождалось выступлением оратора, сообщавшего историю имени и «великие» дела и заслуги тех, кто носил его прежде³³. Согласно материалам И. Е. Вениаминова, такое имя относилось к роду отца — устроителя потлача³⁴. На самом деле, если проанализировать аналогичный тип потлача у хайда³⁵, ребенок обычно получал имя «отца отца», т. е. своего деда, который принадлежал, как правило, к тому же самому роду (т. е. роду матери). При этом у хайда подлинно почетным

именем было только имя, приобретенное самим человеком, устроившим потlach, не то, которое давалось ему на потлаче его отца³⁶. Указание на подобную традицию почетных имен у тлинкитов содержится и в «Записках» И. Е. Ветяминова. «Богатый же тоэн,— писал он,— может дать родовое имя своему сыну тотчас по рождении его, но с тем, что он уже обязан сделать со временем знаменитые поминки своим родственникам»³⁷. Таким образом, «детское» почетное имя давалось сыну вождя как бы «авансом», который он должен был «оплатить» в зрелом возрасте, устроив кхаташи, чем и подтверждал «законность» и «благородство» своего почетного имени.

Связанные с важнейшей в социальной жизни индейского общества церемонией почетные имена, их происхождение и история хранились в коллективной памяти людей на протяжении многих поколений. Поэтому они лучше известны исследователям, чем обычные имена и прозвища, и порой фигурируют в научных трудах как типично индейские имена. По данным К. Оберга, почетные имена были священны и употреблялись только в особо торжественных случаях³⁸.

Почетные имена имели тенденцию к превращению в своеобразные титулы. Так, традиционным именем главы Дома Ворона рода дешитан было имя Йэлаву (Мертвый Ворон)³⁹. Однако полного превращения почетного имени в своего рода «дворянский» титул у тлинкитов еще не произошло, поскольку, с одной стороны, богатый наследник не всегда принимал имя своего предшественника (дяди, деда, старшего брата), а с другой — почетное имя могло «деградировать» и превратиться в обычное «действительное» имя. Это происходило, очевидно, в случае дискредитации его носителя, либо в результате вырождения того домохозяйства или локального подразделения рода, где оно считалось.

Почетные имена, как уже отмечалось, чаще всего ассоциировались с тотемом или тотемами данного рода. Так для рода канахтеди (главный красный Ворон), были характерны следующие почетные имена: Йэлгок (Прекрасный Ворон), Андаканэл (Летящий Ворон), Йэлкуху (Раб Ворона), Данавак (Серебряные Глаза [Ворона]), Тлгина (Шорох- [Вороних] - Крыльев) и т. д.⁴⁰ Принимаемая на потлаче почетное тотемное имя, вождь надевал соответствующие регалии и становился как бы живым воплощением тотема, символом определенной социальной группы (рода или его подразделения). Жена же вождя всегда принадлежала к роду противоположной фратрии, и поскольку официальным устроителем потлача выступал род мужа, то она могла принять почетное имя «по потлачу», но не «по тотему». Даже такое классическое «тотемное» имя как Хихч/Кикс-си (Дочь Лягушки), которое наследовалось среди знатных женщин рода *куашкуан*, судя по его истории, восходит не к тотему, а к конкретному потлачу⁴¹. По материалам К. Оберга, семантика почетных женских имен отражала, как правило, богатство, раздававшееся по потлачам, как, например, имена Тонэттитушет (Переполненная Комната) и Туветлихауе (Дающая-Больше-Чем-Цена)⁴². Почетные мужские имена также могли указывать на имущество, раздавленное на потлаче гостям. Очень редко, вероятно, только в тех случаях, когда в роду не оставалось мужчины достаточно высокого ранга, чтобы носить то или иное почетное имя, его могла использовать женщина самого высокого ранга⁴³.

По данным Ф. де Лагуны, тлинкитские вожди могли носить одновременно несколько почетных имен⁴⁴. Возможно, это было относительно недавним нововведением, зародившимся на начальных стадиях европейской колонизации Аляски (период Русской Америки, 1741—1867 гг.), когда среди обогатившихся на пушной торговле индейцев наиболее престижным считалось приобретение нескольких почетных имен.

Почетные имена, как правило, передавались по наследству. Известны целые «династии» вождей, носивших одно имя. Таковы имена некогда знаменитых вождей: Катлиан, Навушкетл, Анахуц, Шэйкс и т. д. Иногда, правда, богатые

приобретали реально совершенно новые имена. Устраивая потlach, вожди в принципе мог «поднять» и сделать почетным свое «действительное» имя. Богатство давало возможность превратить в почетные имена даже оскорбления. Так индейцы рода дешитан, устроив грандиозный потlach, подняли свой статус и превратили ругательства, которыми их осыпали бывшие сородичи канактеди в почетные имена (лишь несколько изменив и укоротив оскорбительные выражения). Таковы по происхождению имена вождей дешитан Ланкушу, Нашухай и Квудактик⁴⁵.

Почетные имена считались собственностью рода, который ревниво оберегал их от посягательств чужаков. Исключая наследование, такие имена могли быть переданы людям другого рода лишь в крайне редких случаях (обычно при заключении мира между враждовавшими родами). Индейцы могли «захватить» одно или несколько почетных имен чужого рода в том случае, если этот род им в чем-либо задолжал, и удерживать их до тех пор, пока не будет выплачен долг.⁴⁶ Интересный случай подобной адаптации имени произошел во время путешествия на Аляске известного американского исследователя лейтенанта Фридриха Шватки. Он нанял нескольких тлинкитов в качестве проводников, но в конце путешествия не мог выплатить им обещанную сумму денег. Индейцы тут же взяли фамилию Шватки, которая до сих пор используется как почетное имя рода *даклауеди* в селении Клакван и произносится как «Сватки»⁴⁷.

Наряду с разнообразными именами и прозвищами тлинкиты нередко употребляя в повседневном общении вместо имен термины родства и свойства. Курьезный пример такого рода приводил историк российского флота В. Н. Берд, побывавший в начале XIX в. в Русской Америке. Так, при переписи членов семьи одного лояльного к русским тлинкитского вождя последний не мог даже вспомнить настоящее имя своей супруги, поскольку постоянно звал ее просто «жена» ('ах шат — «моя жена»). Лишь его раб помог русским установить истинное имя своей госпожи⁴⁸.

Многочисленные миграции и эволюция родовой структуры тлинкитского общества способствовали разделению старых родов, выделению новых домохозяйств, вследствие чего имена (прежде всего «действительные») могли переходить к обособившимся частям и домохозяйствам изначального рода. Кроме того, как отмечал Дж.Р. Свентон, у ряда родов были одинаковые тотемы (Медведь, Лягушка и т. д.); поэтому имена, происходившие от таких тотемов, были у различных родов одинаковыми⁴⁹. Это приводило к появлению у тлинкитов тезок. Например, имя Йэлнау (Мертвый Ворон) носили индейцы (главным образом вожди) из родов *тлюкнахади*, *дешитан* и *коскеди*⁵⁰. Традиционно люди с одинаковыми именами относились друг к другу как к отражению своего «я», называя тезку «ха'и» — «мой дорогой»⁵¹.

Тлинкиты порой заимствовали имена у соседних племен. Наиболее известным именем такого рода было, пожалуй, имя Шекс (Шейкс, Шекш), которое получил вождь рода *нанъяйи* цимшиан в качестве своеобразной «репарации» после заключения мира⁵². По данным Р. Л. Олсона, в переводе с цимшианского оно означает «Гигантское Дерево»⁵³, а по материалам В. Е. Гарфильда — «Брызги», так как оно на самом деле представляет собой сокращение сложного имени, которое можно интерпретировать как «Где-Большая-Лягушка-Быстро-Прыгает-С-Брызгами»⁵⁴. В районе зал. Якутат среди обитающих здесь индейцев рода *куашкуан*, предки которых — эяки и атапаски атена — были ассимилированы тлинкитами около 250 лет тому назад, до сих пор распространены такие имена, как Яходакет, Вацдал, Ла'а и др., явно не тлинкитского происхождения⁵⁵.

Соседние племена в свою очередь заимствовали тлинкитские имена. В течение XIX в. во время торговой экспансии тлинкитов во внутренние районы материка их обычаи, некоторые элементы культуры и социальной организации довольно активно адаптировались местными атапаскскими племенами. Это

происходило и с именами. Так, один из богатых торговцев у северных тутченгов был известен под тлинкитским именем Тлинкит-тлен (Большой Человек), а у живших в верховьях р. Стикин атапасков талтан был военный вождь по имени Элшан (Старый Ворон) ⁵⁶.

Представляет интерес также влияние европейцев на тлинкитскую антропонику. Проникновение предметов европейской материальной культуры в быт индейцев привело к появлению имен, отражавших эти инновации. Вождь рода *чишкеди*, например, носил имя Унаштуку — «Стреляющее Ружье» ⁵⁷, а одного вождя рода *дешитан* звали Штин, т. е. «Сталь» ⁵⁸.

В начальный период колонизации (в период Русской Америки) отдельные индейцы, принимавшие православную веру, получали христианские имена, иногда также фамилии своих крестных отцов. Так, в ранних русских источниках упоминался один из тлинкитских вождей — Павел Родионов, который был в свое время заложником-аманатом у русских на о-ве Кадьяк и там, очевидно, был окрещен прапорщиком Ф. Я. Родионовым ⁵⁹. Чаше, однако, индейцы, принявшие православие, получали лишь христианские имена (порой довольно экзотичные); а в качестве «фамилий» русские использовали их собственные тлинкитские имена. Примеры такого рода нередко встречаются в русских документах XIX в.: Наркис (Нарцисс) Ельк, Неон Кашкичат ⁶⁰, Катерина Сакикан, Александ Кунахин ⁶¹ и т. д. Наиболее известным тлинкитским вождем, жившим православное имя, был Михаил Кухкан, назначенный в 1843 г. в санскции Николая I главным «тоеным» (т. е. вождем) тлинкитов, живших восточнее столицы Русской Америки — Ново-Архангельска ⁶². В русских документах отмечалось, что его личное имя было Шчух, затем он в 1836 г. крестился и получил имя Михаил, а позднее, после смерти своего дяди Кухкана в 1841 или 1842 г., он устроил потлач, на котором унаследовал помимо имущества дяди также и его почетное имя ⁶³. По данным финского натуралиста Г. Й. Холмберга, побывавшего в начале 1850-х годов в Ново-Архангельске, Михаил Кухкан имел сына, и поэтому еще одним его именем был текномим, образованный от клички его любимой собаки ⁶⁴.

Русские православные имена, видимо, почти не использовались самими тлинкитами в повседневном общении. По крайней мере материалы по этому вопросу очень фрагментарны. Так, Эдвард Бельчер, капитан английского военного корабля, встретился в 1837 г. с главным вождем тлинкитов Якутата по имени Ануши, то есть «Русский». Этот вождь, по свидетельству Бельчера, принял имя Ивана Иватского (Ивана Ивановича?), вероятно, в честь одного из русских торговцев, посещавших Якутат в те годы ⁶⁵. Уже в наше время якутатские тлинкиты сообщали Ф. де Лагуне, что такие имена как Стагуан (Степан?) и Шада (Шура? Саша?), возможно, русского происхождения ⁶⁶. Кроме того, в списке тлинкитских вождей, составленном в начале нынешнего века Дж. Р. Свентоном, упоминался Нихана Кухкан ⁶⁷, т. е. Михаил Кухкан. Но в целом русские (или производные от русских слов) имена почти не вошли в тлинкитскую антропонику, поскольку они использовались главным образом в качестве прозвищ конкретных людей и не наследовались как, например, «действительные» имена ⁶⁸. Исключение составляет, возможно, имя индейца рода *чишкеди* — Савак (его мать была известна как Савак-тла), которое Ф. де Лагуна переводит как «Длинноухая Собака» ⁶⁹, хотя по сути дела это просто калька с русского слова «собака» (в тлинкитском языке отсутствует звук б). Слабое влияние русских и тлинкитскую антропонику может быть объяснено относительной ограниченностью контактов и практически полной независимостью тлинкитов от колониальных властей в период существования Русской Америки.

Позднее, после продажи Россией Аляски США (1867 г.), тлинкиты начинают получать американские имена и фамилии (первоначально в качестве кличек и прозвищ), которые уже к концу XIX — началу XX в. постепенно внедряются в антропонимическую модель наряду с традиционными именами. Этот

процесс был обусловлен втягиванием тлинкитов в капиталистическую экономику и использованием во все более широких масштабах английского языка. Этому способствовала также активная деятельность миссионеров, развитие школьного образования среди индейцев, изменения в сфере социальных приоритетов и престижных ориентиров и, наконец, юридическая фиксация имен и фамилий коренного населения Аляски в связи с упорядочением административного управления. Индейцы начинают широко пользоваться такими стандартными англо-американскими именами и фамилиями, как Том, Фред, Стюарт, Адамс и т. д. Правда, в повседневном общении эти новые имена и фамилии еще долгое время употреблялись и наследовались весьма произвольно. Оливер М. Сэйлисбьюри, который был школьным учителем в тлинкитском селении Клавак в 1920-х гг., приводил любопытные примеры такого рода. Так, один индеец был прозван американцами «Чарли», а его детей, вопреки европейской логике, стали звать Чарли Джексон, Чарли Джонсон и Мэтти Джексон. Одна старая тлинкитка, которая жила по соседству с Сэйлисбьюри, была известна одновременно как «миссис Джексон», «миссис Кук», «миссис Джек» и «миссис Кук Джек» (ее последнего мужа звали «Джек», а когда он стал работать поваром, то получил дополнительное прозвище Кук — «Повар»⁷⁰).

В заключение, возвращаясь к традиционным тлинкитским именам, следует добавить, что далеко не все из них поддаются расшифровке и идентификации. Смысл многих очень туманен; некоторые имена соотнесены с определенными событиями или явлениями, неизвестными широкому кругу людей. В работах американских этнографов лишь приблизительно четверть упомянутых имен дана с соответствующими переводами. Поэтому разработка тлинкитской антропониимики имеет определенную научную и познавательную ценность, тем более что в настоящее время традиционные индейские имена служат одной из опор сохранения культурного и исторического наследия тлинкитов.

Примечания

¹ *Laguna F. de. Under Mount Saint Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit.* Pt 1—3. Washington, 1972.

² Известный советский этнограф Ю. П. Аверкиев в одной из своих работ касалась тлинкитской антропониимики, однако она основывалась лишь на материалах Дж. Р. Свентона, которыми отнюдь не исчерпываются данные по интересующему нас вопросу. См.: *Аверкиев Ю. П. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиан)* // *Амер. этногр. сб. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. VIII.* М., 1960. С. 36—37.

³ См.: *Системы личных имен у народов мира.* М., 1986. С. 43—45.

⁴ *Анатолий, архимандрит.* Индиане Аляски. Быт и религия их. Одесса, 1906. С. 107.

⁵ *Swanton J. R. Social Conditions, Beliefs, and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians* // *Bull. BAE.* № 26. Washington, 1908. P. 421—422.

⁶ *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 781—790.*

⁷ Потлач — церемония, связанная с раздачей подарков и угощений, что влекло за собой повышение престижа и социального статуса дарителя. Потлач был широко распространен среди различных народов мира, но особенно сложные формы и функции он приобрел у тлинкитов и других индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

⁸ *Birket-Smith K., Laguna F. de. The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska* // *Copenhagen, 1938. P. 153; Garfield V. E. Tsimshian Clan and Society* // *University of Washington Publications Anthropology.* 1939. V. 7. № 3. P. 221.

⁹ *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 781—783, 785.*

¹⁰ *Swanton J. R. Tlingit Myths and Texts* // *Bull. BAE.* № 39. Washington, 1909. P. 232, 233, 399. *Laguna F. de. Op. cit. Pt 1. P. 232, 246, 274; Pt 2. P. 789.*

¹¹ *Swanton J. R. Social Conditions ...* P. 423.

¹² *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 782.*

¹³ *Ibid. P. 787.*

¹⁴ *Olson R. L. Social Structure and Social Life on the Tlingit in Alaska* // *Anthropological Records.* V. 26. Los Angeles, 1967. P. 75.

¹⁵ *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 788.*

¹⁶ *Olson R. L. Op. cit. P. 77.*

¹⁷ *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 787.*

¹⁸ *Olson R. L. Op. cit. P. 113.*

- ¹⁹ Oberg K. Crime and Punishment in Tlingit Society // Indians of the North Pacific Coast. Seattle; London, 1967. P. 222.
- ²⁰ McClellan C. My Old People Say: An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory. Ottawa, 1975, P. 501.
- ²¹ Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 787.
- ²² Olson R. L. Op. cit. P. 93.
- ²³ Laguna F. de. Op. cit. Pt. 2. P. 784.
- ²⁴ Oberg K. The Social Economy of the Tlingit Indians. Seattle; L., 1973. P. 46.
- ²⁵ Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 784.
- ²⁶ Ibid. P. 788.
- ²⁷ James A. J. The First Scientific Exploration of Russian America and the Purchase of Alaska. Vanston; Chicago, 1942, P. 74.
- ²⁸ Curtis E. S. The North American Indian. V. 11. N. Y., 1970. P. 122.
- ²⁹ Garfield V. E. Op. cit. P. 224, 337.
- ³⁰ Murdock G. P. Culture and Society. Pittsburgh, 1965. P. 263, 272.
- ³¹ Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. III. СПб., 1840. 102—103.
- ³² Olson R. L. Op. cit. P. 69.
- ³³ Ibid. P. 69.
- ³⁴ Вениаминов И. Е. Указ. раб. С. 91.
- ³⁵ Murdock G. P. Op. cit. P. 274.
- ³⁶ Ibid. P. 279.
- ³⁷ Вениаминов И. Е. Указ. раб. С. 91.
- ³⁸ Oberg K. The Social Economy of the Tlingit Indians. P. 46.
- ³⁹ Laguna F. de. The Story of a Tlingit Community: A Problem in the Relationship between Archaeological, Ethnological and Historical Methods // 172 — Bulletin BAE. Washington, 1960. 180.
- ⁴⁰ Oberg K. The Social Economy... P. 46.
- ⁴¹ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 786.
- ⁴² Oberg K. The Social Economy... P. 46—47.
- ⁴³ Swanton J. K. Social Conditions ... P. 422.
- ⁴⁴ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 635—636.
- ⁴⁵ Idem. The Story of a Tlingit Community... P. 133—135.
- ⁴⁶ Swanton J. R. Social Conditions... P. 435.
- ⁴⁷ Oberg K. Crime and Punishment in Tlingit Society. P. 217.
- ⁴⁸ Макензи А. Путешествие по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану... СПб., 1808. С. 33 (примеч. В. Н. Берха).
- ⁴⁹ Swanton J. R. Social Conditions... P. 422.
- ⁵⁰ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 789; idem. The Story of a Tlingit Community... P. 192; Swanton J. R. Social Conditions... P. 407.
- ⁵¹ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 783.
- ⁵² Olson R. L. Op. cit. P. 80—81; Barbeau M. Pathfinders in the North Pacific. Caldwell, 1958. 133.
- ⁵³ Olson R. L. Op. cit. P. 32.
- ⁵⁴ Garfield V. E. Op. cit. P. 224.
- ⁵⁵ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 1. P. 789.
- ⁵⁶ McClellan C. Op. cit. Pt 2. P. 503, 523.
- ⁵⁷ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 1. P. 200.
- ⁵⁸ Idem. The Story of a Tlingit Community... P. 181.
- ⁵⁹ 1802 г. июля 1. — Донесение И. Кускова А. А. Баранову на Кадьяк о вооруженном столкновении партии промышленных людей с местными племенами и о разгроме Новоархангельска индейцами // К истории Российско-Американской компании / Сб. документальных материалов. Красноярск, 1957. С. 109—110.
- ⁶⁰ Центральный гос. исторический архив. Ф. 796. Оп. 90. Д. 273. Л. 63 об.
- ⁶¹ Архив внешней политики России. Ф. ПАК. Оп. 888. Д. 1009. Л. 468; Д. 1010. Л. 312.
- ⁶² Там же. Д. 1009. Л. 539 об.—541.
- ⁶³ Там же. Д. 1008. Л. 188—188 об.
- ⁶⁴ Holmberg H. J. Ethnographische Skizzen über die Völker des Russischen Amerika, Bd 1. Helsingfors, 1855. S. 38.
- ⁶⁵ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 1. P. 178.
- ⁶⁶ Ibid. Pt 2. P. 789.
- ⁶⁷ Swanton J. R. Social Conditions... P. 405.
- ⁶⁸ Лишь некоторые современные тлинкиты, исповедующие православие, пользуются русскими именами, данными им при крещении (например, Петр Зубов). См.: Morgan I. And the Land Provides. Alaskan Natives in a Year of Transition. N. Y., 1974.
- ⁶⁹ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 788.
- ⁷⁰ Salisbury O. M. The Customs and Legends of the Tlingit Indians of Alaska. N. Y., 1985. P. 67, 227.
- ⁷¹ Laguna F. de. The Story of a Tlingit Community... P. 181.

© 1990 г.

СЪЕЗД МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (Взгляд этнографа)

30—31 марта 1990 г. в Москве, в Большом Кремлевском Дворце состоялся Съезд малочисленных народов Севера¹. Решение о проведении съезда было записано в Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях»². Однако этому предшествовал целый ряд событий, вызвавший у общественности огромный интерес к проблемам развития народов Севера СССР.

До 1989 г. в основном лишь ученые (в том числе и исследователи Института этнографии АН СССР) знали истинное положение на нашем Севере и выступали на эту тему на конференциях, писали об этом либо в докладных записках, направленных в адрес Отдела по развитию экономики и культуры народностей Севера и Арктики Совета Министров РСФСР, либо в отдельных газетных статьях³. В 1988 г. группа писателей из числа народов Севера (Е. Айпин, В. Коянто, И. Ледков, Р. Ругин, В. Санги, Ю. Шесталов и др.) обратились к М. С. Горбачеву с письмом, в котором описали бедственное положение народов Севера нашей страны, вызванное в значительной мере промышленным освоением Севера и Сибири. В январе 1989 г. вопрос о положении народов Севера обсуждался в Секретариате ЦК КПСС⁴.

Сотрудники аппарата ЦК КПСС проанализировали обстановку на местах⁵. После этого появилось много публикаций по проблемам экономического, социального и культурного развития народов Севера. Эти проблемы нашли отражение почти во всех центральных газетах, посвятивших им в 1988 г. около полутора десятков важных статей⁶, в 1989 г. в два раза больше⁸.

В 1988 г. нивхский писатель В. Санги предложил проект программы Ассоциации народов Севера. Эта идея также нашла отражение в Платформе КПСС по национальной политике.

В 1989 — начале 1990 г. на местах были созданы региональные отделения ассоциации. Одна из первых — ассоциация «За спасение Югры» (Ханты-Мансийский автономный округ), инициатором создания которой стал народный депутат СССР хант Е. Д. Айпин, затем были созданы ассоциация «Ямал — потомкам» (Ямало-Ненецкий автономный округ) и ряд других.

Для проведения Съезда малочисленных народов Севера был образован Оргкомитет, в который вошли многие представители коренного населения Севера (ученый — нивх Ч. М. Таксами — председатель Оргкомитета, народные депутаты, члены Верховного Совета СССР — хант Е. Д. Айпин, нанайка Е. А. Гаер, чукча В. М. Етылен, коряк В. В. Косыгин, ненец А. И. Выучейский, эвены М. И. Монго, ненец С. Я. Пальчин, хант Р. П. Ругин, писатели — чукча Ю. С. Рытхэу, манси Ю. Н. Шесталов, председатели и президенты региональных ассоциаций — манси Т. С. Гоголева, ненец С. Н. Харючи и др.). В подготовке съезда и работе его Оргкомитета деятельное участие приняли сотрудники Отдела Севера и Арктики Совета Министров РСФСР.

В ноябре 1989 г. Оргкомитет разослал всем народам Севера обращение, в котором призвал высказаться по целому ряду актуальных вопросов дальнейшего развития своей экономики и культуры.

Региональные ассоциации избрали 341 депутата на Съезд народов Севера, в их числе: ненец — 54 человека, эвены — 47, ханты — 28, чукчи — 23, эвены — 16, долганы — 14, нивхи, коряки и ительмены — по 13, юкагиры и нанайцы — по 11, удэгейцы — 8, селькупы и саамы — по 7, кеты — 6, манси — 5, тофалары, ульчи, орочи, негидальцы, эскимосы, нганасаны и алеуты — по 4, чуванцы — 3, ороки и энцы — по 1 человеку. На съезде присутствовали также многочисленные гости: Президент страны М. С. Горбачев, Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, Председатель палаты Национальностей Верховного Совета СССР Р. Н. Нишанов, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, В. И. Воротников, А. В. Власов и др., а также ученые журналисты.

К началу съезда было приурочено приветствие съезду М. С. Горбачева. Открыл съезд В. И. Воротников, пожелавший председателю Оргкомитета Ч. М. Таксами успешной работы. В повестку дня были включены следующие вопросы: 1. О политическом и социально-экономическом положении малочисленных народов Севера и путях их дальнейшего развития (докладчик Ч. М. Таксами); 2. О Комплексной программе дальнейшего развития экономики и культуры малочисленных народов

ра на 1990—1995 гг. и на период до 2005 г. (докладчик А. А. Хомяков — заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, председатель Госплана РСФСР). 3. О Программе и Уставе Ассоциации малочисленных народов Севера. 4. Выборы Совета Ассоциации малочисленных народов Севера.

В докладе Ч. М. Таксами были поставлены все наиболее важные вопросы, связанные с дальнейшей судьбой народов Севера. Отметив большие сдвиги в развитии этих народов за 70 лет Советской власти, докладчик остановился в основном на нерешенных проблемах, вызывающих тревогу народов Севера: отсутствии научно обоснованных программ экономического (в том числе и промышленного) развития Севера, нарушении нормальных принципов природо- и землепользования, ухудшении экологической обстановки на Севере, особенно в связи с экстенсивным и непродуманным, порой и хищническим промышленным его освоением, упадке традиционных отраслей хозяйств, исчезновении национальных культур, языков и самосознания народов Севера, отсутствии самоуправления на местах и реальных прав автономии, нерешенности важных социальных проблем: здоровья политика, трудоустройство, неравенство в оплате труда, необеспеченность жильем, уроне медицинского обслуживания, алкоголизм и др.) и т. д. Докладчик прямо поставил вопрос: не исчезнут ли народы Севера или навсегда исчезнут с лица Земли?

В докладе были сформулированы как общие задачи дальнейшего развития народов Севера, и задачи создаваемой на съезде Ассоциации народов Севера. Среди общих проблем — разработка комплексного плана социально-экономического, демографического и культурного развития народов Севера, подъем их социальной и политической активности, выработка механизма их самоуправления: определение правового статуса автономных округов, национальных районов, сел и поселковых Советов, роли и места в общественной жизни народных съездов, ассоциаций, советов старейшин, создание новых автономий, расширение прав местных Советов, введение права комитетов по межнациональным отношениям исполкомов на решения, противоречащие национальным интересам малочисленных народов Севера и т. п. Одной из первоочередных задач являлось обеспечение представительства коренного населения Севера в Советах (введение квоты депутатских мест для представителей всех этнических групп, двухпалатная система в автономных и окружных Советах).

Докладчик обратил внимание на важность разработки положения «О зоне приоритетного природопользования народов Севера», введения механизма действия права распоряжаться ресурсами в рамках территорий Советов, на необходимость развития традиционных отраслей хозяйства, в том числе и переработки сырья на месте, развития малых семейно-родственных трудовых коллективов, аренды, кооперации, восстановления заброшенных в процессе сселения и оседания сел деревень. Для развития национальных культур и языков намечены такие меры, как создание культурных и исторических центров в местах компактного проживания народов Севера, преподавание родных языков в школе, создание национальных малокомплектных школ, издательской службы и национальных редакций, выпускающих учебники, пособия, литературу на родных языках. Актуальна, по мнению докладчика, проблема подготовки кадров специалистов разного профиля из числа народов Севера. Для этого он предложил открыть Институт или Университет народов Севера. Чтобы решить эти и другие проблемы развития народов Севера, по мнению Ч. М. Таксами, необходимо выделить территорию Севера в самостоятельный регион в пределах РСФСР и создать управление им Совет автономных и национальных районов, а также возродить Государственный комитет по делам народов Севера.

Докладчик так видит задачи Ассоциации малочисленных народов Севера: защита и осуществление прав и интересов коренных народов Севера на всех уровнях управления, сохранение и развитие их культурной самобытности, развитие международных связей с северными народами других стран.

В докладе А. А. Хомякова характеризовались основные положения Комплексной программы дальнейшего развития экономики и культуры народов Севера до 2005 г., разработанной Госпланом СССР и Советом Министров РСФСР как мера социальной защиты и помощи. Проект обсуждался в 1989 г. на учредительных съездах региональных ассоциаций; замечания были учтены в ходе доработки.

Признав, что интенсивное промышленное освоение вступает в противоречие с традиционным укладом жизни коренного населения Севера, докладчик отметил, что при подготовке Комплексной программы изменены подходы к решению проблем национальной связи между промышленным освоением региона, сохранением природной среды как главного условия существования народа и традиционным укладом жизни. Принципиально и то, что Комплексная программа рассчитана на развитие населенных пунктов, где проживают сами народы Севера, а не районов Севера вообще, как это было в 1980—1990 гг.

Комплексная программа предусматривает ряд социально-правовых мер: например, повышение государственно-правового статуса национально-территориальных образований — автономных округов. Предполагается, что правительство РСФСР вместе с Советом создаваемой Ассоциацией народов Севера разработает и внесет в Верховный Совет РСФСР законопроект «О самоуправлении малочисленных народов Севера», в котором должен быть отражен особый характер представительства всех народов Севера в Советах всех уровней и определены роль и место общественных организаций — ассоциаций, общин, землячества и т. п. — в системе самоуправления.

В социально-экономической области Комплексная программа предусматривает разработку долгосрочной программы охраны природы и рационального природопользования на Севере (уже в 1991 г.), положения «О зоне приоритетного природопользования народов Севера» с законодательными ограничениями на различные виды хозяйственной деятельности, научно обоснованной прог-

рамы развития полуостровов Ямал и Гыдсанский, а также в целом Ямало-Ненецкий автономного округа.

Кроме того, предполагается широкое внедрение арендных и подрядных отношений, кооперативных, индивидуальных и семейных форм хозяйствования с условием передачи семьям или гражданам в бесплатное пожизненное и наследуемое владение или пользование промысловых угодий, решение местных Советов и др.

В обсуждаемой программе разработаны меры социальной защиты народов Севера: комплексное жилищное, социально-культурное строительство и благоустройство населенных пунктов, работы по реализации программы «Здоровье народностей Севера» и др.

Для развития культуры коренного населения намечено улучшить качество образования, приложить его к традиционным отраслям хозяйства и образу жизни; издавать газеты и журналы родных языках, развивать телевидение и др.

Предполагается также рассмотреть на уровне правительства РСФСР, Академии наук СССР и Государственного комитета по науке и технике вопрос о создании Центра научных исследований проблем развития малочисленных народов Севера и Межведомственного научного совета этим проблемам при Президиуме АН РСФСР.

В целом в Комплексной программе безусловно делается шаг вперед в развитии автономной экономики, социальной сферы и культуры народов Севера, однако нельзя не отметить два недостатка: во-первых, ее патерналистский характер в духе прежних времен, во-вторых, утопичность некоторых планов (например, обеспечить каждую семью отдельной квартирой или благоустроенным домом), неосуществимых ввиду необходимости вложения огромных средств, нехватки ресурсов кадров.

В прениях по докладам выступило 52 человека, среди них 41 — представитель малочисленных народов Севера, 5 — от других народов Севера и Сибири (вепсов, шорцев, телеутов, русских старожилов, северных якутов), 4 — от зарубежных общественных организаций эскимосов Канады, Аляски, саамов Скандинавии, 2 — от других народов страны.

Выступили представители почти всех северных регионов и народов Севера: народные депутаты А. И. Выхуцкий, М. И. Монго, Е. А. Гаер, оленоводы — ненец В. В. Латышев, чукча А. С. Гыргыкау, охотник — хант И. И. Сопочин, рыбак — нганасанин С. И. Купчик, зверобой — чукча А. Андлин, врач — удэге Л. В. Пассар, поэты и писатели Ю. Шесталов, Ю. Рытхэу, А. Немтушкин, руководители региональных ассоциаций Н. Н. Большаков (Таймырский а. о.), А. В. Кривошапкин (эва-ЯАССР), В. П. Селиванов (саамы Мурманской обл.), Н. В. Соловьев (орочи Сахалинской обл. С. Н. Харючи (Ямало-Ненецкий а. о.), Ю. А. Самар и Л. А. Гришина (орочи и нанайцы Хабаровского края) и др.

Среди выступавших в прениях лишь несколько человек (А. В. Кривошапкин, В. П. Селиванов, Ю. Л. Данкар) в целом поддержали основные положения докладчиков. Подавляющее большинство выступлений было посвящено вопросам, не решенным на местах и касающимся бедственного положения народов Севера. Это и экология, отторжение и загрязнение пастбищ и угодий, а также в стокий пресс ведомств и министерств и нерегулируемый приток приезжего населения, растворение среди него коренных жителей, утрата прав национальной автономии и угасание традиционных отраслей хозяйства, отсутствие трудоустройства и низкие заработки, высокие смертность и заболеваемость, алкоголизм, утрата национальных культур и языков, отсутствие национальных кадров и т. д.

Как крик души, как общий стон звучало: «Народы Севера — не жюева земли» (В. В. Латышев, Н. В. Соловьев), «Потеряли веру» (В. В. Латышев), «Народы Севера — на грани вымирания на грани исчезновения» (В. П. Селиванов, В. П. Тыганов), «Экологическая катастрофа на Севере» (З. Н. Пикунова), «Куда деваться с родной земли? Ни оленей, ни рыбалки, ни охоты. Скоро са пропадем» (И. И. Сопочин).

Некоторые из выступавших (М. И. Монго, С. Н. Харючи, В. Д. Артеев, В. М. Куриков, С. И. Купчик, А. К. Хабарова и др.) представили свои программы дальнейшего развития автономии, экономики, социальной сферы и культуры народов Севера. Н. Н. Бояршин от имени 17 делегатов различных регионов предложил перечень неотложных мероприятий для улучшения положения народов Севера. Среди всех этих рекомендаций отметим такие, как предоставление автономным образования законодательных прав, определение статуса национальных районов, местных Советов; создание центрального органа (Комитета Севера) для управления делами на Севере; обеспечение реальных представительных прав народов Севера (их представительство в Советах); подчиненность автономных округов непосредственно РСФСР без промежуточного звена в виде области, края; право народов Севера распоряжаться землей и ресурсами; образование национальных парков (о проекте создания тунгусского экологического национального парка рассказала З. Н. Пикунова, кандидат педагогических наук, председатель эвенкийской ассоциации «Орун»). Выдвинуты также предложения о предоставлении финансовой и экономической самостоятельности автономным округам, введении в пользу больших штрафов за нанесенный природе ущерб, поднятии расценок на продукцию, произведенную на Севере, выравнивании коэффициентов надбавок к зарплате, развитии традиционных отраслей хозяйства, их технической оснащенности, развитии национальных культур и языков.

Во многих выступлениях (Е. А. Гаер, М. И. Монго, В. М. Куриков, Ю. Л. Данкар, С. Н. Харючи и др.) прозвучал призыв к делегатам съезда обратиться в Верховный Совет СССР с просьбой как можно скорее ратифицировать «Конвенцию о коренных и ведущих племенной образ жизни народах независимых стран», принятую Международной конфедерацией труда в июне 1989 г. в Женеве (76-я сессия). Этот пункт вошел в Декларацию, принятую съездом.

В результате обсуждения обоих докладов съезд пришел к выводу, что проект Комплексной программы отвечает нуждам и чаяниям народов Севера, и рекомендовал Совету Министров РСФСР и Госплану СССР совместно с Советом Ассоциации малочисленных народов Севера доработать ее с учетом высказанных замечаний и предложений.

В результате активного обсуждения в проекты Декларации Съезда, Программы и Устава Ассоциации малочисленных народов Севера было внесено много поправок и дополнений.

Принятая съездом Декларация призвала все народы Севера объединиться под эгидой ассоциации «в борьбе за выживание».

При обсуждении Устава и Программы дискуссию вызвал вопрос о самом характере создаваемой ассоциации: должна ли она быть общественной или общественно-политической организацией. Многие делегаты (свыше 100 человек), в том числе В. М. Санги и И. М. Монго, но особенно молодая, проголосовала за общественно-политический характер ассоциации. Однако большинство делегатов высказалось за то, чтобы она была общественной организацией. На это решение в значительной мере повлияло желание через ассоциацию воздействовать на развитие не только культуры, но и экономики Севера⁹.

Одной из основных функций ассоциации признано право представлять народы Севера на всех уровнях государственного управления и выходить с законодательной инициативой в верховные законодательные органы. Ассоциация намерена активно содействовать осуществлению политических, социальных и экономических прав народов Севера, сохранению их культурной самобытности, неразрывно связанной с восстановлением традиционного образа жизни и природопользования, осуществлять контроль за сохранением природных богатств на территориях их исконного обитания. Открытым остался вопрос о форме связей Всероссийской ассоциации и региональных ассоциаций. Предложения были различные. Проекты Устава и Программы были приняты за основу с поручением Редакционной комиссии (председатель — народный депутат Е. Д. Айпин) и Совету ассоциации доработать их и представить осенью этого года на пленум Совета ассоциации.

Затем были избраны Президент ассоциации — нивхский писатель В. М. Санги и Совет ассоциации из 50 человек. Выборы Президента проводились на альтернативной основе в два тура. В первом туре участвовало четыре кандидата, во втором — два. Выборы затянулись до глубокой ночи, так что делегаты не сумели посмотреть прекрасный концерт и выставку северного искусства в южном зале Дома союзов.

Работа Съезда освещалась в наших газетах, ему был посвящен специальный номер газеты «Республика Россия»¹⁰. Съезд малочисленных народов Севера — первый крупный шаг в деле консолидации коренных северян в борьбе за самостоятельность в решении своих острых проблем, продвижения и подъема самосознания, без которых невозможно изменить их положение.

В заключение отмечу три любопытных аспекта прошедшей на съезде дискуссии. Во-первых, как Ч. М. Таксами, лишь несколько человек (Ю. С. Рытхэу, В. П. Селиванов, Г. Н. Псягин) отметили положительные сдвиги в развитии народов Севера в советское время, особенно до 1940 г. Финансовая и экономическая помощь государства, разработка письменности, подготовка кадров и т. д. Причем, эта часть выступлений не получила одобрения делегатов, были даже попытки «захлопывания». Вся эмоциональная сила большинства выступлений была направлена на вскрытие негативных явлений. Более того, во время выступления члена правления государственного концерна Л. Г. Рафикова, рассказавшего о новой идеологии сотрудников концерна (создание вместо планового строительства нормальных социальных условий для народов Севера и разработка социальной программы развития народов Севера на базе финансирования концерна), с места раздавались крики: «Мы Вам не верим!». Недоверие ко многим уже разрабатывавшимся планам, программам и постановлениям, особенно постановлению Совмина СССР № 115 от 1980 г. «О мерах дальнейшего экономического и социального развитию районов проживания народностей Севера», прозвучало во многих выступлениях. Ю. Рытхэу даже назвал проект Комплексной программы «обещанным миражом». Явно, таким образом, очень сильное обострение ситуации на Севере в соответствии с положением коренного населения, а также кризис доверия ко многим учреждениям и организациям, в том числе и научным, со стороны народов Севера, так как их жизнь ухудшается. Видно, предпринимаемые усилия малоэффективны. Это надо иметь в виду всем, кто занимается проблемами Севера.

Во-вторых, только в нескольких выступлениях (В. П. Селиванов, Л. В. Пассар, А. Н. Немтуш) прозвучали слова о том, что ряд существующих сейчас для народов Севера льгот (внеконкурсное поступление в вузы, содержание детей в интернатах за государственный счет) изжили себя, создают иждивенчество и приносят вред самим народам Севера. Это положение было встречено участниками съезда настороженно; поддержки не получило, и, более того, в большинстве выступлений говорилось о необходимости помощи государства народам Севера. В то же время в заключительной фразе принятой съездом Декларации сказано: «Только собственными силами и умом, укрепившими верностью национальным обычаям и социалистическим идеалам, возможно спасти наше будущее». По моему мнению, это отражает положение, которое сложилось в практике нашего государства по отношению к народам Севера: с одной стороны, патернализм, постоянная опека «старшего брата» (с которым ассоциируется деятельность правительственных, партийных и научных учреждений) над «младшими братьями», выражающиеся в отсутствии самоуправления, невозможно самостоятельно решать свои насущные проблемы, раздражают; с другой — мышление еще находится в плену старых представлений о том, что Центр обязан помогать народам Севера. Наконец, хотя и не всегда осознанно, чувствуется понимание того, что пока еще народы Севера сами не могут все сделать для себя из-за отсутствия главным образом, соответствующих прав, средств, кадров и опыта такой работы.

В-третьих, выявилась установка Оргкомитета съезда на то, чтобы дать высказаться лишь представителям народов Севера. Многие специалисты, ученые, десятилетиями занимавшиеся изучением северных проблем либо имеющие большой опыт практической работы, но не принадлежащие к числу народов Севера, несмотря на желание, слова не получили. На мой взгляд, это понятно и естественно для первого Съезда малочисленных народов Севера. Однако не хотелось бы, чтобы в дальнейшем это игнорирование продолжалось. Условия избежать этого, есть: согласно Уставу ассоциации, ее членом может быть не только представитель малочисленных народов Севера, но и другой национальности. В Декларации съезда сказано, что при ассоциации возможно открытие коций патриотов и старожилов Севера».

Думаю, что Совет ассоциации будет достаточно широко контактировать со всеми, кого волнует судьба народов Севера, кто может хоть чем-то помочь им обрести себя в нашей многонациональной стране.

Пожелаем же созданной Ассоциации малочисленных народов Севера, ее Совету успехов и плодотворной творческой деятельности на благо народов Севера.

З. П. Соколов

Примечания

¹ Термин «малочисленные народы Севера» был впервые употреблен М. С. Горбачевым во время его пребывания в Мурманске (октябрь 1987 г.) и закреплён в Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» (Известия. 1989. 24 сент.). С этого времени он широко используется в массовой прессе, правительственных документах, в выступлениях представителей народов Севера, вытеснив термин «малые народы Севера», который хотя и был научно обоснован в 1920-е годы, в последнее время почему-то стал восприниматься представителями самих народов Севера как обидный. Термин «большие народы» никогда не был в употреблении, и поэтому термин «малые народы Севера» не существовало противопоставления.

² Известия. 1989. 24 сент.

³ Например, в мае 1988 г. в Ленинграде на Всесоюзном совещании «Актуальные гуманитарные проблемы сибиреведения» (Сов. этнография. 1989. № 6. — статья Ч. М. Таксами и З. П. Соколова).

⁴ Таксами Ч., Косарев В. Там, где прошел временщик // Лит. газ. 1986. 17 сент.; Воеводский С. В. Северный акцент // Сов. Россия. 1987. 18 окт.

⁵ Из выступления В. М. Санги на Съезде малочисленных народов Севера.

⁶ См. например, статьи инструктора Отдела культуры ЦК КПСС А. Филина «Кальма просит защиты» (Сов. культура. 1988. 27 окт.) и «Кальма будет жить» (там же. 1989. 18 нояб.).

⁷ См., например, Шишов А. Без северного сияния // Сов. культура. 1988. 26 июля; Шоломов В. Мала ли земля для малых народов? // Лит. газ. 1988. 17 авг.; Санги В. Отчуждение // Сов. Россия. 1988. 11 сент.; Комаров В. У народностей Севера // Сел. жизнь. 1988. 27 окт.; Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16; Деревянко А., Убрятова Е., Черемисина М. Пока не поздно // Правда. 1988. 24 дек.

⁸ См., например: На переломе // Сов. культура. 1989. 11 февр.; Санги В. Чтобы крона не оголилась // Лит. газ. 1989. 15 февр.; Таксами Ч. Люди у крошки земли // Правда. 1989. 2 марта; Иоффе Г. Север без романтики // Неделя. 1989. 13 марта; Бриман М. Идущие через вьюгу // Сов. культура. 1989. 28 марта; Рудом с Севера // Сов. Россия. 1989. 31 марта; Бородин О., Шинкарев Я. Дайте слово юкагиру // Известия. 1989. 7 апр.; Хоть потоп? // Лит. Россия. 1989. 16 июня; Заговорил Север // Сов. Россия. 1989. 18 июня; Шинкарев Л. Тундра // Известия. 1989. 15 июня; Ямал: чем велик и чем мал // Сов. культура. 1989. 7 окт.; Мост через Арктику // там же. 1989. 9 дек.; Шпаро Д. Экспедиция Берингов мост. На край света // Сов. Россия. 1989. 14 нояб., а также его статьи от 15 и 23 нояб., 6 и 19 дек. того же года; и др.

⁹ Сов. Россия. 1990. 7, 29, 30, 31 марта и 1, 3 апр.; Известия. 1990. 30 марта; Аргументы и факты. 1990. 7—13 апр. № 14.

¹⁰ Сов. Россия, спец. выпуск: 1990. 30 марта.

© 1990 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИТОВЦЕВ

14 декабря 1989 г. в Вильнюсе Институтом АН ЛитССР была организована очередная конференция по итогам этнографических исследований, проведенных в 1988—1989 гг. в Литве, на которой были приглашены этнографы и музейные работники республики. Конференцию открыла А. Вишняускайте (Институт истории АН ЛитССР; далее — ИИ), которая представила собравшимся нового заведующего отделом этнографии института П. Кальнюса, ознакомившего прис

вующих с работой отдела и проблемами, требующими неотложного рассмотрения. В отделе продолжается изучение материальной культуры; организованы группы по исследованию семьи и семейных обычаев, а также развития обычаев сельской общины. П. Кальнюс отметил, что в силу существовавших до перестройки ограничений в области этнографических исследований, непристижности профессии этнографа, отсутствия в республике ученого совета по защите соответствующих диссертаций и затрудненного доступа к иностранной литературе в отделе этнографии нет ни одного доктора наук, половина кандидатов наук пенсионного возраста, в Вильнюсском университете прекращена подготовка этнографов. По мнению докладчика, эти наболевшие вопросы необходимо решить в ближайшем будущем.

Основная проблема конференции — культура этноса и социорегулятивная функция ее различных элементов. В докладе «Структура культуры этноса» Р. Меркене (ИИ) охарактеризовала культуру как совокупность исторически детерминированной сознательной духовной деятельности человечества и ее результатов, включая их материальные формы. Структура этноса, являясь ядром многоступенчатой структуры целостной культуры этноса, обуславливает развитие отдельных связанных между собой ее компонентов: структуру жизнеобеспечения, социальных взаимоотношений, миропонимания и самовыражения. Структуре культуры этноса свойственны самопередача, самосозидание и взаимоотчуждение элементов внутренних структур под воздействием сознания этноса как совокупности сознания всех его членов.

Ю. Кудьрка (Научно-методический центр культуры Литовской ССР) в докладе «Социальное предназначение обычаев» отметил, что отдельные элементы обычаев объединяются в единое целое эстетическими средствами. Массовые стрессы приводят к возникновению новых направлений ритуального воспитания. Докладчик считает, что интенсивному процессу нивелирования обычаев следует противопоставить творческое использование локального наследия этнической культуры.

В. Маचेкус (Вильнюсский ун-т) рассмотрел решения сельского схода: их принятие и выполнение. Докладчик подчеркнул, что в конце XIX — начале XX в. в Литве решения схода сельской общины не подлежали обжалованию. Сход управлял землепользованием, общественными работами, нормами поведения односельчан. В докладе были также охарактеризованы инициаторы сельских судов и наказания, предусмотренные за невыполнение решений последних.

Два доклада были связаны с проблемой социализации молодежи. Р. Паукштите (ИИ) в докладе «Воспитание морали в обычаях молодежи конца XIX — первой половины XX в. в Литве», исходя из понятия морали как стремления человечества к счастью, выделила в ней личную, общинную и общечеловеческую сферы. Нормы поведения в повседневной жизни, по мнению докладчика, тесно связаны с поверьями-запретами.

Доклад Ж. Шакниса (ИИ) «Формы общения молодежи Литвы в 20—40-е годы XX в.» охватил сложный период распада сельской общины, выхода крестьян на хутора и трансформации обычаев. В нем было выделено пять форм общения молодежи: 1) весенние и летние приходские молодежные танцы на природе после богослужения (gegūžinė); 2) сходы молодежи ритуально-развлекательного характера в период свадеб; 3) субботне-воскресные вечеринки развлекательного характера (vakarėlis); 4) летние и осенние вечеринки после толоки с угощением (patalka); 5) будничные и зимние вечеринки развлекательного характера с рукодельничеством (vakaropė).

О сути обрядов второй половины XIX — первой половины XX в. говорил В. Чюбринскас (Вильнюсский ун-т) в докладе «Структура и функция обрядности, связанной с традиционными крестьянскими постройками у литовцев: укладка закладного венца сруба». Докладчик выделил основные функции ритуальной структуры: 1) акцентирование начала строительных работ; 2) магическое обеспечение безопасности жилища от стихийных бедствий и всякой нечисти и благополучия их жильцам; 3) традиционное угощение строителей. В позднейшее время структура обряда деградировала. Ее функциональная основа сохранялась по меньшей мере до второй четверти XX в.

А. Рекашюс (ИИ) в докладе «Обрядовая милостыня в Литве» выделил три формы милостыни: будничную обыкновенную, праздничную улучшенную и обрядовую. Докладчик считает, что милостыня, подаваемая на Рождество, Успение Богоматери (Zolinė) (15 августа), в День поминовения усопших (2 ноября) и во время поминок — это реликт дохристианских обрядов.

Обрядовая структура карнаваловых шествий (время, состав и численность участников, их действия в усадьбе и за ее пределами; реакция хозяина усадьбы) проанализирована в докладе А. Валяускаса (ИИ) «Гулянья ряженных в Северной Литве». Докладчик отметил, что в 10—30-е годы XX в. этот обычай претерпел значительные изменения. По его предположению, в прошлом гулянья ряженных было частью земледельческих обрядов, но имело и развлекательную функцию.

Материальные формы культуры литовцев, связанные с духовной сферой, были представлены в трех докладах. Р. Гузьявичюте (ИИ), рассмотрев характерные черты одежды литовских дворян 1831—1863 гг., сделала вывод, что в период между двумя литовско-польскими восстаниями против Российской Империи состоятельные люди отдавали предпочтение «патриотическому костюму», в котором сохранялись элементы исторического костюма времен до раздела Речи Посполитой. Черный цвет использовался как выражение траура по погибшим повстанцам, а поясные пряжки с изображением витязя или одноглавого орла — гербов Великого Княжества Литовского и Польши — как стремление к независимости.

А. Чепайтене (ИИ) обратила внимание на недостаточную изученность орудий прядения. В докладе «Еще раз о прядении на веретене» она, привлекая сравнительный материал, проанализировала известные по археологическим и музейным этнографическим данным веретена Литвы и охарактеризовала два способа прядения на них. В XIX—XX вв. преобладало прядение правой рукой, по мнению А. Чепайтене, нить скручивалась по часовой стрелке, противоположное же направле-

ние скручивания и полученная в этом случае нить воспринимались как сакральные, обладающие магической силой.

В. Миллюс (ИИ) охарактеризовал современные жилые дома и их интерьеры, а также свадебные обряды, кладбища литовских эмигрантов послевоенного периода, поселившихся на восточном побережье США. Докладчик пришел к выводу, что жилые дома, их обстановка и пища литовцев те же, что и у англоязычных американцев. Литовские национальные черты проявились лишь в отдельных элементах декора интерьера и свадебных обрядов, а также в надписях и национальных мотивах орнаментов на надгробных памятниках. Литовские национальные черты наиболее выражены в общественной и культурной жизни, направленной на сохранение этнической общности.

Два докладчика коснулись этносоциологических проблем современности. И. Мардо (Вильнюс, пединститут) рассмотрел послевоенные преобразования систем сельских поселений в Литве, напомнив о длительном процессе распада деревень на хутора и образовании новоселий в результате земельной реформы Литовской республики (1922 г.). Докладчик подчеркнул, что в послевоенный период в связи с этнодемографическими изменениями и коллективизацией сельского хозяйства в Литве начался обратный процесс — строительство новых сельских поселков. Изменения в структуре расселения вызвали усиленную миграцию населения и распространение в центральных селках обобщенных форм этнической культуры. Локальные ее черты в большей степени сохранились в так называемых неперспективных поселках и хуторах.

П. Кальнюс (ИИ), основываясь на результатах полевых исследований, проведенных в 1977—1989 гг. в городах Каунасе, Вильнюсе, Электренай и Шальчининкай, а также в Шальчининском, Швянчёнском, Зарасайском и Варенском районах, рассмотрел особенности формирования польского этнического меньшинства, влияние межэтнических браков на процесс этнической ассимиляции поляков в Литве. По мнению докладчика, ассимиляция поляков происходит более интенсивно, чем украинцев и белорусов, но менее интенсивно, чем русских. Кроме того, в силу объективных обстоятельств большая часть поляков Зарасайского, Шальчининского и Швянчёнского районов приобщается к русской культуре.

Во время дискуссии была выдвинута идея о создании общества этнографов и принято решение организовать секцию этнографов при Обществе истории Литвы. Участники конференции решили также обратиться к президенту Академии наук ЛитССР, ректору Вильнюсского университета, министерству народного просвещения и Министерству культуры ЛитССР с предложением о создании в Вильнюсском университете кафедры археологии и этнографии и создании специализированного ученого совета Вильнюсского университета и ученого совета Института истории АН ЛитССР с правом защиты кандидатских и докторских диссертаций по этнографии.

Р. Меркене, Я. Мюрку

© 1990 г.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В НОРВЕГИИ, ПОСВЯЩЕННАЯ 200-ЛЕТИЮ ГОРОДА ВАРДЕ

22—24 сентября 1989 г. в г. Вардэ состоялась научная конференция «Северонорвежская прибрежная культура», посвященная исполнившемуся в этом году 200-летию этого пограничного города и морского порта. Ее организаторами были Тромсё-музей Университета в г. Тромсё и Вардэ-музей (г. Вардэ). Конференция проводилась в рамках традиционного «музейного семинара» повышения квалификации работников музеев Северной Норвегии. В работе конференции и семинара приняло участие представители 30 музеев из трех норвежских провинций — Нурланда, Тромсё и Финмарка. В качестве лекторов-докладчиков на конференцию были приглашены преподаватели Университета Тромсё и Архангельского государственного педагогического института имени М. В. Ломоносова.

Конференцию открыл мэр Вардэ Тор Куфуд, приветствовавший ее участников. Рассуждая об истории и современных проблемах Вардэ, Т. Куфуд обратил внимание на важное историческое положение Вардэ как места контакта различных культур. Он также отметил важное значение установления отношений побратимства между Вардэ и Архангельском как традиционными торговыми партнерами на севере Европы.

В первый день заседаний председательствовала Э. Боттенгорд — директор Тромсё-музея (г. Тромсё). С докладом «Северонорвежская прибрежная культура в исторической перспективе» выступила Р. Р. Балсвик (Университет Тромсё). Она назвала три фактора, определившие специфику приспособления людей к жизни в полярной зоне: природу, духовный мир человека и материальную культуру (выделив в последней две культуры — социальную и политическую). Особое внимание докладчица уделила исследованию роли г. Вардэ в историческом развитии северонорвежской береговой культуры. Рассматривая культурные процессы в контексте политической истории Р. Р. Балсвик определила две основные функции г. Вардэ — торгового морского поселения и пограничного пункта. Вардэ, сочетавший традиционные функции европейского города — торговую и во

роборонительную, вместе с тем был особым арктическим портом «у края мира» и центром морского рыболовства. Важное значение для развития города имела меновая торговля норвежскими рыбаками с русскими поморами, особенно усилившаяся во второй половине XIX — начале XX в. В это время происходит быстрый рост населения города (с 400 человек в 1850 г. до 2400 в 1900 г.). Вардё XIX — начала XX в. известен как центр торговли, «веселый Вардё», город, живший праздничной жизнью морского порта, население которого противопоставляло в устной традиции «живой, танцующий Вардё» соседнему порту — «сонному и мертвому Вадсё». После революции и гражданской войны в России поморская торговля прекратилась, и это вызвало спад экономической активности и кризис в экономике Вардё. Однако надежды на восстановление связей с русским Севером «живы в Вардё, этот город снова будет в центре внимания», — заключила докладчица.

Г. Братейн (Университет Тромсё) в докладе «Поморская культура в Северной Норвегии» рассказал об исторических связях русской поморской культуры с культурой населения Северной Норвегии. Докладчик поставил проблему изучения коллекций русских вещей в музеях Северной Норвегии. Говоря о происхождении этих коллекций, Г. Братейн связал массовое распространение русских вещей в Северной Норвегии с развитием арктического рыболовства у поморов (XVIII — начало XX в.), ростом меновой торговли в Финмарке (ее начало докладчик отнес к XVI в., а наиболее интенсивный период — ко второй половине XIX — началу XX в.), а также с появлением контингента русских наемных рабочих в Восточном Финмарке (конец XIX — начало XX в.). Особое внимание докладчик уделил поморской торговле в Северной Норвегии, выделив и охарактеризовав два ее типа — «купеческий» и «крестьянский». Меновая торговля с поморами имела большое значение для жителей Северной Норвегии. Основными продуктами обмена были с русской стороны хлеб, с норвежской — рыба. Снабжение населения арктической зоны хлебом и хлебными продуктами делало меновую торговлю жизненно важной для норвежцев, так как обеспечивало их выживание в Арктике и содействовало развитию норвежского рыболовства на Севере. В прошлом веке многие рыбаки покупали из фольке (область, адм. ед.) Тромс и Нурланд специально уезжали в Финмарк, чтобы торговать с поморами. Меновая торговля содействовала распространению в Северной Норвегии многих элементов материальной культуры русского происхождения: утвари (ложек, чашек, кружек, сапожаров), обуви (катанок-валенков), лакомств (пряников). С XVIII в. в Финмарке производился также обмен русских денег, в Северной Норвегии появилась локальная биржа, в 1820—1830-е годы в Тромсё и окрестностях имели хождение русские медные монеты. У норвежцев сложился образ поморов как людей доброжелательных, гостеприимных, веселых, религиозных, музыкальных, трудолюбивых, честных в делах, но вместе с тем некоторые из поморов были способны на мелкие кражи, сильно выпивали. Заметны были и социальные различия между капитанами-купцами и рядовыми матросами. Матросы были бедно одеты, полуграмотны, грубы. Купеческие семейства Северной Норвегии стремились поддерживать тесные отношения с купцами Архангельского Поморья, держали для них всегда открытым кредит, брали их детей в свои семьи для изучения норвежского языка и отправляли своих детей жить в русские семьи в Архангельск и другие города Беломорья для изучения русского языка, торговли и рыболовства. Дети, рожденные норвежками от русских отцов, имели одним из своих имен «приставку» — Russe, Ruse, Rus («русский»); норвежские купцы часто называли своих детей в честь торговых партнеров русскими именами, такими, как Иван, Дмитрий. В XV — начале XX в. в Финмарке при взвешивании товара использовался «русский вес», практиковался «русский» посол рыбы, иногда — русское хлебопечение, приготовление пирогов с рыбой, («кулебак»), приготовление кваса по русскому способу. Развившийся в XIX в. языковой феномен — пиджин «руссенорск» также является важным свидетельством взаимовлияния русской и норвежской культур. Контакт с русскими имел большое значение для развития северонорвежской культуры, он расширял взгляд норвежцев на мир, сделал вывод докладчик.

Значительный интерес вызвал совместный доклад Э. Ниеми (Университет Тромсё) и Т. Ф. Эйлертсен (Музей г. Боде) «Деревянная архитектура северонорвежского побережья». В нем была дана характеристика особенностей северонорвежских поселений, усадьбы, жилища, хозяйственных построек, типичных архитектурных украшений и т. п. Архитектура Северной Норвегии складывалась в результате сосуществования и взаимодействия различных этнокультурных традиций: саамской, финской, норвежской. Докладчики дали описание различных локальных типов построек: нурландского дома (*нурландхус*), жилища рыбаков (*рорбу*), амбаров (от охотничьих саамских до рыбацких *науст* для лодок). Говоря о русском влиянии на деревянное зодчество Северной Норвегии, авторы привели также примеры, как православная часовня св. Георгия в Нейдене, различные «русские дома» (*руссебюва*), в которых жили в норвежских селениях русские рыбаки, широкое использование бересты (она служила изолятором в норвежских домах как в фундаментах, так и при земляной кровле, а доставлялась из русского Поморья). В отличие от Западной Европы, где господствовала каменная архитектура, русский Север и Северная Норвегия были сферой распространения деревянного зодчества. В настоящее время в Финмарке сохранилось более 5000 деревянных построек довоенного времени. Докладчики назвали следующие факторы, влиявшие на северонорвежскую архитектуру: ее историческое развитие; климатические условия, народная традиция, а также новации, связанные с влиянием западноевропейской «моды» (так называемый «швейцарский» стиль) и межэтническими контактами. Архитектура северонорвежского побережья отразила конфликт традиции и «моды», «импорта» и локальных установок.

А. Н. Давыдов в (Архангельский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова) выступил с докладом «Морская культура: контакты русского Севера с Северной Норвегией во второй половине XIX — начале XX в.». Докладчик выделил три уровня морской культуры: интерэтнический, национальный (этнический) и локальный. Морская культура как интерэтнический феномен представляет собой сложную многокомпонентную структуру, возникающую в процессе взаимодействия различных национальных и локальных традиций. На севере Европы докладчик охарактеризовал «голландскую» (XVI —

первая половина XVIII в.) и английскую (вторая половина XVIII—XX в.) эпохи в торговом морском судоходстве. В исследуемый период здесь сложилась устойчивая система городов-портов, состоявшая из партнерских отношений. Русские порты Беломорья занимали в ней крайнее восточное положение. Среди торговых партнеров Архангельска (Лондон, Амстердам, Антверпен, Копенгаген, Люbeck, Гамбург, Бремен, Осло, Берген, Тромсё и др.) особое место занимали северонорвежские малые порты Гаммерфест, Вадсё, Вардё, Киберг, Хамнинберг и др. Именно сюда чаще всего заходили небольшие суда русских поморов. В период навигации Вардё, например, посещало 400—600 морских судов. Во второй половине XIX в. таможенные льготы стимулировали развитие международной торговли между русскими и норвежцами Финмарка, уже имевшей к тому времени давние традиции. Вместе с тем норвежцы активно участвовали в Маргаритинской ярмарке, проводившейся в исследуемый период в Архангельске ежегодно в начале сентября, и были единственными иностранными участниками этого крестьянского торгового ярмарочного праздника. Выработанный поморами и норвежцами язык-пиджин («сенорск», состоявший из русских и норвежских слов, был важным элементом механизма взаимодействия культуры на севере Европы. Контакты на бытовом уровне, меновая торговля и т. п., осуществлявшиеся регулярно в условиях арктической навигации, содействовали появлению ряда «норвежских» черт в поморской культуре (отдельные норвежские слова, бытование некоторых форм местного производства, купленные в Норвегии (ром, компасы, предметы утвари, одежда, посуда). Дети норвежских купцов жили в семьях архангельских партнеров и т. п. Смешанные браки были очень часты. В поморских деревнях, например Зимняя Золотина, дети от смешанных браков носили прозвище «норвя». Значительный интерес представляет анализ восприятия поморами норвежской культуры. Докладчик отметил две диалектически связанные между собой черты этого восприятия: стремление к «освоению» («идентификации») на уровне морской культуры («Фнега — та же Норвегия») и противопоставление с завышением статуса норвежской культуры («все, что в Норвегии хорошо, в России — плохо»). Значимости для русского Севера контактов с Норвегией была символически закреплена в Архангельске, «столице Беломорья», особым названием улицы — Норвежская.

Во втором докладе — «„Новое музееведение“ — путь реанимации морских традиций» А. Н. Давыдов рассмотрел опыт и возможности новых, нетрадиционных форм музейной работы, направленной на возрождение морских традиций, при этом особенно выделил роль отреставрированных действующих старинных парусных судов и их моделей. Другое важное направление музейной работы — привлечение детей, молодежи с целью возрождения и развития морских традиций.

Доклад Т. Ф. Эйлертсен (Музей г. Бодё) назывался «Северонорвежская береговая культура в музее». По мнению докладчицы, северонорвежские музеи должны стремиться представить весь пласт традиционной приморской культуры, включая демонстрацию не только предметов рыболовства, одежды, орудий земледелия и промыслов, но также показ крупных объектов (маяков, пристаней) и ценностей устного народного творчества. Опыт крупных музеев под открытым небом, таких, как Майхауген (Лиленхаммер), не пригоден для маленьких музеев, которые нуждаются в собственной концепции. Докладчица считает, что нужно создавать на базе малых музеев центры возрождения береговой культуры с ориентацией на локальные традиции. Утрата народом исторической памяти, корней, традиций, распространение массовой культуры, по ее мнению, резко повышает ответственность и роль музеев в современном обществе.

А. Сканке (Варангерский саамский музей, Варангерботн) рассказала об опыте работы с проблемами своего музея, крупнейшего музея саамской культуры под открытым небом как в коммуне (уезд, адм. ед.) Нессебю, так и на всем полуострове Варангер. Экспозиция включает три раздела: археологический (комплекс Мортеснес), этнографический (саамский музей) и историко-архитектурный (церковь, кладбище и амбары в пос. Нессебю). Комплекс Мортеснес — один из наиболее ценных памятников археологии в Северной Европе. Здесь на сравнительно небольшой территории компактно расположены памятники последовательно сменяющихся одна другую археологических эпох (поселения, жилища, погребения, культовые сооружения), начиная с каменного века (мезолит и кончая началом XX в. Комплекс Мортеснес с прилегающей к нему территорией (1100 га) насчитывает более 300 памятников каменного века, сейчас это самая большая заповедная зона в Норвегии, находящаяся под охраной государства. Однако многие памятники разрушены, музей ведет их реконструкцию. Если Мортеснес — археологический музей под открытым небом, то Варангерский саамский музей — этнографический музей под открытым небом. Он отражает культуру и быт различных групп саамов Варангера и специфику их хозяйственных занятий: оленеводство, охоту, рыболовство морское и речное, земледелие. Здесь представлены также различные виды жилых и хозяйственных построек. Музей изучает влияние ландшафта на специфику хозяйственных занятий населения. Особое значение в настоящее время музей придает социальной активности, возрождению народных промыслов и ремесел, фольклора.

Т. Хултгрин (Музей Лофотенских островов, Кабелвог) рассказала о деятельности музея, расположенного в рыбацком поселке Кабелвог. Его экспозиция показывает историю освоения человеком этих островов с конца XVIII по начало XX в. В музее около 10 зданий. Его коллекция насчитывает более 5 тыс. предметов, фотофонд составляет более 12 тыс. старых фотографий. В интерьере (например, контора богатого торговца) использованы не только старинные вещи, но и цветы, фрукты и т. п. Этнографическая экспозиция показывает особенности норвежской и саамской культуры на Лофотенах. Археологический отдел экспозиции составляет раскопанное городище Вогра (XII в.) — первый город в Северной Норвегии. Его раскопки ведут музейные специалисты совместно с учеными Университета Тромсё. В настоящее время музей все больше внимания уделяет работе со школьниками, организует их занятия на территории музея, а также в недавно устроенном океанариуме. Для школьников подготовлена специальная литература краеведческого характера.

С. Нордмо (Гратангенский музей лодок, пос. Гратанген) познакомил с работой самого большого в Северной Норвегии музея крестьянского судостроения. В экспозицию входит около 30 судов различных типов, а также сараи и отреставрированные амбары для лодок, слип (место для ремонта судов) и причал. Музей имеет свою яхту, действующие рыболовные и китобойные суда (всего шесть единиц). Расположенный на берегу живописного фьорда музей устраивает мореплавательные экскурсии, знакомит с судоходными качествами норвежских лодок, проводит морские праздники, лотереи, в ходе которых посетители могут выиграть даже новую лодку. Работа музея проходит в тесном контакте с местным обществом парусного спорта, которое насчитывает более 60 членов. Перспективы своего музея автор доклада видит в возрождении морской и особенно парусной традиции.

Подводя итоги конференции, Г. Братрейн (Тромсё-музей Университета Г. Тромсё) отметил плодотворность состоявшегося обмена мнениями и обратил внимание на перспективы сотрудничества и междисциплинарных исследований с участием норвежских и советских специалистов в области истории, археологии, этнографии европейского Севера.

Специально для участников конференции была устроена автобусная поездка в Хамнинберг и Ведсё, где профессор Э. Ниemi (Университет Тромсё) провел экскурсию, рассказав о памятниках архитектуры и этнической истории Финнмарка.

А. Н. Давыдов, П. Саариниemi

© 1990 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «СБОР, ХРАНЕНИЕ, РЕСТАВРАЦИЯ И ЭКСПОНИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ТРАДИЦИОННОГО АФРИКАНСКОГО ИСКУССТВА»

18—20 октября 1989 г. в Италии во Флоренции проходил симпозиум, приуроченный к грандиозной выставке в Форте Бельведер «Великая скульптура Черной Африки», объединившей шедевры традиционной африканской пластики из ведущих музеев и частных собраний мира. Инициатором проведения выставки и симпозиума выступили Международный университет искусств из Флоренции и Ассоциация Поро, объединяющая исследователей, собирателей и любителей традиционного искусства, из Милана. Главным спонсором, выступал миланский предприниматель, знаток и собиратель произведений африканского искусства К. Монзинно. В работе симпозиума приняли участие около 50 представителей художественных и этнографических музеев Европы, США и ряда стран Африки, искусствоведы, этнографы, реставраторы.

Торжественное открытие симпозиума состоялось в городской ратуше Флоренции «Палаццо Веккио» в присутствии мэра и представителей Министерства культуры Итальянской республики. Рабочие заседания проходили в помещении Международного университета искусств — «Вилла иль Вентаглио».

Во вступительном докладе организатор симпозиума профессор Э. Бассани — один из крупнейших в мире авторитетов по традиционному африканскому искусству — остановился на проблемах соотношения этнографического и искусствоведческого подходов к традиционной пластике Африки, подробно рассмотрел так называемый «второй африканский бум» — новый после начала века всплеск интереса к традиционному африканскому искусству. На этот раз указанный феномен связан не столько с художниками и музыкантами, сколько с искусствоведами, коллекционерами, музеями. Вновь открылись музеи африканского искусства в США при Смитсоновском институте, при Вашингтонской национальной галерее, ряд частных и государственных музеев в США, Англии, Франции и т. д. Африканские фонды созданы и в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Об этом, в частности, было официально сообщено в ходе симпозиума.

Несовпадение этнографического и искусствоведческого подходов к предметному наследию традиционных африканских культур прослеживалось практически во всех докладах. Так, ученые, наблюдавшие культуру африканцев в полевых условиях и изучавшие контекст создания и использования художественных предметов — М. Мак Леод (Великобритания), А. Туни (Западный Берлин), С. Блайер (США), Э. Кастелли (Италия), В. Р. Арсеньев (СССР) — подход к квалификации предметов традиционной культуры как произведений искусства расширили. В. Р. Арсеньев в своем докладе «МАЭ и проблемы изучения и экспонирования предметов традиционных культур Африки» предложил ввести иерархию в оценке меры художественности, начиная с дизайна.

Куда более категоричны были искусствоведы, настаивавшие, что произведениями искусства можно считать только предметы, наделенные высокими эстетическими качествами. Э. Бассани настаивал, что «к предметам искусства может быть отнесено только то, что сопоставимо с признан-

ними шедеврами человеческой культуры — такими, как скульптуры Донателло, фрески Мазаччо т. п.». А. Б. Бернарди (Италия) высказал мнение, что лишь искусствоведам суждено определять, является ли тот или иной предмет произведением искусства.

Соответственно разделились и позиции по способу экспонирования предметов. Искусствоведы считают необходимым вычленение в экспозиционном пространстве основных объемных конструкций, говорят о желательности снятия аксессуаров (Р. Беллини, Б. Бернарди). Соответствующие дизайнерские принципы были реализованы на самой выставке в Форте Бельведер. Вещи выставлялись в стеклянных кубах, в большой разрядке, с индивидуальной подсветкой. Такой подход к экспонированию, ориентированный на «объяснение эстетических достоинств» предметов в духе европейских представлений о «красивом», был подвергнут критике в докладе всемирно известного исследователя африканского искусства Ф. Уиллетса (Великобритания) «Галереи искусств — последний оплот колониализма». М. Мак Леоди и В. Р. Арсеньев говорили о необходимости давать в экспозиции естественный контекст бытования художественных произведений, ибо только таким способом можно адекватно передать эстетику самих создателей вещей. Это значит, что нужно экспонировать не просто «оголенную» маску, но и танцора в соответствующем костюме и в маске.

Особую точку зрения высказал В. Б. Мирманов (СССР) в докладе «Проблемы способа экспонирования и эволюция представлений об искусстве негров». Учитывая поливалентную многофункциональность предметов традиционного искусства Африки, он предложил отказаться от постоянных выставок и музеев: экспозиции надо делать временными в соответствии с выбранной тематикой, отражающей одну из функций предметов.

Судьбам музеев в Африке, их функциям, способам комплектования фондов, экспонирования посвящались доклады С. Сидибэ (Мали), Я. Саване (Кот-д'Ивуар), Г. Сперанца (Италия), О. Нао (ИКОМ). Африканские музеологи-практики подчеркивали, что музеи должны служить просвещению населения, говорили о недопустимости недооценки реальной значимости традиционных культурных ценностей, которые могут оказаться под угрозой или послужить причиной конфликтов в случае, например, открытия экспонирования эзотерических предметов.

Сообщение Г. Сперанца о фондах музея Дакара вызвало острую полемику в связи с его предложением об уничтожении фондов 1930—1950 гг., содержащих произведения сувенирной продукции, «массовый антиквариат». Искусствоведы в основном поддерживали требование либо «уничтожить фальшивки», либо гарантировать их полную изоляцию (последнее затруднительно в связи с отсутствием средств). Этнографы настаивали на том, что это тоже часть культурного достояния и значение предметов такого рода мы еще не готовы оценить. В связи с этим любопытна и ремарка Р. Бедо (Нидерланды) по поводу проблем возврата культурных ценностей, вывезенных в колониальное время. Он подчеркнул, что за прошедшие десятилетия эти предметы стали также историческим и культурным наследием бывших метрополий.

Вообще же проблема законности приобретения фондов, документированности поступающих предметов и непреложного соответствия подобных сделок требованиям ЮНЕСКО звучала во многих выступлениях.

Ряд докладов был посвящен проблемам реставрации и хранения вещей в условиях европейских музеев — Х. ван Гелюве (Бельгия) — и в Африке — С. Блайер (США), Г. Пароди и П. Паррини (Италия).

Особый интерес представил доклад супругов Т. и Р. Занобини (Италия) по использованию ЭВМ для каталогизации предметов африканского искусства.

В последний день своего пребывания во Флоренции участники симпозиума посетили этнографический музей, принципы экспозиции которого близки музеям последней трети XIX в.; фактически это пример открытых фондов с рубрикацией по регионам и этносам. Мне кажется, что такой подход, несмотря на архаику, имеет ряд достоинств перед «популистскими» экспозициями МАЭ, так как в музее Флоренции и специалист, и массовый посетитель могут найти то, что интересует каждого и не поставит их в униженное положение. В конце концов, это компромисс, вызванный бедностью. Сотрудники же музея Флоренции не скрывали скудости своих бюджетных средств.

Представляется уместным высказать ряд общих соображений, вынесенных из участия в симпозиуме во Флоренции. Этот научно-практический форум был несомненно полезен и приглашение советской стороны — высокая честь и признание возможностей нашего вклада в мировой культурный процесс в этой сфере.

«Второй африканский бум» — объективное явление, которое ярко свидетельствует о синтетических процессах в мировой культуре. В этом отношении противоречия в позициях этнографов и искусствоведов, вновь выявившиеся в ходе симпозиума, говорят, что в рамках синтезирующего процесса выделились три вектора: европоцентристский, элитарный, к которому тяготеют искусствovedы, и релятивистский, демократический, выраженный в позициях этнографов.

Однако нельзя не признать, что параллельно с этим значительная доля энергии искусствоведовольно или невольно генерируется стремлением ограничить рынок произведений искусства от массового потока ранее не допускавшихся в него ценностей. Расширительное понимание «произведений искусства» способно привести к серьезным переменам на рынке, падению цен, а следовательно, и к потере вложенных капиталов. И тут в очередной раз вырисовывается проблема «суетного и вечного».

В. Р. Арсеньев

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Летом 1989 г. фольклорная экспедиция кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ продолжила работу, начатую в прошлом году в Кировской области.

С 4 по 30 июля два отряда в составе 26 человек под руководством Н. И. Савушкиной и А. А. Ивановой обследовали Верхнелальский, Лальский, Грибошинский и частично Аникинский и Папуловский сельсоветы Лузского р-на всего 73 населенных пункта, большинство из которых — малые деревни численностью 5—10 дворов).

Всего записано 11 925 текстов, в том числе: исторических песен — 3 (о смерти императора Павла I (Александра I), баллад — 11 («Оклеветанная жена», «Сестра и братья-разбойники», «Ехали солдаты»), сказок — 78 (33 волшебных, 19 о животных, 26 бытовых), анекдотов — 46, произведений нескладочной прозы — 641 (72 предания, 57 легенд, 430 былишек, 82 бывальщины), рассказов о прошлом (организация колхозов, коммун, традиционные народные промыслы, Великая Отечественная война и др.) — 221, произведений семейной обрядовой поэзии — 313 (22 похоронных, 107 свадебных причитаний, 92 свадебные лирические песни, 51 величальная песня, 20 корильных песен, 21 свадебный приговор), рассказов о свадебном обряде — 122, о похоронном обряде — 44, о родильных обрядах — 31, отъездах в армию — 16, гаданий — 462, примет — 502, заговоров и оберегов — 484, рассказов о календарных праздниках — 214, традиционных лирических необрядовых песен — 127 (88 протяжных и 39 частых), хороводных, игровых, плясовых — 226, песен литературного происхождения, романсов, новых баллад — 481, частушек — 5226, произведений малых жанров (пословиц, поговорок, загадок, присловий) — 602, произведений детского фольклора — 400.

Кроме того, записаны сведения о народной медицине и рецепты, толкования снов, рассказы о бытовании различных жанров фольклора, репертуары хоров и отдельных исполнителей, их биографии; описаны взрослые и детские игры, современные общественные праздники.

Работа велась с 401 исполнителем разного возраста: 49 человек до 20 лет, 20 — от 20 до

40, 64 — от 40 до 60, 212 — от 60 до 80, 56 — старше 80 лет. Неравномерность охвата разных возрастных групп во многом объясняется социально-демографической обстановкой современных северных деревень, в которых доживает свой век старшее поколение. Люди среднего возраста и молодежь сконцентрированы в поселках, на центральных усадьбах или в пригородах.

Собранный материал в количественном и качественном отношении существенно различается по обследованным сельсоветам. На севере Лузского р-на (Верхнелальский с/с) преобладают прозаические фольклорные жанры. В Лальске записаны преимущественно песни, романсы, новые баллады литературного происхождения, частушки. Традиционный же песенный фольклор зафиксирован в центральной и в особенности в юго-восточной части района (Грибошинский с/с).

Значительную часть традиционного песенного репертуара составляют лирические частые, плясовые и хороводные песни (исполнение последних было приурочено к яичному заговенью): «Почему ты, цыганеночек, не бел?», «Веселко ты, веселко», «Акулина пироги пекла», «Все я песни перепела», «Растатуриха корову продала», «Как по морю», «Все хожу, хожу кругом города», «А мы просо сеяли», «Не за реченькой хмель», «Хожу я, гуляю», «В хороводе были мы» и др.

Фольклорная традиция Лузского р-на по преимуществу северная (некогда этот район входил в состав Вологодской обл.). Свидетельство тому — бедная календарная поэзия и богатая свадебная, среди которой особое место занимают групповые причитания, исполнившиеся в предсвадебный период (местное название их — «плаканье»).

Очень интересный архаичный материал собран по заговорам. В экспедиционных материалах представлены все тематические группы заговоров, в том числе весьма редкие хозяйственные, любовные (присушки, отсушки), а также заговоры, входящие в состав похоронного, свадебного, календарных, рекрутского обрядов.

Судя по многочисленным свидетельствам информаторов, сказочная традиция здесь была когда-то очень богатой, что безусловно, связано с родом занятий и формой развлечений

местных жителей. Современные сказочники, среди которых встречаются замечательные рассказчики, представляют по преимуществу два типа исполнителей — детских сказочников (в основном это женщины, в репертуаре которых сказки о животных и несложные волшебные типа «Сивко-Бурко», «Мальчик-с-пальчик», «Глинышек и баба-яга») и сказочников-балагуров (это, как правило, мужчины, отдающие предпочтение эротическим сказкам и анекдотам). И те и другие и сейчас имеют своих слушателей.

Среди несказочной прозы наибольший

интерес представляют былички о леших, домовых, колдунах, проклятых, порче, ржаном всаднике (духе хлебного поля). Наряду с традиционными текстами широкое распространение получили рассказы о встрече с пришельцами, снежным человеком, о полтергейсте (популярности их активно способствуют средства массовой информации).

Собранный материал хранится в архиве кафедры русского устного народного творчества, магнитофонные записи — в Лаборатории устной речи филологического факультета МГУ.

Н. Михеева, А. Иванова

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. редактор Мыльников А. С.
Л., 1989. 300 с.

Нарастающее междисциплинарное взаимодействие в сфере изучения феномена культуры — процесс, плодотворный прежде всего для самой культуры. Взаимодействие стимулирует также расширение научного видения исследователей, способствует обретению ими новых подходов и методов раскрытия бесконечных культурных «граней», пониманию «языка культуры».

Дифференциация наук породила узко специализированную терминологию, в которой за общими для разных дисциплин терминами не всегда скрывается одно и то же содержание. Выработка междисциплинарного языка, способного обобщить культурологические понятия и категориальный аппарат, — одна из важных задач общественных и гуманитарных наук. До той поры будет скапливаться известная неадекватность терминов, формулировок и названий, с одной стороны, проблематики, содержания или тематики комплексных исследований — с другой. До некоторой степени это положение относится и к настоящему изданию. Прошу прощения у авторов и составителя-редактора сборника за критический «зачин» рецензии, но он им не страшен, поскольку данная книга — своего рода событие в научной жизни, а для собственно этнографии она к тому же констатирует результативность подобных творческих союзов.

Итак, о соотношении названия и содержания сборника. В слове «От редактора» (с. 5) сообщается, что статьи объединяются в два «смысловых блока»: работы, посвященные «общетеоретическим вопросам изучения этнической специфики знаковых средств вербальной и невербальной коммуникации» (А. С. Мыльников, В. В. Иванов, А. К. Байбурун, А. Л. Топорков, Г. Н. Грачева, Я. В. Чеснов), и работы, в которых «прослеживаются способы этнознаковой объективации материальных и духовных форм культурной деятельности» (Ю. В. Иванова, А. Д. Бурман и др.).

Однако «смыслового» противопоставления в этих выделенных блоках по существу нет: указанные и все «др. авторы» в той или иной степени работают на конкретном этнокультурном материале, имеют общую цель — изучение «знаковых средств культуры» (вербальных — невербальных — духовных, коммуникация — информация и т. д.), и все они по-своему стремятся к теоретическому осмыслению анализируемого. Но разделение основной группы статей на блоки все же напрашивается, правда, по другому принципу. Так, к первой группе, которую мы бы назвали «Проблемы этносемиотики и ее использование в этнографическом изучении языка культуры», относятся статьи А. С. Мыльникова — «Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой информации», В. В. Иванова — «Проблемы этносемиотики», А. К. Байбуруна — «Семиотические аспекты функционирования вещей», А. Л. Топоркова — «Символика ритуальных функций предметов материальной культуры». Вторую подгруппу статей можно объединить названием «Этническая специфика символических форм в традиционных культурах»: Я. В. Чеснов — «Шаг Майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики», Г. Н. Грачева — «Этнические особенности языка культуры», Ю. В. Иванова — «Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе», М. Н. Серебрякова — «О знаковой функции народного костюма (на примере костюма невесты чепни в Турции)», Н. Ж. Шаханова — «Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов», Ю. В. Ионова — «Символы в сезонных обрядах сельских общин Кореи (конец XIX — начало XX в.)», Л. Л. Викторова — «Об этнической специфике культуры (на примере некоторых народов алтайской языковой семьи)», А. Д. Бурман — «Художественный язык бирманского театра».

В предлагаемой систематизации статей сборника нетрудно заметить обусловленность, вытекающую из различных профессиональных, а следовательно, методологических и методических позиций исследователей. Авторы первой подгруппы, за исключением А. С. Мыльникова, — лингвисты (в том числе ставшие и этнографами: А. К. Байбурун, А. Л. Топорков), владеющие семиотикой с ее помощью разрабатывающие этнографическое «ниву», авторы другой подгруппы — профес-

символя-этнографы, овладевающие семиотическим направлением. В этом творческом союзе на видится главный смысл, значимость сборника в целом, «объективирующего» нерасчлененной культуры, многообразие способов познания и изучения ее языка. Поэтому более приближен к содержанию сборника мне кажется название симпозиума, предшествующего его появлению (1983 г.): «Проблемы этнической специфики языка культуры».

Три последние статьи сборника: А. Д. Дуличенко — «Литературный язык как средство чешской ориентации (на материале славянских микроязыков)», В. В. Морозова — «Этикет реалы и этикетность искусства: русский дипломатический церемониал» и А. А. Амосова — «Иерархия ш в миниатюре как отражение этикетных воззрений русских художников XVI в. (по материалу «Лицевого летописного свода)» — имеют, откровенно говоря, весьма косвенную связь с целью проблематикой и материалом данного коллективного труда. Вместе с тем «запас этнокультурной информации» (с. 6), который содержат две последние статьи, несомненно ориентирует этнографа на привлечение такого источника, как профессиональные формы культуры, корни которой находятся в народной традиции (об этом ниже).

Статьям «лингвистической» подгруппы авторов свойственны, как обычно, высокая степень теоретичности, концептуальность, широкий срез этнического (и подэтнического) материала, убежденность в выводах. Этнографу-«традиционалисту» (каковым я считаю и себя) еще не приходило время вести с семиотиками разговор «на равных»; отношение этнографов к семиотическому направлению пока выражается в основном двумя диаметрально противоположными способами: «очарованность», ведущая к подражательности (в постановке проблем, в языке), и абсолютное неприятие (этнография «самодостаточна»). В редких случаях включения семиотики в этнографическое сознание она способствует поиску, переосмыслению старых этнографических методов и аспектов, в результате чего расширяются научный кругозор, языковые возможности, обнаруживаются новые проблемы и тематические ценности этнографического культурного «поля». На мой взгляд, этносемиотика — один из самых живительных путей для развития этнографии, способный вывести ее из определенной стадии «застоя». Это направление, в отличие от других, включая и достаточно перспективное сравнительно-типологическое, позволяет исследовать глубинные и широкие закономерности не только при сопоставлении разнотнического материала, но и в динамике одного этноса (реконструкция).

В свете вышесказанного очевидно, что этнограф, обратившийся к «языку культуры», уже не может пройти мимо статей В. В. Иванова (хотелось добавить и В. Н. Топорова), будирующих воображение и заставляющих лучше использовать преимущество своей области знания. Примеры тот же эффект имеют методико-теоретические разработки и обобщения А. К. Байбурина, работающего над языком вещественного «инвентаря» восточнославянской культуры и, как демонстрирует статья в настоящем сборнике, вписывающего его в контекст «мирового» языка. Методическое сочетание этнолингвистики с этнографией помогло А. Л. Топорову найти свою позицию в изучении символического функционирования вещей; в сборнике его статья развивает, дополняет некоторые положения А. К. Байбурина и отчасти дискутирует с ними. В возглавляющей сборник статье А. С. Мылникова наряду с важной реализованной задачей автора как составителя сборника мне особенно близок неоднократно повторенный призыв ко всем изучающим этноспецифику народов: стремиться не «к умозрительным их толкованиям, а на основе анализа фактического материала» (с. 27).

Более подробно прокомментирую этнографические статьи.

Самое сильное впечатление производит статья Г. Н. Грачевой: это пример высокого уровня исследования «на стыке» дисциплин, в котором максимально проявлен и «задействован» этнографический потенциал автора и как полемика, и как теоретика. В профессионализме Г. Н. Грачевой всегда ощущается глубокая личная причастность к культуре изучаемого ею народа (ингасаны), и именно это качество, я убеждена, предостерегает автора от поспешных, необоснованных и категоричных выводов. Этот же нравственный подход сообщает острое зрение, видение незримых для «стороннего» наблюдателя сложнейших символических связей и «языковых» соотношений: «Когда мы обращаемся... к языку культуры как к специфической семиотической системе, объектизирующей всю духовную жизнь общества, трудности перевода... неизмеримо возрастают. Сложным оказывается... даже простое фиксирование этнокультурной традиции и еще более сложной — ее интерпретация» (с. 102).

Чрезвычайно интересна статья Я. В. Чеснова: обобщение междисциплинарных достижений в области изучения кинесики позволило автору открыть ее семиотические возможности для этнографии. Собственно, образ Майтрейи-Будды, упомянутый в начале и конце повествования, явился скорее поводом к научным изысканиям автора на широком полиэтническом материале. Лично я извлекла из этой работы ряд идей и сравнительные примеры, подтверждающие мои наблюдения над символическим языком игровой культуры русской молодежи, оперирующим универсальными (как мне теперь ясно) формами кинесики с архаическим значением «жизнедеятельность»: например, доминирующая семантика игрового поведения, выраженная в терминологической триаде «сидеть — стоять — ходить». Добавлю, что собственный исследовательский опыт сделал меня сторонником тринарных, а не бинарных оппозиций.

В статье Ю. В. Ивановой хочется отметить любопытный и отрадный факт приоритетного значения архаического стереотипа поведения участников кровной мести в огромном горном ареале с разнотническим населением. И на позднем этапе культуры этот стереотип переключает профессиональные различия двух противоборствующих религий — христианства и мусульманства.

Символическим функциям предметов посвящены статьи М. Н. Серебряковой, Н. Ж. Шахановой, Л. Л. Викторовой.

Опытный и скрупулезный этнограф М. Н. Серебрякова обращает внимание на конфессиональные особенности знаковых средств одежды чепни-шитов, их «тайнописи», возникшую в связи необходимостью скрывать свою веру. Статья ценна обилием народных названий, с переводом этимологическими сопоставлениями в тюрко-персидских языках. Интересный, но несколько острый для размеров статьи (с. 158—161) сюжет о шитах вызывает ассоциации с поведением позиционных официальному православию групп староверов и сектантов в России. Автору хочется задать один вопрос: не возбуждали ли подозрения у преследователей знаковые отличия скрывающихся (ведь тем самым они себя и обнаруживали)?

Конкретная, написанная на основе лично собранного полевого материала работа Н. Ж. Шахаровой «грешит» одним недостатком: непереносимое желание объяснить происхождение символических актов (предметных функций) и включить их в ту или иную семантическую классификацию. Такая торопливость пока не оправдана: у читателя не создается впечатления, что автор имеет полное знание о символической системе казахской культуры.

Л. Л. Викторова ставит важный вопрос о причинах устойчивости некоторых элементов знаковой системы в хозяйственно-культурном типе центральноазиатских кочевников. Автор рассматривает во взаимосвязи процессы динамики культурных явлений и элементов стабильности ориентировка в пространстве, убранство юрты, одежда, пища, система мер).

Для реконструкции сложнейшей символики календарной обрядности корейцев Ю. В. Ионовой явно не хватает материала. Этот «пробел» автор старается восполнить абстрактными рассуждениями о значении символики и семантики, предвзятыми конкретный анализ и иногда повторяющимися почти дословно (см., например, с. 191 и 196). Некоторые заявления и формулировки либо неточны, либо устарели, в частности: «Проблема генезиса и происхождения (это не одно и то же? — Т. Б.) календарных праздников... до сих пор не получила однозначного (? — Т. Б.) решения» (с. 195); «Превратные (? — Т. Б.) представления (корейцев. — Т. Б.) о сверхъестественных силах и войствах... предметов и явлений природы» (с. 195) и др.

В статье А. Д. Бурман привлекает прежде всего принципиальный подход к изучению культурного явления (с. 226). Выбор автором спектакля как «единого комплекса различных текстов культуры» (с. 243) может быть с успехом использован и при анализе традиционной культуры (ритуал, игра, праздник).

Не останавливаясь на статье А. Д. Дуличенко, требующей специального языковедческого анализа, обратимся к двум последним статьям сборника.

У обеих работ единый источник — русский «Лицевой летописный свод». Отеческое рукописное наследие — ценнейший этнографический источник, этнографами пока совершенно не освоенный. Вместе с тем даже первое соприкосновение с ним заставляет по-иному взглянуть на многие стороны традиционной культуры, осторожнее относиться к понятиям «первичное—вторичное», увеличивает диапазон учета элементов символического языка народной (традиционной) культуры. С этой точки зрения появление данных статей в сборнике симптоматично, оно, по крайней мере, ставит перед этнографами вопрос: а что можно конкретно извлечь из этого источника? В последующих замечаниях к статьям я постараюсь указать на некоторые возможности этнографического использования подобных материалов.

Жаль, что в сборнике не предусмотрены иллюстрации, ведь обе статьи построены на миниатюрах — как анализ символики позы—жеста, цвета. К сожалению, «принципиально важная» для В. В. Морозова идея Д. С. Лихачева о попытке миниатюристов «превратить пространство изображения во времени рассказа» (с. 267) остается «ружьем, которое не стреляет». Думается также, что автор более бы преуспел в своем анализе, если бы выявлял «мирской» характер символики дипломатического церемониала в контексте символической пластики иконописно-миниатюрной образности (например, царский писец — евангельский Прохор). Для этнографов могу добавить, что о «бытовизации» библейско-евангельских событий в древнерусской миниатюре говорил еще Ф. И. Буслаев; «бытовые» сцены миниатюрного канона получали своеобразную интерпретацию в народном изобразительном искусстве (главным образом в росписи). Статья А. А. Амосова посвящена очень важной и крайне не разработанной на восточнославянском/русском материале теме русского цветообозначения имеет существенные разночтения этнорегионального характера как в иконописи (см. специальные труды искусствоведов), так и в народной культуре (все виды изобразительного искусства, фольклор). Особая сакральность цвета (например, всего цветового спектра) скрывалась за как будто бы однозначными понятиями типа *лазоревый*, *яхонтовый*, подразумевавшими различные цветовые оттенки; цвет табуировался или менял свою «природу» в соответствии со сменой магических или ритуальных ситуаций, и многое другое.

В конце хочется высказать свое мнение относительно термина «этичность», которым активно оперируют оба автора. Возможно, он и допустим в отвлеченном искусствознании. Этнографу же необходимо считаться и с церковной, и с народной обрядово-религиозной терминологией, в которой связь человека с Христом (божественными силами) обозначалась особыми символическими понятиями и языком, отличающимся от терминов коммуникации между людьми.

В заключение подчеркнем научную значимость вышедшего сборника: он рассчитан на более широкий круг специалистов, нежели тот, что указан в аннотации; я бы добавила религиоведов, искусствоведов, филологов, фольклористов.

Т. А. Бернштам

В связи с рецензируемой монографией уместно будет напомнить, что в 1991 г. американские и советские ученые готовятся отметить 250-летний юбилей открытия Северо-Западной Америки участниками Второй камчатской экспедиции под руководством В. И. Беринга и А. И. Чирикова, а также основания Русской Америки. Последовавшие по пути Беринга — Чирикова за цепью пушинной русские промыслово-кулевские суда с командами промышленников завершили последовательное открытие всей цепи Алеутских островов и северо-западного побережья Северной Америки. Началось освоение этих земель, завязались тесные контакты с местным населением. Организованная в 1799 г. Российско-Американская компания обследовала и освоила затем огромную территорию, составляющую ныне южную часть штата Аляска (США). На протяжении века четвертью (до 1867 г.) эти земли были Русской Америкой, а коренное население их считали российскими подданными. С этим интересным периодом в большей степени связана исследуемая в рецензируемой книге этническая история алеутов. В дальнейшем основная часть алеутов разделила судьбу аборигенного населения штата Аляска США, а небольшая часть их, поселенная Российско-Американской компанией на Командорских островах и оставшаяся в пределах России, составила один из малочисленных народов советского Севера. Что же касается самой ранней этнической истории алеутов, заселивших островную дугу между Старым и Новым Светом, то она тесно связана с проблемой заселения Америки и именно поэтому вызывает неослабевающий интерес ученых.

Естественно, в рецензируемой работе по ходу исследования этнической истории алеутов мы встречаемся еще и с кругом проблем, касающихся заселения Америки, истории Русской Америки, истории и современной этнокультурной ситуации у коренного населения Аляски, истории формирования и современной жизни командорских алеутов. Именно поэтому книга привлечет внимание широкого круга специалистов, тем более что она написана в живом повествовательном стиле.

Рецензируемая монография продолжает ряд публикаций Р. Г. Ляпуновой, посвященных алеутам. Содержание книги свидетельствует прежде всего о последовательности Р. Г. Ляпуновой от описания основных хозяйственных занятий алеутов, их орудий промысла, жилища, одежды различных предметов материальной культуры алеутов, представленной в первой же книге 1975 г. она обращается к их этнической истории, поставив своей целью проследить этнокультурные изменения у алеутов с древнейших времен до сегодняшнего дня.

Отличительная особенность книги (это в первую очередь относится ко второй и четвертым главам) — опора на фактический материал, строгая документированность изложения. Р. Г. Ляпунова использовала огромное число архивных материалов русского периода истории Аляски, многие из которых обнаружены и введены в научный оборот впервые. Скрупулезная архивная работа тщательность в отборе и интерпретации фактов позволили сделать изложение этнической истории алеутов насыщенным, полнокровным и строго документированным, внести ряд ценных поправок в утвердившиеся в литературе положения.

Первая глава содержит подробный обзор главным образом новейших работ, посвященных проблеме происхождения алеутов и их ранней истории. Представление о том, насколько большой интерес вызывает «алеутская проблема» в научном мире, дает простое сопоставление первой главы рецензируемой монографии с первой главой «Очерков по этнографии алеутов»², посвященной истории изучения алеутов. За прошедшее десятилетие появилось большое число работ, авторы которых, корректируя и сопоставляя археологические, антропологические, лингвистические и этнографические данные, пытаются уточнить некоторые проблемы, связанные с этногенезом и ранней историей алеутов, или основательно их пересмотреть. В книге освещены взгляды на эти проблемы советских исследователей Т. И. Алексеевой, В. П. Алексеева, С. А. Арутюнова, Р. С. Васильевского, И. С. Вдовина, Н. Н. Дикова, Г. А. Меновщикова, которые при некоторых отличиях совпадают в главном: имеется в виду предположение о заселении Алеутских островов в разные периоды и при значительных контактах с народами Азии. Дается детальный разбор подхода американских ученых, большинство которых принимает допущение о том, что Алеутские острова явились единовременно заселенным ареалом, в котором предки алеутов адаптировались к морской охоте и развили своеобразную культуру. Большое внимание уделено позиции американской исследовательницы Л. Блэк, отстаивающей тезис о полиморфизме в культуре населения Алеутских островов и на этой основе делающей оригинальные выводы, не совпадающие ни с точкой зрения названных советских исследователей, ни с позиций большинства американских ученых.

Давая подробный обзор существующих взглядов на проблему этногенеза и ранней этнической истории алеутов, автор рецензируемой монографии по существу не высказывает в достаточно целостном виде свою собственную позицию, лишь в отдельных случаях давая понять, что то или иное предположение кажется ей несомненным или, напротив, маловероятным. Такая позиция автора не заслуживает, однако, осуждения и свидетельствует лишь о чрезвычайной осторожности в подходе к столь сложным проблемам отдаленного исторического прошлого.

Следует сказать несколько слов об использовании в этногенетических построениях лингвистических данных как в рецензируемой книге, так и в упоминаемых в ней работах. Прежде всего далеко не все имеющиеся на сегодняшний день данные учитываются; часто незаслуженное предпочтение отдается тем из них, которые подтверждают гипотезу, поддерживаемую автором; нередко используются устаревшие лингвистические факты.

Это относится, например, к высказанной в свое время гипотезе Г. А. Меновщикова о том

разделение единой изначально общности на эскимосов и алеутов произошло до заселения приморских территорий. Это предположение основано на том, что ученому не удалось выявить общей для эскимосов и алеутов лексики, относящейся к морским животным, морской охоте и т. п., а то время как некоторые слова алеутского и эскимосских языков, связанные с континентальным образом жизни, имеют общее происхождение. В свое время эта гипотеза, вероятно, имела право на существование. Однако в настоящее время можно с уверенностью сказать, что в алеутском и эскимосских языках обнаруживается ряд общих по происхождению слов, так или иначе связанных с морем³.

Недоказанным остается и предположение о влиянии на алеутский язык палеоазиатских языков (с. 11 со ссылкой на Г. А. Меновщикова).

Единственное предположение, которое на вызывает сомнений в настоящее время, — родственные связи алеутского и эскимосских языков (хотя в сравнительно недавние времена это не казалось столь уж несомненным, а при некотором воображении в этом можно усомниться и сейчас). Что же касается хотя бы относительно точной датировки разделения эскалеутского языка на две ветви (эта проблема также затрагивается в первой главе), то здесь возможны разные предположения, и они продолжают высказываться. Строгое следование методу глоттохронологии позволяет получить результаты, указывающие на чрезвычайно отдаленное время расхождения: 7—8,4 тыс. лет назад⁴. Эти цифры, разумеется, ни в коем случае нельзя считать абсолютными: во-первых, потому, что метод глоттохронологии не эффективен на таких лингвистических «глубинах», и, во-вторых, главная и, пожалуй, единственная ценность этого метода заключается в том, что он дает достаточно надежные данные об относительном времени расхождения языков и о взаимоотношении родственных языков внутри семьи⁵.

В последнее время при рассмотрении эскимосско-алеутской семьи языков высказано предположение, что существующие сейчас алеутский и эскимосские языки представляют собой лишь дошедшие до наших дней остатки некоего языкового континуума; «переходные» между алеутским и эскимосскими языками языки и диалекты считаются утраченными⁶. Однако при отсутствии следов какого-либо иноязычного субстрата, при отсутствии соответствующих археологических данных эта гипотеза, к сожалению, мало что объясняет и, по словам К. Бергсланда, «оставляет возможность для любых предположений»⁷, хотя сам К. Бергсланд склонен считать ее вполне правдоподобной⁸, а родство алеутского и эскимосских языков скорее чрезвычайно близким, чем отдаленным⁹.

Во второй главе монографии, посвященной алеутам Русской Америки, отражена история контактов алеутов с русскими, проанализированы изменения этнокультурного облика алеутов в период с середины XVIII до середины XIX в.

В первой части этой главы описываются ранние контакты алеутов с командами промысловых купеческих судов. Сопоставления различных данных и собственные подсчеты Р. Г. Ляпуновой дали возможность скорректировать общую численность алеутов к моменту появления на островах русских: с 16—20 тыс. (предположение И. Е. Вениаминова) она понижена до 8—10 тыс. Убедительно, на мой взгляд, выглядит утверждение о том, что число алеутов, погибших по вине команд русских судов, явно преувеличено (хотя погибшие, разумеется, были). В частности, автор доказательно опровергает распространенный миф о зверствах русского промышленника И. Соловьева и членов его отряда, от рук которых якобы погибло около 3 тыс. (!) алеутов.

Во второй части главы детально описан переход от массовых стихийных контактов русских промышленников с алеутами к организованному управлению островами, регламентировавшему хозяйственную деятельность алеутов в результате образования Российско-Американской компании (1799—1867 гг.). Интересны сведения о достижениях Русской Америки в области просвещения: распространении грамотности, создании И. Вениаминовым (ныне провозглашенным просветителем Аляски) при содействии самих алеутов алеутской письменности, о процессе формирования «алеутской церкви» — православной религии с алеутскими инновациями, ставшей затем главным интегрирующим фактором алеутской национальной культуры.

В третьей главе Р. Г. Ляпунова, опираясь в основном на малоизвестные американские источники, описывает этнокультурную ситуацию, сложившуюся на Алеутских островах после включения их в состав США (конец 70-х годов XIX в. — современность). Говоря о наших днях, она останавливается на существующих программах возрождения культурного наследия алеутов, программа по изучению алеутского языка в данном регионе.

Глава четвертая посвящена этнической истории командорских алеутов. Интерес, проявляемый командорским алеутам учеными различных специальностей — этнографами, историками, антропологами, лингвистами, не в последнюю очередь объясняется специфичностью этой группы, неоднородностью и многокомпонентностью ее этнокультурных, антропологических и даже лингвистических признаков. Однако без знания этнической истории многие проблемы решить было невозможно: реальная история заселения Командорских островов достаточно сложна, что впервые достоверно показано в четвертой главе монографии Р. Г. Ляпуновой. Сопоставление документов и материалов, оставленных исследователями прошлого века, в разное время работавшими на островах, позволило выявить динамику роста населения, распределения его по островам, состав населения. Помимо исторической ценности данные, содержащиеся в четвертой главе, имеют большее значение для этнографических и лингвистических исследований. В частности, знание истории заселения о-ва Медный, возможно, поможет пролить свет на процесс формирования уникального контактного языка, возникшего на базе алеутского и русского языков¹⁰.

Можно посетовать на то, что автор, подробно прослеживая этническую историю командорских алеутов до начала XX в., лишь вскользь говорит о современном состоянии командорской группы

алеутов, оставляя в стороне подробный анализ миграционных и интерференционных процессов, происходящих в последнее время. На фоне усилившегося в последние годы интереса к современному состоянию малочисленных этнических групп и народностей, в том числе и командорских алеутов¹¹, большее внимание к такого рода проблемам кажется просто необходимым.

Е. В. Головкин

Примечания

- ¹ Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII.— первая половина XIX в.). Л., 1975.
- ² Там же. С. 22—68.
- ³ См. упоминание об этом: Bergsland K. The Comparison of Eskimo-Aleut and Uralic, Finno-Ugric Languages. 1979. № 2. P. 18.
- ⁴ См. последнюю работу на эту тему: Vakhtin N. B., Golovko E. V. The Relations in the Yupik Eskimo Sub-Group according to Lexico-Statistics // *Études (Inuit) Studies*. 1987. V. II. № 1. P. 3—18.
- ⁵ Ibid. P. 5.
- ⁶ Краусс М. Э. Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 153—154; Woodbury A. C. Eskimo and Aleut Languages // *Handbook of North American Indians*. Washington, 1984. V. 1. P. 49—63.
- ⁷ Bergsland K. Comparative Eskimo-Aleut Phonology and Lexicon // *Aikakauskirja Journal*. 1986. № 80. P. 132.
- ⁸ Ibid. P. 131, 132; Bergsland K. Comparative Aspects of Aleut Syntax // *Aikakauskirja Journal*. 1989. № 82. P. 72—74.
- ⁹ См. также предваряющую книгу публикацию: Ljapunova R. G. Ethnohistoire des Aléoutes des îles du Commandeur // *Inter-Nord*. 1982. № 6. P. 189—203.
- ¹⁰ Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. К истории формирования языка о. Медный: социолингвистический аспект проблемы // Возникновение и функционирование контактных языков. М., 1987. С. 33—36.
- ¹¹ См.: Асиновский А. С., Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Этнолингвистическое описание командорских алеутов // *Вопр. языкознания*. 1983. № 6; Крупник И. И., Членов М. А. Алеуты Командорских островов: проблемы этнографического изучения // *Полевые исследования Института этнографии* 1983 г. М., 1987. С. 45—54; *Рациональное природопользование*. М., 1987. С. 157—207 (раздел «Этнокультурные и социальные проблемы на Командорских островах»).

НАРОДЫ СССР

© 1990 г.

А. И. Микulich. Геногеография сельского населения Белоруссии. Минск, 1989. 182 с.

Когда знакомишься с новым научным изданием, невольно возникает вопрос о целесообразности его публикации. В данном случае такой вопрос отпадает.

В наш бурный век технического прогресса и интенсификации демографических процессов исследования в области популяционной генетики человека приобретают особую значимость, ибо позволяют оценить не только современное состояние генофонда групп народонаселения определенных регионов, что само по себе важно, но дают также возможность по еще не полностью разрушенным (но находящимся на грани этого состояния) локальным сельским популяциям восстановить генезис коренного населения. Монография А. И. Микulichа «Геногеография сельского населения Белоруссии» среди работ подобной направленности займет достойное место, тем более что это уникальное исследование выполнено на белорусском материале.

Содержание книги значительно шире названия, так как в ней приведены сведения по географической изменчивости сельского населения Белоруссии на фоне анализа разнообразной демографической ситуации республики. Таким образом, в сущности характеризуются два аспекта состояния популяции: биологический и социальный, причем дается оценка влияния второго на первый.

Автором изучена внутри- и межпопуляционная изменчивость гематологических систем АВО¹ MN, резус (CDE), Р. Льюис, гаптоглобинов (Hr) и таких легко генотипируемых морфофизиологических признаков, как аномалии цветового зрения, чувствительность к фенилтиокарбамиду (PTC), цвет глаз (светло- и темнопигментированные), оволосение средних фаланг пальцев рук и форма

дочки уха. Вычислены частоты всех генов групповых факторов крови и рецессивных генов морфофизиологических показателей. Проведено фено- и геногеографическое картографирование изученных признаков на территории Белоруссии по данным 30 сельских пунктов. Объем материала и методы его анализа дают полноценную информацию о предмете исследования.

Географический подход к анализу фено- и генотипической изменчивости человека (картографирование изолиний по отдельным признакам и обобщенное) при учете корреляций и дисперсий признаков позволил автору достаточно корректно классифицировать антропологические типы коренного белорусского населения с последующим объединением их в более крупные территориальные группировки. Согласование популяционно-генетических данных с демографическими дало А. И. Микуличу возможность совершить исторический экскурс в хронографию прародительских популяций, выявить этноисторические регионально-экологические межпопуляционные границы.

По популяционно-генетическим характеристикам белорусское население республики разделяется на шесть групп, которые компонуются в три антропологических типа: северный, центрально-белорусский и южный. В последнем отчетливо прослеживаются юго-западный и юго-восточный подтипы.

На основе анализа межэтнического распределения семи генов трех иммуногенетических систем автор приходит к заключению о генетическом единстве восточнославянских народов: «Антропологические данные не противоречат утверждениям лингвистов, археологов и этнографов о имевшей место в прошлом единой праоснове русских, белорусов и украинцев. На определенном этапе развития такой основой могла быть древнерусская народность. Последняя прошла свою стадию консолидации из восточнославянских племенных союзов» (с. 143). Заслуга А. И. Микулича состоит в том, что он не ограничивается констатацией единства происхождения трех восточнославянских народов, но пытается более глубоко проследить генетические связи на примере населения Белорусско-Украинского Полесья. Так, распределение семи гаплотипов системы резус оказались общими для населения указанных территорий, что дало автору основания высказать предположение о осуществлении общей прапопуляции данных народов и сохранении древнего генофонда в результате значительной изоляции населения этого региона.

К сожалению, в работе отсутствует аналогичный анализ для других сопредельных областей РСФСР (Псковской, Смоленской, Брянской), Латвии, Литвы и Польши с соответствующими белорусскими популяциями, что позволило бы дать более углубленный анализ, тем более что автор указывает на более высокую вероятность североευропейской примеси у населения Центрально-белорусской зоны по сравнению с населением Белорусско-Украинского Полесья, у которого более вероятно южноевропейская примесь.

Заслуживает внимания концепция автора о «генетико-геохимической зависимости» изученных признаков от ландшафтно-климатических зон. На с. 155 он пишет: «Дальнейшее укрупнение популяций с расположением генетического материала в границах геохимических провинций Белоруссии обнаружилось, на наш взгляд, довольно наглядную закономерность: векторы нарастания или убывания концентраций всех изученных генов всегда направлены с севера на юг или с юга на север (табл. 36)... Мы склонны видеть в этом факте одностороннюю прямую генетико-геохимическую зависимость». Концепция интересна, но малоубедительна, так как не ясен механизм этой односторонней прямой генетико-геохимической зависимости». Причиной градиента концентрации генов может быть и направленная территориальная миграция населения, о чем, кстати, косвенно свидетельствует тот факт, что для юго-западных популяций Белорусского Полесья характерна повышенная гомозиготность по разным аллелям, а для популяций Поозерья, наоборот, повышенная гетерозиготность по тем же аллелям. Это явление А. И. Микулич также пытается увязать с разной геохимической ситуацией северной и южной провинций. Но гомозиготизация белорусов Полесья, как, кстати, отмечает и сам автор, является, вероятно, следствием их продолжительной временной изоляции. А население северо-восточных районов Поозерья гетерозиготизировано, возможно, в результате более высокой степени брачной панмиксии. Так что вопрос о причинах градиента концентрации генов в генофонде белорусского народа нельзя считать решенным.

Но вот неординарную ситуацию возрастной генной стратиграфии популяции автор решает весьма успешно. Концентрация рецессивных аллелей уменьшается по направлению от старшей возрастной когорты к младшей. Такая же картина наблюдается при сравнении коренных групп населения с заведомо смешанными (тот же градиент). Учитывая этот факт, а также незначительные дисперсии показателей, автор приходит к заключению о единой природе явления, а именно о следствии миграций иноэтнического населения.

Завершая анализ генетических процессов у народонаселения Белоруссии, А. И. Микулич пытается определить древность заселения региона. По его расчетам, первое население на территории Лунинецкого и Ганьчицкого районов могло появиться почти 24 тыс. лет назад. А вся территория Белоруссии «была полностью заселена предками современного населения не более 9—10 тыс. лет назад, т. е. с тех пор сменилось немногим менее 400 поколений». Эти сведения имеют определенный исторический интерес.

Книга написана хорошим языком; несет глубокую научную информацию. Незначительные недочеты не умаляют ее значимости. Но о них все-таки следует сказать. Так, на с. 6., говоря о гематологических признаках и их роли в генетико-антропологических исследованиях, автор пишет: «Все они, имея в основе своей материальный наследственно детерминированный ген, передаются от одного поколения к другому...». Если ген, то к чему определение «материальный наследственно детерминированный»?

На с. 25 при обосновании выбора групп А. И. Микулич указывает, что выборки менее 0,5% из

репродуктивного населения были только в Гомельском, Слуцком и Лунинском районах; в остальных они более представительны. Но это не соответствует данным табл. 1, на которую ссылается автор. Менее чем 0,5%-ную значимость имеют также выборки из Молодечненского, Пуховичского, Гродненского и Пружанского районов.

Непонятен смысл термина «фенетико-антропологический тип» (с. 117). Антропологический тип и есть фенетический облик.

На с. 159 неудачно употребление термина «гармония» в применении к генетическим структурам «...процесс упорядоченности генетических структур от их максимальной стохастичности к полной гармонии имеет свою хронологию» и т. д. Речь по сути идет о векторе гетерозиготности, выявляемой при компоновке материала соответственно трем геохимическим провинциям Белоруссии и отсутствию его при анализе материала на более мелких иерархических уровнях.

Высказанные замечания не носят принципиального характера и могут рассматриваться как пожелания к последующим исследованиям автора. В целом монография А. И. Микучича «Генетическая география сельского населения Белоруссии» — книга, которая должна привлечь внимание антропологов, этнографов, демографов и лиц, занимающихся медицинской генетикой.

И. С. Гусев

© 1990 г.

T. Dragadze. *Rural Families in Soviet Georgia (A Case Study in Ratcha Province)* London; New York, 1988. 226 P.

Рача, расположенная на северо-западе Грузии, является одной из древних историко-этнографических областей. Она заселена рачинцами, этнографической группой грузин.

После установления советской власти в сельском быте и культуре Рачи многое изменилось. Именно исследованию этой проблемы посвятила свою монографию «Сельская семья в советской Грузии» Тамара Драгадзе, которой за нее в Оксфорде присвоена степень доктора философии.

Данная книга — результат многолетнего исследования. Она издана за рубежом и в этом аспекте заслуживает особенного внимания, поскольку рассчитана на широкий круг читателей тем более что современная социальная антропология не богата такого типа кавказоведческими англоязычными работами. Автор — англичанка грузинского происхождения, достаточно хорошо знакомая с народами СССР, в том числе и Кавказа. Зная родной грузинский язык и к тому же хорошо владея русским языком, она много раз приезжала в СССР и имела возможность ближе ознакомиться с жизнью, в первую очередь изучаемой ею республики, в контексте политической и общественной жизни СССР в целом.

Рецензируемая книга Т. Драгадзе состоит из шести глав и заключения. К ней прилагаются соответствующий научный аппарат: фотоиллюстрации, планы поселений, зарисовки, генеалогические схемы, таблицы, библиография и терминологический указатель. Основную источниковедческую базу монографии составляют полевые этнографические материалы, выявленные и собранные автором в Раче во время экспедиций.

В монографии рассмотрен ряд традиционных для этнографической науки проблем. В условиях советского строя характеризуется грузинское село, социально-экономические основы и формы семьи, роль традиционных комплексов семейной жизни в системе общественных взаимоотношений, родства и институт брака, особенности фамилий и нормы обычного поведения членов социальной организации. Рачинское село изучено в связи с историческим прошлым данного региона. В частности, дается глубокий анализ некоторых исторических фактов, касающихся присоединения Грузии к России, рассмотрены предпосылки и причины объединения Рачи с Кутаисской губернией. Дана также характеристика природно-географических условий данного региона; определены место и роль феодальной Рачи в сфере политики и экономики Грузинского феодального царства. Установлены современные пути и тенденции развития рачинского села, механизм влияния чуждых элементов соционормативной культуры на быт и культуру местного населения. По наблюдениям Т. Драгадзе, несмотря на влияние советской экономики, политики, идеологии, региональная традиционная культура Рачи смогла сохранить присущие ей характерные историко-этнографические особенности. Как отмечает автор, социально-экономические и политические процессы, происходящие в СССР непосредственно фиксируются в микроструктурах семейного типа. Семья представляет ту среду, где отражаются изменения, происходящие в государстве.

Т. Драгадзе, следуя традиции, характерной для британской социальной антропологии, беря в качестве объекта исследований конкретные села (Абари, Урави, Лихети) и на их пример показывая современное положение данного региона. Несомненным достоинством монографии является использование разных этнографических источников, в том числе и генерального плана изучаемого в труде с. Абари, где зафиксированы особенности расселения семей и в целом фамилий. Применяя специальную нумерацию, автор указывает наименование представленных в плане социальных организаций. Дается также соотношение числа дымов и фамилий; на плане нанесены разные объекты бытового назначения, в том числе и хозяйственные постройки. Выделены три квартала: *Шуа убани*, *Чагма убани* и *Датукаант убани*. Квартал Датукаант убани характерен многопоколенностью, и, по наблюдениям Т. Драгадзе, в нем проживают потомки эпонима Лобджанидзе. Именно в подобных кварталах раньше существовало место для летнего традицион

ного собрания (часто на гумне — *кало*), где, по словам автора, в современный период располагаются кузницы и колхозные объекты разного назначения. По вечерам в летние дни в окрестностях этого места устраивались народные гулянья-развлечения, игры и др. Здесь также собирались для беседы старики.

Рачинец рассматривает себя в рамках квартала, села, общины и бережно хранит дома вещи, утверждающие его принадлежность к Раче. Т. Драгадзе приводит множество примеров из семейного быта рачинцев, иллюстрирующих такой порядок, и подчеркивает, что представители исследуемой группы гордятся цивилизацией, которая связывала Грузию с известными во всем мире культурами Греции и Рима. Чувство национальной гордости обусловлено и древними корнями христианской культуры в Грузии. Характерные для рачинца грузинские национально-региональные и общенациональные компоненты наглядно отражаются в традиционных формах культуры, и поэтому автор особое внимание уделяет культурным обычаям.

В монографии четко выделен основной комплекс форм поведения (нравственных и традиционных), которые определяли в Раче нормы взаимоотношений между членами общества. Подобные исторические стереотипы в основном функционировали в пределах структур родства. Отмечается тенденция расширения родства, несмотря на то что рачинец, как правило, стремится удержать определенный баланс в области родственных взаимоотношений для нормального регулирования взаимных обязанностей.

В свое время феодализм в Грузии в условиях культурно-политического сепаратизма играл существенную роль; но в пределах этноса он не всегда способствовал развитию этнодифференцирующих процессов и часто служил источником формирования общенациональной культуры, укреплявшейся на основе внутренних взаимоотношений. Подобные взаимоотношения осуществлялись и посредством действия механизма форм искусственного родства и других традиционных обычаев. Естественно, внутри этноса глубокая взаимосвязь между системами родства выполняла особую этническую функцию, и поэтому при изучении данного феномена выявляются не только закономерности развития традиционных форм социальных взаимоотношений, но и этноспецифические черты общественного строя народа. Система родства вместе с другими формами традиционной культуры должна была также защищать от чуждых этнических влияний. Широкие функции родства обусловили особый интерес Т. Драгадзе к родственным взаимоотношениям и социальным обычаям.

Автор выделяет у рачинцев три формы родства: кровное, по свойству и «духовное». Здесь же дается этимологический анализ терминов родства: «натесави» (родственник), «моква» (свойственник). Выясняется, что слово «натесави» производится от основы «тес»: от него получены такие понятия, как «тесли» (семья, семена), «тесва» (сеять, сеяние). Термин «моква», по мнению автора, ведет свое начало от слова «моквана» (привести). Характерно, что понятием «моква» объединялись также такие семьи и родственники, которые не считались свойственниками. Здесь значение термина «моква», видимо, расширяется. Наряду с отмеченными терминами Т. Драгадзе рассматривает и другую часть номенклатуры родства, в том числе и термин «ахлобели» (близкий), который, по ее наблюдениям, не всегда охватывает круг близких родственников.

Т. Драгадзе уделяет особое внимание родственным формам поселений и вопросам экзогамии. Как показывают представленные в труде полевые этнографические источники, родственные ветви, происходящие от предка-эпонима, которые объединяют семь поколений, в основном живут внутри одного квартала или же расселяются в пределах сельской территории. В пределах такой родственной группы браки запрещаются и в сфере брачных взаимоотношений, похорон, культовых ритуалов или праздников сохраняются традиционные черты прав и обязанностей. Замужняя женщина становится продолжательницей традиции агнатической группы мужа, и это выражается хотя бы в том, что жены гораздо лучше знают фамильную генеалогию мужей, чем собственную. Женщин на общем кладбище агнатов хоронят рядом с мужьями.

В рецензируемой монографии особенно подробно описаны обычаи, связанные с институтом примачества; раскрывается суть и содержание этого явления. Отмечено, что, как правило, село встречает зятя как вошедшего в дом сына. Правда, примачество непрестижно, но оно имеет определенную экономическую основу, что и определяет его значение. Автор показывает, что для укрепления отношений между селом и зятем в Раче используют обычай крестин: часто крестным отцом выбирают зятя. Зять не становится владельцем имущества тестя после его смерти и не принимает фамилию жены, но внуки уже полные наследники деда. Здесь мы хотим отметить, что в некоторых регионах Грузии по этнографическим источникам установлен переход зятя на фамилию тестя и соответственно этому семья принимает его как сына и наследника. Именно сведения подобного характера дают нам основание рассматривать институт примачества как один из видов искусственного родства.

По данным Т. Драгадзе, в Раче в кровном родстве четко различают отцовскую и материнскую линии, где предпочтительно отдается группе агнатов, но не меньшей близостью отличаются взаимоотношения с родственниками матери. Отмеченная связь выражается во взаимных обязательствах. Брак с родственником матери строго запрещается. Исследовательница перечисляет основные сферы запретов, которые, по ее мнению, были установлены грузинскими церковными нормами. Обычно благодаря тому, что в Раче невест часто выбирают из другого селения, отцовские и материнские линии родства охватывают достаточно широкий территориальный круг. Этот фактор родственной близости способствует добрососедству, укрепляет традиции гостеприимства, взаимопомощи и фактически упорядочивает связанные родственными узами семьи и социальные структуры.

В монографии тщательно изучен и институт брака, в частности предпосылки брака, особенности экономического соглашения, правила сватовства и развода. По наблюдениям Т. Драгадзе, в советский период возраст вступления в брак более или менее зависит от внешних факторов.

по наблюдениям автора, когда молодой человек пройдет обязательную военную службу и возвратится в отцовский дом, семья сразу же начинает искать подходящую невесту. Близкие родственники выбирают молодую девушку, и родители просят ее руки. В таких ситуациях родители девушки всегда проявляют большую бдительность, серьезность и сразу никогда не дают согласия на брак. При сближении брачной пары учитываются взаимопонимание молодых и любовь между ними. После сговора назначается помолвка. В знак помолвки жених оставляет невесте золотое кольцо. В монографии рассматриваются также причины похищения или же бегства девушки из родительского дома.

Детально описывается в монографии церемониал свадьбы. Анализируя разводы, автор приходит к выводу, что их основная причина — бездетность. Остаться без наследника в Раче, как и в других регионах Грузии, считается большим несчастьем. В семье должна продолжаться отцовская линия, протекать процесс воспроизводства и социализации личности. Автор справедливо указывает, что без учета особенностей семейной структуры невозможно понять ни природу родства, ни сущность и природу брака, ни причины и характер развода. Поэтому совершенно закономерно эти вопросы рассматриваются в тесной связи. Т. Драгадзе выявляет такие термины для обозначения семьи и жилища в Грузии, как «комли», «сахли», «оджахи»; охарактеризованы условия их возникновения и путь развития; дан семантический и этимологический анализ термина «оджахи».

Особенно интересен тот раздел монографии, где рассматриваются формы «духовного», т. е. искусственного, родства. На основе богатого этнографического материала описаны обычаи молочного породнения, побратимства, посестримства, крещения и отмечено, что между искусственно породнившимися семьями существует четко выраженная система прав и обязанностей.

В разных регионах Грузии, в том числе и в Раче, соционормативная культура на разных ступенях ее развития всегда составляла единую систему политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических категорий, при помощи которых упорядочивались нормы поведения членов общества. В Грузии на национальной почве соционормативная культура создавала традиционные социально-психологические условия и особенно на сложных этапах этнического развития вместе с другими основными элементами культуры противостояла разным социально-политическим системам и этическим нормам, неприемлемым для грузинского этноса. Этот феномен для современного периода подтверждается всем конкретным этнографическим материалом, приведенным в монографии Т. Драгадзе.

Как видим, рецензируемая монография, несмотря на узкое название работы, охватывает достаточно широкий круг традиционной культуры и других историко-этнографических проблем. Глубоко проанализировав как некоторые вопросы истории Рачи в связи с общей историей Грузии, так и широкий круг современных семейных традиций, Т. Драгадзе показала, что они несут и региональные, и общегрузинские этнические черты. Однако нам кажется, что в данном исследовании могли бы быть более широко привлечены параллельные этнографические материалы, непосредственно связанные с жизнью семьи в других регионах Грузии и у народов Кавказа в целом. Это углубило бы исследование основных проблем. Данное замечание ничуть не умаляет достоинства монографии, которая внесла весомый вклад как в зарубежную этнологическую, так и отечественную кавказоведческую литературу.

Н. В. Мгеладзе

© 1990 г.

Н. В. Кочешков. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989. 198 с., 106 илл. + 13 цв.

Не часто случается в истории науки, и вообще в истории публикаций, как научных, так и не научных, чтобы выход в свет книги пришелся так кстати и был бы столь своевременным. На I съезде Народных Депутатов СССР и в особенности на Съезде малочисленных народов Севера, состоявшемся 30—31 марта 1990 г. обращалось особое внимание на необходимость изучения и сохранения национальных языков и самобытной культуры малочисленных народов Крайнего Севера, живущих в экстремальных условиях. И новая книга Н. В. Кочешкова явилась как бы незамедлительным ответом на эту, поставленную съездом задачу. В рецензируемой работе утверждается непреходящая ценность художественно оформленных предметов материальной культуры, создававшихся на протяжении столетий и создаваемых и сегодня талантливыми представителями народов Арктики; прослеживается непрерывность и закономерная эволюция художественной традиции. Примечательно, что исследование Н. В. Кочешкова, как это явствует из заглавия книги, посвящено собственно декоративному искусству, а не материальной культуре в целом, как обычно бывает в трудах этнографов. Здесь следует отметить, что нельзя согласиться с автором в том, что, мол, «по истории декоративного искусства народов Сибири, в том числе и народов Крайнего Северо-Востока, имеется обширная искусствоведческая... литература» (Введение, стр. 3). Напротив, по нашему мнению, такая литература пока невелика, и труды по декоративно-прикладному искусству народностей крайнего северо-востока стали появляться лишь во второй половине XX в. с расширением границ эстетических представлений. И далеко не всякое, объективно очень ценное, описание художественно-оформленных предметов народного быта может быть отнесено к искусствоведческим работам.

Н. В. Кочешков посвятил свой труд шести арктическим народам Дальнего Востока. Эт

эскимосы, чукчи, коряки, эвены и алеуты. Каждому из них отводится особая глава. Специальная (7-я) глава посвящена развитию традиционного декоративного искусства в советскую эпоху. Кроме того, в книге есть введение, заключение, обширные примечания и библиография.

Во введении автор оговаривает, что из-за недостатка предшествующих этнографических исследований он не включил в свою работу декоративное искусство юкагитов, чуканцев и кереков. Зато искусство выбранных им народностей рассмотрено с большой полнотой и обстоятельностью. Опубликованные во множестве источников разрозненные сведения о художественно оформленных предметах быта тщательно собраны автором воедино и приведены в стройную систему. Судя по содержанию книги, практически ни один труд, затрагивающий исследуемую проблему, не прошел мимо внимания автора, в том числе книги и статьи середины и даже 2-й половины 80-х годов. Н. В. Кочешков изучил также коллекции многочисленных центральных и периферийных музеев, отечественных и зарубежных, полевые материалы экспедиций, проводившихся различными научными учреждениями, частные коллекции, архивы, каталоги союзных, республиканских зональных выставок последнего времени.

Каждая из шести основных глав начинается кратким историко-этнографическим введением, основанным на трудах путешественников, историков, этнографов XVIII—XX вв; далее следует анализ художественных изделий из мягких материалов (шкур, кожи, замши), создаваемых женщинами. Автор рассматривает также используемые ими специфические технические и художественные приемы. Предметом исследования стали традиционная национальная одежда, головные уборы, обувь, сумки, меховые ковры, а кроме того, оригинальные специфические способы декорирования, такие как меховая мозаика, продержка ремешков, вышивка подшейным оленьим волосом, сухожиливыми нитками, бисером. Во второй части каждой главы автор обращается к декоративному искусству мастеров-мужчин: резьбе по дереву и кости, изготовлению и украшению оружия, орудий труда, транспортных средств, ювелирных украшений. В итоге каждая глава дает целостное представление о декоративном искусстве рассматриваемой народности.

Народное искусство советского времени, как уже указывалось, вынесено в отдельную, седьмую главу, где проблемы и перспективы его развития рассмотрены опять-таки по каждому народу отдельности. Здесь поименно названы многие известные современные мастера и мастерицы, участники союзных, республиканских и зональных выставок, чьи произведения хранятся в коллекциях музеев и в собраниях художественного фонда РСФСР. К сожалению, из-за ничтожного тиража, — всего полторы тысячи экземпляров, — книга как раз может и не дойти до народных мастеров, как это уже неоднократно случалось с подобными изданиями. Книга красиво оформлена художником А. И. Слепушкиным. Большая часть иллюстраций в тексте и на цветных вкладках выполнена самим Н. В. Кочешковым, который проявил себя прекрасным иллюстратором. Надо сказать, что в последние примерно четверть века издательства, занятые выпуском литературы по искусству, в том числе и декоративно-прикладному, цветные иллюстрации делают только со слайдов, выполненных специалистами-фотографами. Для народного декоративно-прикладного искусства эти ограничения неприемлемы. Часто уникальные образцы народного искусства (не имеющие аналогий в музейных коллекциях), попадают к исследователям в очень отдаленных, трудно доступных районах, куда никакой издательский фотограф никогда не доберется. Документальная же цветная зарисовка нередко передает характер вещи и технику ее исполнения с большей точностью. Нам кажется поэтому, что Ленинградское отделение издательства «Наука» (редактор книги А. Ф. Варустина) поступило очень прогрессивно, опубликовав авторские цветные зарисовки Н. В. Кочешкова.

Мы уже говорили о том, что новое понимание эстетической значимости арктического искусства пришло в науку во второй половине XX столетия. На этот новый уровень изучения и осмысления стремится подняться и Н. В. Кочешков. Он продолжает в этом отношении дело своего консультанта и рецензента, известного ленинградского этнографа, ныне покойного, Сергея Васильевича Иванова, создавшего в 1950-х — 70-х гг. подлинную энциклопедию декоративно-орнаментального искусства народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. При жизни С. В. Иванова справедливо называли этнографом-художником. Его методику наследовал и Н. В. Кочешков, в том числе и в составленных им и опубликованных в книге таблицах орнаментальных мотивов, хотя с точки зрения искусствоведения, отдельные фигуры, данные в черном контуре в отрыве от материала, без воспроизведения цвета и техники вне композиционно-ритмической организации на вещи мало что дают для понимания именно красоты и художественного совершенства северных изделий.

Касаясь в главе 7 истории узенской костерезной мастерской, Н. В. Кочешков пишет о роли, которую сыграли в ее организации (1928—1931 гг.) инструктор-костерез И. Морозов и учитель П. Я. Скорик, но почему-то не упоминает о буквально неподвижной деятельности А. Л. Горбункова и позднее И. П. Лаврова и их преемников в 1960-х — 1970-х гг. — художницы НИИХП И. Л. Карахан и искусствовед Т. Б. Митлянской. Не отметил Н. В. Кочешков и появившиеся на последних выставках скульптурные работы узенских мастеров из кости скелета кита. Использование нового материала для традиционной резьбы объясняется тем, что охота на моржей фактически запрещена, и моржовый клык стал остро дефицитным материалом.

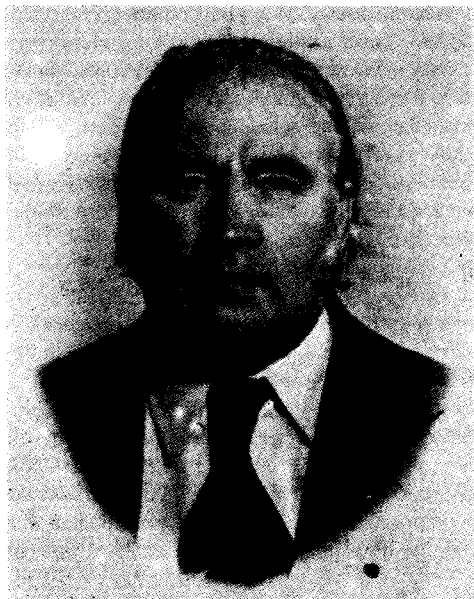
Не свободен труд Н. В. Кочешкова и от отдельных неточностей. Так, капор на цветной вклейке на стр. 65 обозначен как «эвенский женский головной убор» в действительности — мужской долганский головной убор. Автор настоящей рецензии видела множество таких капоров на головах мужчин-долган во время экспедиций в Заполярье. Характерна подковообразная нашивка на затылке, обычно из красного сукна, а на ней особый долганский орнаментальный мотив в виде четырехчастной розетки, составленной из двух симметричных, контурных У-образных форм. Также долганским, а не эвенским является и сапог на стр. 170. Он очень похож на аналогичную

эвенкийскую обувь, но отличается от нее введением в нашивку на пришивном суконном борте упомянутых выше четырехчастных розеток.

Неправомерно, как нам кажется, называть декоративно-прикладное искусство народов Крайнего Северо-Востока СССР художественными промыслами. Промыслы в этих районах так и не сложились именно потому, что в своем историческом развитии арктические народы миновали капиталистическую фазу. У них существовало домашнее ремесло, домашняя промышленность по классификации В. И. Ленина. В 60-е годы были предприняты попытки организовать такие предприятия художественных промыслов на новой, социалистической основе, однако в большинстве случаев они не увенчались успехом.

Неправомерно также в какой бы то ни было степени противопоставлять народное декоративно-прикладное искусство народов Крайнего Севера и Северо-Востока профессиональному искусству, под которым подразумеваются его станковые формы: живопись, скульптура. По нашему глубокому убеждению, декоративно-прикладное искусство этих народов высокопрофессионально во всех своих проявлениях. Стремление привлечь молодежь на Севере именно к станковым формам, начиная с 30-х годов, в значительной степени основывалось на том, что их традиционное декоративно-орнаментальное искусство считалось второстепенным, накрепко связанным с отжившим, уходящим в прошлое бытом. Рецензируемая книга Н. В. Кочешкова как раз направлена на реабилитацию народного декоративно-прикладного искусства народов Крайнего Севера и Северо-Востока, на утверждение и пропаганду его непреходящей ценности для современников и для будущих поколений. Невзирая на несогласие с некоторыми позициями автора, на спорные моменты и неточности, надо сказать, что книга вносит ценный вклад в науку о художественной культуре малочисленных народов Севера и Северо-Востока СССР и является важным и современным откликом на проблемы сохранения и дальнейшего развития их национальной художественной культуры в современных условиях.

И. И. Кан

ЮЛИАН ВЛАДИМИРОВИЧ БРОМЛЕЙ

Советская историческая и этнографическая наука понесла тяжелую утрату — 4 июня 1990 г. на семидесятом году жизни скончался выдающийся советский ученый — академик Юлиан Владимирович Бромлей.

Ю. В. Бромлей родился в 1921 г. в Москве в семье известного историка античности профессора Московского университета В. С. Сергеева. После окончания средней школы Ю. В. Бромлей в 1939 г. поступил на физический факультет МГУ. В том же году он был призван в Красную Армию, где, окончив полковую школу, получил звание сержанта. Первый день Великой Отечественной войны Ю. В. Бромлей встретил на полевом аэродроме в западной пограничной зоне. Все огненные годы войны он провел на фронте (Брянский, 2-й Белорусский фронты), встретив Великую Победу в Берлине старшим сержантом с несколькими боевыми наградами. Еще на фронте вступил в ряды КПСС.

В годы войны Ю. В. Бромлей все больше чувствовал тягу к гуманитарным наукам и после демобилизации в 1945 г. решил пойти по стопам отца. Вернувшись в Москву, он поступает на исторический факультет МГУ и избирает для специализации историю южных славян. Особенно большую роль в формировании его научных интересов и методов исследования сыграл в годы учебы его научный руководитель академик Б. Д. Греков. После окончания МГУ в 1950 г. Юлиан Владимирович был принят на работу в Институт славяноведения АН СССР, а с 1952 г. он переходит в Отделение истории АН СССР вначале на должность ученого секретаря по координации, а позднее — ученого секретаря Отделения. Свои первые исследования Ю. В. Бромлей посвятил изучению социальных отношений в хорватской деревне XV—XVI вв. и эволюции феодальной ренты. На основе очень кропотливого изучения урбариев — поземельных описей — Ю. В. Бромлею удалось проанализировать особенности процессов усиления феодальной эксплуатации, значение для них трудовой ренты, выявить социально-экономические факторы обострения классовой борьбы и крестьянского восстания XVI в. в Хорватии. Ю. В. Бромлей подготовил на основе этих исследований кандидатскую диссертацию (1956 г.), которая легла в основу книги «Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. Из истории аграрных отношений и классовой борьбы в Хорватии XVI в.» (М., 1959). обстоятельно изучив в ряде библиотек и научных архивов Югославии обширные источники по истории классовообразования в Хорватии, Ю. В. Бромлей публикует в 1963 г. солидную монографию «Становление феодализма в Хорватии. К изучению процессов классовообразования у славян» (М., 1963), которая была защищена в качестве докторской диссертации и выдвинула его число видных славистов. Изучение сложных вопросов социальной структуры общины у южных славян на докапиталистической стадии развития побудило его вплотную обратиться к этнографическим проблемам, в частности, он публикует интересную проблемную статью «К изучению роли

переселения народов в формировании новых этнических общностей» («Сов. этнография». 1965. № 2).

В начале 1966 г. Ю. В. Бромлей был назначен директором Института этнографии АН СССР и с этого времени целиком отдал себя науке о народах мира. Его многочисленные труды по этнографии, теории этноса имели большое значение для обновления общей теории этнографии. В своих работах он обосновал ряд важнейших положений, стимулировавших последующее развитие этнографических исследований в СССР и в других странах. Юлиан Владимирович дал свою трактовку понятию «этнос», «этникос», «этносоциальный организм» и других этнических категорий. Большое внимание он уделял роли этнической эндогамии в поддержании целостности этноса, проблемам исторической типологии и иерархии этнических общностей и т. д.

Среди более чем трехсот опубликованных им работ особо следует отметить такие фундаментальные труды как «Этнос и этнография» (М., 1973), «Современные проблемы этнографии» (М., 1981), «Очерки теории этноса» (М., 1983), «Этносоциальные процессы: теория, история, современность» (М., 1987) и др. Существенное внимание Ю. В. Бромлей уделял разработке проблем соотношения этнографии со смежными дисциплинами. Он сформулировал новое понимание предмета этносоциологии современности, обосновав среди ее важнейших задач анализ взаимосвязи составляет создание школы советских этнографов, занимающихся изучением этнических процессов в СССР и за рубежом. Под его руководством был подготовлен большой труд «Современные этнические процессы в СССР» (два издания: М., 1976 и М., 1978), «Этнические процессы в современном мире» (М., 1987). Укрепляя творческий союз советских этнографов и географов, Ю. В. Бромлей руководил созданием двадцатитомной серии «Страны и народы», получившей широкое общественное признание.

Существенный вклад внес Ю. В. Бромлей и в формирование новой научной дисциплины — этносоциологии современности, обосновав среди ее важнейших задач анализ взаимосвязи собственно этнических и социально-экономических процессов. Им была обоснована двуединая задача этносоциологии: изучение особенностей этнических изменений в различных социальных группах и исследование своеобразных процессов в разных этнических средах, в отдельных этносах. Теоретические работы Ю. В. Бромлея способствовали подготовке школы этнографов на более высоком научном уровне, способных правильно оценить современные национальные процессы, столь бурные в наши дни.

Ю. В. Бромлей вел большую научно-организационную работу в Академии наук, возглавлял Межведомственный совет по изучению национальных процессов, Секцию по общественным наукам Научно-издательского совета АН СССР, был вице-президентом Международного союза антропологов и этнографов и Европейского общества этнологов и фольклористов, членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, был членом исполкома Всемирной организации научных работников. Он имел 60 общественных нагрузок, которые добросовестно исполнял буквально до последнего дня.

Большое значение Юлиан Владимирович придавал разработке понятийно-терминологического аппарата этнографической науки. По его инициативе началось издание (совместно с учеными ГДР) многотомного труда «Свод этнографических понятий и терминов», значительная часть выпусков которого либо опубликована, либо находится в печати; велась работа над серией «Этнография славян» (в 1987 г. опубликована «Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры» под его редакцией).

С 1969 г. Ю. В. Бромлей, являясь Председателем Научного совета по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР, стал привлекать к участию в его работе специалистов из разных академических институтов и вузов, занимающихся проблемами национально-государственного устройства, развития экономики, социальной структуры, культуры, языков народов СССР и зарубежных стран. Деятельность Совета в 70-е и 80-е годы постоянно расширялась. В нем выделялись секции по национальной проблематике в СССР и в зарубежных странах. С 1987 г. Совет стал называться Межведомственным, в него вошли сотрудники Министерств и ведомств, так или иначе связанных с решением национальных проблем, и начал действовать при Президиуме АН СССР.

Под председательством Ю. В. Бромлея проходили, как правило, заседания Бюро Совета, где и до перестройки обсуждались наиболее острые проблемы в системе этнических отношений, о которых тогда нельзя было высказаться в печати.

Под руководством Ю. В. Бромлея в ЦК КПСС и в правительство регулярно направлялись докладные записки о самых острых национальных проблемах в жизни нашего государства. От име-

ни Совета он неоднократно выступал по телевидению и в прессе, где высказывал в полемической форме свою позицию и позиции других ученых, работавших в Совете.

Особое место в его жизни занимали Всесоюзные конференции, проводившиеся Научным Советом. Результаты работы этих конференций нашли отражение в 6 книгах, выпущенных Советом. Юлиан Владимирович очень внимательно готовился ко всем выступлениям. Идеи, с которыми он собирался выступить, обычно заранее обсуждались с активом Совета и Института этнографии. Таков был стиль научно-организационной работы академика Ю. В. Бромлея, человека очень демократичного, умевшего не только говорить, писать и читать, но и слушать мнение других.

Последнюю большую конференцию под руководством Ю. В. Бромлея Совет провел в 1987 г. в Ташкенте. Ю. В. Бромлей уже тогда взял на себя смелость остро поставить многие проблемы, которые не обсуждались еще в открытой печати. Конференция вошла в историю науки по сути дела как знамение начавшегося перелома: это была последняя Всесоюзная конференция, проходившая под эгидой возглавлявшегося им научного Совета. Позиции Ю. В. Бромлея изложены в его статьях и выступлениях в печати.

Выдающиеся научные заслуги Ю. В. Бромлея были высоко оценены учеными АН СССР: в 1966 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1976 г. действительным членом Академии наук СССР. Ю. В. Бромлей — дважды Лауреат Государственных премий СССР. Он награжден орденами Октябрьской революции, Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени и многими медалями.

Буквально за несколько дней до смерти он продолжал еще править свои статьи, работал над новой большой книгой — «Этнический феномен» (40 а. л.), в которой теоретически обобщил новые явления из практики этнических отношений. Осталась неоконченной его очередная статья об историко-социальной природе этноса, написанная им в связи с затянувшейся полемикой с Л. Н. Гумилевым. Его, русского интеллигента, партийца и интернационалиста, глубоко волновали и возмущали усилившиеся в последнее время экстремистские акции националистов-сепаратистов, а также шовинистов из общества «Память».

Образ академика Ю. В. Бромлея, демократичного, доброго, высоко нравственного человека, одного из крупнейших историков и этнографов нашего времени, создателя современной советской школы этнологической науки навсегда останется в наших сердцах.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ РОБАКИДЗЕ

17 февраля 1990 г. скончался заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили, член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки ГССР, профессор Алексей Иванович Робакидзе. Ушел из жизни последний представитель старшего поколения грузинских советских этнографов, в свое время создавших ценою настоящего научного подвига славу и честь грузинской этнографической школы, широко известной не только нашей стране, но и за ее пределами.

А. И. Робакидзе родился 22 ноября 1907 г. в г. Тбилиси в семье служащего. Окончив филологический факультет Тбилисского государственного университета, он впоследствии поступил в аспирантуру грузинского филиала Академии наук СССР по специальности «этнография». Успешно защитив в 1940 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Алексей Иванович был назначен старшим научным сотрудником, а с 1941 г. — ученым секретарем Института языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра.

В 1943—1953 гг. А. И. Робакидзе работает заместителем директора по научной части, а с 1953 г. старшим научным сотрудником Института истории АН ГССР им. И. А. Джавахишвили.

Защитив в 1958 г. докторскую диссертацию, А. И. Робакидзе в 1963 г. возглавил основанный совместно с Р. Харадзе Сектор этнографии народов Кавказа (с 1985 г. Отдел этнографии) Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР. В 1965 г. за плодотворную научную и общественно-педагогическую работу ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки ГССР.

В круг научных интересов А. И. Робакидзе входили как общетеоретические проблемы этнографии, так и конкретные вопросы этнографии Грузии и других регионов Кавказа¹. В работах посвященных хозяйственному быту, материальной и духовной культурам, социальным взаимоотношениям грузинского и других кавказских народов, теории этноса, истории и методике этнографии ученый по-новому поставил и во многом решил проблемы этнографии Грузии и Кавказа, наметил перспективы дальнейших исследований.

Одной из значительных тем среди основных направлений научной деятельности А. И. Робакидзе является этнография современности, в первую очередь проблемы социалистических преобразований культуры и быта промышленных рабочих Грузии, изучению которых он посвятил одну из первых в Советском Союзе монографию «Некоторые стороны быта рабочих Чиатурской марганцевой промышленности» (Тбилиси, 1953 г.).

В первые же годы формирования и становления грузинской советской этнографии были заложены основы тех классических направлений, которые касались ведущих сфер хозяйственного быта, материальной и духовной культур и социальных взаимоотношений грузинского народа. Значительная часть начатых по этим темам исследований в грузинской этнографии относится к традиционным элементам хозяйственного быта, в разработке которых труды А. И. Робакидзе занимают особое место. В его монографиях «Формы организации труда в народном хозяйстве древней Грузии». «Пережитки коллективной охоты у рачинцев» (Тбилиси, 1941 — на груз. яз.) и «К истории пчеловодства» (Тбилиси, 1960 — на груз. яз.) на основе богатого полевого и в значительной степени нового этнографического материала, а также сравнительных данных из общей этнографии народов Кавказа, освещены важнейшие проблемы формирования и становления охоты и пчеловодства, уточнены хронологические рамки зарождения древнейших их форм, показаны место и роль этих традиционных отраслей хозяйства в быту грузинского народа.

Следует отметить, что исследованиями А. И. Робакидзе, вкупе с работами других специалистов, изучающих хозяйственный быт горцев Грузии и Кавказа, создана прочная основа для критического преодоления сложившихся еще на рубеже XIX—XX вв. ошибочных взглядов буржуазных ученых о том, что кавказские народы, в том числе и грузины, сыграли пассивную роль в развитии мировой аграрной цивилизации.

Еще более прочную базу для обоснования положения о творческом, созидательном характере элементов быта и культуры должно было дать исследование материальной культуры грузинского народа. Была разработана широкая программа полевых и камеральных исследований различных сфер материальной культуры, развернутая с первых же дней формирования и становления грузинской советской этнографии. Формы поселения, жилище и хозяйственные постройки, народный транспорт, национальная одежда, народная кулинария, традиционные образцы орнамента и др. — вот неполный перечень вопросов, изучению которых посвящены труды грузинских этнографов. В их числе исследования А. И. Робакидзе занимают особое место.

А. И. Робакидзе достойно продолжает начатое академиком Г. С. Читая исследование грузинского народного жилища и на основе собранных в горной Грузии и других регионах Кавказа этнографических материалов дает научно-обоснованную схему сравнительно-исторической и типологической классификации жилых и оборонительных сооружений Кавказа, в том числе горной Грузии. В трудах, посвященных этой проблеме даны пути генезиса и развития жилых и оборонительных сооружений, показаны разнообразные средства и способы народного зодчества, установлены сформировавшиеся в данной сфере этноспецифические признаки. Большое внимание уделено изменениям, происходившим в народном жилище в условиях трансформации за годы социалистического преобразования. Результаты этих исследований были обобщены в монографиях «Сванети». I. «Жилище и поселения». Тбилиси, 1984; II. «Хозяйственные условия поселения». Тбилиси, 1989, в которых проанализированы хозяйственно-культурные и социально-экономические аспекты поселения и жилища горцев Грузии и Кавказа, показаны их место и роль в становлении и формировании традиционных особенностей социальной структуры горного населения.

Изучение социальных взаимоотношений горцев Грузии и Кавказа А. И. Робакидзе начал с анализа памятников материальной культуры. Такой подход к исследованию социальных проблем был новым и оригинальным не только для кавказоведческой, но и для советской этнографии в целом. Поэтому, естественно, требовалась разработка нового методического подхода. Именно такого рода исследованием был признан доклад А. И. Робакидзе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук — «Поселение как источник изучения общественного быта» (Труды VII МКАЭН. Т. V. М., 1970), в котором положение о важнейшем источниковедческом значении памятников материальной культуры и форм поселений в изучении истории и этнографии социальных взаимоотношений нашло живое воплощение. Указанный подход к освещению социальных проблем быта кавказских горцев дает большой научный эффект, так как у этой группы традиционные формы жилых и оборонительных сооружений встречаются по сей день, а вполне достоверный материал, необходимый для изучения ранних форм семейных и общественных взаимоотношений зафиксирован в современном этнографическом быту. В докладе развивается ранее высказанное мнение об особенностях классовой структуры горцев Кавказа в период строительства отмеченных памятников материальной культуры.

С привлечением нового общекавказского и грузинского этнографического материала А. И. Робакидзе расширил социальную проблематику и опубликовал ряд специальных трудов об особенностях общественного уклада народов Кавказа. Если в процессе исследования этнографических

материалов, связанных с памятниками материальной культуры, А. И. Робакидзе смог показать особенности формирования раннеклассовых обществ горцев, то исследованием традиционных форм социальных взаимоотношений он внес существенный вклад в освещение общетеоретических вопросов горского феодализма. Следует подчеркнуть, что полученные в результате многолетней научно-исследовательской работы в области социальной структуры горцев Кавказа положения являются этапным явлением в кавказоведении. В частности, стала возможной критическая оценка а также необходимость пересмотра утвердившейся с 40-х годов XIX в. в литературе популярной концепции буржуазной науки о так называемом «родовом строе» кавказских горцев, а в процессе преодоления данного устоявшегося стереотипа ряд фундаментальных направлений кавказоведения освещены на основе теоретических и методологических принципов диалектического и исторического материализма.

Элементы хозяйственного быта, материальной и духовной культур или же социальных взаимоотношений в трудах грузинских этнографов с самого начала были обобщены на основе широкого культурно-исторических параллелей кавказских народов. Это фундаментальное направление грузинской этнографии, заложенное в свое время академиком Г. С. Читава, в последующем было еще более углублено и расширено в трудах А. И. Робакидзе. Исследование грузино-кавказских параллелей и обоснование необходимости совместного изучения элементов единого кавказского культурного мира, получило широкий размах со дня создания Отдела этнографии народов Кавказа в Институте истории, археологии и этнографии АН СССР. Организовав научные изыскания указанного коллектива, А. И. Робакидзе разработал широкую научную программу, определил цели и задачи и наметил дальнейшие перспективы грузинской советской этнографии. За короткий срок был сформирован научный центр, сосредоточивший сложнейшие процессы сбора, систематизации, всестороннего изучения, анализа и обобщения разносторонних проблем быта и культуры народов Кавказа. В результате многолетних полевых и камеральных исследований по-новому освещены кардинальные проблемы социально-экономической и культурной истории различных регионов Грузии и других регионов Кавказа. Научная значимость этих проблем во многом зависела от их теоретических и методологических интерпретаций, в разработке которых немало заслуг А. И. Робакидзе.

А. И. Робакидзе посвятил немало работ теоретическим проблемам этнографии. Особого внимания заслуживают его заметки о работе американского этнографа Ф. де Лагуны: «Ф. де Лагуна и некоторые вопросы об „объективности“ в этнографии». — «Кавказский этнографический сборник (КЭС)». IV. Тбилиси. 1972, в которой с позиций советской этнографической науки критически рассмотрена «теория критериев», распространенная в зарубежной этнографии. Здесь и в других специальных работах («Этнография и современность». V. Тбилиси, 1977; «Традиция и образ жизни». Тбилиси, 1981 и др.) А. И. Робакидзе специально рассматривает проблему пережитков в качестве источника этнографических исследований, полемизируя с авторами, отрицающими источниковедческую ценность пережиточных данных. В этих же работах подробно рассмотрены социальные функции традиций, их преемственность, стойкость, место традиций в развитии этноса и этнической культуры, формирования этнического самосознания и т. д. В указанных, а также в других специальных работах А. И. Робакидзе на конкретном этнографическом материале Грузии исследует проблемы соотношения «этнографической» и «этнической» группы, что позволило уточнить некоторые общие закономерности развития и становления этноса.

Таковы некоторые аспекты богатого и многогранного научного творчества профессора А. И. Робакидзе. Результатом его многолетней научной деятельности стали 12 монографий и более чем 160 научных трудов, опубликованных как в республиканских, так и в союзных научных изданиях. Некоторые работы А. И. Робакидзе изданы и за рубежом (Чехословакия, Франция, США). Он проявил себя как ученый широкого профиля, а его работы отличаются глубиной научного анализа, конкретностью и глубоким обоснованием полученных результатов.

Положения, выдвинутые А. И. Робакидзе, представляют значительный вклад в советскую этнографию и получили широкое признание в советской кавказоведческой литературе. Результаты этих исследований отражены в многотомнике, изданном Институтом этнографии АН СССР («Народы Кавказа». II. М., 1962), в «Исторической энциклопедии» (II. М., 1964), в Большой советской и Грузинской советской энциклопедиях, Историко-этнографическом атласе Грузии и других фундаментальных исследованиях.

Особо следует отметить участие А. И. Робакидзе в подготовке и издании различных сборников, среди которых можно выделить серийные издания: «Кавказский этнографический сборник» (12 то-

и «Быт и культура населения Юго-Западной Грузии» (25 томов). Сборников и монографий под его редакцией специалисты всегда ждали с большим интересом и давали им высокую оценку. За период своей научно-педагогической деятельности А. И. Робакидзе подготовил 40 аспирантов-исследователей, успешно защитивших кандидатские диссертации, из них 12 — для научных учреждений соседних с Грузией республик Северного Кавказа и Закавказья. Под его руководством написано 10 докторских диссертаций, в том числе пять по этнографии народов Кавказа. Наряду с научной деятельностью А. И. Робакидзе вел активную общественную работу. С 1958 г. он руководил проблемами этнографии в Батумском научно-исследовательском институте им. Н. А. Бердзенишвили АН ГССР, где он создал перспективный коллектив квалифицированных специалистов-этнографов, ведущих самостоятельную научную и организационную работу. В проблемных сборниках и монографиях, подготовленных и вышедших под его научным руководством, освещен ряд значительных проблем истории и этнографии населения Юго-Западной Грузии.

С 1976 года А. И. Робакидзе был председателем Научно-координационного центра по проблемам социальных и культурных традиций при Президиуме АН ГССР. По его инициативе и при поддержке Президиума АН ГССР создана серия научно-популярных изданий по заглавию «Традиция и современность», в рамках которой вышло более 25 книг, получивших широкую популярность. Он был председателем Этнографической комиссии при Президиуме АН ГССР, членом редакционного издательского совета АН ГССР, председателем Комиссии Историко-этнографического атласа Грузии, председателем Ревизионной комиссии Грузинского общества по охране памятников, членом Ученого совета Музея народной архитектуры и зодчества, членом специализированного совета Института археологии и этнографии АН Армянской ССР и др.

Широкое специальное и общее образование, огромная эрудиция и чуткая интуиция исследователя дали А. И. Робакидзе возможность постоянно быть в первых рядах советских кавказоведов, поднимать на новую ступень кавказоведческую советскую этнографию.

Кончина А. И. Робакидзе — большая утрата для всей советской этнографии. Он лично знал и объединял разные поколения ученых-кавказоведов, своих учеников и близких друзей, постоянно поддерживая контакты с ними. Доброжелательный в своих взаимоотношениях с коллегами, примерный друг, чуткий и заботливый учитель, он всегда оставался истинным интеллигентом, создававшим вокруг себя атмосферу огромного взаимного уважения и любви. Таким и останется он навсегда в нашей памяти.

В. М. Шамиладзе

Примечания

¹ Список работ А. И. Робакидзе см.: «Сов. этнография». 1987. № 5.

On the New Constitution of the U.S.S.R.

We proceed with publishing service reports made by researchers of the Institute of Ethnography, the U.S.S.R. Academy of Sciences. The material now offered (the second portion of it is to appear in the next issue) contains several proposals on the new Soviet Constitution concerning nationality problems in this country. These problems are now universally admitted to be of vital importance for the destinies of our state and society. Viewpoints expressed by professional ethnologists seem to be particularly relevant now as national problems are the subject of wide discussion.

However, these viewpoints are far from being uniform. Experts display profound differences of opinion as regards understanding ethnic situation, explaining crises and conflicts, attaching priorities, suggesting policies intended to put things right. Moreover, everyone has his own idea of «putting things right». Opinions are largely determined not only by one's scholarly approach, but also by political and ideological commitments. But this is inevitable and even indispensable for fruitful discussion.

Editorial Comment

On Ethno-Cultural Reproduction in Soviet Republics

Many articles, published recently in journals «Sovetskaya Etnografia» and «Communist», discuss from different standpoints problems of correlation of ethnocultural development with the tasks of economy and political administration.

In the present author's opinion, there is a serious difference between such countries, as the USA or Canada, where ethnic groups are mostly of immigrant origin and largely territorially dispersed, and the Soviet situation, where the majority of ethnic groups lives within the limits of their territories of origin. Under these conditions no aboriginal ethnic group may be refused the rights to claim for a preferential utilization of the resources of its ethnic territory first of all for the needs of the ethno-cultural development of such a group.

Recent legislative initiatives of the Supreme Soviet of the USSR create a solid base for a consistent evolution in this direction. The sooner the vertical centralized system of distribution of resources is replaced by horizontal ties between equal ethnoterritorial partners the more successful such an evolution may prove.

S. A. Arutiunov

On the Problem of Ingush Autonomy

An account is given of the events in the Chechen-Ingush Autonomous Republic of 1989—1991 which have indicated acute ethnic tensions in that region of North Caucasus. The Ingush people is increasingly insistent in demanding that Ingush autonomy be restored detaching Ingusheti from the Chechen-Ingush Republic and ceding to it a portion of now Ossetian territory formerly included in the Ingush Autonomous Region. The author dwells on some problems of regional history describing also the Ingush Congress of September 1989.

Yu. Yu. Karpo

Small Ethnos: Problems of Ethnic and Social Policies (The Veps Case)

Examining the current situation of the Veps, the authors claim that administrative «aid» (ethnic and regional preferences) as well as establishing ethnic autonomy in the region can only provide temporary insulation of the ethnic group from socioeconomic environment. And then the ethnos is bound to meet the problem already faced by many peoples of the Far North: either preserving the way of life combining parasitism and poverty or to assimilate as soon as possible. State policies dealing with small ethnic groups should be coherent involving economy, ecology and culture. These are real Russian-Veps ethnocultural communities rather than the statistical array of people belonging to Veps nationality that should become active subjects of the long-term sociocultural program to be developed and implemented. This is the only chance for the Veps to find some economic, ecological and social stability.

A. A. Susokolov, V. V. Stepanov

Reinforcing Free Cossack Communities in the North Caucasus in the XVI—XVII cc.

The second half of the XVI century was the starting point for continuous growth of free Cossack townlets. The core of the free Cossacks was made by fugitives from all parts of Russia, those active in peasant revolts or just resenting serfdom. The Cossack town lets also provided asylum for North Caucasian highlanders. The Cossack communities guaranteed everyone his freedom and independence from the autocratic authority.

S. A. Kozlov

Cultural and Ethnic Continuity of Indigenous Peoples in the North of Europe. Some Anthropological Viewpoints.

The author makes some generalizations on studying peoples of the Far North relying on his research among the Lapps (Saami).

Aboriginal peoples of the North live within large-scale economic and political systems they have no way of controlling. Their survival depends on traditional patterns of interacting with environment, on their unique way of lifes, systems of customs, symbols and idioms on which their identity is based.

There are three research priorities determined by factors threatening the very existence of Northern ethnic cultures, i. e. the values peoples of the North identify themselves with. These are infringements upon subsistence systems, growing environmental pollution and long-term impact of structural changes upon economic conditions. Political institutions of indigenous peoples may be important within entire political systems of Nordic countries.

T. Thuen

Planning Full-Size Life Careers. Consequences of the Increase in the Length and Certainty of Our Life Spans over the Last Three Hundred Years

Until recently, human life spans were very unreliable. Our ancestors counterbalanced this insecurity by pursuing various non-egocentered strategies. With the life span's increasing length and standartization, these became obsolete and were abandoned. Today, almost all of us have the chance of living life to its maturity. In order to make full use of it, however, we must plan full-size life careers from a very early stage. Otherwise the years gained will largely be wasted. The article starts by summarizing demographic development over the last three centuries. These «hard facts» are then correlated with evidence from other sources, for example from fairy tales and sayings. Finally, recent developments in Japan, the country with the highest life expectancy in the world today, are discussed.

A. E. Imhof

Dialectics of Gender in State Formation

Precapitalist class and state formation redefines gender, a pivotal dimension of the primitive communist mode of production. Gender hierarchy emerges as civil authorities attempt to intervene in production and reproduction, and as local kin communities resist such intervention. The relative erosion of women's authority varies, as seen in the shifting scope and meaning of women's effective kin roles in different classes and among peoples differentially incorporated into the state. Changes in gender relations embody the uneven development characteristic of state formation as a process. Attention to gender relations is therefore central to a dialectical Marxist understanding the class and state formation.

C. W. Gailey

CONTENTS

National Processes Today

On the New Constitution of the U.S.S.R. (*Yu. V. Bromley, S. V. Cheshko, V. A. Tishkov, C. V. Čistov, M. N. Guboglo, E. V. Tadevosyan, S. A. Aruliunov* (Moscow). On Ethno-Cultural Reproduction in Soviet Republics. *Yu. Yu. Karpov* (Leningrad). On the Problem of Ingush Autonomy.

Articles

A. A. Susokolov, V. V. Stepanov (Moscow). Small Ethnos: Problems of Ethnic and Social Policies (The Veps Case). *S. A. Kozlov* (Grozny). Reinforcing Free Cossack Communities in the North Caucasus in the XVI—XVII cc. *T. Thuen* (Tromsø, Norway) Cultural and Ethnic Continuity of Indigenous Peoples in the North of Europe. Some Anthropological Viewpoints. *A. E. Imhof* (Berlin). Planning Full-Size Life Careers. Consequences of the Increase in the Length and Certainty of Our Life Spans over the Last Three Hundred Years.

Discussions

C. W. Gailey (Boston). Dialectics of Gender in State Formation.

From the History of Ethnography

N. V. Zelenova-Cheshikhina (Moscow). I. K. Zelenov, a Researcher of Culture in the Kama and Ural Region. *G. V. Tsulaia* (Moscow). Leonid Ivanovich Lavrov, a Researcher of Caucasus Peoples.

Communications

N. A. Gurosheva (Kiev). Traditional Ukrainian Female Head-Dress and Its Role in Wedding Rituals (Mid XIX—Early XX c.). *Yu. A. Asoyan* (Ulan-Ude). Remnants of Early Concepts of Nature in the Buryat Traditional Culture. *A. V. Grinev* (Barnaul). Personal Names of the Tlingit Indians.

Academic Life

Z. P. Sokolova (Moscow). A Congress of Small Peoples of the North. An Ethnographer's View. *R. Merkenė, Ya. Morkunė* (Vilnius). A Conference «Problems of Studying Lithuanian Culture». *A. N. Davydov* (Arkhangelsk), *P. Saariniemi* (Vardø). The Scientific Conference Devoted to the 200-th Anniversary of Vardø (Norway). *V. R. Arseniev* (Leningrad). An International Symposium in Florence «Collecting, Storing, Restoring, and Exhibiting Items of Traditional Apican Art».

Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

General Ethnography. *T. A. Bernshtam* (Leningrad). Ethnographic Study of Semantic Patterns of Culture. *Ye. V. Golovko* (Leningrad). R. G. Liapunova. The Aleut. Essays on Ethnic History of Peoples of the U.S.S.R. *I. S. Guseva* (Minsk). A. I. Mikulich. Genogeography of Byelorussian Rural Population. *N. V. Mgeladze* (Tbilisi). T. Dragadze. Rural Families in Soviet Georgia (A Case Study in Ratcha Province). *N. I. Kaplan*. (Moscow). N. V. Kocheshkov. Ethnic Traditions in the Folk Decorative Art of the Soviet Far North-East.

Yulian Vladimirovich Bromley

Alexei Ivanovich Robakidze

Технический редактор *Гришина Е. И.*

Сдано в набор 11.07.90	Подписано к печати 14.08.90	Формат бумаги 70×100 ¹ / ₁₆	Оффсетная печать
Усл. печ. л. 14,3	Усл. кр.-отт. 49,3 тыс.	Уч.-изд. л. 18,3	Бум. л. 5,5
Зак. 226.		Цена 1 р. 90 к.	

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19, тел. 126-94-91, 123-90-97

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ, ИЗДАТЕЛЬСТВА НОВОСИБИРСКОГО И ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

приступили к печати многотомной серии:

КУЛЬТУРА НАРОДОВ МИРА В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОБРАНИЯХ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ

В первый цикл серии входят публикации этнографических коллекций, хранящихся в фондах одного из старейших сибирских музеев — Омского государственного исторического и литературного музея, а также Новосибирского и Тюменского областных краеведческих музеев. В перспективе подготовка к публикации этнографических материалов Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, коллекций ряда вузовских и других музеев России.

Подготовленные к печати первые 12 томов посвящены коллекциям, освещающим хозяйство, культуру и быт народов Сибири, европейской части России, Кавказа, Казахстана, Средней Азии, а также ряда зарубежных народов — персов, китайцев, монголов, японцев и других. Все предметы подробно описаны и иллюстрированы рисунками, схемами и фотографиями. В тома включены также очерки по истории музеев России, по истории сбора этнографических материалов и составу музейных коллекций, статьи по отдельным коллекциям и по некоторым явлениям культуры тех или иных народов.

В печати вышли первые тома серии «Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея» и «Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея». Следующие тома будут посвящены хозяйству и культуре русских, казахов и народов зарубежной Азии по коллекциям Новосибирского и Омского музеев.

Серия рассчитана на этнографов, историков, археологов, музееведов и музейных работников, искусствоведов, краеведов, а также на тех, кто интересуется историей культуры народов мира.

Заказы просим направлять по адресу:

644077, г. Омск, проспект Мира, 55-А

университет, кафедра этнографии, историографии и источниковедения.

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УДЭГЕЙЦЕВ. 1989. 189 с. 3 р. 80 к.

В монографии рассмотрены особенности традиционного хозяйства, социально-экономические отношения, древние представления и верования, музыкально-поэтическое творчество, декоративно-прикладное искусство удэгейцев — одной из народностей советского Дальнего Востока. Показаны изменения в хозяйственной и культурной жизни за годы Советской власти, участие удэгейцев в социалистическом строительстве.

Книга рассчитана на этнографов, историков, востоковедов.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ФОЛЬКЛОРЕ. 1988. 213 с. 2 р.

Фольклор — поэтическая душа народа, его мудрость, традиции, вера в справедливость и прекрасное будущее. Связь традиции с современной жизнью прослеживается в песнях, в свадебных обрядах, в проведении фольклорных праздников, в профессиональном творчестве.

Книга раскрывает читателям истоки народного творчества, рассказывает о видах и жанрах традиционного фольклора, о его значении в настоящее время.

Книга предназначена для этнографов, историков и всех интересующихся поэтическим народным творчеством.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 252208 Киев, ул. Правды, 80«а»; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22.